

О римском католицизме и его отношениях к Православию

протоиерей Александр Иванцов-Платонов

Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства Римско-Католической Церкви, и ее отношений к Православному Востоку

Предисловие

Предисловие

В русской литературе есть много сочинений, с различных сторон касающихся истории и учения Римско-Католической Церкви, отношений ее к Православному Востоку, различных попыток к соединению Церквей и. т. д. Таковы из сочинений полемического характера: «Разговоры между испытующим и уверенным» покойного высокопреосвященного Филарета, митрополита Московского; «Правда Вселенской Церкви» А. Н. Муравьева; «Обличительное богословие» архимандрита Иннокентия; «Об отношениях Римской Церкви к другим Христианским Церквам» Авдия Востокова; «Разбор римского учения о главенстве папы» архимандрита Никанора; «О Римско-Католическом богослужении» Серединского. Из сочинений чисто исторического характера можно указать замечательные исследования: «О Флорентийском Соборе» (сочинение изданное при Московской духовной академии); «О Лионской унии» (сочинение архимандрита Владимира, напечатанное в «Православном Обозрении»); «О тридентском Соборе» (в «Трудах Киевской академии» и в «Чтениях московского общества любителей духовного просвещения»); «История попыток к соединению Церквей в первые четыре века по их разделении» Катанского; «О владычестве латынян на Востоке», отдельное исследование Медовикова и статьи в «Православном Собеседнике»; «Прибавлениях к творениям Св. Отцов» и «Журнале министерства народного просвещения»; «О патриархе Кирилле Лукарисе и латинской пропаганде на Востоке после падения Константинополя»; статьи в «Духовной Беседе»; «Христианском чтении»; «Трудах киевской академии»;

«О патриархе Фотие и первом разделении Церквей»; статьи в «Чтениях общества истории и древностей»; в «Православном обозрении»; «Христианском чтении»; «Духовной беседе»; «Страннике»; «О Михаиле Керулларие и окончательном разрыве Церквей», отдельное исследование, изданное при киевской академии и статьи в «Христианском чтении»; «Об отношении Римской Церкви к славянским Церквам: сербской и болгарской» в «Православном Собеседнике»; «Об искоренении православия латинством у Западных славян в Чехии и Венгрии»; статьи в «Чтениях общества истории и древностей» и «Русской Беседе». По истории отношений папства к России у нас есть капитальные исследования об истории католицизма в России графа Толстого; о Западно-Русской унии Бантыш-Каменского и Кояловича; о иезуитах и их отношениях к России о. Морошкина и Самарина; «О последних сношениях римского двора с Россией» А. Попова; и много статей в «Вестнике Югозападной России»; «Православном Обозрении»; «Православном Собеседнике»; «Трудах киевской академии»; «Христианском Чтении» и др. журналах. Для общей характеристики самого духа латинства, основных его принципов и отношений к православным восточным племенам, много сделали писатели славянофилы – Хомяков, Киреевский, Гильфердинг. В иностранной литературе, при всем ее небеспристрастном отношении к вопросу о католицизме и православии, также много есть замечательных исследований по этому вопросу; из них у нас в последнее время обращали на себя более внимания сочинения Пихлера, Гергенретера, Овербека, о. Владимира, Гетте и др.

Задача нашего труда, при множестве материала, источников, русских и иностранных пособий и предметов исследования, состоит в том, чтобы свести результаты частных работ по вопросу о католицизме в одно целое, обобщить частные взгляды и факты, провести чрез них цельное и твердо опирающееся на историческую почву православное воззрение, в иных местах дать более твердую и согласную с современными научными требованиями постановку некоторым частным вопросам, наметить в них новые мало исследованные,

но заслуживающая серьезного исследования стороны, – и в сжатом, популярном, но серьезно захватывающем все существенный стороны дела, очерке, дать читателям возможно полное, ясное и отчетливое представление о Римско-Католической Церкви в ее истории, в ее учении, богослужении, внутреннем устройстве, в ее отношениях к православной Восточной Церкви. Мы предназначаем свой труд не для ученых специалистов, которые, конечно, мало могут найти в нем нового для себя; а для большинства образованных читателей, которые сами не имеют возможности перечитывать специальные исследования по этому предмету, сверять их одни с другими, составлять из них общие, твердые выводы, но которые желали бы иметь серьезное и отчетливое представление о римском католицизме. Думаем, что такая книга не будет лишнею в русской литературе. Папство, в настоящее время, само чувствует потребность подвести итоги истории, доктрине и всем стремлениям католицизма, и предполагает это сделать на предстоящем в Риме Вселенском Соборе. Православному русскому обществу также не бесполезно, и в видах простой любознательности, и по многим практическим нуждам и соображениям, из разрозненных, и при этой разрозненности нередко не отчетливых, не твердых и односторонних представлений о католицизме, вывести общие итоги, и составить себе о нем твердое, ясное, по возможности, отчетливое понятие.

Свое исследование о римском католицизме мы разделяем на три части. В первой части представляется очерк разделения Церквей и обозрение дальнейших отношений Западной Церкви к Православным Восточным Церквам – Греческим и Славянским, начиная со времени разделения до новейшего времени. Сюда относятся известия о латинской пропаганде на Востоке, о различных попытках и замыслах к соединению Церквей и т. д. В конце этой части прилагаются два важнейшие документа, характеризующее отношения Православной Восточной Церкви к Западной Римско-Католической: при самом разделении Церквей окружное послание Константинопольского патриарха Фотия о заблуждениях и не законных притязаниях

латинства, и в новейшее время – окружное послание восточных патриархов, писанное в ответ на папское приглашение к соединению Церквей в 1848 году.

Во второй части содержится очерк истории развития папства и важнейших событий соприкасавшихся с ним и развившихся под его влиянием в западно-европейской жизни – после отделения Западной Церкви от Восточной до новейшего времени и вместе с тем критико-догматическое рассмотрение самого римского учения о папской власти духовной и светской.

В третьей части будут рассмотрены другие особенности римского католицизма, отличающие его от истинного православия – латинские догматы об исхождении Св. Духа, о сверхдолжных добрых делах, о чистилище и индульгенциях, непорочном зачатии Пресвятой Девы, важнейшие особенности в римском Церковном устройстве и управлении, важнейшие особенности в римско-католическом Богослужении, преимущественно в совершении таинств и т. д.

Вторая часть ее будет печататься вслед за первую; третья выйдет после.

Часть первая. Очерк истории разделения церквей, и отношения западной церкви к восточным церквам после разделения

Отделение первое. Очерк истории разделения церквей

I. Характеристические особенности и взаимные отношения восточной и западной церкви впервые века христианства

С самых первых веков христианской истории, мир христианский, по общим понятиям, разделялся на две главные части: на Восточную и Западную. К последней причислялись Церкви, находящиеся в западной Европе и северо-западной Африке: римская, испанская, галликанская, британская, карфагенская; к первой – Церкви в странах около восточных берегов Средиземного моря, – в северо-восточной Африке, юго-западной Азии и юго-восточной Европе, Церкви египетские, мало-азийские, собственно греческие. Восточная половина христианского мира, по преобладающему составу населения, языку, нравам и характеру цивилизации, называлась преимущественно Греческою, Западная – Латинскою.

Между Восточными и Западными Церквями, при всем единстве их верований и основных начал церковного устройства, при всей братской любви, одушевлявшей древний христианский мир, не было такой близости, такой общности интересов, задач и стремлений, таких частых сношений, какие можно было заметить между Восточными Церквями – отдельно и Западными – отдельно. Самая географическая разобщенность, – дальность расстояния, – препятствовала Восточным и Западным Церквям иметь частые сношения между собою. Оттого и на самые Вселенские Соборы, которые были главным выражением церковного единства, и на которых решались важнейшие, касавшиеся всего христианства вопросы и дела, представители Западной Церкви, по дальности расстояния, могли являться только десятками, а иногда единицами; между тем как Восточных епископов здесь бывали сотни. Для решения же более частных дел и вопросов, Восточная Церковь имела свои поместные Соборы, Западная – свои и на Востоке всегда были более известны определения поместных Соборов Восточных – антиохийских, лаодикийских, неокесарийских, константинопольских, на Западе же

определения западных – римских, равеннских, арелатских, ахенских, ельвирских, толедских.

Разнообразие племенного состава – преданий, нравов, воззрений и характеров народных, разность судеб исторической жизни, преимущественно начавшая обнаруживаться в восточной и западной половине христианского мира с V века, со времени разделения Греко-Римской монархии на Восточную и Западную Империю, и особенно со времени утверждения новых **варварских** племен в Европе и падения Западной Империи, наконец самая разность образования, которое на Востоке между Греками стояло в древности несравненно выше, нежели на Западе между латинцами – все это естественно сказывалось разнообразием направлений, задач и интересов в самой церковной жизни Восточного и Западного христианства.

Направление и деятельность Восточной Церкви отличались по преимуществу высшим богословским догматическим характером. Здесь раскрывались и выяснялись основные начала христианской веры и жизни, устанавливались основные правила церковного благоустройства. Здесь были великие учителя Церкви, оставившие в своих произведениях для всех последующих веков богатый неисчерпаемый источник разума и точного выразительного, художественного изложения истин веры. Здесь самый народ принимал большое участие в разъяснении высших вопросов веры. Самые ереси, появлявшиеся здесь, имели своим предметом возбуждение высоких и глубоких вопросов религиозного и философского ведения.

Направление западной церковной жизни имело другой характер. Здесь высшими вопросами религиозного знания мало интересовались, и мало их понимали. Лучшие учителя Западной Церкви в своих произведениях следовали образцам восточного богословия; и чем ближе держались их, тем точнее были в понимании и толковании истин веры; чем более пускались в самостоятельные мудрствования, тем более подвергались опасности неточного и одностороннего толкования. Народ – миряне в Западной Церкви мало принимали самостоятельного участия в делах Церкви, более доверялись и следовали своему

духовенству, которое избиралось большею частью из влиятельнейших классов народа и представляло собою всю образованность тогдашнего западного мира. Западная Церковь отличалась твердостью в сохранении преданий, строгим наблюдением внешнего порядка, духом единомыслия и церковного послушания. Западная иерархия держалась более независимо по отношению к государственной власти и имела более влияния на народ, не только в церковных, но и в мирских, общественных делах. Замечательнейшие представители Западной Церкви отличались богатыми практическими способностями; они не были высокие богословы, – за то были замечательные политики и администраторы, умевшие держать церковный порядок и утверждать влияние Церкви при самых трудных обстоятельствах и политических переворотах, в те времена часто волновавших запад.

От того самые задачи и направления церковной деятельности на Востоке и Западе были различны. В то время, как представители Восточной Церкви напрягали свои умственные силы в борьбе со множеством ересей и разъяснении христианского учения, – представители Западной Церкви изобретали всевозможные практические средства для того, чтобы сохранить непоколебимым предание веры и порядок церковный среди политических колебаний и переворотов, потрясавших западную Европу, – удержать, по возможности, и усилить влияние Церкви среди множества племен и владений, утвердившихся на развалинах Западной Римской Империи и в начале относившихся неприязненно к римскому христианству. От того замечательнейшие события и волнения Восточной Церкви не так сильно отзывались на судьбе Западной, и наоборот. Арианство волновало собою весь христианский Восток в продолжении IV века; в это время оно было слабо на Западе; там оно получило большое значение к концу IV и преимущественно в V и VI веках, когда на Востоке совершенно ослабело; когда теоретически оно было уже опровергнуто восточными учителями, и борьба с ним должна была принять практический характер. Несторианские, монофизитские и монофелитские споры, наполняющие собою не только

церковную, но и политическую историю Востока в V, VI и VII веках, не имели почти никакого значения для Запада. Иконоборческие волнения VIII и IX веков также не имели такого значения на Западе, как на Востоке. И наоборот, такие события, как падение Западной Римской Империи, распространение влияния церкви на Франков, Вестготов, Лонгобардов и другие замечательнейшие события Западной истории, конечно, не имели такого значения для Восточной Церкви, как для Западной.

Таким образом характер и направление жизни и деятельности в Восточной и Западной Церквях, во многих отношениях были различны между собою. Тем не менее самый источник, самые основы Церковной жизни на Востоке и Западе – во всем православном мире были одни и те же. Одни и те же были в Восточной и Западной Церкви догматы веры, нравственные начала христианской жизни, св. таинства, основные правила Церковного благоустройства. Восточная и Западная Церковь не считали себя отдельными Церквями, – тем более далеки были от того, чтоб обвинять друг друга в неправославии, или в чем-либо превозноситься одной пред другою; но взаимно считали себя равнодостоинными и святыми членами Единой Православной Вселенской Церкви и находились в тесном братском общении между собою. Разобщенность географическая, разности судеб исторической жизни, разнообразие племен, языков, степеней образованности, народных характеров и направлений жизни не мешали внутреннему единению Церкви; напротив, при единстве основных начал и братском духе любви, жизнь Церковная чрез такое разнообразие сил и направлений могла раскрываться богаче, полнее, разностороннее. Самостоятельное раскрытие духовных сил в одной части христианского мира восполнялось плодами деятельности других частей; одна Церковь, в чем оказывалось нужным, помогала и служила другой. Западная Церковь получала с Востока свет духовного просвещения, разъяснение высших вопросов христианской веры и жизни, – в свою очередь и сама, при ее преданности древним преданиям, при твердом, независимом характере, крепком иерархическом

строе и широком практическом смысле, нередко являлась для Восточной Церкви крепкою опорою во времена религиозных и политических смут, волновавших православный Восток.

Тем не менее, хотя существенные основы веры и жизни в Восточной и Западной Церкви были одни и те же, в частных проявлениях церковной жизни, в церковных обрядах, при разобщенности географической, при редкости и неудобстве сношений, при различных условиях исторической жизни, естественно должны были обнаруживаться некоторые разности у Восточных и Западных христиан. Разности эти давали повод к временным недоразумениям: совещаниям, спорам; но эти временные недоразумения, когда не были усиливаемы влиянием каких либо личных страстей, мирно разрешались и не нарушали союза христианских Церквей. Так еще со II века между Римскою, Мало-Азийскими и другими Церквами, начался спор о том, в какой день нужно праздновать Пасху; различие мнений относительно этого предмета, существовавшее в различных Церквах, не препятствовало единению христианского мира, а потом и совершенно было прекращено и умиротворено на 1-м Вселенском Соборе. В III веке между Римскою и Карфагенскою Церквами возник сильный спор о том, нужно или ненужно перекрещивать еретиков, обращающихся в православную веру. Относительно этого представители различных Церквей также держались различных мнений, пока не установлено было, на этот предмета одного определенного мнения на 2-м Вселенском Соборе.

С IV и особенно с V века, когда в политическом отношении Восток и Запад разделились – и историческая жизнь в той и другой части христианского мира пошла особыми путями, естественно стало образовываться больше разностей и в жизни церковной. И, действительно, с IV до IX века в Западном христианстве, от время до времени, обозначаются некоторые новые разности с Восточною Церковью в мнениях и обрядах. Являются, напр. разности в соблюдении постов. На Западе утвердился пост в субботу, в память погребения Христова; между тем, на Востоке поститься в субботу, кроме одной Великой Субботы, строго воспрещалось, вероятно, потому, что

этот пост первоначально установлен был некоторыми еретиками с злонамеренною еретическою мыслию. Напротив, в среду и пятницу каждой недели, и во всю первую седмицу великого поста, на Западе разрешалось есть молоко, сыр и яйца. Явилась разность в совершении таинства миропомазания. На Западе прежде, как и на Востоке, совершали миропомазание священники; потом священникам предоставлено было помазывать только очи, ноздри, уши, уста, перси, руки и ноги, а высшее запечатление чела предоставлено епископам; потом мало по малу священническое помазание совсем потеряло значение и вывелось из употребления; осталось одно епископское помазание чела. Жизнь Западного духовенства, соответственно особенному положению его среди западных народов, также много отличалась от жизни Восточного духовенства. Западное духовенство и в Италии, и в Галлии, и в Германии было более Восточного влиятельно в высших классах общества, при дворах, в делах политических. Его положение было более независимо; напр., чтоб осудить духовное лицо, для этого, по самым церковным правилам, на Западе требовалось несравненно больше условий, чем на Востоке (на Востоке против духовного лица требовалось 3 свидетеля на суде, на Западе 72). По своему происхождению, влиянию и занятиям, ближе стоящее к высшему светскому обществу, высшее западное духовенство вело и более светский образ жизни. По самому внешнему виду, западное духовенство отличалось от восточного; на Западе духовные брили бороду, стригли волосы, на Востоке это запрещалось. Слишком высокое понятие о духовном сане сделалось на Западе источником мысли, что духовные должны вести и жизнь не такую, как простые люди, а высшую – ангельскую, что они должны быть свободны от всяких семейных и общественных связей и забот, что им не прилично вести брачную жизнь. Таким образом, на Западе еще с IV века замечается и в последующие века более и более распространяется и утверждается обычай безбрачия духовных лиц. На Востоке же предоставлено было свободе каждого из духовных лиц – вступать в брак до рукоположения, или вести безбрачную жизнь. И когда на первом Вселенском Соборе

некоторые, вероятно, представители Западной Церкви, предложили везде ввести безбрачие духовенства, это предложение было отвергнуто Собором. А таких людей, которые гнушались принимать таинства от женатых священников, как от недостойных, правилами Восточных Соборов предписано было отлучать от Церкви.

Все означенные разности до времени не подавали повода к раздорам и не нарушали союза Церквей. Все эти разности касались внешности церковной -обрядов, внешнего положения духовенства. В древней Церкви допускалась значительная свобода и разнообразие во внешних обрядах; требовалось только, чтобы существенные основы церковной жизни – догматы веры, основные начала церковного благоустройства – везде были одни и те же, и чтобы был во всех Церквях один братский христианский дух. Каждая поместная Церковь, кроме общих христианских правил и обрядов, могла иметь свои местные правила и обряды, с тем только, чтобы эти местные обряды не заключали в себе чего-либо недостойного – неприличного, не покрывали собою какой-нибудь ложной еретической мысли, и чтоб одна какая-либо Церковь не заявляла неуместных притязаний к насильственному распространению своих частных правил и обычаев в других Церквях. При том же можно было надеяться, что и эти внешние разности, при дальнейшем общении между Церквями, при здоровом и мирном обсуждении дела, по времени будут сглаживаться и приводиться к единству, подобно тому, как были умиротворяемы на соборах Церковных и многие другие разномнения и несогласия, по временам возникавшие в различных поместных Церквях. Восточная Церковь, при всей разобщенности от Запада, не упускала из виду Западную Церковь и старалась предостерегать ее от излишних и неуместных нововведений в самых внешних обычаях церковных. Так на трулльском соборе сделано было Западной Церкви внушительное предостережение относительно поста в субботу и безбрачия духовенства. Но Восточная Церковь не считала себя в праве из-за обрядовых разностей прерывать союз с Западной Церковью, и произносить на них строгое и решительное осуждение до тех пор, пока Западная

Церковь не стала придавать своим местным правилам и обрядам особенного общеобязательного значения и заявлять притязаний к распространению их на самом Востоке, с унижением прав, свободы и древних обычаев Восточной Церкви.

С VI века начала обозначаться между Восточною и Западною Церквами некоторая разность в самом учении веры. На Востоке, согласно с словами Самого Господа Иисуса Христа (Иоан. гл. XV, ст. 26), всегда учили, что Дух Святой исходить, т. е. имеет бытие от Бога Отца, и так исповедовали в Символе Веры, согласно с постановлениями Вселенских Соборов. На Западе некоторые богословы стали учить, что Дух Святой исходить от Отца и Сына (*Filioque*). Здесь дело касалось уже не простых обрядов, а высокого, таинственного догмата, и в будущем могло повести к разности исповеданий Восточной и Западной Церкви; но на первых порах и эта разность не обращала на себя большого внимания и не нарушала союза Церквей. До IX века она не была Римскою Церковью вносима в Символ Веры, не была признаваема самими папами, не была общим верованием Западной Церкви, а держалась только, как частное мнение, некоторыми богословами (преимущественно в Испании и Галлии). И притом на первых порах в Западной Церкви не представляли ясно, в каком смысле нужно разуместь исхождение Духа Святого от Сына – в том ли, что Он предвечно исходить, т. е. по самому существу своему имеет бытие от Сына также, как от Отца, – или в том, что Он временно является в мир – на людей нисходить в благодатных дарах Своих от Сына или чрез Сына, т. е. ради искупительных заслуг и ходатайства Сына Божия. В последнем смысле выражение – «от Сына или чрез Сына» не заключало в себе ничего противного православному учению Восточной Церкви. А в таком именно смысле и объясняли Западное учение об исхождении Святого Духа некоторые римские богословы не только в VII веке, как свидетельствует об этом знаменитый учитель церковный св. Максим Исповедник, но даже и в IX веке, как свидетельствует писатель, неприязненный к Восточной Церкви и имевший большое значение в Римской Церкви, – Анастасий

библиотекарь¹. Вообще же можно было надеяться, что эта разность, при дальнейшем общении церквей, будет разъяснена и устранена мирным братским обсуждением и соглашением. Сама по себе эта разность не могла бы быть причиной разрыва Церквей, если бы личная притязательность и честолюбие не обратили ее в видимый предлог для церковных споров – по соображениям, чуждым искреннего стремления к исследованию истины.

II. Обстоятельства, способствовавшие возвышению пап и первые проявления папского властолюбия до половины IX века

Существенною причиною разрыва между Восточною и Западною Церквами были иерархические несогласия Римских пап с Константинопольскими патриархами. Папы, вопреки самому духу христианства и прямым заветам Христа Спасителя², стали мечтать о верховном господстве над христианским миром и простирали свои властолюбивые притязания не только на все Западные, но и на Восточные Церкви. Константинопольские патриархи, как главные представители православного Востока, видя в притязаниях папских оскорбление и большую опасность для свободы и прав всей Церкви, сочли своим долгом дать им решительный отпор. Из-за этого возникли вековые споры между Римскою и Восточною Церквами, которые и кончились решительным разрывом их взаимного союза.

Властолюбивые стремления Римских пап начали обнаруживаться весьма рано, – еще с первых веков христианства, и до IX века, при различных исторических обстоятельствах, благоприятствовавших Риму, развивались все более и более, пока, наконец, не сделались невыносимыми для Церкви.

Римская Церковь с первых веков христианства пользовалась в христианском мире большим уважением, как Церковь верховной и славнейшей столицы мира, как церковь, основанная первоверховными апостолами Павлом и Петром и славившаяся твердостью своего исповедания веры; множеством пострадавших в ней мучеников, самою своею многолюдностью; богатствами и благоустроенностью. В

особенности, Римская Церковь славилась на всем христианском Западе. На Востоке было много Церквей древних, основанных самими Апостолами, прославленных св. Мучениками и знаменитыми учителями церковными, – напр. александрийская, иерусалимская, антиохийская, ефесская и другие. На Западе же Римская Церковь не имела себе равных; самые знаменитые Церкви Запада, напр. карфагенская и лионская, относились к Римской Церкви с особенным уважением. Это давало повод еще в первые века некоторым папам высказывать властолюбивые притязания; и повелительно относиться к епископам других Церквей. Так, во II веке Римский папа, Виктор, в споре о праздновании Пасхи, настоятельно, собственною властью, стал требовать, чтобы мало-азийские епископы следовали в этом деле обычаю Римской Церкви, под опасением отлучения церковного. В III веке, – во время спора о крещении еретиков, папа Стефан с подобною же притязательностью отнесся к карфагенской церкви, требуя повиновения себе, как епископу епископов. Но, разумеется, подобные властолюбивые притязания не могли быть терпимы в древней Церкви, одушевленной духом братства и свободы, и папам дали решительный отпор другие епископы, не только восточные, но и западные: папе Виктору – Поликрат ефесский и св. Иринеи лионский, папе Стефану – св. Киприан карфагенский и Фирмилиан каппадокийский. Им замечено было, что никто из епископов не должен усвоить себе имени и власти епископа епископов или первого между епископами; относиться высокомерно к другим равным епископам; делать им предписания и повеления; собственною властью отлучать от общения церковного целые Церкви, подвергая тем себя самого опасности лишиться общения церковного.

В IV века, со времен св. Константина Великого, столица Римской Империи была перенесена на Восток, и с этого времени стало возвышаться значение константинопольских епископов.

Константинополь назван новым Римом и за константинопольским патриархом на 2, 4 и 6-м Вселенских Соборах³ признаны права чести, равные с правами римских

епископов. С этого времени римские епископы стали смотреть на константинопольских, как на своих соперников и по временам пользоваться случаем к унижению их. Подобные случаи представлялись, когда у константинопольских епископов возникали неблагоприятные столкновения с Императорами или с другими старейшими епископами на Востоке, – особенно с александрийскими, которые также неблагоприятно смотрели на возвышение константинопольских епископов, потому что до этого времени сами считались старейшими епископами на Востоке. Искусно вмешиваясь в распри восточных епископов между собою и в столкновения их с светскою властью, принимая, по обстоятельствам дела, то ту, то другую сторону, папы старались утвердить за собою авторитет высших судей и решителей всякого спора.

На Западе, с перенесением императорской столицы на Восток, и, еще более, с последовавшим скоро за тем падением Западной Империи, папа остался первым лицом, главным представителем христианского народа не только в церковном, но и в политическом отношении. Своим политическим благоразумием и мужеством, папы с умели снискать себе любовь и доверие христиан Западных в тяжкое для них время падения Западной Империи и внушить уважение к себе самым варварским племенам, разрушившим Империю и утвердившимся на развалинах ее. С течением времени все эти варварские племена из грубого язычества или из арианской ереси, которой многие из них были преданы, стараниями пап и преданных им лиц были обращаемы к Церкви и признавали над собою духовное владычество пап. Вследствие этого духовная область пап и их нравственное влияние более и более распространялись на всем Западе Европы.

Между тем знаменитейшие Церкви Востока в это время много были возмущаемы и ослабляемы частыми еретическими волнениями, незаконным вмешательством государственных властей в церковный дела, взаимными распрями иерархов и, наконец, сильным напором внешних врагов христианства, сначала персов, потом, в особенности, арабов – магометан, распространивших на Востоке свое учение и господство в VII и

VIII веках. Из древних знаменитых патриархатов Востока три – иерусалимский, антиохийский и александрийский – были совершенно обессилены и подчинены игу неверных. Константинопольский патриархат оставался сильнее и обширнее других, но и он постоянно был возмущаем религиозными и политическими волнениями. Все эти обстоятельства давали повод возраставшему в своей силе Западу к превозношению над слабевшим Востоком.

С V века столкновения римских пап с Восточными епископами стали повторяться чаще и чаще. Уже в половине V века, на Соборе халкидонском, представители римской Церкви, в виду того, что все старейшие епископы, Востока были запутаны и обессилены в монофизитских спорах, а на Римском престоле был тогда папа Лев Великий, славившийся твердостью своих православных убеждений, высокими нравственными и политическими качествами пользуясь таким положением дела, представители римской Церкви публично заявили, что римская Церковь, как глава всех Церквей, должна быть признана верховною решительницею возникающих в христианстве распрей. Восточные епископы дали отпор этим притязаниям, и, чтоб они не могли повторяться на будущее время, подтвердили равенство прав константинопольской кафедры с римскою; тем не менее властолюбие римское, время от времени, высказывалось все с большею настойчивостью. В конце V века возник сильный спор между римским папою Феликсом и константинопольским патриархом Акакием; каждый из них подозревал другого во властолюбивых замыслах – в намерении незаконно распространить свою власть на другие Церкви. Феликс стал вызывать на суд в Рим старейших Восточных патриархов; Акакий протестовал против этого; и из-за этого возникла вражда, продолжавшаяся и при преемниках Акакия и Феликса. Целых 35 лет имя римского папы не поминалось в греческих Церквях и константинопольского патриарха в римских. Церковь Западная не имела общения с Восточною. В VI веке константинопольские патриархи, по воле императора и с согласия других Восточных епископов, стали именоваться вселенскими патриархами. Хотя с этим наименованием, кроме

высокой почести, не соединялось никаких особенных прав и притязаний на вселенское владычество, – папы Пелагий, Григорий Великий, Бонифаций увидели в этом наименовании дух противохристианского властолюбия, оскорбление прав других епископов, посягательство на свободу Церкви, опасность для самой веры, – и горячо протестовали против него. А когда, скоро за тем, похититель византийского императорского престола, Фока, за возмущение и цареубийство отлученный от Церкви константинопольским патриархом Кириаком, обратился за разрешением и благословением к папе Бонифацию и дал обещание за одним римским епископом утвердить название Вселенского и главы Церкви, – тот же Бонифаций с радостью принял эти права от лишенного общения с Церковью узурпатора и цареубийцы. И хотя указ Фоки, скоро низвергнутого с престола народом, не мог иметь никакого значения для Восточной Церкви, папы последующих веков стали ссылаться на него в подтверждение своих властолюбивых притязаний на Восточную Церковь.

В VIII и IX веках открылись новые обстоятельства, способствовавшие возвышению римских пап на Западе Европы, и вместе с тем еще решительнее стали высказываться в папах властолюбивые стремления к распространению власти на всю Церковь. Иконоборческие волнения, возникшие в то время на Востоке, дали повод папам со всею Италиєю совершенно отделиться и сделаться независимыми от византийских Императоров, которые со времен Юстиниана в VI и VII веках все еще считались верховными властителями Италии. В то же время папы сблизились с сильными на Западе владетелями Франции, с династиею Карловингов, способствуя в свою очередь их возвышению. Папы Захария и Стефан, своим авторитетом, незаконно утвердили за родоначальником этой династии, Пипином Коротким, королевскую корону, а Лев III на сына его, Карла Великого, возложил корону Западной Римской Империи, по древнему праву принадлежавшую византийским Императорам. Для пап в этом обстоятельстве особенно важно было то, что за ними, таким образом, *de facto* утверждалось право раздавить царские венцы. Кроме того Карловинги, в

благодарность, подарили папам обширные земли в Италии, (так называемый равеннский экзархат, положивший основание светской власти пап), и объявили себя преданными сынами и защитниками Римской Церкви. Таким образом, папы сделались не только духовными, но и светскими властителями, и утвердили свое влияние над сильнейшими государствами Западной Европы.

Чтобы прочнее, на законном основании, утвердить за собою, на будущие времена, случайно доставшиеся им преимущества высокого положения, папы стали искусно пользоваться различными подложными документами, распространившимися в пользу их в VIII и IX веках. В конце VIII века была сочинена подложная дарственная запись Константина Великого папе Сильвестру, которою будто бы Св. Константин, приняв крещение от Сильвестра и, решившись, перенести свою столицу на Восток, – Рим и Запад отдавал в духовное и светское владение папе. Этим актом выражалась мысль, что Пипин и Карл не вновь подарили папам известные земли в Италии, а только возвратили им древнее достояние, завещанное римскому престолу от первого христианского Императора. Около половины IX века распространился в Западных Церквях – во Франции, Германии и Италии целый сборник церковных постановлений, состоящей из 3-х частей, в котором, на ряду с подлинными грамотами и определениями древних пап и Соборов, находилось около 100 документов подложных, вновь сочиненных, но приписанных, по происхождению, к самым первым векам христианства. Сборник этот был назван уважаемым на Западе именем епископа севильского Исидора, который действительно занимался собранием церковных законов в VII веке, но который не мог иметь никакого участия в подлоге, распространенном в IX веке. Главною целью этого лжеисидорского сборника было возможно более возвысить духовенство над мирянами, возможно более дать свободы и влияния духовенству, и сосредоточить власть над ним в руках одного папы. Большая часть этих подложных грамот составлены были на ту тему, что над правами и имуществом духовенства, в особенности епископов, не должны

иметь никакой власти, не только светские владельцы и государи, но и местные архиепископы, митрополиты и областные Соборы, что верховная власть над всею Церковью принадлежите папе, и без его воли, нельзя решить никакого важного дела: созвать Собора, поставить, осудить, или низложить епископа, – что папа должен заботиться о сохранении закона и справедливости не только в церковных, но и в государственных делах, блюсти за нравственностью государей и т. д. Подложность этого сборника была весьма очевидна; подделка слишком груба и неискusstна. Большая часть документов, приписанных различным и самым древним векам, была писана одним языком – варварскою латынью IX века. В них встречаются самые поразительные исторические и хронологические несообразности. Папа Виктор II века переписывается о праздновании Пасхи с александрийским архиепископом Феофилом, жившим в конце IV века. Писатели первых трех веков приводят тексты по латинскому переводу Библии, сделанному блаженным Иеронимом в конце IV века, приводят отрывки из сочинений, составленных в позднейшие века, рассказывают о порядках, утвердившихся в Церкви, и событиях, случившихся гораздо позднее их смерти. Но так как в то время было на Западе мало ученых людей, способных разоблачить подлог, и подлог этот был весьма выгоден для Западного духовенства, – то лжеисидоровский сборник быстро распространился по всем Церквам Западным, и сделался там главным основанием церковного права. Папы с радостью воспользовались этим обманом; столько благоприятным для их интересов.

Около половины IX века на Римский престол вступил папа Николай I, человек энергический, решительный и более всех своих предшественников мечтавший о высоких преимуществах римской кафедры. На основании лжеисидоровских декреталий, он стал повелительно относиться ко всем старейшим Западным архиепископам и митрополитам, доселе еще пользовавшимся самостоятельностью в своих местных Церквах, как бы он был их верховным главою, стал требовать, чтоб они без его ведома и соизволения не осмеливались предпринимать ничего важного в

своих Церквах, судить подчиненных им епископов, собирать соборов и т. д.; начал всюду рассылать своих легатов, т.е. полномочных послов для надзора за делами и состоянием различных поместных Церквей, учреждать в различных странах примасов, т. е. постоянных представителей папской власти в известной стране, которым бы повиновались все другие самые старейшие епископы страны. Тогдашний старейший французский архиепископ Гинкмар реймский, человек энергичный, сравнительно с другими западными епископами, очень образованный и влиятельный при французских государях, старался отстаивать права свои и своей национальной Церкви от притязаний папских, долгое время спорил с Николаем I и его преемниками, Адрианом II и Иоанном VIII, пытался заподозрить подлинность самых лже-исидоровских декреталий, на которых папы утверждали свои права. Но папы сумели поселить раздор внутри самой французской Церкви, привлечь на свою сторону и восстановить против Гинкмара многих подчиненных ему епископов, склонить французских государей к тому, что они сами стали обращаться в Рим за королевскою и императорскою коронами, – особенно в таких случаях, когда права их на получение этих корон оказывались не совсем законны. При таких мерах, папы успели скоро подчинить себе стоявшую за свою самостоятельность галликанскую Церковь. Еще беспрепятственнее им удалось утвердить свое полное господство в других странах Западной Европы, не имевших такой политической силы, как Франция, ни таких умных и энергических представителей, как Гинкмар.

Вместе с тем, папы стали заявлять свои притязания и на то, чтоб им покорялись самые светские государи Западной Европы. Лотарь, король лотарингский, развелся с своею женою Титбергою и женился на другой, Вальраде. Развод Лотаря с Титбергою и новый брак с Вальродою, хотя и не справедливо, в угоду властителю, но с видимыми законными основаниями, были утверждены местными лотарингскими епископами и целыми Соборами. Но папа Николай I вступился в это дело, низложил епископов, утвердивших развод и новый брак Лотаря, осудил постановления Соборов, действовавших в угождение

произволу и страсти, потребовал Лотаря с Вальродою в Рим на публичное покаяние с тем, чтоб они потом разлучились, и Лотарь опять принял бы к себе отвергнутую жену Титбергу. Несколько лет Лотарь и приверженные к нему епископы сопротивлялись приговору папы, спорили против него, просили о снисхождении, грозили папам насилием и войною. Но папа Николай остался твердым и непреклонным при всех противоречиях, искательствах и угрозах, – он привлек на свою сторону сочувствие народа, которому приятно было видеть действие духовной власти, могущей обуздывать произвол и безнравственность самых сильных властителей земли; против Лотаря и его приверженцев везде возбуждены были ропот и озлобление, – и таким образом, после долгого сопротивления, они вынуждены были смириться с папою и подчиниться всей строгости его приговора, по крайней мере наружно.

Достигши такой власти на Западе, папы стали простираť свои властолюбивые притязания и на Восточную Церковь. Тогдашнее положение этой Церкви – сильные замешательства иерархические, происходившая в Константинополе, давали папам повод к вмешательству в дела константинопольской Церкви и надежду на подчинение ее своему влиянию.

III. Споры между константинопольскою и римскою церквями при патриархе Фотие в половине IX века

В Константинополе царский престол в половине IX века занимал молодой Император Михаил III, сын последнего Императора иконоборца, Феофила. Делами Империи, за молодостью, беспечною и неспособностью Михаила III, управляла мать его, строгая в благочестивая Императрица Феодора, желавшая и сына своего держать в строгом благочестии; и брат ее, Кесарь Варда, человек энергичный, даровитый, но слишком властолюбивый в безнравственный, намеренно развращавший молодого Императора, чтобы лучше привлечь и подчинить его себе. Между партиями Феодоры и Варды возникла вражда. Варда, приобретши влияние на Императора, успел заточить в монастырь Императрицу Феодору и дочерей ее, и, вслед за тем, низложил с престола и сослал в ссылку избранного Феодорой и приверженного к ней

благочестивого патриарха Игнатия; Варда видел в нем противника своим политическим планам и строгого обличителя своей безнравственной жизни. (Игнатий однажды публично отлучил Варду от причащения Св. Таин за безнравственную жизнь.) На место низверженного Игнатия, согласно с желанием Варды, избран был патриархом Фотий, знаменитый государственный сановник и образованнейший человек своего времени; он был главою константинопольских ученых того времени, которые обыкновенно в его доме и собирались для разных занятий высшими науками; сам Фотий оставил по себе много сочинений по разным отраслям наук; самый век, в который он жил, в истории византийского просвещения называется по его имени – веком Фотия. Фотий сам по себе был вполне достоин патриаршего престола, но так как в среде константинопольского духовенства и народа было много людей, недовольных незаконным низвержением прежнего, уважаемого за благочестивую жизнь, патриарха, и так как Фотий избран был в патриархи не мимо всех высших духовных лиц, почти прямо из светских людей, в самое короткое время (в 5 дней), прошедши все низшие степени церковные, то, против него, в среде константинопольского духовенства и народа, образовалась довольно сильная партия сторонников патриарха Игнатия. Варда хотел насильственными средствами подавить эту партию, и стал подвергать новым преследованиям самого Игнатия; но этим только возбудил между его приверженцами еще большие волнения. В константинопольской Церкви открылись сильные смуты и открытый раскол; одни признавали законным патриархом Игнатия, другие Фотия; те и другие взаимно осыпали друг друга отлучениями и проклятиями.

Для прекращения этих неурядиц, а также ради других дел церковных, положено было созвать в Константинополе большой Церковный Собор (в 861 году). На этот Собор пригласили и римского папу Николая I. Честолюбивый и притязательный Николай увидел здесь удобный случай воспользоваться замешательством Церкви константинопольской для своих целей, чтобы подчинить ее своему влиянию. Но не таков был патриарх Фотий, чтобы можно

было ожидать от него унижения прав константинопольской кафедры пред римскою; в нем Николай нашел себе сильного, умного и энергичного соперника. Поэтому-то, хотя папа, на первых порах, не прочь был признать Фотия константинопольским патриархом и, хотя легаты его, посланные в Константинополь на Собор, вместе с другими членами Собора, бывшего в 861 году, утвердили низложение Игнатия и избрание Фотия на константинопольский престол, но как скоро из различных слухов, доходивших до Рима и собственных писем Фотия, папа убедился, что Фотий человек искусный, самостоятельный и непреклонный, он стал горячо восставать против Фотия, осудил действия Собора константинопольского и своих легатов, бывших на нем, собрал в Рим новый Собор (в 863 году) из покорных ему Западных епископов и на нем определил – Фотия низложит и Игнатия опять возвести на константинопольский престол. В Константинополе, разумеется, не послушались решения папы, и по этому случаю между Константинополем и Римом началась горячая полемическая переписка, положившая начало разрыву между Церквами. Патриарх Фотий с силою и искусством обличал опиравшиеся на ложных основаниях притязания пап – подчинить римской кафедре другие, издревле независимые от нее Церкви.

К этому присоединились еще новые споры из-за управления болгарскою Церковью, которые, обнаружив еще более притязательный характер римской Церкви и самые ее уклонения от древнего православия в догматах и обрядах, тем глубже укореняли начинавшееся разделение между Церквами.

Около половины IX века утвердилось христианство между Болгарами, при Царе болгарском Борисе. Христианство было издавна распространяемо у Болгар греческими миссионерами и в окончательном утверждении его при Царе Борисе принимал большое участие патриарх Фотий. По этому Церковь константинопольская могла с полною справедливостью усвоить себе право верховного управления новоустроенною болгарскою Церковью. Но и римская Церковь простирала свои притязания на Болгарию, на основании того, что страна эта, по древнему, давно уже потерявшему свое значение и забытому разделению

областей Римской Империи, причислялась к Западному Церковному округу. Во время начавшихся при патриархе Фотии споров между константинопольской и римской Церковью, Болгарам внушено было предубеждение против Греков. Им внушено было, что церковные связи с Византиею могут быть опасны для политической и церковной самостоятельности Болгарии, – и что, напротив, Болгары могут ожидать себе более покровительства и самостоятельности от Рима. Вследствие этого царь Борис прервал сношения с Константинополем и обратился к папе Николаю с просьбою, чтоб он прислал из Рима духовных для устройства новообразованной Церкви болгарской. Прибывшие в Болгарию латинские епископы и священники всюду старались укоренить предубеждение против Греков и распространять между Болгарами римские Церковные нововведения. Они вторично перемазывали Болгар Св. миром, на том основании, что миропомазание, совершенное над ними, простыми и, притом, женатыми греческими священниками – не действительно, устанавливали повсюду безбрачие духовенства, пост в субботу и вводили другие свои обычаи. Стали распространять и чтение Символа Веры с римским прибавлением «Filioque» (и от Сына). Патриарх Фотий, узнавший об этом совращении утвержденного им в христианстве народа Болгарского, об искажении древних православных преданий и самого Символа Веры, разослал ко всем восточным патриархам и другим епископам обширное окружное послание, в котором торжественно пред всею Церковью обличал римские нововведения, своеволие и властолюбие папы Николая и для решительного суда над ними приглашал восточных патриархов и других епископов на Собор в Константинополь⁴.

В 867 году, по приглашению Фотия, собрался в Константинополе, многочисленный Собор, в присутствии Императора Михаила и его нового соправителя (заступившего место убитого Императором Варды), Кесаря Василия Македонского, множества епископов и знатных светских сановников. На этом Соборе римские нововведения были осуждены; папу Николая определено низложить с престола. Такое определение положено было сообщить на Запад, где

некоторые епископы уже сочувствовали борьбе Фотия против папского деспотизма; для приведения в исполнение Соборного определения над Николаем послали просить содействия западного Императора Людовика, также находившегося в это время в неприязненных отношениях с папой по делу брата своего Лотаря Лотарингского.

Решительные действия Фотия встревожили папу Николая. Но, вместо того, чтобы отказаться от незаконных притязаний и распространившихся в Западной Церкви заблуждений, папа начал усиленно защищать их. По его поручению, несколько ученых французских богословов написали сочинения, в которых защищали римское учение об исхождении Св. Духа от Сына. С тех пор это нововведение стало более и более утверждаться на Западе; из частного, многими еще не признаваемого на самом Западе мнения, оно скоро сделалось общепринятым догматом римской Церкви, и в Западных Церквях начали всюду присовокуплять его к Стволу Веры.

Между тем борьба между Римом и Константинополем в самом разгаре должна была несколько приутихнуть. Оба главные деятели борьбы оставили свое поприще. Патриарх Фотий в сентябре того же 867 года, по политическим ли расчетам, или по личной неприязни, свергнут с престола новым Императором Константинопольским Василием Македонским, убившем Михаила III и занявшем престол его. На место Фотия опять возвращен был на престол константинопольского патриаршества престарелый Игнатий. Скоро затем умер и папа Николай I; место его заступил Адриан II. В Риме торжествовали низложение Фотия; от Игнатия, покровительствуемого папским престолом, ожидали более уступчивости и покорности.

На новом Соборе, созванном в Константинополе в 869 году, для восстановления мира между константинопольскою и римскою Церквями, и подчинявшимся влиянию папских легатов, патриарх Фотий со всеми его приверженцами был осужден и предан страшному проклятию (приговор проклятия подписан был пером, омоченным в кровь Христову, – и за тем Фотий подвергнут тяжкому заточению); греческие епископы признали верховный авторитет римского престола во всей Церкви. Но

только что кончился Собор, им до того стало стыдно своего унижения пред папскими легатами, что они старались силою или хитростью отнять у легатов акты Собора. Как же скоро затем речь коснулась управления болгарскою Церковью (которая уже потеряла в это время доверие к Риму и опять обратилась к Константинополю), патриарх Игнатий оказался также не уступчив в своих правах против римских притязаний, как и сам Фотий. Вследствие этого предполагаемый мир не состоялся; кроткий и благочестивый Игнатий, также как и энергичный Фотий, подвергся угрозам и прещениям римским.

Еще менее можно было ожидать восстановления мира между Церквами, когда умер этот патриарх и место его занял опять давний противник папства Фотий (879 год). Тогдашний папа римский Иоанн VIII приемник Адриана, склонен был сделать некоторые уступки константинопольской Церкви, дабы с большим удобством воспользоваться тем, что он особенно желал получить от нее. На новом многочисленном Соборе константинопольском, созванном по этому случаю в 879 году, легаты папские признали неприкосновенность древнего Символа Веры (т. е. отвергли римское прибавление «и от Сына»), признали также и равенство прав Церкви константинопольской с римскою, в надежде склонить Фотия на уступку болгарской Церкви. Но так как Фотий не думал отказаться от своих законных прав на нее, то опять на него посыпались проклятия из Рима, и это доходило, по счету одного западного ученого, до восьми, а по счету другого, до двенадцати раз. Имя Фотия для римско-католических писателей и до сих пор служит предметом ненависти и всяческих клевет и порицаний. Мы же сохраняем память о нем, как о разумном и твердом поборнике православия и защитнике прав и свободы Вселенской Церкви.

IV. Разрыв между восточною и западною церквами в половине XI века при патриархе Михаиле Керулларие; дальнейшее развитие и последствия неприязни, утвердившейся в христианском мире с разделением церквей; есть ли надежды на воссоединение Западной Церкви с Восточною?

После патриарха Фотия, в продолжении почти двух веков, отношения между константинопольскою и римскою Церквами были довольно неопределенные. Не было еще полного разрыва, но не было и прежнего братского общения между ними. Та и другая Церковь вела свои дела отдельно; сношения между ними были весьма редки. На Западе, в продолжении этого времени, при крайнем невежестве и нравственной распущенности духовенства, все более и более обнаруживались уклонения от духа и преданий древней Вселенской Церкви. В Восточной Церкви еще не было произнесено решительного осуждения на Западную. Впрочем, с начала XI века (со времен патриарха и Сергия) перестали поминать имя папы в греческих церквях.

Наконец, в половине XI века, последовал решительный разрыв между Восточною и Западною Церквами. На римском престоле в это время папою был воинственный, строгий и властолюбивый Лев IX, у которого секретарем и ближайшим советником был монах Гильдебранд, в последствии знаменитый Григорий VII; в Константинополе патриархом был Михаил Керулларий, также человек горячий и непреклонный. Папа Лев стал распространять свое влияние в подчиненных константинопольскому патриарху греческих Церквях южной Италии и восстанавливать против Михаила Керуллария антиохийского патриарха. Патриарх Михаил Керулларий приказал закрыть все находящиеся в его округе латинские церкви и монастыри и стал обличать римскую Церковь в нововведениях. Главным предметом спора сделался в это время вновь распространившийся на Западе обычай совершать литургию на опресноках. В Восточной Церкви против этого обычая было написано несколько сочинений. Одно из таких сочинений, написанное архиепископом болгарским Львом, переведенное на латинский язык и представленное папе, под именем самого патриарха Михаила Керуллария, произвело большое волнение в Риме и подало повод к полемике. Император греческий Константин-Мономах из политических расчетов всячески старался примирить папу с патриархом. Но прибывшее в Константинополь для разъяснения недоразумений

посольство от папы, во главе которого находился высокомерный поборник римских притязаний кардинал Гумберт, не только не способствовало миру, но довело вражду до конца. Своею гордостью и деспотическим произволом, папские послы до крайности раздражили греческое духовенство и народ. Пользуясь покровительством Императора, они оказывали явное неуважение патриарху, порицали греческую Церковь, сжигали написанные против римских нововведений сочинения; требовали под страхом наказания у авторов их отречения от своих мыслей; сами писали в опровержение их свои сочинения и распространяли в народе. Наконец, потеряв надежду склонить к покорности патриарха и греческое духовенство, они осмелились торжественно, во время богослужения, взойти в Софийский собор и положить на престол грамоту с страшными проклятиями на патриарха Михаила и на всю греческую Церковь и за тем оставили храм и город, отрясая прах от ног своих. Такой дерзкий поступок до крайности раздражил греков. При всем покровительстве Императора, дерзкие легаты едва успели спастись из Константинополя от оскорбленного народного чувства. Император всячески старался успокоить народ уверениями, что легаты папские действовали так не по полномочию от папы, а произвольно; что они даже не легаты, а самозванцы. Но трудно было обмануть и успокоить народ и духовенство. Патриарх Михаил собрал Собор из подчиненных ему епископов, предал проклятию папских легатов, и затем по всем Восточным Церквам разослал извещения о своевольных притязаниях и отступлениях римской Церкви. С тех пор окончательно рушился союз между Восточною и Западною Церквами. Вслед за константинопольскою, скоро и в других Восточных Церквах перестали поминать имя папы и стали считать римскую Церковь отступившею от Православия.

Более тысячи лет прошло с того времени, как начался разрыв между Восточною и Западною Церквами при патриархе Фотие, и более восьми веков как он окончательно завершился при Михаиле Керулларие. И до настоящего времени этот несчастный разрыв не только не превратился – не ослабел, но еще более закреп и закоренел, передаваясь из века в век – от

поколения к поколению, как печальное наследие страстей и заблуждений порожденных временами давно минувшими. Со времени отделения Западной Церкви от Восточной случилось не мало новых обстоятельств, способствовавших большему и большему закреплению предубеждений и неприязни между Восточным и Западным христианством. В Западной Церкви, в темные средние века – частью ненамеренно, по недостатку твердого, религиозного понимания, частью намеренно, вследствие корыстных и властолюбивых расчетов западной иерархии, образовалось много отступлений от древнего православия – нововведений в учении веры, обрядах церковных и иерархическом устройстве. Превратная средневековая схоластическая наука – эти нововведения привела в систему, обставила разными доказательствами и закрепила в сознании католического мира. Позднейшие Западные Соборы придали этим нововведениям равное значение с догматами и правилами древней Вселенской Церкви. Таким образом, в Западной Церкви образовалась целая особенная система вероучения и церковного устройства, которая еще более отдалила ее от Восточной Церкви, оставшейся верною древним церковным преданиям. Дух римского властолюбия не престававший еще с большею беспрепятственностью и силою развиваться в Западной Церкви, после ее отделения от Восточной, извратил в ней внутренние начала духовной жизни – начала свободы и братской любви, превратил ее из духовного царства Божия в царство от мира сего, принявшее в себя начала мирского государственного устройства и мирские государственные цели, интересы и стремления, а чрез это Западная Церковь, по внутреннему своему характеру, еще более отдалилась от духовного союза с Восточною Церковью, которая, не смотря на все неблагоприятные условия внешнего состояния, в своих высших стремлениях всегда оставалась верною духовному характеру и призванию, чуждою земных политических расчетов. Разрушением единства церковного, и искажением древних преданий, Западная Церковь в своих собственных недрах положила начало для новых разделений, расколов, сект, из

которых большая часть дальнейшим развитием ложных начал, принятых римскою Церковью, или одностороннею реакциею против дальше отошла от истинных древних начал православия и отвлекла от них целую половину Западного Христианского мира.

В самых политических отношениях римско-католического (и затем образовавшегося в нем протестантского) Запада к православному Востоку было немало обстоятельств, усиливших религиозную неприязнь между ними и придавших этой неприязни наследственно-исторический, племенной, национальный характер. По неведомым судьбам Промысла Божия, со времени отделения Западной Церкви от Восточной и до позднейших веков, неправославный Запад в своих внешних исторических судьбах был счастливее православного Востока. Западные народы пользовались свободой, имели благоприятные условия для внутреннего развития, были главными деятелями на поприще политического, умственного, и промышленного прогресса. А Восточные православные племена понесли много тяжелых испытаний, много терпели от внутренних распрей и междоусобий и от внешним врагов варварских – нехристианских народов; целые века находились под игом рабства, не имела благоприятных условий для внутреннего развития и потому много отстали от Западных народов на поприще политического, умственного и общественного развития. Западные народы, пользуясь свободой и успехами в жизни, не только, по чувству христианского братства, не помогали православным Восточным племенам в их исторических несчастьях, но даже, под влиянием давних племенных предубеждений и вероисповедной неприязни, воспитанной в них римскою Церковью, относились с злорадованием к несчастьям Востока, сами отягчали их, стараясь из них извлекать выгоды для себя. Западные народы из своих расчетов не редко возбуждали и поддерживали распри между православными Восточными племенами, равнодушно отдавали их на жертву варварским нехристианским народам, сами закрепляли иногда господство неверных над православными племенами и пользовались всякими случаями

подчинить их своему политическому, умственному и религиозному влиянию. Все это естественно более и более раздражало вероисповедную неприязнь между Восточным и Западным христианским миром и закрепляло разделение существующее между ними.

Разделение это, не ограничиваясь непосредственными проявлениями собственно религиозной жизни, отразилось во всех сферах общественной, умственной, и политической жизни христианского мира, имело несчастное влияние на весь ход его истории. Под влиянием вероисповедных разногласий, православный Восток стал более чуждаться неправославного Запада, а Запад стал относиться к Востоку с враждебным высокомерием и презрением. И это несомненно принесло много вреда как для Востока, так и для Запада – для всей христианской жизни. Восток, находясь в разобщении с Западом, чрез то самое на несколько веков лишал себя многих полезных плодов внешней цивилизации, вырабатывавшихся в западной жизни, и, с ослаблением своей политической силы, оставленный Западом в неравной борьбе, Восток должен был на несколько веков подпасть под ярмо враждебных христианству народов, и остановиться в своем развитии. Запад, находящийся в более благоприятных условиях, самым географическим положением своим более обеспеченный от чуждых нападений, продолжал, и в разобщении с Востоком, жить свободно, и развиваться, до видимому, успешно. Но это развитие, оторванное от живого корня, не утвержденное на твердых религиозных началах, которые везде и во все времена были основными началами жизни и давали такой или другой характер ее развитию, – развитие выходящее из начал искаженных не могло произвести вполне здоровых и полезных плодов. Такое развитие естественно должно было оказаться вместе и разложением жизни, раскрытием несостоятельности ее основных начал. Сам Запад не редко признавал ненормальность развития своей религиозно-нравственной, умственной и общественной жизни, и искал исхода в различного рода реформах и революциях. Но эти реформы и революции, не касавшиеся основных начал жизни, давали только новый вид застарелой болезни, не

уничтожая ее. Между тем, гордая самоуверенность, надежда на одни собственные силы и высокомерное презрение к коснеющему Востоку, не позволяли западной мысли на Востоке искать здоровых и крепких начал для обновления своей жизни и нового направления к развитию ее.

Ври всей неприязни, в продолжении многих веков существующей, между Восточным и Западным христианством, в той и другой части христианского мира всегда бывали однако ж люди искренние, чуждые предубеждений, которые сознавали неестественность отношений, утвердившихся между двумя великими Церквами, болели сердцем о несчастном разрыве христианского мира, и желали и чаяли прекращения этого разрыва. В Православной Церкви вместе с молитвою о соединении Церквей, всегда жила надежда, что это соединение благодатью Божьей будет когда-нибудь восстановлено. Но, разумеется, такое важное дело, как воссоединение двух величайших и уже целое тысячелетие находящихся в разрыве Церквей, может совершиться не без больших затруднений и усилий с человеческой стороны. Оно может совершиться тогда, когда в той и другой части христианского мира окрепнет искреннее стремление к соединению и станет живою потребностью не отдельных личностей, а самих Церквей во глубине их жизненного сознания; когда вместе с тем в той и другой части христианского мира явится и искренняя готовность употребить все усилия, принести все потребные жертвы для такого великого дела. Соединение может совершиться тогда, когда будут беспристрастно выяснены и устранены причины, положившие начало несчастному разрыву и поддерживающие его; когда будет восстановлено единство жизненных начал, единство убеждений во всех существенных предметах веры, и братские равноправные отношения между двумя великими Церквами. Без этого, при разности жизненных начал и стремлений, при разногласии в существенных предметах веры, при недостатке вполне искренних братских отношений, один наружный, условный союз между Церквами не мог бы быть прочен, – если бы и мог быть достигнут какими-нибудь искусственными, средствами (чего, однако ж, по вере в

благодать Духа Божия, охраняющего чистоту своей Церкви, предположить нельзя). Такой союз был бы неискренним примирением, а условною, фальшивую сделкою, которая была бы несообразна с требованиями христианской истины – с достоинством Церквей, и которая, во всяком случае, не могла бы продержаться долго, а для будущего могла бы только повредить великому делу соединения Церквей, закатать в больших недоразумениях самый вопрос о соединении.

К сожалению в Римской Церкви, не смотря на то, что в ней всегда даже более, чем в Восточной, высказываемо было стремлений к воссоединению Церквей, никогда не было заметно искреннего расположения в этом деле – готовности беспристрастно обсудить причину разрыва, сознаться в тех отступлениях от древнего предания, которые разрушили единство убеждений в христианском мире, отказаться от властолюбивых стремлений и высокомерных притязательных отношений к Восточной Церкви, которые всегда были главной причиною разрыва. Римская Церковь всегда старалась привлекать к союзу с собою Восточные Церкви не иначе, как на условиях подчинения их верховному авторитету, а иногда и неправым мнениям ее. На таких условиях соединение Церквей никогда не могло состояться, и самые переговоры о соединении, сколько раз ни были возбуждаемы со стороны римской Церкви, никогда не могли быть искренни, высокомерие и упорство римской Церкви доселе были главным препятствием к восстановлению мира церковного.

Бывали случаи, когда при неблагоприятных политических обстоятельствах православного Востока, чрез посредство светского правительства, римская Церковь надеялась установить союз с Восточною Церковью по своим расчетам т. е. без исправления нововведений, нарушивших единство церковное, с условием подчинения Восточных Церквей римскому авторитету. Если не сама Восточная Церковь, то светское правительство, по политическим соображениям, действовавшее от имени Церкви с несколькими из ее представителей, в крайних случаях готово было склониться к союзу с римскою Церковью на предлагаемых ею условиях и

принимало для этого известные меры. Но такие попытки к соединению Церквей, вынужденные крайностью, предпринимавшиеся по чуждым интересам Церкви политическим расчетам, приводимые в исполнение несколькими личностями, произвольно действовавшими от имени Церкви и нередко с обманом и насилиями, не могли иметь успеха. Они не только не восстанавливали мира, но еще более усиливали раздражение между Восточным и Западным христианством, и даже подрывали в глазах многих искренних людей надежду на соединение Церквей когда либо и в будущем времени. Для веков последующих эти неискренние и неудачные попытки к соединению Церквей остались только печальным уроком о том, как несообразно в великом деле церковном водиться какими либо чуждыми Церкви интересами и побуждениями, полагаться на внешние силы, действовать мерами принуждения и обмана.

Не принимая во внимание этих фальшивых и неудачных попыток к соединению, можно сказать, что со времени разделения Церквей и до настоящего времени не было еще об этом великом деле вполне искренних и серьезных переговоров между Восточною и Западною Церквами.

В новейшие времена, с большим развитием образованности и международного общения между европейскими христианскими племенами, и вследствие того, что при новом направлении европейской цивилизации, вместе с большим проникновением практических христианских начал в жизнь общественную, участие собственно к догматическим и иерархическим интересам значительно ослабевает, вместе с тем начинает заметно ослабевать и та крайняя неприязнь между Восточным и Западным христианским миром, которая утвердилась преимущественно в средние века. Само папство в позднейшие времена много утратило той своей крепости и исключительности направления, какими оно отличалось в средние века. Главное его основание – непомерно высокая идея о значении папской власти, крайнее развитие которой было главною причиною разделения Церквей, уже несколько веков продолжает более и более колебаться. В настоящее время папство, как будто, переживает последние времена своего и мирского могущества и

даже нравственного влияния. Таким образом те преграды, какие в былые времена отделили Западный христианский мир от Восточного, в позднейшие времена, как будто, более и более слабеют. Тем не менее и в настоящее время эти преграды далеко еще не потеряла совсем своего прежнего значения. Папство, при всех своих невзгодах, при всем своем ослаблении, и до ныне не хочет еще совсем отказаться от своих гордых притязаний на верховное господство не только в римско-католической Церкви, но во всем христианском мире. В римско-католической Церкви, хотя и с утратою своего прежнего значения, но все еще, по крайней мере, механически, по преданию, держится та система нововведений в учении веры, обрядах и устройстве Церковном, которая образовалась в средние века и которая, отдалив Западную Церковь от преданий древней Вселенской Церкви, вместе с тем отделила ее и от единомыслия с верною древним преданиям Православною Восточною Церковью. Таким образом и до ныне в римско-католической Церкви остается еще много преград, отделяющих ее от союза с православным Востоком. А вместе с прежними преградами не престают в Западном христианском мире возвышаться новые преграды к единению в распространении различных учений, еще более римско-католического учения не согласных с духом и древними преданиями Православной Восточной Церкви. В самых общественных и политических отношениях европейского Запада к Православному Востоку, при всем видимом ослаблении прежних племенных неприязней и вероисповедных предубеждений, далеко еще не изгладились следы той глубокой розни, которая утвердилась между Восточным и Западным христианским миром в средние века. Она и доселе сказывается напр. в том высокомерии, с каким европейский Запад относится ко всему православному Востоку; в том равнодушии, с каким на Западе смотрят на несправедливую и несчастную судьбу православных южных славян и греков, угнетаемых магометанским владычеством; наконец, в той боязни и ненависти, с какими европейский Запад тайно, а иногда и явно относятся к усилению могущества России – сильнейшего и

единственно сильного Православно-Восточного племени и государства. Так, даже до настоящего времени несчастные плоды разрыва христианского союза глубоко отзываются не только в религиозной, но и в общественной жизни, и в политических отношениях христианских народов, и, судя по человеческим соображениям, нельзя в близком будущем даже и предвидеть прекращения этой несчастной розни, существующей в христианском мире вот уже тысячу лет.

Но Святая, православная Церковь, матерински болеющая о разрыве братского союза в христианском мире, всегда молится о соединении Церквей, и каждому верному сыну православной Церкви, соединяя свою молитву с молитвою Церкви, естественно желать и надеется, что это соединение, при всей необыкновенной важности и трудности этого дела для человеческих соображений, наконец, состоится, хотя неведомо пока, когда и как, какими путями и в каком виде. Господь управляет судьбами мира и преимущественно Святой своей Церкви. Он силен восставить и в среде смерти – жизнь, из разделения – единство, из вражды – любовь там где есть хотя малые залогов к тому в свободной человеческой воле.

две страницы в оригинале отсутствуют – прим. эл. редакции

рону государей Восточных различными союзами, политическими выгодами и обещаниями, не совсем верно рассчитывая на то, что на Востоке Церкви находятся в большой зависимости от светского правительства, и, таким образом, надеясь подчинить себя их чрез посредство светского правительства. Когда православные государи оказывались не податливыми на прельщения латинства, папы возбуждали против них Западных государей, заводили политические интриги, созывали против православных стран крестовые походы, мечтали силою орудия и хитростями политики подчинить себе православный Восток.

Когда не оказывалось возможности сразу подчинить своему влиянию целую Церковь или целую страну, папы старались действовать постепенно, отторгать на свою сторону членов православной Церкви по частям. Для этого они старались иметь

в православных странах своих миссионеров, – пропагандистов, которые бы тайными и явными – религиозными и политическими, и нравственными безнравственными средствами везде приобретали новых прозелитов римской Церкви, с тем чтобы чрез них постепенно можно было распространять влияние латинства на целую страну. Условия на каких папы привлекали к союзу с римскою Церковью другие Церкви, бывали также весьма различны. Одно главное требование, на котором всегда твердо стояла римская Церковь, состояло в том, чтобы всякая другая Церковь, вступающая в союз с нею, непременно признала верховный авторитет папы. За тем, если встречались другие разномыслия Церковные, разности в догматах, обрядах и дисциплине Церковной, римская Церковь действовала смотря по обстоятельствам. Иногда, когда это представлялось возможным, папы настоятельно требовали от других Церквей принятия латинства, т. е. принятия всех догматов, обрядов, Церковных правил и (латинского) богослужебного языка римской Церкви. В большей части случаев, когда не представлялось возможности сразу олатинить известную Церковь или страну, они довольствовались только так называемою униєю, т. е. требовали, чтобы в известной Церкви или стране признан был верховный авторитет папский, и за тем все остальные догматы, обряды и правила Церковные могли оставаться до времени неприкосновенными, или некоторые из них были оставляемы неприкосновенными, а другие уничтожались или приводимы были к согласию с римскою Церковью. Такая, уния, впрочем, всегда допускалась папством более или менее неискренно, по необходимости, до времени, чтобы только привлечь какой-нибудь народ к союзу с римскою Церковью и не запугать его сразу слишком строгими требованиями. Такая уния, по времени, должна была служить переходом к чистому и полному латинству. Постепенно в Церквах, принимающих унию, были уничтожаемы обряд за обрядом, догмат за догматом, богослужение приводилось в большее и больше согласие с латинским и, наконец вполне заменяемо было латинским, так что народ нередко совершенно забывал об особенностях своего прежнего Церковного быта и о

том, на каких условиях он первоначально согласен был вступить в общение с римскою Церковью. Чтобы достигнуть этого, папы нередко намеренно старались о том, чтобы народ и низшее духовенство в Церквях, принимающих унию, были невежественны, а на высших церковных местах епископских старались иметь людей искусных и вполне преданных им. Эти епископы, втайне придерживаясь чистого латинства, но не показывая этого явно, старались везде поставлять таких священников, которые бы или были вполне единомысленны с ними, или по своему невежеству могли служить слепым орудием их замыслов; с такими священниками, при невежестве народа в делах веры, им удобно было, мало-помалу, вводить в народ новые молитвы и обряды, учреждать новые праздники в честь латинских святых, перепечатывать богослужебные книги с изменениями в пользу латинства и т. д. И таким образом случалось, что иной народ, некогда принадлежавший к православной Восточной Церкви, делался латинствующим, сам того не замечая и продолжая искренно считать свою веру древнюю, православною, Восточною верою. Искоренив в известной стране прежние обряды и утвердив в ней латинство, папские агенты старались истреблять в ней и все исторические памятники, напоминающие о том, что страна эта некогда не принадлежала латинству.

При такой широкой свободе и разнообразных средствах пропаганды, владея в средние века большим политическим могуществом и пользуясь стесненным положением, политическими невзгодами православных Восточных стран греческих и славянских, римская Церковь в различные времена успела оторвать от православной Восточной Церкви в унию или латинство целые племена и страны, целые миллионы бывших сынов православия. В других православных племенах и странах она производила великие смуты, сопровождавшиеся тяжелыми бедствиями для целых народов. Но при всем том римской Церкви никогда не удавалось совершенно поколебать и подчинить себе православную Восточную Церковь. В самые тяжелые времена своей исторической жизни, Восточная Церковь, охраняемая и руководимая Промыслом Божиим,

удерживая свою самостоятельность, оставалась верною хранительницею древних преданий и живою обличительницею неправды римской Церкви. И до настоящего времени папство не оставляет своих прежних притязаний на Восточную Церковь. Но в последние времена, при ослаблении самого папства и более твердом, сравнительно с прежними временами, политическом положении православного Востока, папству все менее и менее остается надежд достигнуть своей цели подчинения православного Востока. Таков общий характер отношений римской Церкви к православным Восточным Церквам, со времени ее отделения от них до позднейших веков.

II. Отношения римской церкви к греческим церквям в XI и XII веках; искоренение православия в Южно-Италийских Церквях; насилия крестоносцев на востоке в антиохийском и иерусалимском патриаршествах; сношения пап с греческими императорами династии Комнинов

Притязательные стремления папства, после разделения Церквей, прежде всего обращены были на те из православных греческих Церквей, которые были ближе к папскому господству. В южной Италии (в Апулии, Калабрии и Сицилии) жили греки, признававшие над собою власть византийских Императоров долгое время и после того, как Рим и вся верхняя Италия отложились от нее. В церковном отношении Греко-Италийские Церкви до VIII века находились в зависимости от папы. Но когда папы во время смут иконоборческих при Льве исаврийском отложились от Византийской Империи, Императоры греческие перечислили Южно-Италийские Церкви в округ константинопольских патриархов. В то время как римская Церковь начала уже значительно отступать от древних преданий, в Церквях южной Италии строго держались греческие обряды, и совершалось богослужение на греческом языке. Папам, конечно, это было неприятно, и они старались распространить свое влияние в Южно-Италийских Церквях. В X и в XI веках власть византийских Императоров в южной Италии стала слабеть; вместе с тем стало более и более усиливаться здесь влияние латинства. В половине XI-го века в южной Италии и Сицилии утвердились Норманны. Норманнские князья на первых порах находились во враждебных отношениях с папами, но потом (со времен пап Николая II-го и Григория VII) сделались самыми верными союзниками и даже ленниками римской Церкви. В это время папам стало удобно отторгнуть Южно-Италийские Церкви от союза с Православно-Восточными Церквями. В 1098 году папа Урбан II-й сам путешествовал в южную Италию и здесь держал Собор в городе Бари, с целью

убедить южно-италийских греков в правильности римского учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Главным образом ораторствовал здесь в пользу латинского догмата, знаменитый в то время западный богослов Ансельм, архиепископ кентербурский, составивший после Собора и собственное сочинение об этом предмете. В заключение Собора положено было проклятие на всех неприемлющих римского учения о Духе Святом. Греки южной Италии еще долго и после того не хотели оставить своих древних догматов и обрядов, и ввести в свои храмы богослужение на латинском языке. Особенно твердо держалось греческое богослужение в южно-италийских монастырях. В некоторых из них держались греческие обряды даже до XVI века. Но отторгнутые от живой связи с Восточными Церквями и стесненные со всех сторон влиянием латинства, Южно-Италийские Церкви должны были наконец принять латинское исповедание и богослужение. Вместе с тем стала упадать здесь и греческая народность. Греческие поселенцы южной Италии, принявши латинство, постепенно слились с другими итальянцами, и в настоящее время в этих, некогда православных греческих странах, не осталось следов православия и греческой народности.

В конце XI века начались, в XII и в XIII веках продолжались так называемые крестовые походы с Запада на Восток. Эти крестовые походы и вообще много послужили возвышению пап на Западе, и, между прочим, содействовали распространению влияния на Восточные Церкви. Крестовые походы предпринимались, как известно, для освобождения Святой Земли от неверной власти магометан – арабов и турок. Этой цели они не достигли; Иерусалим и другие Святые места, лишь на недолгое время завоеванные крестоносцами, опять остались и до сих пор остаются в руках турок. Но восточным христианам крестоносцы принесли более зла, чем туркам. Восточные христиане в начале радовались возникшему на Западе движению к освобождению Святой Земли, но скоро они должны были убедиться, что власть латин для них еще более тяжела, чем самое иго турок. Проходя в Палестину через Грецию, полчища крестоносцев, вопреки всякому международному

праву и братскому христианскому чувству, оскорбляли и грабили православных греков. Это послужило первым поводом к неприязни между крестоносцами и греками. Императоры византийские вступили в мирные переговоры с вождями крестоносцев; но вожди отказались отвечать за насильственные действия беспорядочного войска. А духовенство латинское оправдывало грабежи крестоносцев тем, что крестоносцы, как воины Бога, имеют право во всякой земле брать, что им нужно, потому что вся земля достояние Божие. Когда крестоносцы перебрались в Азию, и стали утверждать свою власть в городах Сирии и Палестины, они всюду вместе с тем старались утверждать и господство папы. В Антиохии и Иерусалиме, не обращая внимания на то, что эти города издревле имели своих равных, по правам, римскому папе православных патриархов, крестоносцы вновь поставили своих латинских патриархов. А Православные патриархи, которые даже во время магометанского владычества жили на своих кафедрах, при владычестве крестоносцев должны были удалиться от них и искать убежища и защиты у византийских Императоров. Когда один из византийских государей, Иоанн Комнин, ходатайствовал пред крестоносцами о том, чтобы в Антиохии позволено было жить православному патриарху, хотя совместно с латинским патриархом, и хотел даже за большие деньги выкупить Антиохию у крестоносцев, папа Иннокентий II-й горячо протестовал против этого, как против святотатства и оскорбления прав римской Церкви. Подобным образом и в других городах крестоносцы, вместе с утверждением своего владычества, поставляли латинских епископов и митрополитов; монастыри наполняли латинскими монахами, а православных монахов выгоняли из них; древними памятниками православной святыни, св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными драгоценностями церковными, распоряжались как своею собственностью, и многие из них отправляли па Запад в дар папе и государям западным. При этом даже незаметно было со стороны латинского духовенства, находившегося между крестоносцами, каких-либо стараний разумными убеждениями, проповедью, располагать восточных христиан к принятию

латинства. Они считали здесь утверждение латинства делом уже поконченным, вместе с утверждением самой политической власти крестоносцев, и во имя этого требовали от восточных, христиан подчинения себе, как бы они издавна были покорные чада или подданные римской Церкви. Там где, встречалось неповиновение или сопротивление, они обращались к мерам насильственным. Особенно, много приходилось терпеть от насильственной пропаганды латинства жителям острова Кипра, где крепче, чем в других местах, держалось владычество крестоносцев. Здесь латинское духовенство сжигало на кострах и распинало на крестах православных христиан, не хотевших отступить от своей веры. Разумеется, подобными действиями латинское духовенство и вообще крестоносцы не только не внушали Восточным христианам расположения к римской Церкви и к папе, напротив еще более усиливали неприязнь между Церквями.

Захватив под свою власть православные Восточные патриархаты, Антиохийский и Иерусалимский, крестоносцы с завистью обращали свои взоры на Константинополь, главную опору православия и Восточной Церкви. Тем не менее, прямо заявить какие-либо притязания на Константинополь в начале не представлялось ни благовидного повода, ни возможности. Византийская империя в XII-м веке под управлением умных в мужественных Императоров династии Комнинов была довольно сильна. Императоры византийские старались, по возможности, воздерживаться от враждебных столкновений с крестоносцами. Но этому, не смотря на фанатические воззвания некоторых латинских епископов, которые еще в половине XII-го века (во время II-го крестового похода при Людовике VII-м) возбуждали крестоносцев овладеть Константинополем – гнездом еретиков, долго не решались обратить свое оружие против Константинополя.

Папы в начале надеялись, что константинопольские греки, в виду успешного распространения латинского господства на Востоке, сами обратятся к римской Церкви... Были некоторые частные обстоятельства, усиливавшие в папах эту надежду. У пап в XII-м веке возникали не редко столкновения с

германскими Императорами (Генрихом V-м, Фридрихом Барбаруссой). В виду этих столкновений, у некоторых пап, в то время уже считавших себя полноправными раздаятелями царских венцов и титулов, появлялась мысль совсем уничтожить на Западе императорский титул (им же обязанный своим происхождением при Карле Великом), и утвердить этот титул за одним византийским Императором в тех видах, что византийские Императоры будут надежнее, чем германские, верными союзниками папства и помогут ему подчинить своей власти греческую Церковь. Под влиянием этой мысли, между папами и византийскими Императорами неоднократно начинались переговоры обе императорском титуле и соединении Церквей (у пап Урбана II-го и Пасхалиса II-го с императором Алексеем Комниным; у пап Адриана IV-го и Александра III-го с Эммануилом Комниным). Честолюбивые Комнины, может быть, на самом деле прельщались честью иметь за одною византийскою короною императорский титул и на место упраздненной Германской империи, распространять свое влияние на самую Западную Европу, а может быть только опасались чрез прямое несогласие с папами навлечь на империю неприятность от крестоносцев; во всяком случае считали нужным поддерживать добрые отношения с папами, и даже ласкать их надеждою на соединение Церквей. В сущности Комнины, сами близко входившие в церковные интересы своего народа, вовсе не имели намерения уступить папе самостоятельность греческой Церкви, но по наружности они старались выказывать большое расположение к нему, писали льстивые письма папам, посылали богатые вклады в римскую Церковь и в известные Западные монастыри Ключни и Монте-Кассино, позволяли в своих владениях строить, латинские храмы и монастыри, возбуждали между греческим и латинским духовенством рассуждения о мерах к соединению Церквей. При дворе византийских Императоров устроились публичные совещания об этом предмете между папскими посланниками и учеными греческими богословами; (из них в особенности известны диспуты миланского архиепископа Хризолана с Евстратием, митрополитом никейским при Алексие Комнине, и

гавельберского епископа Ансельма с Никитой, никомидийским, при Иоанне Комнине). Папы присылали так же послания к греческим епископам, в которых приглашали их соединиться с римскою Церковью, сравнивая греческую Церковь с погибшею овцою и потерянною драхмою, а себя с любвеобильным евангельским пастырем, заботящимся о спасении каждой погибающей овцы. Епископы и богословы греческие, не желая, вопреки видам своего правительства, раздражать пап прямым противоречием, давали папам и их посланникам вежливые ответы на все приглашения и увещания, но тем не менее старались объяснить им, что такое великое дело, как соединение Церквей, не может совершиться иначе, как после беспристрастного исследования причин разрыва на Вселенском Соборе, и только тогда, когда папы откажутся от своих деспотических притязаний к порабощению всех Церквей, перестанут считать греческую Церковь заблудшею овцою и потерянною драхмою, и когда римская Церковь оставит свои отступления от древних православных преданий (известны в таковом духе ответы Никиты Никодимийского и Василия фессалонитского на приглашения к соединению).

В большинстве народа и духовенства греческого не было никакого расположения к соединению с римскою Церковью; напротив, в виду насилий производимых крестоносцами на Востоке, усиливалась все более и более неприязнь к латинству. Крестоносцы нередко сами жаловались папе, что греки их почти не считают за христиан. Такое настроение против латинства поддерживали в народе и многие высшие пастыри греческой Церкви и ученые греческие богословы. В полемических сочинениях того времени, касавшихся латинства, выказывалось уже гораздо более неприязненное отношение к нему, нежели в предшествовавшие века. Патриархи константинопольские Михаил Анхиал, Никита Муитан, александрийский патриарх ученый Феодор Вальсамон, прямо называли латинян злейшими еретиками. Под влиянием раздраженного национального и религиозного чувства у греков уже к концу XII-го века появился такой обычай, который служил крайним выражением неприязни к латинству, – обычай перекрещивать латинян при обращении в

православие. Обычай этот не мог быть оправдан согласием с древними церковными правилами, но он естественно объясняется теми отношениями, в какие поставило себя к Восточным Церквам латинство своими притязаниями и насилиями. В последующие века обычай этот – то был отменяем в греческих Церквах, то опять возобновлялся, по мере того, насколько ослабевало или опять усиливалось религиозное и национальное раздражение греков против латинцев, возбуждаемое несправедливыми и насильственными действиями последних.

В народе греческом были недовольны и теми двусмысленно-тонкими отношениями к Риму, в каких держало себя правительство византийское к политическим расчетам. Это недовольство, в особенности, усилилось в последние годы правления Императора Эммануила Комнина, который, вступил в брак с дочерью антиохийского вождя крестоносцев Райнальда, Мариною, ласкал латинцев при своем Дворе, давал им большие привилегии в торговле, право строить свои церкви и монастыри в его владениях, вследствие чего очень много латинцев поселилось в Константинополе. Когда Император Эммануил умер, и правительницею государства, за малолетством наследника престола, сделалась вдова его латинянка Мария, народ взбунтовался. На престол был возведен двоюродный брат умершего государя, Андроник Комнин, состоявший под опалою у прежнего государя, заклятый враг латинян. Возбужденные им, греки разграбили и сожгли в Константинополе весь латинский квартал, избили множество латинян, и, между прочим, папского легата, кардинала Иоанна, жившего в Константинополе для переговоров о соединении Церквей; других латинян схватили и продали в рабство, самые Церкви и больницы их разграбили и разрушили. Это было в 1180-м году. Через несколько лет после этого, в 1185-м году, крестоносцы отплатили грекам еще большими неистовствами и жестокостями, овладев греческим городом Фессалоникою.

До таких крайностей развилась вражда между греческим и латинским христианством в XII-м веке. Неприязнь эта сделалась теперь уже не религиозною только, но и глубокою

национальной враждою; вместе с тем и разделение, утвердившееся между Церквами, сделалось еще более крепко и глубоко.

III. Владычество латинян в Константинополе в XIII веке; сношения пап с никейскими Императорами

В конце XII века (1195 г.) в Византийской Империи произошел переворот. Императорская династия Комнинов, вследствие крайнего деспотизма и невыносимых жестокостей последнего из них, Андронина Комнина, была низвергнута. На престол возшла новая династия Императоров Ангелов. Византийская империя в самые первые годы управления новой династии начала показывать признаки расслабления. Между разнородными племенами, входившими в состав ее, возникали частые возмущения. На окраинах империи (в Болгарии, Эпире) образовались новые самостоятельные государства. В самом семействе новой царской династии открылись междоусобия. Император Исаак Ангел (1201 г.) был низвергнут с престола, ослеплен и посажен в тюрьму братом своим, который вступил на престол под именем Алексея III-го. Теперь открылись западному властолюбию возможность и повод осуществить свои притязания на Константинополь.

Сын низверженного Императора Исаака, царевич Алексей, скитался по Европе, и просил западных государей помочь ему возвратить престол, отнятый дядею. Просьбы его вначале не имели успеха. Наконец, крестоносцы, с благословения папы Иннокентия III-го, вновь собиравшие свои дружины в Венеции для похода в Св. Землю, согласились помочь ему. Царевич Алексей обещал им за это уплатить огромную сумму денег (200,000 марок серебра), подкрепить их для похода в Палестину десятитысячным войском, доставлять им туда в продолжении года съестные припасы, и, наконец, даже способствовать подчинению греческой Церкви римскому папе. Крестоносцы, обольщенные такими обещаниями, отправились с царевичем Алексеем; и в июле 1203 года обложили осадой Константинополь – Император Алексей III бежал из столицы. Константинопольские греки явились к крестоносцам с мирными предложениями, вывели из тюрьмы слепого Исаака Ангела, и, вновь возвели его на престол, вместе с сыном Алексеем IV-м.

Теперь Алексею IV-му пришло время расплачиваться с крестоносцами. Во всей казне константинопольской не могло найтись столько денег, сколько он им обещал. Назначены были усиленные налоги, и сам Алексей IV отправился по провинциям собирать деньги для крестоносцев. Для пополнения казны, он решился коснуться церковных и монастырских имуществ, стал обращать в деньги церковные драгоценности. Это возбудило в народе большое волнение. Крестоносцы настойчиво требовали денег, и считая себя благодетелями Императора, небрежно и враждебно относились к грекам, оскорбляли их, грабили и жгли селения и монастыри в окрестностях Константинополя. Между греками сделалось известным и то, что царевич Алексей обещал предать греческую Церковь латинам и уже начал склонять патриарха Иоанна Каматира в подчинении папе. Греки, выведенные из терпения, убили Алексея IV-го; отец его Исаак умер с горя и испуга; на престол возведен был один из предводителей возмущения Алексей V Мурцуфл, ожесточенный враг Латинян.

Крестоносцы решились жестоко отомстить грекам за такое своеволие. Константинополь вновь был осажен, и не смотря на отчаянное сопротивление греков, взят латинянами 13-го апреля 1204, года. Император и патриарх константинопольские бежали из города. При взятии Константинополя крестоносцы ознаменовали себя такими неистовствами и жестокостями, до каких редко доходили самые варварские народы, самые заклятые враги христианства – магометане, при завоевании христианских городов. Греки без всякого сострадания были избиваемы, даже и те, которые сами покорно отдавались во власть крестоносцев. Не было пощады ни званию, ни полу, ни возрасту; благородные женщины, девы, монахини подвергались бесчестию; имущества константинопольских граждан были разграблены; из церквей константинопольских одни были обращены в складочное место для награбленных имуществ, а другие сделались местом для буйных оргий крестоносного воинства. В самом Софийском Соборе крестоносцы пировали и кощунствовали с развратными женщинами, плясали в священных одеждах, пили вино из священных сосудов, ругались

над святыми тайнами. Священники и монахи латинские расхищали из греческих церквей драгоценные иконы, Св. мощи и другие предметы благоговейного почитания греков, отнимали и перекрадывали их друг у друга и пересылали на Запад в дар папе и государям западным. В это время перевезены были в Рим мощи Св. апостола Андрее (по преданию основателя византийской Церкви), древних великих иерархов и учителей Константинопольских: Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Иоанна Милостивого и других святых, часть Креста Господня, ризы Божьей Матери и другие священные предметы. Точно также были разграблены, или совсем разрушаемы крестоносцами памятники наук и искусств, которых много было в Константинополе: древние рукописи, дорогие книги, художественные изваяния, статуи, и т. под.

Разграбивши столицу Греческой империи, крестоносцы избрали одного из своих вождей Балдуина, графа Фландрского, Императором Константинопольским; Венецианского каноника Фому Мозорини патриархом, и послали папе донесения о Своих успехах с богатыми подарками, прося его принять под свое покровительство новую державу и прислать на Восток новые дружины, а также побольше священников, монахов, ученых богословов, церковных книг для утверждения в Греции политического и духовного господства латинства. Иннокентий III хотел показать вид, что он очень недоволен крестоносцами за то, что они забыли о главной священной цели своего предприятия, и вместо Иерусалима, находящегося в руках турок, завоевали Константинополь, имевший свое христианское правительство. Он строго укорял их за те неистовства и насилия, какие они позволяли себе при завоевании Константинополя, главным образом из опасения, что эти неистовства и насилия могут повредить латинству в глазах греков. Впрочем, папа здесь же успокаивал себя и крестоносцев тем, что может быть сам промысел Божий избрал их орудиями своей воли для того, чтобы наказать непокорных греков за их упрямство и привести их в послушание апостольскому престолу. Поэтому, благословляя успехи крестоносцев и утверждая избранных ими Императора и патриарха, папа внушал

крестоносцам, что они должны твердо держать приобретенные ими по воле Божьей владения, и епископам латинским, находящимся в Константинополе писал, чтоб они немедленно заняли греческие Церкви и вводили везде латинские обряды.

Утвердив свою власть в Константинополе, крестоносцы отправились завоевывать провинции греческой империи. Здесь также они везде производили насилия и грабежи, также предавались святотатству и кощунству; в Фессалониках, например, нагло ругались над мощами Св. Димитрия Солунского. Покоренные греки были обращены в рабство. Империя, под верховною властью находившегося в Константинополе Императора, была разделена на множество больших и мелких ленных владений, под управлением различных князей, графов, баронов и т. д. В церковном отношении в Греции учреждено 32 латинских митрополии и около 100 епископств. Православные епископы были прогнаны со своих мест, и, в случае неповиновения, подвергались тяжким преследованиям.

С покорением Византийской империи латинскому господству, сокрушен был главный центр православия на Востоке. Восточные патриархи: антиохийский, иерусалимский, александрийский давно уже находились под чужим игом. Южные славянские государства, Болгария и Сербия, только что начали укрепляться. Западные славяне далматские и хорватские сербы, моравцы, чехи, все уже более или менее находились под политическим влиянием латинского мира и духовным господством папства. На Север славянский – православную Россию надвигалась страшная гроза – нашествие монголов. Папство же находилось тогда именно на самой вершине своего политического могущества и духовного влияния. Папою был Иннокентий III, даровитейший и влиятельнейший человек своего времени, который, по произволу распоряжался царскими коронами во всей Западной Европе, и имел под своим влиянием многочисленнейшее духовное и мирское воинство – монахов и рыцарей, готовых всевозможными средствами утверждать власть папства везде, где только им было бы указано. Время было самое

благоприятное для утверждения власти папской над Восточными Церквями. И папа Иннокентий III вполне надеялся на это. Он торжественно провозглашал, что теперь-то Самария (так называл он греческую Церковь) обратилась к Господу (т. е. подчинилась папе), и имя Господне будет согласно призываться в Дане и Вефиле (в Риме и Константинополе). Посылая легата за легатом для устройства латинской Церкви в Греции, папа Иннокентий рассылал миссионеров и во все Православные славянские страны, писал письма к государям сербским и болгарским, и князьям русским, и всех приглашал последовать примеру матери Восточных Церквей, константинопольской Церкви, в покорном подданстве которой он уже не сомневался.

Надежды папские, однако же, не оправдались. Скоро папа стал получать известия от своих епископов и самих Императоров константинопольских, что греки вовсе не думают подчиняться римской Церкви; напротив, высказывают свое крайнее озлобление против латинства, что они считают только законными пастырями своих греческих священников и епископов, и тех из них, которые подвергаются преследованиям от латинского духовенства, ублажают, как мучеников, что греки считают оскверненными самые храмы, в которых совершается латинская служба, вымывают и выскребают престолы, на которых совершается бескровная жертва латинскими священниками, перекрещивают латинцев, обращающихся в греческую Церковь, и даже (по выражению Императора Балдуина) считают латинян не за людей, а хуже собак, и не считают за грех убивать их, где только представится, случай. Неоднократно были употребляемы насильственные меры для приведения греков к покорности; но эти меры возбуждали большее озлобление в греках. В 1213 году при Генрихе II-м, латинском Императоре в Константинополе, папский легат Пелагий закрыл все Православные Церкви; окончательно объявил греческое богослужение запрещенным; священников греческих рассадил по тюрьмам, морил голодом, предавал пыткам. Греки возмутились и прямо объявили Императору, чтобы он, господствуя над их телами, не позволял никому касаться их души и совести, не принуждал их оставлять веру

предков; иначе все они должны будут бежать из его владений. Папский легат должен был удалиться из Константинополя, и впоследствии ознаменовал себя новыми неистовствами на острове Кипре.

Папа Иннокентий увидел необходимость, оставив преждевременные надежды, обратить более серьезное внимание на положение Восточных Церквей, и принять более действительные меры в утверждении своего влияния в них. В 1215 году созван был им IV-й Латеранский Собор (по счету латинян XII-й Вселенский), в присутствии четырех латинских патриархов, многих епископов и светских послов латинского константинопольского Императора. На этом Соборе, в виду положения дел на Востоке; в виду приверженности Восточных христиан к своему народному богослужению и древним обрядам, и предубеждений против латинства, принято было изменить систему латинской пропаганды в православных странах, действовать вместо принуждения и насилия мерами послабления и хитрости, допускать возможные уступки Восточным христианам (в греческих и славянских странах), оставлять им их богослужение на народном языке и их древние обряды неприкосновенными, и лишь постепенно вводить у них полное подданство папе и латинские нововведения. Эта новая система, положившая начало так называемой униатской пропаганде, по времени принесла много плодов римской Церкви, преимущественно в славянских странах; но между греками в то время она имела мало успеха: никакие уступки, ласки и обещания не могли примирить греков с латинством в виду того насилия, какое представлялось им в самом факте владычества латинян в Константинополе.

Постоянная неприязнь, питаемая поработоченными греками к их поработителям, не могла обещать прочности и самому политическому государству латинян на Востоке. Лишь в первое десятилетие своего существования латинская константинопольская империя казалась довольно сильною. Далее, беспокоиваемая частыми возмущениями и постоянным неприязненным настроением покоренных греков, ослабляемая большими переселениями их в другие страны под

покровительство православных государей, часто тревожимая нападениями соседних государств, латинская константинопольская империя стала быстро клониться к упадку. Только присылка новых военных дружин и больших денежных вспомоществований с Запада могла на несколько десятков лет поддержать существование ее. Вместе с ослаблением латинской константинопольской империи, падала и латинская Церковь в Греции. Через какие-нибудь десятка два лет во всей Греции, вместо предложенных ста слишком латинских епископов, могли остаться только три прелата и сам латинский патриарх константинопольский с своим двором содержался на вспомоществовании папы.

По мере ослабления латинской Константинопольской Империи, в соседстве с нею усиливались независимые греческие владения. Крестоносцы при завоевании византийской Империи успели подчинить себе не всех греков. Еще до утверждения крестоносцев в Константинополе, двумя братьями из фамилии Ангелов, Михаилом и Феодором, было основано независимое от Византии государство в Эпире. По завоевании Константинополя латинянами, образовались два независимые греческие владения в Малой Азии, в Трапезунте, под управлением двух братьев Комнинов, Алексея и Давида, и в Никее под предводительством Феодора Ласкариса, зятя Императора Алексея III-го. Владетели всех трех государств заявляли притязания считаться как бы преемниками власти византийских Императоров, и усвоили себе Императорский титул. Но по времени всего более возвысились из них Никейские государи (Феодор-Ласкарис I-й, его зять Иоанн-Дука-Ватац, Феодор-Ласкарис II-й). В Никее поселились и православные патриархи греческие, удалившиеся из Константинополя. Они своим авторитетом усиливали власть Никейских государей, и короновали их венцом древних Императоров византийских. Греки смотрели на Ласкарисов, как на законных преемников прежних своих Императоров Комнинов и Ангелов, и как будущих освободителей всей Греческой империи от власти латинян. Государи никейские своими умными и удачными действиями поддерживали в греках эту надежду.

Маленькое Никейское государство, в начале заключавшееся только в стенах одного города, расширялось более и более приобретением новых городов и областей. Множество византийских греков, тяготившихся владычеством латинцев, переселялось во владения Никейских государей. Прочие греки, оставшиеся под латинским господством, готовы были встретить их в Константинополе, как своих освободителей и законных государей. Никейские государи вначале вели себя очень осторожно, старались не раздражать крестоносцев, но потом, по мере расширения своих владений и ослабления латинской империи, сами стали обнаруживать свои планы на освобождение Константинополя.

Латиняне и папы не могли оставить в покое это независимое греческое государство. В начале они относились к нему с высокомерием и пренебрежением. Папа Иннокентий III писал к Феодору-Ласкарису I-му, чтобы он не усвоил себе незаконных притязаний и подчинился в политическом отношении своему законному государю, латинскому константинопольскому императору, и в духовных делах латинскому константинопольскому патриарху. Но потом, когда Никейское государство значительно уже укрепилось, а латинская империя в Константинополе ослабела, папы изменили свои отношения к Никейским государям и стали склонять их к союзу с римскою Церковью уже не тоном власти и угрозы, а мягкими увещаниями и обещаниями, как прежних греческих. Императоров Комнинов. Никейские государи, неуверенные в твердости своего положения, и знавшие, что папы хлопочут на Западе о возбуждении новых крестовых походов на Восток, старались до времени не раздражать пап, и, подобно прежним византийским Императорам, ласкали их надеждами на соединение Церквей. Неоднократно по этому случаю возникали сношения между Римом и Никеею. Замечательнейшие из этих сношений были в 1232-м году при папе Григории IX-м и Императоре Никейском Дуке-Ватакисе. Император поручил вести эти сношения Никейскому патриарху Герману. Патриарх Герман писал письма в папе и кардиналам. В самой Никее были открытые совещания между греческим и

латинским духовенством. Греки высказывали латинянам, что они согласны были бы соединиться с римскою Церковью, если бы не страшились тех тяжелых притязаний и насилий, какими латинская Церковь везде обременяет покоряющихся ей, что для соединения Церквей необходимо устранение разногласий в догматах веры и беспристрастное обсуждение дела на Вселенском Соборе. Между тем во время самых переговоров с латинянами патриарх Герман рассылал послания к Грекам, находящимся под властью крестоносцев, на острове Кипре, в которых убеждал их твердо стоять против угнетавшей их силы латинства и не принимать никаких латинских нововведений. Переговоры эти, подобно всем прежним, не привели ни к чему; может быть только помогли Никейскому императору отклонить от своего государства опасность, угрожавшую с Запада от крестового похода, созываемого папою Григорием. В последствии папы Иннокентий IV и Александр IV старались возобновить переговоры о соединении Церквей, но еще с меньшим успехом. Государи Никейские, по мере усиления своего, не считали нужным, даже и по наружности, поддерживать в папах надежду на присоединение греческой Церкви.

В шестидесятых годах XIII-го столетия латинская империя в Константинополе дошла до последней степени своего ослабления. Последний Император константинопольский из латинян Балдуин II-й сколько ни ездил по Западным землям, сколько ни просил Западных государей поддерживать войсками и деньгами падавшую империю, не имел никакого успеха. Никейские государи могли наконец осуществить свою мысль об освобождении столицы Св. Константина из под власти пришельцев. Этою честью пришлось воспользоваться Императору Михаилу VIII-му, Палеологу, который открыл собою ряд новой и последней царственной византийской династии Палеологов (он остался после Феодора-Ласкариса II-го опекуном его сына Иоанна, и, пользуясь расположением войска, сначала об явил себя соправителем несовершеннолетнего наследника престола, потом и совсем устранил и ослепил его). 25-го июня 1261 года Михаил Палеолог послал небольшой

отряд греческого войска к Константинополю. Константинопольские греки сами отворили ему ворота города. Император Балдуин, латинский патриарх и прочие латинцы, оставшиеся в городе, бежали из него. 15-го августа 1261 г., в день Успения Божьей Матери, которую греки всегда почитали покровительницею своего царствующего града, Император Михаил Палеолог торжественно с крестным ходом вступил в Константинополь и восстановил здесь трон православных греческих Императоров.

На Западе долго еще не могли отказаться от мысли владеть Константинополем. Император Балдуин долго скитался и просил помощи при дворах Западных государей к возвращению утраченного владения. Папы Урбан IV и Климент IV делали воззвания к приготовлению новых крестовых походов на Восток. Но между западными владельцами, после нескольких неудавшихся опытов к утверждению латинского влияния на Востоке, уже не много было охотников вновь тратить на это свои войска и деньги; в самом народе охладел энтузиазм к крестовым походам. Потомки Балдуина II-го еще около столетия (до 1383 года) продолжали титуловаться Императорами константинопольскими, но без тени власти на Востоке. А латинских патриархов для Константинополя папы продолжают избирать и до настоящего времени, также и для Антиохии, Иерусалима и Александрии. Эти патриархи живут в Риме, в числе почетных сановников папского двора. В титулах их папы как бы находят утешение номинально властвовать над Восточными Церквями, вместо действительного преобладания в них, которого в Риме тщетно добивались в продолжении нескольких веков.

IV. Лионская Уния

Латинское владычество в Константинополе довело до крайней степени неприязнь греков против Рима и папства. Память о нем на долгое время глубоко оставалась в душах греков. Трудно было после этого ожидать, чтобы греческая Церковь, отстаивая свою самостоятельность от притязаний латинства под властью крестоносцев, добровольно подчинилась папе, находясь под покровительством своих православных государей. Между тем, однако ж, почти вслед за уничтожением латинской империи в Константинополе, папам удалось на некоторое время польстить себе надеждою на осуществление своих притязаний в Восточной Церкви. Со стороны самого правительства византийского сделана была довольно решительная попытка присоединить греческую Церковь к римской. Правда, попытка эта в сущности была делом личного произвола и придворной интриги; она предпринята была чисто по политическим расчетам, и от начала до конца ведена была неискренно, мерами обмана и насилия; потому она не нашла сочувствия в греческом духовенстве и народе, и не имела никакого успеха, никакого серьезного значения. Тем не менее на некоторое время она сильно заинтересовала папство, и папство до настоящего времени любит вспоминать о ней с приятностью и придавать ей серьезное значение. Эта попытка известна под именем Лионской Унии.

Император Михаил Палеолог, положивший конец латинскому владычеству в Константинополе, опасался, как бы, вследствие происков и просьб Балдуина II-го и воззваний папы Урбана IV-го не собрались новые ополчения крестоносцев для завоевания Константинополя. В самой Греции было много недовольных им за то, что он ослепил законного наследника Ласкарисов, порученного его попечению и сам занял его престол. Благочестивый патриарх Арсений отлучил его от Церкви за это преступление. Император низложил патриарха Арсения и возвел на его место своего любимца и угодника

Германа, адрианонопольского епископа, которого, впрочем, скоро должен был удалить вследствие ропота народного; потом сделал патриархом придворного духовника, слабохарактерного Иосифа, который и разрешил его от наложенного запрещения. Но это произвело большое смятение. Многочисленная партия приверженцев патриарха Арсения не хотела подчиниться Иосифу и продолжала считать Императора отлученным от Церкви. Эта партия производила большие волнения в Церкви. Сильные вельможи, завидовавшие возвышению Михаила Палеолога, могли пользоваться этими смятениями для политических целей... Чтобы обезопасить себя от нападений с Запада и упрочить свое положение на константинопольском престоле, Михаил Палеолог вздумал укрепить себя союзом с папством, имевшим тогда еще сильное влияние на политические дела Европы. Для этой цели он решился вступить с папами Урбаном IV, затем с Климентом IV, в сношения о соединении Церквей, и, как человек настойчивого, деспотического характера, готов был употребить всевозможные меры для выполнения своего предприятия. Папы в начале не доверяли Михаилу Палеологу, злобились на него за ниспровержение латинской империи и не хотели иметь с ним дела. Наконец, когда в 1271-м году вступил на папский престол Григорий X-й, сам прежде живший на Востоке, и пламенно мечтавший об утверждении там римского господства, переговоры, о соединении Церквей пошли деятельнее. Император начал готовить народ и духовенство к предполагаемому соединению; но народ и духовенство, за исключением немногих личностей, единомысленных с Императором, льстивших ему, и обманчиво представлявших себе дело Унии, не хотели делать никаких уступок в пользу римской Церкви. Император действовал сначала просьбами и убеждениями, потом угрозами и насилием: многие епископы были сосланы в ссылку; другие посажены в тюрьмы. Обманом, лестью и тюремным заключением Император успел склонить на свою сторону красноречивейшего и влиятельнейшего из Константинопольских духовных, Иоанна Векка, патриаршего хартофилакса. Но и переход Векка на сторону Унии не только не

помог этому делу, но напротив его самого лишил доверия и уважения в глазах духовенства и народа.

Между тем папа Григорий назначил в Лионе Собор в 1274-м году (14-й Вселенский по счету латинян). На этот Собор должны были прибыть посланные от греческого Императора для заключения условий о соединении Церквей. Император приказал единомышленникам составить от имени греческой Церкви грамоту, в которой бы греческая Церковь обязывалась признать себя зависимою от римской Церкви, почитать папу первым епископом во всем христианском мире, поминать имя его на службах Церковных, и, в случае надобности, представлять на решение папы важнейшие дела, возникающие в греческой Церкви, но с тем условием, чтобы Символ веры, все догматы и обряды греческой Церкви оставались неприкосновенными при соединении с римскою Церковью. К этой грамоте успели набрать незначительное число епископских подписей; за большую часть греческих епископов, несогласавшихся на Унию, подделаны были рукою императорского писца фальшивые подписи, и с этою грамотою послали в Лион, для заключения мира Церковного, отставленного от должности и нелюбимого в народе за угодничество Императору патриарха Германа с несколькими лицами из Константинопольского клира и придворными светскими чиновниками; а патриарха Иосифа, в то время занимавшего Константинопольский престол и несогласавшегося на Унию, принудили удалиться в монастырь. Посланные Михаила Палеолога с богатыми подарками папе прибыли в Лион, и здесь без всяких рассуждений о причинах, сущности и значении разногласий, существовавших между Восточною и Западною Церквами, в торжественном собрании Западных прелатов 6-го июля 1274 года дали от имени греческой Церкви клятвенное обязательство на соединение с римскою Церковью и признание главенства папы.

По возвращении послов из Лиона, Император приказал объявить унию с римскою Церковью, и поминать имя папы на церковных богослужениях. На престол патриаршества константинопольского возведен был Иоанн Векк, в дарованиях и

энергичности которого Император надеялся найти сильную опору делу унии. Но народ и духовенство продолжали относиться к унии также неприязненно, как и прежде. Православные греки не хотели молиться в тех Церквах, где поминалось имя папы. В Константинополе возникли сильные смуты и распри между православною и униатскою партиями. Против Императора и патриарха стали распространяться недовольство и озлобление. Пользуясь таким замешательством народным, некоторые из сильных вельмож, ненавидевших Михаила Палеолога, стали возбуждать в провинциях открытые мятежи против императорской власти. Император хотел силою заставить народ повиноваться себе. Ссылки, пытки и казни усилились в чрезвычайной степени. С другой стороны патриарх Векк и другие ученые приверженцы унии (Константин Мелетиниом, Георгий Метохит и др.), старались действовать на народ мерами убеждения; они распространяли такие мысли, что уния есть дело в высокой степени нравственное и христианское, и в политическом отношении для греков весьма полезное, что римская Церковь такая же православная Церковь, как и греческая; что в самом важном пункте разногласия между греческою и римскою Церквями относительно исхождения Св. Духа легко примирить учение той и другой Церкви, если принять для выражения этого учения такую формулу, что Дух Святой исходит не просто от Отца, как читается в греческом символе, и не от Отца и Сына, как учит Западная Церковь, а от Отца чрез Сына, как учили будто бы многие древние учителя церковные, Восточные и Западные⁵. Но ни деспотическая настойчивость Императора, действовавшего мерами насилия, ни убеждения униатской партии греческих богословов не подвигали вперед дела унии. Векк, разочарованный в своих униатских стремлениях и в народной к нему расположенности, оставил управление церковными делами; сам император, утомленный пытками и казнями, в последние годы своего правления предоставил успех унии на произвол судьбы.

Между тем в Риме ошибочно представляли, что в греческой Церкви воля Императора может сделать все и от стараний Михаила Палеолога ожидали совсем не таких результатов. Так,

не только надеялись, что греческая Церковь, по воле Императора, бесприкословно признает себя зависимою от папы, но думали даже, вопреки самым условиям Лионского договора, по времени распространить в ней все новоизмышленные догматы и обряды западные, и утвердить на Востоке политическое влияние пап в такой же степени в какой оно было в то время на Западе. С этою целью в 1279-м году папа Николай III-й послал в Константинополь своего легата, который был бы там постоянным представителем его власти, и постепенно старался бы вводить в греческую Церковь латинские догматы и обряды, и распространять свое влияние при дворе в самых политических делах. Но ближайшее ознакомление с состоянием греческой Церкви и настроением греческого народа на месте должно было показать папским уполномоченным, что уния в греческой Церкви в сущности вовсе не существует. В Риме стали высказываться недовольства и жалобы на Михаила Палеолога за невыполненные обещания. Император продолжал расточать пред папою новые заверения в своем усердии к делу унии. Наконец фальшь и самообольщение с той и другой стороны должны были разоблачиться. Папа Мартин IV в 1281 году вновь положил проклятие на Михаила Палеолога, как на лживого обманщика и упорного ослушника римской Церкви. Император, узнав об этом, сам, во время церковной службы, остановил диакона, хотевшего, по униатскому обычаю, поминать имя папы.

Так рушилась сама собою эта фальшивая сделка, известная под именем Лионской Унии, основанная на обмане и насилии, и не имевшая себе никакой опоры в убеждениях и в чувствах православного народа. Никаких добрых положительных результатов для восстановления истинного мира между церквами она не принесла, – только еще более возбудила в Греках неприязнь к римской Церкви и недоверие ко всяким попыткам на примирение с нею в будущем времени и оставила на будущие времена тяжелый урок относительно того, как несообразно в великом деле церковном водиться чуждыми Церкви интересами и побуждениями, полагаться на какие-либо

внешние силы, действовать противными духу Церкви мерами принуждения и обмана и т. д.

Расстройство, произведенную этою униєю в греческой империи и Церкви, было так сильно, и народное озлобление против нее так велико, что когда в 1282 г. умер главный виновник ее, Император Михаил Палеолог, народ не допустил, чтобы ему оказаны были почести царского погребения, и от жены его и сына наследника престола, Андроника, потребовал, чтобы они дали публичное заверение в своем несочувствии делу унии, и постарались искоренить и загладить все следы ее в греческой Церкви. В 1283-м году в Константинополе собран был для этой цели Собор; на нем осуждено было главное латинское нововведение о происхождении Святого Духа от Отца и Сына, и вместе с тем примирительная униатская формула о происхождении Духа Святого от Отца чрез Сына; патриарх Векк и другие главные виновники унии низведены с Церковных степеней и посланы в ссылку; патриархом сделан был ученый богослов Григорий Кипрский, давний противник Векка и его униатских мыслей. Все участвовавшие в унии по увлечению или по принуждению должны были подвергнуться строгим епитимиям. Церкви, в которых поминалось имя папы и совершалось униатское богослужение, вновь освящены, как оскверненные. При всем том порядок в греческой Церкви, расстроенный в несколько лет насильственного распространения унии, ссылкой и низложением множества епископов, распрями духовенства и народа, не мог быть восстановлен в целые десятки лет.

V. Отношение между Римскою и Греческою Церквами в XIV-м и XV-м столетиях. Флорентийская уния. Падение Константинополя

После Лионской Унии на долгое время в греках оставалась такая глубокая неприязнь к латинству, что правительство византийское, не смотря на все свое стесненное положение и на представлявшиеся от союза с Римом выгоды, долго не решалось вступать с папами в новые соглашения о соединении Церквей, чтобы не вызвать раздражения народного.

Между тем положение византийской империи было весьма стесненное. Наступали последние времена ее существования. Византийское правительство опасалось новых нападений с Запада. Папы Бонифаций VIII-й, Климент V и их дальнейшие преемники в XIV-м веке продолжали возбуждать Западных государей и рыцарей к крестовому походу на Восток против непокорных греков. Правда, их воззвания имели мало успеха; вся опасность для византийской империи с этой стороны ограничилась тем, что рыцари, Тамплиеры, еще раз в 1306-м году завоевали и разграбили Фессалонику, несчастный город, более всех других греческих городов потерпевший от насилий Западного крестоносного воинства. Но гораздо большая опасность, на которую вначале византийское правительство обращало мало внимания, но которая с течением времени возрастала более и более, угрожала Греческой Империи с Азиатского Востока. В соседстве с империею стали усиливаться новые завоеватели, османские Турки. С самого начала XIV века они стали нападать на византийскую империю и затем до половины XV века они отнимали у нее город за городом, область за областью, пока не положили конца ее существованию. Сильная опасность со стороны турок стала угрожать византийской империи со времен султана Урхана, который в 1339-м году взял Никомидию, и овладел азиатскими областями византийской империи.

С 1355 года Османы утвердились в Европе. В 1369 г. султан Мурад утвердил уже столицу в Адрианополе. К концу XIV-го

века, при султани Баязете, Турки покорили Македонию, Фессалию, Элладу и Пелопонес. Византийская империя с начала XIV-го века ограничивалась небольшою областью, прилегавшею к Константинополю.

Византийское правительство может быть спасло бы свою империю от Турок, если бы при самом первом напоре этой силы на Европу поспешило соединиться с другими православно-христианскими племенами, занимающими Юго-восток Европы, с Болгарами и Сербам. Но великое несчастье и вина Юго-восточных православных племен заключались в том, что они непрестанно враждовали между собою, и не только не соединялись в виду общей опасности, но даже нередко направляли друг на друга силы врагов. Это несчастье сгубило все Юго-восточные православные государства. Первым из них пала Болгария, подчиненная ближайшим родственным племенем, Сербов. За тем и Сербия, со всеми подчиненными ей племенами, сделалась достоянием Турок; затем пришла очередь и до византийской империи.

Византийское правительство, по старому предрассудку своему, полагало единственный источник спасения на Западе, в Риме. Но Запад Европейский, в котором папство воспитало пренебрежение и ненависть к православному Востоку, не только с равнодушием, но иногда и со злорадованием смотрел на гибель православных Восточных государств, не обращая внимания и на то, что неверная сила, сокрушавшая их, могла впоследствии сделаться опасною для всей христианской Европы. На Западе говорили, что Восток схизматический по справедливости терпит наказание Божье от руки Турок за свое давнее упорство и непокорность римской Церкви. Сами папы, своими прежними воззваниями возбуждавшие в Западных народах только неприязнь к Востоку, не могли уже новыми воззваниями возбудить в них сострадание к погибавшим православным Восточным племенам.

В виду народной неприязни к латинству, византийское правительство на первых порах таило свои новые сношения с папами. В первый раз после несчастной Лионской Унии, Император Андроник младший в 1339 году, по взятии

Никомидии Турками, послал посольство на Запад с просьбою о помощи к авиньонскому папе, Бенедикту XII. Посольство это было отправлено тайно от народа и возложено не на византийского грека, а на пришлеца, ученого греческого монаха из Калабрии, Варлаама, которой сам в последствии оказался виновником большой Церковной смуты на Востоке, едва ли не как агент латинства. Варлаам в двух замечательных речах при авиньонском дворе развивал такие мысли, что Западные христиане непременно должны оказать Восточным помощь против Турок, как по братскому христианскому долгу, так и в интересе своего собственного благосостояния, ибо опасность от Турок не одной византийской империи, а и всей христианской Европе; что бескорыстною братскою помощью Западные христиане скорее всего могут привлечь к себе Восточных христиан, также как прежде они всего более озлобили их против себя насилиями и притеснениями; что до тех пор, пока не пройдет это озлобление, нечего и думать о соединении Церквей, а когда пройдет оно, легко будет устранить и все другие Церковные поводы к разрыву. Беспристрастные доводы Варлаама мало, однако ж, подействовали на латинцев. Они отвечали ему: «а что же если мы подадим помощь грекам, и греки не присоединятся к римской церкви?»»

В 1350 году папа Климент IV-й сам возобновил переговоры о соединении Церквей с греческим Императором Иоанном Кантакузеном. Но Кантакузен, твердо преданный учению своей Церкви и мало нуждавшийся в союзе с папою (потому что он заключил союз с Турками), довольно сухо отвечал папе, что соединение Церквей может состояться не иначе, как после тщательного обсуждения церковных разногласий на Вселенском Соборе, – не на таком Соборе, каков был при Михаиле Палеологе Лионский Собор, а на таком, на котором бы было совершенно свободно и беспристрастно исследовано дело представителями всех восточных патриархов и который бы был собран в котором-нибудь из пограничных городов, на середине расстояния между Римом и Византией». Папы же в то время высказывали такое убеждение, что для соединения греческое Церкви с римскою нет надобности в новом Соборе – так как на

предшествовавших соборах все разногласия, существующие между Церквями, уже разрешены в пользу римской Церкви и таким образом Грекам только остается беспрекословно принять все ее мнения.

Преемник Кантакузена, Иоанн VII-й Палеолог, в виду опасности от Турок, уже проникших в Европу, был гораздо более своего предшественника податлив на желания папы. Он сначала в 1355 году засылал послов к Иннокентию VI-му; затем в 1389 году сам ездил в Рим; униженно целовал папскую туфлю; исповедовал пред Урбаном VI-м латинский догмат об исхождении Св. Духа от Сына; обещал своих детей воспитывать в латинстве и одного из них оставить заложником в Риме в знак верности; взял даже от папы переносный латинский алтарь для отправления латинского богослужения при своем константинопольском дворе.

Все это впрочем делается было без всякого участия со стороны народа и не имело никакого значения для греческой Церкви. В политическом отношении унижение императора пред папою также не принесло никакой пользы Грекам. Папа разослал воззвания к рыцарям иоаннитского ордена, к генуэзцам, венецианцам, убеждал их подать помощь Грекам, соединиться для составления нового крестового похода на Восток; но убеждения папы не имели успеха.

Подобно Иоанну V, и его преемник Эммануил Палеолог (1399–1425 гг.) ездил на Запад в Венецию, Францию, Англию, умолял о помощи пап, Бонифация IX и Иннокентия VII, без всякого успеха. Бонифаций IX убеждал западных христиан подать помощь грекам во имя того, что они всё-таки носят названия христиан, и в той надежде, что они за благодеяние, оказанное им, сделаются покорными сынами римской Церкви, но его никто не слушал. А папа Иннокентий VII должен был прямо сказать самому Императору Эммануилу, что он ясно предвидит неминуемую и скорую гибель Византийской Империи без помощи европейского Запада, но ни чем не может помочь этой беде. Точно также не имело никаких важных последствий и посольство, отправленное Императором Эммануилом в 1414 году на Констанский Собор для испрошения

помощи у западных государей и переговоров о соединении Церквей.

Наконец, предпоследний из Палеологов, Иоанн VI, в виду крайнего положения империи, которая в его время уже вся почти заключалась в стенах одного Константинополя, окруженного со всех сторон турками, и не имела даже и 10.000 собственного войска, решился, во что бы то ни стало, приобрести помощь с Запада, и для этого решительнее всех своих предшественников повел переговоры о соединении Церквей, сначала с папою Мартином IV, потом с Евгением IV, который сам прежде был легатом на Востоке, лично знал положение восточных церквей, и тем ревностнее поэтому готов был стараться о подчинении их своему влиянию.

Папы в то время имели особенные побуждения хлопотать о присоединении греческой церкви. Папская власть в XIV веке, вследствие долгих злоупотреблений, крайней распущенности авиньонских пап и соблазнительных распр между Римом и Авиньоном во время так называемого великого раскола Западной Церкви (1378–1414 гг.), сильно поколебалась. Папы потеряли свое прежнее влияние на Запад Европы; должны были в своей же Церкви, в среде своего латинского духовенства бороться с сильною либеральною партией, которая желала ограничить папскую власть властью вселенских соборов и для этой цели держала уже два собора в Пизе (в 1408 г.) и в Костанце (в 1414 г.), и вновь созывала собор в Базеле (1431–1437 гг.). Папам нужен был какой-нибудь особенно благоприятный случай, какое-нибудь блистательное дело, которым бы они могли поднять свой упавший авторитет в общественном мнении Европы, и взять верх над враждебною им партией. Таким блистательным делом представлялось папству присоединение греческой Церкви. Поэтому папа Евгений IV со всем рвением схватился за предложение Иоанна Палеолога, и готов был даже сделать значительные пожертвования и уступки, и надавать Грекам самых щедрых обещаний, с тем только, чтобы достигнуть предполагаемого соединения церквей.

Между тем и члены враждебного папе Базельского собора, заслышав о намерении греческого Императора присоединиться к римской Церкви, старались склонить его на свою сторону, и расточали пред ним щедрые обещания. Папская и базельская партии готовы были вступить в открытую борьбу из-за того, кому достанется честь присоединения греческой Церкви. Сам Иоанн Палеолог долго колебался, к какой стороне пристать. Наконец папа, надававший ему более льстивых обещаний, склонял его на свою сторону.

Чтобы дать какой-нибудь ход своим замыслам в народе, предубежденном против латинства и всяких сделок с ним, Император всячески старался о том, чтобы предполагаемое соединение не представлялось делом его личного произвола и политических расчетов (как неудачная уния Михаила Палеолога), а свободным делом самой Церкви, вызванным искреннею ревностью о восстановлении мира Церковного. Император поэтому настаивал, чтобы это дело решено было на Вселенском Соборе, собранном со всею важностью и видимым беспристрастием, на подобие древних вселенских Соборов, из представителей Западной и Восточной Церквей. А чтобы придать этому Собору более политического значения, Император просил папу пригласить на него и Западных государей или уполномоченных послов от них для соглашения о поддержании падавшей греческой империи. Папа соглашался на требования Императора тем охотнее, что для него представлялся случай созвать под своим председательством торжественнейший Вселенский Собор и противопоставить его авторитет авторитету базельского Собора.

Долгое время шли переговоры о том, где собрать этот предполагаемый Собор. Греки не хотели, чтобы Собор был созван в Риме, где значение и самостоятельность представителей их Церкви могли быть совершенно подавлены влиянием Западной партии. Но так как нельзя было созвать Собора и в Константинополе, угрожаемом Турками, то они требовали, чтобы Собор созван был в каком-нибудь из итальянских городов, ближайших к Востоку. Решили наконец избрать для этого Феррару. Греки, при бедности своей,

затруднялись тем, на что проехать в Италию и жить там. Папа взялся перевезти их на своих собственных судах и содержать на свой счет во время пребывания их в Италии.

Чтобы дать замышляемому делу вид полнейшего беспристрастия, Император приказал разослать послания по всем Восточным Церквям: чтобы каждый из восточных патриархов назначил от себя по два полномочных представителя на Собор; кроме собственно греческих епископов положено было пригласить представителей и из других православных стран – из России⁶ Болгарии, Сербии, Румынии, Грузии и взять на Собор знаменитейших греческих ученых духовных и светских. Впрочем число всех восточных епископов назначенных на Собор было не более 25-ти; большая часть их принадлежала к константинопольской Церкви и некоторые, вероятно, уже предварительно вошли в соглашение с Императором относительно своих действий на Соборе; из других Церквей, из целых обширных православных стран назначено было по одному, по два представителя. От восточных патриархов представителями были назначены личности, предварительно указанные самим Императором и жившие в Константинополе и после, по усмотрению императорской партии, они произвольно перечислялись от одного патриарха к другому. Во главе всех представителей греческой Церкви, отправились на Собор сам Император и константинопольской, патриарх Иосиф – человек престарелый, больной и слабохарактерный, в котором Император не надеялся встретить какого-либо противодействия своим планам на соборе.

22-го ноября 1437 года греки отправились из Константинополя. 3-го марта 1438 года прибыли в Италию. С самого начала при свидании греческих епископов с латинскими между ними поднялись недоразумения и споры из-за того, какие церемонии должно соблюдать при встрече патриарха с папою: должны ли они встретиться как равный с равным или как низший с высшим или где должно быть устроено на соборе место для греческого патриарха – рядом с папским или в некотором почтительном отдалении от него. Споры из-за подобных внешних церемоний естественно не могли обещать

мирных соглашений в рассуждениях о важнейших предметах разномыслия церковного, о догматах церковных, о правах и самостоятельности Церквей.

Далее греки, надеявшиеся влиянием Собора приобрести для своей Империи помощь с Запада, скоро должны были увидеть, что Собор этот на самом Западе не может быть так влиятелен, как обещал им папа, Папа действительно приглашал на этот Собор Западных государей; но они не являлись и даже не присылали послов своих. Епископов со всей Западной Церкви собралось к открытию Собора только 70, между тем как на других Западных, так называемых Вселенских Соборах, бывало их до тысячи и более. Большая часть Западных епископов сочувствовало враждебному папе базельскому Собору. Тщетно папа гремел прещениями против базельского Собора и приказывал присутствовавшим на нем епископам перейти на Собор в Феррару. Епископы базельского собора протестовали в свою очередь против Собора феррарского и, под угрозой низложения, требовали, чтобы папа распустил его. Далее с первых же месяцев, после прибытия Греков в Италию, папа стал задерживать обещанное им содержание и это, в продолжении всего пребывания греков в Италии, было употребляемо им как одно из действительнейших средств склонить греков к покорности и соглашению. Как скоро греки начинали о чем-либо горячо спорить с латинянами, им не давали содержания; когда же они склонялись к уступчивости, им выдавали жалованье, задержанное за целые месяцы, в награду за послушание.

Летом открылась в Ферраре моровая язва и жертвою ее сделались некоторые из греков. Все это привело греков в такое уныние, что они стали просить Императора о возвращении в Константинополь. Но им сказано было, что нечего думать о возвращении не пришедши к какому либо соглашению с папою, да притом и не на чем и не на что возвратиться (так как у них не было ни своих судов, ни денег)! Некоторые епископы тайно бежали из Италии. Император сделал распоряжение, чтобы из остальных никто не был выпускаем из города. При таком положении дела, конечно, нельзя было думать о серьезном и

беспристрастном исследовании причин разделения и мер к соединению Церквей.

Тем не менее, чтобы дать делу вид настоящих соборных рассуждений, начаты были между греческими и латинскими богословами совещания о главных предметах разномыслия между Церквями – сначала частные с июня; потом торжественные с октября 1438 года. С той и другой стороны избраны были лучшие ученые и ораторы для ведения совещаний. Из Греков преимущественно отличались митрополиты Марк ефесский и Виссарион никейский (оба ученые и красноречивые, – но один твердо преданный православию, другой втайне расположенный к Унии), и светские ученые – Гемист – Плетон, Георгий – Схоларий, из Западных богословов кардиналы Юлиан – Цезарини, Николай – Албергати и ученый испанский доктор доминиканец Иоанн Monte Nigro. Главными предметами споров были: латинское учение о чистилище и прибавление к Символу веры слова Filioque. Относительно первого вопроса не пришли ни к чему определенному, во втором – греческие богословы, основываясь на ясных свидетельствах древних Вселенских Соборов и Св. Отцов, ясно доказали произвольность и несправедливость латинского прибавления к Символу. Западные богословы старались прекратить рассуждения об этом вопросе, в котором ясно чувствовали свою несостоятельность и на место исследования свидетельств древней истории, прямо говоривших против западного нововведения, намеренно старались перевести спор в пустые, отвлеченные, схоластические умствования. Император греческий постоянно внушал своим епископам быть сдержаннее и уступчивее в спорах с латинянами и, чтобы они на самом деле были сдержаннее и уступчивее, приказал за каждым совещанием наблюдать своему светскому чиновнику и обо всем доносить ему; а самым твердым и непреклонным защитникам православия, каков был по преимуществу митрополит ефесский Марк, прямо запрещалось было являться на Собор и вступать в состязания.

Тем не менее, однако ж, приверженцы Унии, видели, что если даже совещания соборные будут продолжаться в таком тоне, как они начались в Ферраре, они никогда не приведут к желаемой цели. Чтобы дать делу другое направление, в начале 1439 года, как бы из опасения возобновления в Ферраре на лето моровой язвы, решились перевести Собор далее в глубь Италии – во Флоренцию. Там предположено было поставить Греков еще в более стесненное положение, и волей – неволей вынудить их к покорности требованиям папским. Для виду и здесь сделано было несколько открытых совещаний об исхождении Духа Святого от Сына. Но эти совещания не имели уже никакого серьезного и искреннего значения. Главный защитник православия, Марк ефесский, на них почти вовсе не являлся. Тайные руководители Унии, каковы были: Виссарион, митрополит никейский и Исидор, русский, в Ферраре еще показывавшие себя преданными православию, во Флоренции явно перешли на сторону Унии. Прочие греческие епископы принуждены были молчать; ораторствовали одни западные богословы о преимуществах западного учения пред восточным.

Когда и такой способ убеждения никого не убедил в преимуществах западного учения пред восточным, Император приказал своим епископам составить такую формулу соединения, в которой бы искусно были примирены или скрыты разномыслия между Церквами, или предложен был бы какой-нибудь способ примирить Церкви, не касаясь вероисповедных разностей между ними. Когда и это подало новый повод в разноречиям и спорам, приказано было, прекратив все рассуждения, прямо отбирать голоса, кто согласен на Унию и кто несогласен. Тогда начали действовать главные руководители уже давно замышленной Унии: Виссарион никейский, Исидор русский и императорский духовник Григорий Мамма. Фальшивыми убеждениями во имя спасения отечества, льстивыми обещаниями, богатыми подарками, роскошными обедами, наконец угрозами и представлением невозможности противоречить папе, живя на его счет в Италии, они стали переманивать одного епископа за другим на сторону Унии. И когда почти все дали вынужденное согласие на нее, составлен

был акт соединения, в котором, по настоятельному требованию папскому, признаны были все незаконные преимущества, усвоенные на Западе римскому престолу и латинское учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына; относительно прочих предметов разномыслия грекам предоставлялась свобода держаться своих древних мнений, или следовать учению римской Церкви.

5-го Июля 1439 года греческие епископы, собравшись у Императора, подписали этот акт измены православию. Недоставало под ним подписи патриарха константинопольского Иосифа, который не задолго перед тем умер, и трех местоблюстителей патриархов восточных: Дионисия сардийского, Антония ираклийского и Марка ефесского. Дионисий умер еще в Ферраре; Антоний не явился на собрание под предлогом болезни; Марк не хотел идти ни на какие сделки с латинством. Антония принудили подписаться на одре болезни, но Марка не могли склонить на измену православию никакие убеждения и угрозы.

Когда принесли к папе этот акт, подписанный греческими епископами, первый вопрос его был: «Подписался ли ефесский?» и когда ему сказали, что нет, Евгений произнес: «Ну так мы ничего не сделали». В этих словах папы верно выразилось и значение Марка, главного представителя православия в то время, и незначительность результатов, достигнутых Собором. Тем не менее акт соединения между греческою и римскою Церквями был торжественно об явлен во флорентийском Соборе 6-го июля 1439 года. А незадолго перед тем, 25-го июня, на базельском Соборе было произнесено осуждение и отлучение на папу Евгения, и решено избрать вместо него другого папу. Неискренность примирения, заключенного во Флоренции между греками и латинянами, стала обнаруживаться немедленно, когда греки еще были в Италии. По заключении примирения между греками и латинцами начались новые споры. Те самые из греческих епископов, которые дали согласие на Унию, не хотели служить и причащаться вместе с латинскими епископами, не хотели поминать имени папского на богослужении. Папа, со своей

стороны, не позволял грекам во Флоренции открыто служить литургию, по греческому обряду.

Когда же греческие епископы возвратились в Константинополь, многие из них прямо объявили народу, что они вынуждены были во Флоренции подписать согласие на Унию, и горько раскаивались в этом, как в измене православию. Народ сильно возмутился против папства, проклинал Флорентийское соединение, и ублажал Марка – твердого защитника православия. При таком положении дела нельзя было и думать о распространении, ни даже об обнаружении Унии. Пытались провести Унию в народ незаметно и постепенно; для этого на высшие места церковные старались возводить тайных приверженцев Унии; на самый патриарший престол константинопольский преемственно один за другим возводимы были униаты – Митрофан Кизический и Григорий Мамма. Старались привлечь народ в Унию тем, что на первых порах позволяли всем последователям Унии безразлично содержать греческие мнения и обряды или латинские. Но твердые и прозорливые защитники православия, Марк ефесский и его ученые последователи: Геннадий Схоларий, сделавшийся в последствии одним из знаменитейших патриархов константинопольских; Сильвестр Сиропул, написавший историю флорентийского Собора и другие поборники православия тщательно разоблачали замыслы и интриги униатской партии, и утверждали в народе преданность православию. В 1450 году три восточные патриарха: александрийский, антиохийский и иерусалимский со многими епископами составили в Константинополе Собор, на котором низложили униата патриарха Григория Мамму, возвели на престол константинопольский православного патриарха Афанасия, и произнесли от всей Восточной Церкви осуждение на флорентийский Собор и на приемлющих его неправоое соединение. Сам Император Иоанн Палеолог, главные виновник этой неудавшейся Унии, еще прежде отрекся от нее пред смертью своею в 1448 году.

Уже при приемнике Иоанна Палеолога, Константине XI, когда Константинополь со всех сторон окружен был турками, за

несколько месяцев до падения греческой Империи, прибыл из Рима кардинал Исидор, бывший митрополит русский, и об явил в храме Св. Софии декрет флорентийского Собора 12-го декабря 1452 года. Греки разбежались из храма, и перестали посещать его, так как он, по их убеждениям, был осквернен униатством. Только три епископа и несколько священников решились принять Унию. Ненависть к Унии в народе дошла до ожесточения. Греки бегали от униатских священников, как от зачумленных и скорее соглашались умереть без покаяния, нежели принять напутствие от кого либо из таких священников. В Константинополе повсюду раздавались клики: «лучше достанемся туркам, чем папистам, лучше турецкая чалма, чем папская тиара». В таких обстоятельствах Константинополь был взят Магометом II, 29 мая 1453 г. Уния флорентийская не только не предотвратила, но может быть, напротив, ускорила падение греческой Империи, возбуждав против греков особенную подозрительность со стороны турок, и, увлекши народ в религиозные волнения в то время, когда ему нужно было сосредоточить все остававшиеся у него силы на поддержание погибавшей свободы и народности.

Запад не оказал никакой помощи погибавшему Константинополю. Правда, была после флорентийского Собора сделана к этому одна попытка; но попытка эта кончилась в высшей степени несчастливо. Воззвания папы Евгения IV, и хлопоты одного из главных деятелей флорентийской Унии, кардинала Юлиана Цезарини, равно как и сознание опасности, угрожавшей от турок всему Западу Европы, побудили, наконец, в 1444 году одного молодого горячего европейского Государя, Владислава Венгерского с большим войском выступить на борьбу против турок. Но войско это было разбито на голову под Варною; сам Владислав был убит, также и кардинал Цезарини. После этого никто из европейских государей не осмеливался противостать сокрушительной силе турок.

Подобно тому как в Греции, и в других православных странах – в России, Грузии, Молдавии, Сербии, Болгарии – флорентийская Уния не имела никакого успеха. В России, при первой попытке возвратившегося из Италии митрополита

Исидора, помянуть имя папы на богослужении, великий князь и народ так восстали против этого, что Исидор едва успел бегством спастись от раздражения народного. Он ушел в Рим и там умер кардиналом; точно также другой из греческих митрополитов, ревностный приверженец Унии, Виссарион никейский, поселившись в Италии, не только в награду за свою приверженность к Унии получил кардинальское достоинство, но и приобрел даже себе такое уважение в Западной Церкви, что его неоднократно хотели избрать папою. Таким образом все результаты Флорентийского Собора по отношению к Восточной Церкви, очевидно, были ничтожны; тем не менее, западные ученые богословы и историки доселе стараются представить эти результаты в другом, совершенно неверном и преувеличенном виде. Они любят указывать на флорентийский Собор во свидетельство того, что вот некогда Восточная Церковь совершенно готова была признать главенство папы и даже латинский догмат об похождении Св. Духа от Сына, и признала бы, еслибы только не помешал этому один человек, мятежный Марк ефесский. Самый ход дела этого ясно показывает, насколько флорентийское определение могло служить выражением убеждений Восточной Церкви, и как вообще Восточная Церковь сама по себе далека была от всяких сделок с латинством, предпринимавшихся во имя ее авторитета лишь несколькими личностями, которые руководились в великом деле церковном даже и не церковными, а политическими или своими личными интересами.

VI. Латинская пропаганда на Востоке после падения Константинополя

После падения Константинополя, римская Церковь не оставила своих стремлений и надежд привлечь к себе греческих христиан; только нашла нужным, сообразно с обстоятельствами, принять новые способы действий для достижения своей цели. Заводить открытые переговоры о соединении Церквей, чрез посредство правительства уже магометанского, стало неудобно, (хотя папы, считавшие себя главами и защитниками христианства, и не стыдились очень скоро вступить в политические сношения и сделки с султанами, которые открыто объявляли себя врагами христианства). Собрать новые Соборы, для рассуждений о соединении Церквей и приглашать на них бедных угнетенных Восточных епископов, папам также казалось теперь уже неудобно, и, может быть, унижительно для их достоинства. Папы нашли удобнейшим действовать на греческих христиан путем насильственной пропаганды, не вступая ни в какие сношения с самими представителями Восточной Церкви. Приверженцы папства, с одной, стороны, стали привлекать молодых богатых греков, лишенных средств к получению высшего образования в своем отечестве в западные школы и университеты; здесь прельщали их блеском западной цивилизации, внушали им мысль, что для греков единственная надежда на политическое восстановление – в союзе с Западом чрез принятие латинства, и таким образом старались приготовить пропагандистов латинства на Востоке из самих же греков. С другой стороны стали отправляться на Восток целые толпы готовых пропагандистов из западных монахов – доминиканцев, францисканцев, бернардинов, лазаристов, и в особенности иезуитов, которые более всего сделали зла Восточной Церкви. Западные пропагандисты действовали на Востоке иногда скрытно, переодетые – под видом простых путешественников, торговцев, или под видом врачей, домашних учителей, проникали в дома влиятельных греков, старались везде распространять склонность к латинству, особенно между

молодыми греками, поручаемыми их воспитанию; распространяли в народе книжки искусно пропитанные латинскими и униатскими мыслями; продавали по дешевым ценам и даром раздавали греческие молитвенники, богослужебные книги, проповеди, катехизисы, перепечатанные на Западе со вставками и изменениями в духе латинства. При содействии послов католических государств, они нередко приобретали и открытое благоволение у турецкого правительства; с дозволения его заводили свои монастыри, коллегии, школы, типографии; имели своих епископов в Греции. Иногда даже, чрез подкупы и интриги, они успевали проводить своих приверженцев и на православные епископские престолы, даже на самый престол патриаршества константинопольского. В народе западные пропагандисты старались распространять склонность к латинству обещаниями освобождения, чрез посредство католических держав. Бывало и так, что иезуиты сами возбуждали между греками политические смуты, волнения, заговоры, и сами же доносили о них турецкому правительству, в надежде воспользоваться такими смутами для своих целей. Вращаясь между римским двором, турецким правительством, послами западных государств, греческою иерархией, православным народом, западные пропагандисты не стыдились для своих целей приставать ко всем и обманывать всех, принимать на себя обязанности политических агентов и шпионов, то папских, то султанских, то какого либо из европейских государств. При такой широкой свободе действия, западные пропагандисты производили не мало смут в греческой Церкви, и иногда успевали отторгать некрепких в вере чад ее к латинству. Впрочем, вообще говоря, приобретения латинской пропаганды на Востоке были незначительны. В большинстве греков несовестливые действия латинской пропаганды не только не воспитывали расположения, напротив, еще более прежнего усиливали негодование и раздражение против латинства. В самом турецком правительстве иезуитские интриги нередко возбуждали подозрения и опасения, – так что нередко само турецкое правительство, независимо от стараний

греческой иерархии, находило нужным ограничивать действия латинских миссионеров между греческими христианами.

Действия латинской пропаганды на Востоке открылись скоро по завоевании Греции турками – под конец XV века. Они открылись первоначально на греческих островах Средиземного и Ионического морей – в Крите, Кипре, Корфу, и в тех поселениях Мореи и Эпира, которые принадлежали венецианской республике. Пользуясь покровительством венецианских властей, папские миссионеры стали распространять здесь латинство между православными греками, и стеснять православную Церковь. По этому поводу Св. Максим философ, патриарх константинопольский, в 1480 году писал послание к венецианскому правительству, в котором просил его положить преграды насильственным действиям латинской пропаганды, а в 1484 году собрал в Константинополе Собор из православных епископов, на котором, для предостережения греков от прельщений латинства, еще раз подтверждено было осуждение на флорентийскую Унию, произнесенное в 1450 году.

С особенною силою действия латинской пропаганды на Востоке, открылись в конце XVI века; папа Григорий XIII (1572–1585 гг.), первый иезуит на папском престоле, обратил все виды римской политики на Восток к распространению латинства в Греции, России и южные славянские страны. Его политике следовали и его преемники: знаменитый Сикст V (1585–1590 гг.), Климент VIII (1592–1605 гг.), Григорий XV (1621–1623 гг.) и др. В 1581 году была отправлена в Константинополь целая партия иезуитов; при содействии французского и австрийского посланников при турецком дворе, они успели исходатайствовать у турецкого правительства позволение основать иезуитский коллегиум в самом Константинополе и деятельно повели свою пропаганду между греками. Одним из орудий пропаганды было в то время распространение между восточными христианами только что обнародованного тогда папою Григорием XIII календаря. Иезуиты имели в виду, начиная с малых и незначительных нововведений, постепенно привлекать восточных христиан к латинству и в более

существенных предметах веры. Тогдашний патриарх константинопольский мужественный и просвещенный Иеремия II, во время, проник замыслы иезуитов, собрал в Константинополе Собор (в 1584 году), на котором и постановлено было не принимать в Восточную Церковь нового календаря. Иезуиты постарались отделаться от проницательного противника; патриарх Иеремия II скоро свергнут был с престола за порицание будто бы турецкого правительства. После него в конце XVI и начале XVII столетий, по проискам иезуитов, на константинопольском патриаршем престоле было несколько таких патриархов, (Пахомий Лесбосский, Рафаил, Неофит, Тимофей), которые если и не были тайными приверженцами латинства, по крайней мере не противодействовали замыслам иезуитов. Иезуиты до того усилились в Константинополе, что начали чрез своего ревностного приверженца, австрийского Императора Фердинанда II, ходатайствовать пред турецким правительством о том, чтобы в Константинополе позволено было жить латинскому патриарху. Ходатайство это, впрочем, осталось без успеха. Мало того, около 1510 года турецкое правительство открыло, что иезуиты в Константинополе служат агентами французского Короля Генриха IV, что они внушают грекам несбыточные надежды на Францию и возбуждают их к возмущениям. Иезуитам угрожала смертная казнь или, по крайней мере, изгнание из пределов турецкого государства. Тем не менее, однако ж, чрез ходатайство австрийского правительства и собственные хитрости, они не только успели спастись, но и опять скоро по прежнему усилились в Константинополе.

Утвердив центр своей пропаганды на Востоке в самом Константинополе, папы для той же цели открыли несколько важных учреждений в Риме. При том же Григорие XIII был основан в Риме греческий коллегиум Св. Афанасия, в котором предположено было давать высшее образование детям богатых греков, конечно в духе латинства. В этом коллегиуме получили образование несколько замечательных ученых из греков и русских, которые сами сделавшись отступниками от

православия, стали всячески стараться о том, чтобы распространить латинство между своими единоплеменниками и изобрели для этой цели несколько новых особенных приемов. Замечательнейшие из этих ученых воспитанников греческого коллегиума были: Петр Аркудий, Матвей Кариофил, Иоанн Каттуний, Франциск Кокка, Николай Аллеман, Каначчио Росси, и, в особенности, Лев Алляций; они стали писать большие сочинения на ту тему, что для Восточной Церкви очень легко соединиться с римскою, потому что эти Церкви всегда будто бы были согласны между собою во всем существенном (даже и в тех западных учениях, которые всегда отвергала Восточная Церковь – напр. в учении о папской власти, об исхождении Духа Святого от Отца и Сына и т. д.). Довольно близкое знакомство с Восточною Церковью и обширная ученость давали этим сочинениям вид правдоподобия и убедительности. Для подтверждения своих мыслей, они также старались разыскивать и издавать старые памятники греческой литературы, в каком-нибудь отношении благоприятствующие мысли об Унии с Римом, выискивать в греческих богослужебных книгах следы согласия с латинскими мнениями, а, в случае надобности, не стеснялись сами выдумывать и выдавать за древние какие-либо свидетельства в пользу латинства; вставлять благоприятствующие латинству выражения в греческие богослужебные книги, и в сочинения древних греческих церковных учителей, перепечатаваемые и издаваемые на Западе и т. д. При таких ученых пособиях латинская пропаганда могла надеяться еще успешнее вести свою деятельность по отношению к Восточной Церкви.

При папе Григории XV в Риме положено было начало громадному миссионерскому учреждению, известному под названием «*Congregatio propagandae fidei*». Это учреждение в течении времени приобрело огромнейшие средства для своего поддержания и распространения. Оно разделено было на несколько отделений, в которых предположено готовить миссионеров для распространения христианства (католического) во всех странах света. В нем, между прочим, обращено было большое внимание на приготовление

миссионеров к распространению латинства между восточными христианами, как православными так и, принадлежащими к различным сектам – между несторианами, армянами, маронитами и др.

При таких широких средствах и усиленных действиях латинской пропаганды, представителям Восточной Церкви со своей стороны нужно было усилить бдительность и направить силы к отражению влияний латинства. К счастью для греческой Церкви, в ней во время самого крайнего ослабления и унижения и самых усиленных действий латинской пропаганды появлялись такие пастыри, которые умели проникать хитрые замыслы иезуитов: посвящали все свои силы на борьбу с ними, и, хотя сами нередко должны были жертвовать спокойствием, честью и жизнью в этой борьбе, однако, успевали во время отклонять от греческой Церкви, угрожавшую ей опасность со стороны латинства. Замечательнейшим из таких пастырей в первой половине XIII века был Кирилл-Лукарис, патриарх, сначала александрийской, потом константинопольской Церкви. После пятнадцатилетнего управления александрийскою Церковью, вступив в 1622 году на патриарший престол константинопольский, Кирилл Лукарис направил все свои силы на борьбу с иезуитством, в то время сильным в Константинополе. Он был человек образованный, много учился, много путешествовал по Европе в молодые годы; находился в сношениях со многими знаменитыми учеными европейских университетов. Он понимал, что успех иезуитской пропаганды на Востоке всего более рассчитан на упадке образования между греками, и потому всячески старался поднять образование в православном народе, поддерживал сношения с западноевропейскими учеными, посылал молодых даровитых людей в западные университеты (из них образовались твердые и ученые поборники православия, каков например был один из учеников Кирилла, Митрофан Критопул, в последствии патриарх александрийский). В самом Константинополе Кирилл основал типографию, с целью печатать в ней сочинения против латинства, для противодействия сочинениям, распространяемым иезуитами; дело это поручено было надзору

ученого греческого монаха Григория Метаксы. С другой стороны, зная, что успех иезуитства много поддерживается пособием политической силы, Кирилл старался, с своей стороны, противопоставить им другую политическую силу. Влияние иезуитов при султанском дворе поддерживалось послами католических государств – Французского и Австрийского. Для противодействия им Кирилл сблизился с представителями протестантских держав – Англии и Голландии. С этого времени успехи латинства на Востоке и самое положение православной Церкви в Греции много зависели от того, какая политическая сила брала перевес при султанском дворе, попеременно поддающемся влиянию то католических, то протестантских держав. Политика Кирилла иногда имела такой успех, что действия иезуитов в Константинополе были совершенно стеснены, и даже, однажды, в 1628 году, ему едва не удалось выхлопотать у правительства указ об изгнании иезуитов из Константинополя. В свою очередь иезуиты направляли все свои усилия против Кирилла; пятнадцать лет патриаршества Кириллова в константинопольской Церкви прошло в непрерывной борьбе. Были попытки привлечь Кирилла на сторону папы мирными соглашениями. От самого папы Урбана VIII был подсылаем к нему легат России (воспитанник коллегии Св. Афанасия) с предложением вступить в союз с Римом на условиях флорентийского единения. Но когда эта попытка не удалась, иезуиты повели борьбу с Кириллом в самом Константинополе. Четыре раза патриарх Кирилл Лукарис был свергаем с престола и на место его происками иезуитов, были возводимы приверженцы их – Григорий Амассийский, Кирилл Контарис, Афанасий Пателларий. В продолжении пятнадцати лет двенадцать раз турецким правительством, которое попеременно поддавалось влиянию то той, то другой партии, производимы были перемены на патриаршем престоле: то возводим был Кирилл Лукарис, то кто-либо из упомянутых приверженцев иезуитской партии, пока наконец иезуитам не удалось отделаться от Кирилла совершенно. Орудием иезуитских действий против Кирилла был прежде всего подкуп. Зная жадность турецкого правительства к деньгам, и, пользуясь

тем постыдным обычаем, что турецкое правительство всегда брало большие деньги при возведении нового патриарха на Константинопольский престол, иезуиты старались возвышать эту позорную цену с тем, чтобы низвергнуть с патриаршего престола своего врага и возвести на него кого-либо из своих приверженцев. А турецкое правительство радо было случаю каждый год менять патриархов и получать при этом новые и все большие и большие взносы; плата за патриаршее достоинство достигла до самой высокой цены, и патриаршая кафедра вошла в неоплатные долги. Другое еще более сильное орудие, пущенное в ход иезуитами в борьбе с Кириллом, была клевета. Они представляли турецкому правительству в неблагоприятном свете сношения Кирилла с западными протестантскими учеными, – дружбу его с английским и голландским Посольством, – обвиняли его в политических замыслах, в измене. В проповедях, говоренных Кириллом, в сочинениях, печатавшихся в его типографии, они выписывали места, направленные против магометанской религии и, являясь непризванными ревнителями сей последней, представляли эти места на вид турецкому правительству. Следствием этого было то, что раздраженные турки разрушили основанную Кириллом типографию и едва не убили самого Кирилла за оскорбление магометанской религии. Не довольствуясь наговорами на Кирилла пред турецким правительством, иезуиты старались оклеветать его пред самую православную церковь. Сношения Кирилла с западными протестантскими учеными, дружбу его с послами протестантских государств иезуиты старались объяснить тем, что Кирилл сам держится протестантских убеждений. В 1632 году напечатано было в Женеве, под именем Кирилла Лукариса «Исповедание веры», написанное в кальвинистском духе. Протестанты обрадовались этому сочинению, видя в нем выражение сочувствия восточной Церкви к протестантству и стали поддерживать молву, что это «Исповедание» действительно написано Кириллом. Иезуиты, являясь на этот раз ревнителями уже не магометанства, а православия, обратили этот случай в новое обвинение против Кирилла. Кирилл не стал гласно протестовать против

приписываемых ему протестантских воззрений, вероятно для того, чтобы не потерять поддержки английского и голландского посольств. При содействии иезуитов, это произвело большую смуту в восточной Церкви. Многие из православных стали подозревать Кирилла в не православии. В 1632 году Кирилл Лукарис был низвергнут с престола. Поставленный на его место приверженец иезуитов, Кирилл Контарис, в 1635 году, собрал в Константинополе Собор, на котором предал проклятию кальвинистское исповедание веры, и Кирилла Лукариса, как его составителя. На других православных Соборах, собиравшихся по этому делу (два раза в Яссах под председательством Феофана, патриарха иерусалимского в 1630 году и Парфения константинопольского в 1642 году, и окончательно на иерусалимском Соборе под председательством ученого патриарха Досифее) Кирилл Лукарис был оправдан от этих обвинений на том основании, что в других сочинениях Кирилла, кроме приписанного ему «Исповедания веры», и в личных беседах его всегда выражалось чистое православное учение.⁷ Как бы то ни было, Кирилл Лукарис и после 1637 года еще три раза был на константинопольском престоле, до самой смерти не преставал бороться с иезуитами. Последнее обвинение иезуитов против него было основано на том, что Кирилл находился в сношениях с юго-западною Россиею, которая тогда в церковных делах зависела от константинопольского патриарха. Иезуиты вывели из этого такое обвинение, что Кирилл подстрекает казаков к нападениям на Турецкую Империю. Турецкое правительство поверило этому доносу и знаменитый Кирилл Лукарис в 1638 году был в последний раз низвергнут с патриаршеского престола, заточен в крепость, удушен там и труп его был брошен в море.

Подобным же образом, и после Кирилла Лукариса, иезуиты старались разделяться с теми из патриархов константинопольских, в которых видели наиболее ревностных противников их замыслам. Так, в 1650 году патриарх константинопольский Парфений II, по проискам иезуитов обвиненный в сношениях с русским правительством, отправлен в заточение, на пути убит и брошен в море. В 1657 году один из

иезуитских аббатов представил визирю письмо патриарха Парфения III к валахскому господарю, в котором патриарх просил господаря прислать денег на уплату патриаршего долга, присовокупляя в увещание ему такие слова: «придет царствие Божие, в котором милостивые получают воздаяние.» Иезуит объяснил турецкому правительству, что под именем царствия Божия здесь высказывается надежда на русское царство. Вследствие этого приказано было уважаемого народом патриарха Парфения повесить на воротах Константинополя; опозоренный труп его три дня оставался на глазах народа и затем брошен в море.

Разделяваясь подобным образом со своими православными противниками, иезуиты также старались отделаться от другой партии, противодействовавшей им – протестантской, которая не мало стесняла свободу их действий в Константинополе. Около 1670 года иезуиты чрез французского посланника стало хлопотать пред турецким правительством, чтобы оно выслало из своих владений гугенотов, переселившихся от гонений Людовика XIV из Франции в Турцию. Но турецкое правительство, находя свои выгоды во взаимном соперничестве католиков и протестантов, отвечало французскому посланнику, что оно согласится выслать гугенотов из своих владений разве только вместе с иезуитами. Это взаимное соперничество двух западных исповеданий, доходившее нередко до самых мелких интриг, унижая их в глазах самой Порты, не мало предохраняло греческих христиан от прельщений пропаганды того и другого исповеданий.

Под конец XVII и в начале XVIII века иезуитская пропаганда между греками, сирийцами, и в особенности армянами до того усилилась и сделалась открытою, что само турецкое правительство нашло необходимым ограничить ее. В некоторых местах иезуитские коллегии были закрыты; иезуитам угрожало совершенное изгнание из турецких владений. В 1694 и за тем в 1707 годах турецкое правительство обнародовало два указа (хатти-шериф), в которых строжайшим образом запрещалась пропаганда латинства; за отступление в латинство в указе 1707 года назначалась ссылка на галеры, а за

увлечение других в латинство смертная казнь. Иезуиты старались уверять турецкое правительство в превосходстве латинства пред всеми другими христианскими исповеданиями, в особенности пред таким, например, как армянское монофизитство. Но турецкое правительство, на суд которого отдавалось иезуитами сравнение христианских исповеданий, совершенно справедливо с своей точки зрения отвечало им: «нам все равно как бы христиане не почитали своего Христа, но иезуиты во владениях султана служат агентами и шпионами папы и других враждебных Турции западных государств; они возмущают наших подданных; на них жалуются все восточные христиане – и православные, и армяне и марониты». Потому и признано необходимым ограничить пропаганду латинства.

Тем, не менее, стесненная в Константинополе, пропаганда иезуитов успешно продолжала свои действия на греческих островах и в Малой Азии. Проповедуя христианство евреям и туркам в Малой Азии, латинские миссионеры всюду старались совращать и православных христиан, уверяя их в том, что римская Церковь будто бы совершенно согласна в своем учении с греческою Церковью и отличается от ней только большим могуществом и большею снисходительностью в церковных требованиях и предписаниях, – напр. относительно постов. По этому случаю патриархи восточные: александрийский, антиохийский и иерусалимский, под председательством константинопольского патриарха Иеремии III, и в присутствии многих греческих епископов, нашли нужным в 1772 году, собрать в Константинополе Собор. На этом Соборе осуждено было римское учение о главенстве папы над Церковью христианскою, о непогрешимости папы и его притязаниях на светскую власть. Также осуждены были и другие важнейшие нововведения латинства; прибавление в Символу Веры слова «Filioque», употребление опресноков в евхаристии, причащение мирян под одним видом, запрещение миропомазания священникам, лишение причащения младенцев, учение о чистилище, пост в субботу. На патриарха Иеремию III также сделан был донос Порте в сношения с русским правительством, находившимся тогда во вражде с Турциею; вероятно это было не без

содействия иезуитов. Турецкое правительство, впрочем, не обратило большого внимания на этот донос. Иеремия был оставлен на престоле; только должен был по этому случаю уплатить 50.000 пиастров штрафа.

В половине XVIII столетия в Риме особенно усилились хлопоты о присоединении греческих христиан к римской Церкви – при папе Бенедикте XIV. Выходя из того предположения, что незначительные успехи латинской пропаганды на Востоке зависят от того, что римские миссионеры не умеют обращаться с греческими христианами, и отталкивают их от себя своею жестокостью и нетерпимостью, папа Бенедикт XIV учил своих миссионеров обращаться с греками, как можно мягче, и относиться с полною терпимостью ко всем греческим обрядам. Он издал даже в 1755 году на этот предмет нарочитую буллу. (*Allatae Sunt*), в которой называл греческие обряды достопочтенными обрядами, и старался уверить восточных христиан, будто римская Церковь всегда относилась с любовью и уважением к их обрядам. Льстивые прельщения латинства также мало, впрочем, имели влияния на греческих христиан, как и прежние насильственные действия его. Между греками в половине XVIII века до такой степени усилилась опять ненависть к латинству, что сам народ стал требовать от иерархии восстановления употреблявшегося на Востоке в средние века, и потом прекращенного, обычая, перекрещивать латинцев при обращении в православие, – чтобы знали латинцы, что в православной Греции смотрят на них, как на некрещеных язычников. Один исступленный монах греческий стал распространять в народе, что сам Бог внушил ему проповедовать о перекрещивании еретиков обращающихся в православную веру. Патриарха константинопольского Паисия II в 1752 году народ изгнал из патриаршеского дома, по подозрению, что он благосклонно относится к латинству. При преемнике его Кирилле V действительно восстановлен был опять в греческой Церкви обычай перекрещивания латинцев, который держится там и до настоящего времени. А при одном из преемников Кирилла, – Самуиле I (одном из самых энергических патриархов константинопольских) на греческом

острове Хиосе, по распоряжению самого турецкого правительства, были заперты латинские храмы и изгнаны латинские миссионеры.

Таковы были отношения между греческою и римскою Церквями со времени падения Константинополя до текущего столетия.

VII. Новейшие притязания папства на Восточную Церковь при папе Пие IX

В текущем XIX столетии особенною ревностью к распространению на Востоке римского влияния отличается правление папы Пия IX. Хотя, может быть, в настоящее время, в самом Риме менее, чем когда-нибудь, остается надежды на подчинение Восточной Церкви римскому господству, тем не менее папа Пий IX, во все свое правление, из всех сил старающийся показывать, что не смотря на жалкое положение папства в настоящее время он признает и удерживает за собою все прежние права и притязания своих предшественников, старался, подобно им, от времени до времени заявлять, что римская Церковь и в настоящее время не оставляет властолюбивых притязаний на Восточную Церковь.

В самом начале своего управления Пий IX, отправляя на Восток своего легата архиепископа Иннокентия для переговоров с Портою по делам политическим, вместе с ним 6-го января 1848 года послал окружное послание ко всем, находящимся во владениях султана восточным христианам с приглашением к соединению. Послание это было обращено ко всем христианским восточным сектам, но, главным образом, в нем имелась в виду православная греческая Церковь. В послании расточались похвалы просвещению и благочестию древнего православного Востока; высказывалась отеческая скорбь о настоящем отчуждении его от попечения и надзора римской Церкви; указывались примеры, с каким почтением и любовью древние знаменитые пастыри Востока относились к римской Церкви; приводились доказательства в пользу главенства папского, давным-давно известные и опровергнутые на Востоке, и в заключение высказывалась надежда на поспешное и решительное «без всякого отлагательства» обращение восточных христиан к римской Церкви. Надежда эта, однако ж, не оправдалась. Послание папы мало произвело влияния на восточных христиан.

В ответ на папское послание константинопольский патриарх Анфим, с подчиненными ему епископами константинопольского Собора, составил свое **Окружное Послание** от лица **Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам**. В этом послании тщательно разобраны представленные папою основания римского учения об исхождении Св. Духа и власти папской; римская Церковь за свои нововведения прямо названа еретичествующею, и послание Пия IX подвергнуто Соборному осуждению. Всем православным христианам внушалось всячески беречься от прельщений папизма, и хранить православную веру, по преемству им преданную, чистою и неповрежденною, как истекла она из уст первых служителей Слова, дабы и в грядущие поколения передать ее без всякого изменения, дабы и они не постыдно и без упрека могли говорить о вере своих предков. Вместе с тем самому папе в этом послании косвенно внушалось, чтобы он не надеялся на успех своего обращения к восточным христианам, что православных христиан никто не может отклонить от веры их предков, подобно тому как и предков не могли отклонить от нее никакие их прельщения, – что в православной Церкви невозможны никакие сделки и соглашения с неправославием, так как в ней ни патриархи, ни Соборы никогда не могли внести ничего нового, так как в православной Церкви хранитель веры есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною, и согласно с верою отцов, как это испытали многие из пап и латинствующих патриархов, со времени разделения нисколько не успевшие в своих против нее покушениях; напротив в западной Церкви, как прежние папы могли удобно по своему произволу и насильственно вводить разные новизны, так нынешнему папе, если он действительно ревнует об истинной вере и единении Церкви нужно было бы предпринять все возможные усилия к тому, чтобы восстановить древнюю чистоту православия. Тогда он по истине был бы началовождем богоугодного предприятия, начальником в **мире** и епископом **в правде**, и православные епископы готовы были бы не только оказывать ему всякую почесть, воздаваемую его

древним православным предшественникам, но и лобызать святую руку, отершую слезы матери Церкви. Это послание было подписано патриархами александрийским, антиохийским, иерусалимским, двадцатью девятью епископами – членами константинопольского, антиохийского и иерусалимского Синодов, и опубликовано во всей православной Восточной Церкви от 6 мая 1848 года. В Русской Церкви оно также было переведено и напечатано «с разрешения Святейшаго Правительствующего Синода».⁸ Кроме того написано было на послание папы несколько частных опровержений весьма обстоятельных.

Двадцать лет после этого папа не делал новых обращений к Восточным христианам, и только в своей консистории неоднократно высказывал жалобы на то, что греки не вняли его отеческому призыву и медлят обращением к римской Церкви. В 1868 году, созывая новый **Вселенский Собор в Риме**, папа 8 сентября опубликовал новое послание к **епископам восточного обряда, не находящимся в общении с апостольским престолом**, в котором он с прежними сожалениями о гибельности разрыва церковного, но уже без всяких новых разъяснений своих прав и без всяких определенных условий относительно соединения, прямо приглашает восточных христиан, **отторгнутых кознями диявола от общения с святою римскою Церковью, обратиться к единому твердому и непоколебимому камню, на котором Христос утвердил Церковь, к средоточию католической истины и единства, т. е. к папской власти и римской Церкви**, и увещевает восточных епископов прибыть для восстановления союза на созываемый им Вселенский Собор, подобно тому, как некогда греческие епископы являлась на лионский и флорентийский Соборы. Понятно какое впечатление должно было произвести на Востоке это новое послание папы. Константинопольский патриарх Григорий, заранее узнавший содержание его из газет, отказался принять его, а послам папским явившимся к нему с этим посланием словесно объяснил, что «так, как папа в своем послании не отступает от своих старых принципов, противных Восточной

Церкви, а Восточная Церковь тем более не имеет никакого основания отступаться от своих древних начал, то между ними никаких новых соглашений и переговоров быть не может, никакое рассуждение и согласие невозможны там, где нет взаимного расположения к нему, проистекающего из согласия убеждений. На предложения папские Восточная Церковь в 1848 году дала ответ, в котором прямо и ясно показано различие между ее апостольскими началами и принципами Рима. Повторять еще раз этот ответ значило бы растравлять застарелые раны и раздражать затихшую ненависть. Соединение Церквей возможно только под условием возвращения всех к древнему католическому православию, от которого мало по малу удалился Рим, образовав пропасть разделяющую его с православным миром нововведенными догматами и правилами, неимеющими основания в священном предании. Поэтому если западные епископы, имея сомнение в каких-нибудь из своих догматов, хотят собраться, чтобы пересмотреть их, пусть они это делают, когда и как хотят. Но православные христиане не имеют никакого сомнения о преданных им догматах веры; поэтому восточные епископы не имеют никакой надобности ехать на Собор, созываемый папою, тем более, что Собор, который хотят называть **Вселенским**, созывается со всем не так, как созывались древние Вселенские Соборы». В подобном же духе отвечал на приглашение папы александрийский патриарх.

Во всех новых обращениях папы к восточным христианам замечательно то, что римская Церковь доселе не оставляет своего гордого самоуверенного тона по отношению к восточной Церкви. Папа приглашает в соединению греческую Церковь не на правах равенства, а на условиях подчинения; он ищет в восточной Церкви не общения, а господства, и смотрит на восточных христиан и на восточных епископов не как на братьев, а как на непокорных подданных, отложившихся от его власти; он приглашает их собственно не к братскому соединению, а к рабскому подчинению себе. В самых сожалениях папы о несчастном разрыве Церквей и о бедствиях, постигших после него православный Восток, высказывается

несправедливая и обидная для восточных христиан мысль, будто не западная, а восточная Церковь была единственной виновницей разрыва и она же несет на себе все несчастные последствия его. Подобным отношением к делу, подобными приглашениями к соединению римская Церковь, конечно, не может привлечь в себе; скорее еще более может возбуждать против себя восточных христиан. Понятно, что до тех пор, пока в Риме неизменится такое отношение к восточным Церквам и к вопросу о соединении, никаких искренних и серьезных переговоров о соединении с римскою Церковью у восточных Церквей быть не может.

Помимо этих открытых торжественных приглашений в соединению, которые в настоящее время едва ли возбуждают какую-нибудь надежду на успех в самом Риме и делаются больше для вида и тона, чтобы показать миру, что пава, и, в настоящее время, при всех своих затруднительных обстоятельствах, не падает духом и не думает отказываться от своих прежних притязаний на восточную Церковь, точно также как и от прав собирать вселенские Соборы и объявлять новые догматы веры, в римской Церкви, в правление Пия IX были придумываемы и даже приводимы в действие и другие меры и предположения к распространению папского влияния в восточных Церквах. На такие меры не мало возбуждали римскую Церковь в последнее время отступники от православия из греков и русских, которые сами, сделавшись изменниками отечественной веры, мечтали и других своих соотечественников увлечь в послушание папству.

В пятидесятых годах ревностным деятелем по вопросу о соединении Церквей явился в Риме знатный и ученый грек Питципиос, по личным неудовольствиям с патриархом константинопольским перешедший в Рим. В 1853 году он представил папе проект, в котором, изобразив в самых резких чертах жалкое состояние восточных Церквей, находящихся в разрыве с Римом и непрактичность всех доселе употребляемых мер латинской пропаганды на Востоке, предлагал новые меры к воссоединению Церквей. В сущности предложения Питципиоса мало заключали в себе нового. Он выражал ту мысль, что для

соединения Церквей необходимо созвать вселенский Собор, при содействии кого-либо из сильных государей европейских – русского императора Николая Павловича или Французского Наполеона III, так как и в древности вселенские Соборы созывались императорами. На этом Соборе должны быть рассмотрены и порешены догматические и обрядовые разности между восточною и западною Церквами. Но прежде вселенского Собора, дабы подготовить к нему христиан восточных и западных, необходимо основать восточное христианское общество, которое бы, имея своих членов на Западе и на Востоке, содействовало делу Унии нравственно и материально. Папа утвердил предложение Питципиоса и в 1855 году открыт был в Риме центральный комитет восточного христианского Общества, состоящий из 12-ти духовных и светских сановников, и ученых богословов римской Церкви, под председательством самого Питципиоса. Питципиос старался действовать в пользу Унии не только личным влиянием, но и учеными сочинениями. В 1855 году издано было им в Риме, с одобрения папского, сочинение «Восточная Церковь» (*L'eglise orientale*), написанное в духе прежней иезуитско-униатской ученой школы Льва Алляция с братиею. Он старался показать в этом сочинении, что соединение восточной Церкви с римскою не представляет никаких существенных затруднений; что восточная Церковь искони находилась в союзе с римскою, признавала авторитет папы и в других догматах была согласна с римскою Церковью; что причиною разделения Церквей были не какие-либо существенные догматические разногласия, а личное честолюбие патриархов греческих, каковы были Фотий, Керулларий и др.; что греки и после разделения всегда желали соединиться с римскою Церковью, и соединились было с нею на флорентийском Соборе, только этому опять помешала гордость к строптивость Марка Ефесского; что отделение от римской Церкви принесло грекам неисчислимые бедствия в политическом и нравственном отношениях. При этом Питципиос не жалел красок, чтобы представить в самих резких чертах невежество, суеверие и нравственный упадок своих соотечественников, греков, продажность, интриганство и

различные злоупотребления греческой иерархии и т. д. При всем том усердие Питципиоса мало принесло плодов. К шестидесятым годам основанное им христианское восточное Общество потеряло в Риме всякий кредит. Сам Питципиос, поживши вблизи римского двора, разочаровался в своем увлечении римскою Церковью. В 1860 году он издал в Париже новое сочинение «Романизм» (Le Romanisme), в котором изобразил темные стороны папства еще в гораздо более резких чертах, нежели в каких описывал прежде своих соотечественников, греков. Главные положения этого сочинения следующие: «существенный характер романизма заключается в стремлении к всемирному преобладанию: это стремление не есть стремление христианское; между христианством и романизмом такая же противоположность, как между светом и тьмою. Романизм – стремление языческое, в первые времена христианства он ознаменовал себя кровавыми преследованиями, воздвигнутыми в Риме против христиан. С разделения Церквей – с X века, и, в особенности, со времен Гильдебранда, романизм утвердился на папском престоле и сообщил римской Церкви тот же характер, каков имела древняя Римская Империя. Основные черты этого характера – насилие, коварство, ложь, унижение всяких человеческих прав, подавление свободы, употребление всевозможных, хотя бы безнравственных средств к распространению повсюду своего господства». Питципиос раскрывает эти характеристические черты романизма в истории Западной Церкви и в отношении ее к Восточным Церквам, и выводит отсюда такое убеждение, что здесь то и заключается существенное препятствие к соединению Восточной Церкви с Западною, так как Восточная Церковь, держащаяся на других началах свободы и братства, никогда не может подчиниться насилию римскому. Такое лестное для римской Церкви сочинение прежний ревностный прозелит ее назвал **политическим новым заветом христианства**.

Одновременно с греком – ренегатом много хлопотал на Западе о присоединении к Риму Восточных Церквей русский ренегат иезуит князь Гагарин. Внимание этого прозелита

латинства естественно обращено было более на его соотечественников русских, также как у Питципиоса на греков. В 1856 году он издал в Париже брошюру «Станет ли Россия католическою?» («La Russie sera-t-elle-catholique?») В этой брошюре он увещевает своих соотечественников, русских, принять Унию с раненою Церковью, так как эта Уния будет весьма выгодна и для русского правительства, которое в католицизме найдет вернейшее средство против великих революционных замыслов и для русского духовенства, которое в союзе с Римом получит больше влияния и самостоятельности, и, конечно, для самого папы. При взаимном соглашении папы, Русского Императора и Русского Синода, Уния, по мнению Гагарина, не представляет никаких затруднений; что касается до разности в обрядах, то папа, конечно, оставит русским неприкосновенность их восточного обряда, а о разности в догматах нечего и говорить, она касается только нескольких пунктов римского учения, относительно которых, притом, на древних вселенских Соборах, так уважаемых, русскою Церковью, не было высказано ничего определенного; поэтому русская Церковь по отношению к этим разностям может держаться совершенно свободно. Предложение князя-иезуита своею нравственною бесцеремонностью возмутило многих образованных русских людей. В ответ ему, в нескольких статьях и брошюрах, была высказана, что руководствоваться в решении вопросов религиозных соображениями выгод недобросовестно я самые выгоды, обещаемые Гагариным от Унии, фальшивы; католицизм не может назваться охраною государств от революции; напротив революции всего чаще случаются именно в католических государствах, и, между прочим, в собственном государстве папы; союз с Римом не может дать православному духовенству большей самостоятельности, а напротив угрожает ему папским деспотизмом; соединение Церквей ни в каком случае не может быть сделано соглашением папы русского государя и духовенства (если бы таковое и могло состояться), так как это касается всего православного народа, который в вопросам веры относится гораздо искреннее и серьезнее, нежели князь-иезуит; в деле соединения Церквей важнейший

вопрос касается разностей догматических, и этих разностей поэтому никак нельзя оставлять в стороне; догматические нововведения римской Церкви Восточная Церковь положительно признает произволом и заблуждением, противным учению древней Церкви, хотя об них и не было прямо говорено на древних Соборах; что касается, наконец, до разности в обрядах, то и в этом, на основании прежних примеров весьма трудно доверяться терпимости и добросовестности папской, которая всегда на первый раз обещает народам, соединяющимся с римскою Церковью, широкую свободу, а потом разными хитрыми и недобросовестными мерами старается в них подавлять всякие проявления свободы... Эти справедливые внушения не охладили в Гагарине усердия к униатской пропаганде.

В 1862 году он опубликовал новый проект Унии (*L'avenir de l'église grecque-unie*), в котором обращает свое внимание уже не на одну русскую, а вообще на Восточную Церковь. Указывая недостаточность мер, предпринимаемых в прежние времена к распространению латинства на Востоке, он предлагает свои меры, в сущности также не новые, для иезуитов. Прежние латинские миссионеры на Востоке, выходившие с Запада, мало знакомые с воззрениями и бытом восточных христиан, по признанию князя Гагарина, не только мало помогали, но иногда и вредили делу Унии; Гагарин рекомендует римской Церкви воспитать новых миссионеров Унии из самих же греков и на самом Востоке, дабы потом чрез них распространить униатскую пропаганду между их соотечественниками. Для этой цели он советует открыть в самом Константинополе центральную семинарию для образования униатского клира из всех восточных наций. Настоятелями и учителями в этой семинарии должны быть люди, несомненно преданные римской Церкви, но такие, которые бы согласились в виду восточных христиан сами во всем следовать восточным обрядам. Таким образом они могут отклонить от себя те подозрения и предубеждения, какие имеют восточные христиане против латинских миссионеров. Проект достойный римской Церкви и ее ревностного прозелита!..

Не мало также от партии русских ренегатов, перешедших в латинство, (Голицын, Мартынов, Шувалов), выпущено было других сочинений по различным богословским и церковно-историческим вопросам, – с целью разъяснить восточным христианам, что для восточной и преимущественно для русской Церкви нет существенных препятствий к соединению с римскою Церковью, так как в ней всегда будто бы была склонность к такому союзу, что в самых богослужебных книгах Восточной Церкви есть доказательства в пользу латинских догматов о главенстве папы, об исхождении Духа Святого от Отца в Сына, о чистилище, о непорочном зачатии Пресвятой Девы, что определения флорентийского Собора обязательны для Восточной Церкви, что Св. Кирилл и Мефодий, просветители славянских племен, были приверженцы римской Церкви, что русская Церковь также основана была римскими миссионерами и долгое время (века до XV до митрополита Ионы или около того) находилась в союзе с римскою Церковью и т. д. Все эти мнения, основанные на самом произвольном истолковании исторических фактов, много раз и вполне основательно были опровергаемы православными писателями; тем не менее усердные прозелиты латинства не перестают при всяком удобном случае распространять их и доселе, чтобы колебать совесть нетвердых в вере и мало знакомых с историею Церкви своих прежних соотечественников. Не мало также в первые годы папства Пия IX хлопотал в Риме и в Париже об усилении средств латинской пропаганды на Востоке один поляк или точнее сказать – ополяченный русский из западного края Ипполит Терлецкий, в 1831 году, после неудавшегося польского восстания, бежавший из России и сделавшийся за границей униатским священником. В 1846 году он прибыл в Рим, и здесь, при содействии некоторых знатных особ, русской католической княгини Зинаиды Волконской и некоторых католических епископов, представил папе новый проект распространения Унии на Востоке. Главная причина малых успехов Унии между восточными христианами заключалась, по мнению Терлецкого в том, что в римской Церкви все еще недостаточно показывалось терпимости к обрядам восточных христиан. Нужно, чтобы

обряды всех христианских восточных обществ пользовались совершенною равноправностью как между собою, так и с римским обрядом. На этом основании, по мысли Терлецкого, открыт был в июне 1847 года **Комитет для уравнивания обрядов**, членами которого были епископы всех восточных униатских Церквей – греко-униатской, армяно-униатской, маронитской, мелхитской. В таком же духе Терлецкий предложил устроить коллегия для образования миссионеров на Востоке, в которой бы могли приготавливаться в миссионерству способные молодые люди из всех восточных племен – из греков, русских, армян, сирийцев, коптов и т.д. Набравши для своей цели довольно денег, Терлецкий сам отправился на Восток разыскивать способных молодых людей для приготовления к миссионерству, и щедрыми обещаниями успел привлечь к этому делу несколько человек. Революция 1848 года расстроила планы Терлецкого и помешала ему устроить коллегия в Риме. Тогда он перенес свою деятельность в Париж и здесь также нашел сильных покровителей своему делу в лице главы польских эмигрантов, князя Чарторыйского, французского графа Монталанбера, Парижского архиепископа Сибура, знаменитого проповедника Лакордера и др. В начале дело Терлецкого пошло довольно успешно и ему удалось открыть в Париже свою коллегия, и новый комитет для соединения Церквей, состоящий большею частью из проживающих в Париже польских эмигрантов. Но потом материальные средства Терлецкого истощились; в коллегия его никто не шел учиться и предприятие Терлецкого также, как и предприятие Питципиоса, наделавшее в начале много шуму, кончилось ничем.

Испытывая неудачи новых проектов и планов к распространению своего влияния на Востоке, папа Пий IX заботился также и об усилении старых уже испытанных средств и орудий латинской пропаганда. Главных из таких орудий остается доселе *Congregatio propagandae fidei*. В начале шестидесятых годов папа образовал особенную, комиссию из членов пропаганды для обсуждения мер к успешнейшему распространению католицизма на Востоке. Комиссия признала нужным учредить в Риме новую постоянную конгрегацию для

специального заведывания делами восточной пропаганды. Об открытии этого нового учреждения папа опубликовал особенную буллой 6 января 1862 года. «С первых дней нашего первосвященства, говорятся в этой булле, мы обратили свои взоры на Восток в пламенно молились благу и милосердному Богу об утверждении в вере тех, которые находятся в единении с апостольским престолом, и о возвращении в лоно римской Церкви, вне которой нет спасения, тех восточных христиан, которые от нее отчуждены... Мы понимаем, что наше апостольское призвание возлагает на нас обязанность посвящать нашу отеческую заботливость и усугубленные усилия на духовное благо Востока... Поэтому, будучи в высшей степени озабочены духовным благом восточных христиан, и будучи при том готовы на всякое предприятие для этой цели, мы учреждаем, нынешними своими апостольскими определениями, постоянную Конгрегацию для специального заведывания делами пропаганды в Восточных Церквях. Новая Конгрегация, по усмотрению кардинала – префекта пропаганды, составит из достаточного количества кардиналов, и будет иметь своих отдельных советников и своего секретаря... С этою целью признается нужным созвать в Риме несколько духовных лиц, известным по своим познаниям в языках и делах Востока, которых содействие может принести большую пользу новой Конгрегации. Конгрегация эта будет носить название «Конгрегации пропаганды для дел восточного обряда».

Как идут дела этого нового учреждения, направленного против самостоятельности Восточных Церквей, и имеет ли оно какие-нибудь успехи мало известно. Папство не перестает обольщать себя надеждами на распространение своего влияния на Востоке. На Западе от времени разглашают слухи, что дела римской пропаганды идут ревностно и неутомимо, и имеют свои результаты. Тем не менее, помимо частных уклонений к католицизму из среды православия, возможных конечно между людьми слабо преданными своей вере, или увлекающимися какими либо фальшивыми расчетами, вообще говоря, римская пропаганда на Востоке теперь менее, чем когда либо, может рассчитывать на значительные успехи. Если и в прежние

времени при самом блестящем развитии папского могущества, и самом крайнем положении православного Востока, Восточная Церковь, при помощи Божьей, неизменно сохранила в продолжении многих веков святой залог православия – твердость веры и самостоятельность церковного управления, – то тем менее может надеяться папство поколебать ее самостоятельность в настоящее время, когда самостоятельность самого папства так сильно колеблется на саном Западе Европы.

VIII. Латинская пропаганда в славянских странах. Старания Римской Церкви о подчинении под ее власть славянских племен, при самом обращении их в христианство

Еще более, чем грекам, пришлось терпеть от властолюбивых латинских притязаний славянам. Славянские племена, раскинувшиеся на обширнейших пространствах в середине между округами константинопольского и римского патриархатов – между Восточной и Западной Церковью, издавна обращали на себя внимание той и другой, и в продолжение многих веков были предметом постоянной борьбы между ними. Славянские племена обнаруживали особенную склонность к Восточной Церкви, так, что православие можно назвать по преимуществу их родным любимым исповеданием. Тем не менее Западная Церковь никогда не оставляла надежд и стремлений привлечь их на свою сторону, и в значительной степени успела в этом. В самом начале своей христианской истории, все славяне исповедывали православную веру с восточным обрядом. Теперь, кроме славян населяющих Россию, целая половина остальных перешла к Западной Церкви. В настоящее время, кроне русских, только южные болгары и сербы остаются православными; большая часть западных (поляки, чехи, моравцы, словаки, хорваты) сделались католиками; некоторые, чрез католицизм, перешли в протестантство. Таким образом Западная Церковь в среде славянского мира оторвала от православия целые племена – целые миллионы славянского населения. Каким образом это совершилось? В настоящее время, когда наука только что стала обращать внимание на историю славян, еще мало исследованы темные пути латинской пропаганды в среде славянского мира; тем не менее, по самой обширности результатов, достигнутых здесь Западной Церковью, можно предполагать, каких хитростей, усилий и насилий стоило здесь западной пропаганде отторжение от православия нескольких стран и народов.

Проповедь христианская между славянами, жившими близко к границам восточной и западной Империи, начала распространяться очень рано – в самые первые века христианской истории. И в то время, когда еще Западная и Восточная Церковь были совершенно согласны между собою в своем духе и в своих верованиях; славяне не делали различия между ними, и принимали христианство, откуда какому племени было ближе и удобнее – славяне, жившие по берегам Черного моря и Дуная от миссионеров греческих, а те, которые жили около Адриатического моря – от миссионеров латинских. У тех и других было уже несколько епископских кафедр; из них восточные примыкали к округу константинопольского патриарха, а западные к римскому округу.

Христианство между славянами в начале было очень непрочное. Христианские населения составляли слабое меньшинство среди преобладающего язычества. Почему христианство в то время не было принимаемо у славян целыми племенами, существенною причиною этому, между прочим, было то, что славяне тогда не слышали христианской проповеди на своем языке; те из них, которые принимали христианство от восточных священников, должны были принимать греческое богослужение, а от западных – латинское. Славянам не хотелось подчиняться ни греческому, ни римскому влиянию, и большинство их предпочитало оставаться язычниками; меньшинство, принявшее христианскую веру, было, поэтому, слабо. Почти нет известий, чтобы славяне – христиане били стесняемы в исповедании своей веры своими единоплеменниками славянами – язычниками. Но когда в их страны приходили новые сильные варварские племена, и покоряли их себе, они нередко подавляли у них христианство. Так у западных славян Паннонских, христианство в V веке было подавлено гуннами; у южных славян придунайских успехи христианства в VII веке были на время задержаны пришлым племенем болгарским, (болгары пришедшие в дунайские страны от берегов Камы и Волги, были по происхождению своему не славянского племени, и уже, в последствии,

поселившись между покоренными ими славянами, они слились с ними).

В таком положении находилось христианство у славян до IX века. С IX века открылось особенно сильное влияние христианства на славянские страны – с Востока и с Запада. И так, как в это время уже начинала обозначаться существенная разность в характере и направлении Восточной и Западной Церкви, – Восточная Церковь по отношению к славянам являлась развивающею, духовнопросветительною, Западная же подавляющею политически завоевательною силою, то славяне с этого времени стали обнаруживать явное сочувствие к Восточной Церкви, а от Западной стали отвращаться. На Востоке к славянам придунайским христианство проникало от греческой Церкви через частных людей мирным путем; – при частых столкновениях болгаров с греками, от греческих пленных, забираемых в плен болгарскими войсками; наконец, из тех славянских поселений, которые сохранили остатки издавна принятого ими христианства и под владычеством болгаров, христианство распространилось в землях занятых болгарами – незаметно, но постоянно, так, что в половине IX века само правительство болгарское, в начале противодействовавшее христианству, начало склоняться к нему. На Западе – к паннонцам, морavam, чехам и прибалтийским вендам. Христианство шло от Западной Церкви правительственным путем, завоевательною политическою силою. Карл Великий, усердный приверженец и в то же время самовластный распорядитель Западной Церкви, друг и союзник пап, покоривши своей власти германские племена, и насильственным образом утвердивши христианство у тех из них, которые доселе еще находились в язычестве, захотел распространить свои завоевательные и миссионерские стремления и на соседственные с ними западные славянские страны. Его примеру следовали его преемники, и с этого времени западные славянские страны стали подвергаться постоянному политическому и религиозному гнету со стороны западной **священной** римской Империи, представители которой (западные Императоры), при всех своих нередких частных

несогласиях с папами, считали однако ж своею обязанностью распространять, сколь возможно далее, духовное господство римской Церкви. В землях славянских стали появляться немецкие войска и вместе с ними латинские миссионеры; проповедь латинства шла повсюду с распространением политического влияния немцев в славянских странах. Как скоро где утверждалось господство немцев, воздвигались латинские храмы, поставлялись латинские священники, и даже учреждались целые епископии для таких славянских стран (напр. для прибалтийских вендов), в которых еще совсем не было распространено христианство (по известному обычаю римской Церкви поставлять епископов *in partitas infidelium*, т. е. для стран вовсе не принадлежащих к римской Церкви, но в которых она заранее надеется впоследствии утвердить свое господство). Вожди славянские с своими дружинами, попадавшие в плен к немцам, заставляемы были силою принимать христианство. Понятно, однако ж, что такой способ латинской пропаганды не мог внушить западным славянам расположения в римской Церкви. Поэтому не смотря на все старания западных миссионеров, подкрепляемых военною силою, – несмотря и на то, что у западных славян была уже достаточно подготовлена почва к принятию христианства, и было расположение к нему, – христианство подвигалось у них очень туго. Славяне, в особенности прибалтийские венды, которые всего более подвергались гнету немцев, ожесточенно сопротивлялись распространению латинства, – убивали латинских миссионеров, изгоняли латинских священников, неистово ругались над христианским богослужением, не смотря на то, что дух религиозного преследования вообще был чужд славянским племенам. Славяне видели здесь не религиозную, а больше политическую борьбу. Отстаивая свое старое язычество против латинской пропаганды, славяне вместе с тем отстаивали свою народную самостоятельность против господства немцев.

Между тем около половины IX века от Восточной Церкви, из под руководства тогдашнего знаменитого представителя ее, патриарха Фотия, вышли в среду славянского мира два великие проповедника – Св. Солунские братья Кирилл и Мефодий,

которые обратились к славянам с проповедью слова Божия на их родном языке; которые составили для славян, соответствующую свойствам их языка азбуку; перевели важнейшие священные и богослужебные книги на славянский язык, и всюду где ни проповедовали, вводили православное богослужение на славянском языке. Радостная весть об этом быстро распространилась по всем южным и западным племенам славянским, и славяне друг пред другом спешили призывать к себе проповедников святой истины на родном языке. Свв. Кирилл и Мефодий сначала насадили христианство в южных пределах России – в Тавриде, где под владычеством турецкого племени хазар жили русские славянские племена, и около своего родного города Солуны между македонскими славянами. За тем Борис, князь болгарский, призвал к себе Св. Мефодия, и принял от него христианство. Далее весть о благословенной деятельности святых братьев проникла и к западным славянам. И западные славяне так несочувственно слушавшие приходивших к ним латинских проповедников, теперь сами стали звать к себе проповедников с Востока. В 862 году князья моравские Ростислав и Святополк и паннонский Коцел прислали в Византию просить к себе проповедников, которые могут возвещать славянам величие Божие на их родном языке. Успешно распространилась христианская проповедь в Моравии и Паннонии и свв. проповедники успели даже в короткое время из среды самих славян приготовить себе надежных помощников – учеников, которые могли бы продолжать их дело после смерти их. Отсюда христианская вера проникла в Богемию (при князе Боривое и его жене Людмилле) и на берега Вислы (в Польшу). И сербы, занимающие обширное пространство земли между Адриатическим морем и Дунаем (нынешнюю Далмацию, Кроацию, Черногорию, Герцеговину, Боснию и собственно так называемую Сербию), у которых доселе христианство держалось только по местам довольно слабо, услышав о славянской проповеди Свв. Кирилла и Мефодия, приняли теперь большинством православную веру со славянским богослужением, вместе с подчинением влиянию

константинопольского Императора Василия, македонского славянина по происхождению.

Таким образом, почти весь славянский мир (кроме внутренних стран России и прибалтийских славян, до которых не дошла проповедь Свв. Кирилла и Мефодия) огласился звуками православного богослужения на славянском языке.

В Западной Церкви не могли не обратить внимания на быстрые успехи христианской проповеди между славянами, и папам, конечно, очень лестно было воспользоваться плодами проповеди Свв. Кирилла и Мефодия, как нередко они пользовались плодами проповеди знаменитых миссионеров, хотя не ими посланных на дело проповеди. По отношению к западным славянам, папы могли достигнуть этого довольно легко. Кирилл и Мефодий насаждая христианство в Паннонии, Моравии и Богемии, не старались и не считали себя в праве по иерархическому управлению отторгать эти страны от Западной Церкви, в которой тогда только что начали возникать неправославные нововведения, но которая еще не считалась неправославною, и не разрывала союза с другими православными Восточными Церквями. По вызову пап, Кирилл и Мефодий беспрекословно ходили в Рим давать отчет в своей проповеди и искать защиты против интриг и притеснений местного немецкого духовенства. Папы Андриан II, Иоанн VII в свою очередь всячески старались ласкать Свв. Кирилла и Мефодия точно также, как ласкали они германского просветителя Бонифация и скандинавского Ансгария, с расчетом пользоваться плодами деятельности знаменитых проповедников. И хотя проповедь Кирилла и Мефодия, вполне согласная с духом и началами Восточной Церкви, противоречила тем новым учениям и стремлениям, какие в то время начинали распространяться на Западе, папы намеренно старались не обращать на это внимания. Местные немецкие епископы, ближайшим образом заинтересованные в успехе влияния над славянскими племенами, и глубоко озлобленные быстрыми успехами проповеди Кирилла и Мефодия в тех странах, где они в продолжение долгого времени не успели ничего сделать, вступили с ними в ожесточенную борьбу,

постоянно интриговали против них при дворе немецких Императоров и моравских князей, неоднократно доносили в Рим, что Кирилл и Мефодий распространяют богослужение на славянском языке, между тем, как в Западной Церкви уже начинал входить в силу принцип не допускать в церковном употреблении живых народных наречий, – что они учат об исхождении Св. Духа от одного Отца, между тем, как на Западе уже начало распространяться чтение Символа веры с прибавлением «и Сына» (*Filioque*), – что это может иметь последствием отторжение западных славян из под власти папской; но папы, которые были хитрее и дальновиднее немецких епископов, намеренно, как бы не придавали никакого значения этим донесениям и обвинениям и продолжали ласкать солунских проповедников, даже сами намеренно, вопреки своим принципам, одобряли сделанный свв. братьями перевод святых книг на славянский язык, благословляли совершение славянского богослужения, высказывали даже сомнение в законности западного прибавления *filioque* (Иоанн VIII); писали за Кирилла и Мефодия лестные ходатайственные письма к немецкому Императору, к паннонскому и моравскому князьям; грозили немецким епископам запрещением, если они будут притеснять Св. Мефодия, и т. д. Следствием всего этого было между прочим то, что западные славянские страны, с самого начала своей христианской истории, стали в исключительное религиозное положение. По духу своего исповедания – по неискаженному Символу веры, по обрядам принесенным от Восточной Церкви, по богослужению на народном языке, они внутренне сроднились с православною Восточною Церковью, но по внешнему иерархическому управлению, они стали в тесную зависимость от римской Церкви, которая в то время уже начинала отступать от православия, но от славян, так сказать, скрывала свои неправославные тенденции.

Между тем, недовольствуясь подчинением западных славян, римская Церковь простирала свои виды и на юго-восточные славянские страны, к которых издавна христианство было распространено греческими миссионерами, и которым по самому географическому положению всего удобнее было в

церковном отношении пристать в округу константинопольского патриарха. Папа Николай I, услышав об обращении болгарского князя Бориса, завидовал тому, что Болгария присоединилась к греческой Церкви, и сначала стал просить константинопольского патриарха Фотия добровольно уступить ему Болгарию на том основании, что Болгария, по древнему государственному разделению Римской Империи, входя в состав иллирийского округа, причислялась в западной половине Империи и следовательно к округу Западной Церкви. Под условием уступки Болгарии папа, между прочим, обещал на первых порах признать Фотия законным константинопольским патриархом. Но когда патриарх Фотий высказал папе, что он не намерен и не считает себя в праве уступить римской Церкви Болгарию, в Риме стали Громить Фотия анафемами, а в Болгарию из Рима стали появляться миссионеры, которые злонамеренно старались возбудить болгар против греков, внушая им сомнения о законности прав константинопольского патриарха и православия греческих обрядов, и обещали им большие политические выгоды и церковную самостоятельность в союзе с Римом. Болгаров на первых порах, казалось, не трудно было отвлечь от греческой Церкви потому, что болгары часто находились в неприязненных отношениях с греками, и могли опасаться того, как бы чрез церковную связь с Византиею, не подпасть политическому влиянию греков. По внушению римских агентов, князь Борис решился било изгнать из своей зѣмли греческих священников и заключить союз с папою. Папа прислал в Болгарию своих епископов и священников. Замечательно, что здесь римские миссионеры действовали совершенно вопреки папской политике, в то время выказывавшейся в Моравии и Паннонии. Там римская Церковь, полагаясь на иерархическое подчинение Риму западных славян, и стараясь, как можно крепче привязать их к себе, позволяла им до времени исповедовать неповрежденный восточный Символ, совершать богослужение на славянском языке и держаться восточных обрядов. Здесь напротив, рассчитывая на племенную неприязнь болгаров в грекам и всячески стараясь сделать ее как можно более сильною, римские миссионеры

(вероятно не без соизволения папского), на первых же порах старались искоренить всякие следы греческого церковного влияния в болгарской стране. Они сразу стали вводить здесь и совершение богослужения на латинском языке, и чтение Ствола с прибавлением *filioque*, и безбрачие духовенства, и соблюдение постов по западному обычаю, и даже стали вновь миропомазывать болгар, уже миропомазанных греческими священниками, уверяя их, что миропомазание, совершаемое простым священником недействительно. Дух недобросовестной и притязательной римской пропаганды скоро стал ясен для болгар; окружное послание Фотия, написанное по этому поводу, раскрыло неправославные нововведения Западной Церкви, и князь Борис, на деле, увидевший не искренность папских прельщений и обещаний, решился разорвать союз с Западной Церковью. На константинопольском Соборе 869 года при патриархе Игнате, не смотря на все возражения папских легатов, новоустроенная болгарская Церковь навсегда закрепила духовную связь с православною Восточною Церковью.

Таким образом в церковной истории западных и южных славянских племен, с самого начала их обращения в христианство, обозначилось то различие, что южные славяне не только приняли православную веру от Восточной Церкви, но и вступили с нею в тесный иерархический союз; западные же славяне, хотя также первоначально приняли чистую православную веру с восточными обрядами и славянским богослужением; но, по иерархическому управлению, примкнули к римской Церкви, неправославие которой им было мало тогда заметно, как не вполне оно заметно было еще и всему православному Востоку. Следствием этого различия в дальнейшей судьбе славянских племен было между прочим, то, что южные славяне, находились в живом союзе всего православного восточного мира, более и более укреплялись в православии, несмотря на все происки и усилия латинской пропаганды; западные же славяне, увлекаемые общим течением западно-европейской жизни, более и более стали

заражаться неправославием Западной Церкви, несмотря на всю свою неприязнь к латинству.

IX. Судьба христианства у западных славян после св. Мефодия. Насильственное утверждение латинства у прибалтийских славян, поляков, чехов, венгров, хорватов, галицких и угорских русских. Последствия влияния Римской Церкви для западных славян

После величайшей в истории славянства эпохи Свв. Кирилла и Мефодия, на время объединившей почти все славянские племена единством чистой веры и духовного просвещения, история южных и западных славян, разделенных внешним образом чрез вторжение мадьяр в среду славянского мира в начале X века, пошла опять особыми путями. Юго-восточные славяне стали в живое соприкосновение с православным восточным миром; западные славяне не могли не увлечься общим течением исторической жизни западно-европейских католических племен. По своим церковным отношениям юго-восточные Славяне находились в живой связи с греческою Церковью, пребывавшею в неизменном православии; западные же славяне подчинялись римской Церкви, которая с X века все более и более отступала от православия. Следствием этого было то, что славяне юго-восточные с течением времени все более и более укреплялись в православии; западные же мало по малу стали поддаваться неправославным римским нововведениями, принимать латинское богослужение, вместо славянского, западные обряды вместо восточных. Нужно, впрочем, сказать, что это искоренение православия латинством и в западных славянских странах совершалось медленно и с большим трудом. Славяне, изначала полюбившие православную веру с восточным обрядом и богослужением на родном языке, сколько могли, отстаивали свою духовную самостоятельность против притязаний латинства; римские нововведения утверждались здесь с большим трудом и позже, чем во всех других западных странах. Римской пропаганде нужно было в продолжении

многих веков употреблять всевозможные хитрости и насилия, чтобы привлечь западных славян к католицизму, и при всем том она далеко не вполне достигла своей цели. Немногие из славян (поляки, отчасти хорваты) сделались хорошими католиками, горячо преданными римской Церкви; в большей части других племен католицизм утвердился непрочно и готов был колебаться при всяком новом неблагоприятном для Рима движении исторической жизни, и почти во всех славянских странах в большей или меньшей степени сохранились следы сочувствия к православной Церкви, к восточным обрядам, к богослужению на родном славянском языке. Замечательно также и то, что во всех западнославянских странах искоренение православия латинством шло рука об руку с подавлением самой славянской народности. Где более утвердился католицизм, там более изменились свойства народного характера, народного быта, коренного славянского языка, там более вторгнулось в народную жизнь славянскую чуждых элементов романно-германского быта; там менее поэтому осталось и залогов к нравственному и политическому восстановлению славянской народности, в духе коренных самостоятельных славянских начал.

Скорее всего католицизм утвердился в тех западнославянских странах, которые были дальше от восточных Церквей и более находились в сношениях с западно-европейскими романо-германскими государствами, – у прибалтийских славян и поляков.

Прибалтийские славяне – венды, поморяне, стодоряне, бодричи, лютичи и др., занимавшие большую часть земель нынешнего Прусского государства, и бывшие когда-то самыми богатыми, могущественными и развитыми из всех племен славянских, стали подпадать влиянию немцев и католицизма, со времен Карла Великого, и за тем постепенно были подавляемы им в продолжении IX, X и XI веков. Немецкие государи посылали к ним вооруженные войска и вместе с ними латинских проповедников, для утверждения между ними своего религиозного и политического влияния. Славяне в продолжении нескольких веков ожесточенно отстаивали свою веру и

народность, но наконец должны были уступить силе. В XI и XII веках земли прибалтийских славян были завоеваны соседними католическими владетелями: немецкими, польскими, датскими; вместе с тем утверждалась в них и католическая вера насильственными средствами. Но утверждение католицизма и иноплеменного господства сопровождалось здесь совершенным падением славянской народности. Самая энергичная часть славянского населения была истреблена в вековых кровопролитных войнах с немцами за независимость. – Оставшиеся за тем славянские семьи и общины, смешавшись с расселявшимися между ними немцами, стали постепенно подчиняться влиянию немцев, и мало по малу совершенно утратили сознание самобытности своего племени, народные нравы и обычаи, самый язык народный. Следы сильной и широко распространенной здесь некогда славянской народности сохранились только в нескольких славянских наименованиях местностей и то искаженных немцами, и в небольших остатках славянских населений в нынешней Пруссии и Саксонии. Нельзя сказать, впрочем, чтобы и господство католицизма распространенного насилием, утвердилось здесь прочно. В этих странах более, чем где-нибудь, в средние века удерживалась приверженность к древним языческим суевериям и неприязнь к латинскому духовенству. В XVI веке протестантизм распространился здесь скорее всех других стран.

В Польше начала православия с славянским богослужением и восточными обрядами, заложенные при Св. Мефодии, держались также не долго. Благоприятным временем для распространения православия было здесь царствование князя Мечислава, который, вступив в брак с чешскою княжною Дубравкою, находился в близких сношениях с Богемиею, тогда православною страню. Но затем, уже при сыне Мечислава и Дубравки, первом польском Короле Болеславе храбром, стал утверждаться здесь католицизм. Болеслав завел связи с немецкими Государями и с папою. В Польше явился из Богемии епископ Войтех, ярый проповедник латинства и гонитель православия во всех западных славянских странах. С благословения папы, в Польше основаны были латинское

епископство в Познани и архиепископство в Гнезне. Последующие польские государи стали еще более сближаться с западною Европою, и вместе с тем здесь более и более распространялся католицизм. Впрочем, в некоторых местах Польши славянское богослужение и восточные обряды держались до XIII и XIV веков; и вообще Польшу даже до XVI века нельзя было назвать вполне преданною католицизму страню. Здесь сохранялась еще в значительной степени религиозная свобода, с склонностью поддаваться всяким влияниям враждебным католицизму. Уже с XVI и с XVII веков, с того особенно времени как иезуиты были введены в Польшу Королем Сигизмундом III, получили большое влияние при дворе и захватили в свои руки воспитание польской аристократии, Польша в лице высших классов своего населения сделалась самою ревностною более всяких других европейских стран католическою страню, способною к самому крайнему фанатизму. В ней начались ожесточенные преследования на все другие христианские исповедания. Она сделалась рассадником и центром латинской пропаганды в другие восточные страны, между прочим в Россию. Такое сильное католическое влияние и для польского народа не обошлось, конечно, даром. Поляки не утратили, подобно прибалтийскими славянам, внешних признаков славянской народности; за то иезуитское влияние в высших классах польского населения воспитало такие свойства, которые нравственно исказили их народный характер, сгубили политическую жизнь Польши, и поставили поляков в самые ненормальные и неприязненные отношения к другим славянским племенам. В Польше развились: крайняя религиозная нетерпимость, чрезмерное возвышение высших классов народа с крайним унижением и подавлением низших. Кошунственное смешение религиозных побуждений и интересов с политическими; темное политическое коварство, разрешающее пользоваться самыми незаконными и преступными средствами для достижения задуманных целей – все это не природные славянские, а по преимуществу, можно сказать, католические свойства. Поляки задались призванием быть проводниками западного, между прочим католического,

влияния в другие славянские страны, и в иных случаях стали заявлять себя открытыми врагами национальных славянских интересов, преследователями своих единоплеменников – славян. Отсюда происходит и их исключительное ненормальное положение в среде других славянских племен, и особенное сочувствие к ним со стороны западных, особенно католических народов, и их ожесточенная вековая вражда с Россией – главной представительницей православия и славянской народности на Востоке. При всем том, конечно, и Польшу нельзя еще считать совершенно погибшею для православия и славянства страной. В развитии низших классов народа, не столько еще испорченных иезуитскими влияниями, и в сближении их с народом русским, есть залог к возвращению польского племени в среду других славянских племен, в вместе с тем в среду православия.

В Богемии православная вера с славянским богослужением, принятая от Св. Мефодия при князе Боривое, держалась уже крепче, и только, после многовековой борьбы, должна была уступить место насильственному влиянию латинства. Первые христианские князья Богемии, Боривой и его жена Св. Людмила, их дети Спитигнев и Вратислав и особенно внук Св. Вечеслав были приверженцами православной веры; при них совершалась в Церквах богемских славянская служба. По управлению церковному Богемия хотя и подчинялась власти немецкого регенбургского епископа, но главным источником духовного просвещения была для ней Моравия, бывшая тогда главным центром православия на Западе, и имевшая своих славянских епископов. Латинство стало усиливаться в Богемии под конец X века при князе Болеславе II, когда Богемия стала более втягиваться в интересы западно-европейской жизни. При нем открыто было в Праге, с благословения папы, латинское епископство, и основались в Богемии первые латинские монастыри; при нем, по повелению папы, в церквах богемских стало распространяться латинское богослужение, на место славянского. Особенно ревностным деятелем в распространении латинства явился второй пражский епископ Адальберт или Войтех, родом чех – славянин, но воспитанный

немцами. Он всюду искоренял православие наравне с остатками самого язычества; и старался распространить латинство не только в Богемии, но и в других соседственных странах – у поляков, моравцев, венгров, прибалтийских славян, у которых, наконец, и жизнь положил за свою ревность к латинству. При всем том, латинское богослужение принималось в Чехии с несочувствием. Чешские князья и священники неоднократно просили у пап разрешения совершать службу по-славянски, и, хотя папы этого не позволяли, славянское богослужение с восточными обрядами продолжало держаться в некоторых чешских Церквах. Главным оплотом православия был здесь Еммаусский монастырь на реке Сазаве, основанный в половине XI века замечательным чешским подвижником Св. Прокопием Хотунским. Немцы несколько раз разоряли этот монастырь, разгоняли из него славянских монахов, сжигали славянские рукописи, и вводили богослужение по латинскому обряду. Но преданиям Св. Прокопия долго поддерживали в Емнаусском монастыре приверженность к восточным обрядам. В конце XI века (1096 года) папа Григорий VII окончательно запретил в Богемии совершение славянского богослужения. Но вытесненные из храмов славянские песнопения хранились в памяти народной, и долго еще чешский народ, среди непонятных звуков латинского богослужения, любил повторять родное ему «Господи помилуй». В народе хранилась память о старой чистой вере Св. Мефодия, которую он различал от веры латинской. Между тем правительство и высшая иерархия в Чехии были уже совершенно на стороне латинства. В XII, XIII и XIV веках в Чехии более и более принимались латинские нововведения; распространялись католические монастыри; вводилась католическая инквизиция. В народе на все это смотрели с крайним несочувствием. Почти каждое нововведение принималось не иначе, как после значительного сопротивления. Так обычай безбрачия духовенства был введен в Богемию уже более столетия спустя после распространения его в других западных странах, и римской кардинал, присланный от папы Целистина III для введения этого обычая в Чехии, едва не был побит камнями. Еще с большим

негодованием приняты были в Чехии: отнятие евхаристической чаши у мирян, запрещение причащать младенцев и введение инквизиции. Неприязнь народа к латинству сказывалась между прочим в том, что в Чехии с сочувствием принимались всяческие учения и секты, враждебные папству, особенно такие, которые обращались к народу с проповедью на народном языке. Катары, вальдепсы, долларды, преследуемые в других странах, находили себе убежище и сочувствие в Чехии. Наконец, когда на Западе Европы сделались возможны открытые протесты против папства, чехи первые выступили с сильнейшим протестом в известном гусситском движении. Гусситское движение в Чехии имело не религиозный только, но и национальный смысл; чехи восставали в нем против господства папы, и вместе с тем против влияния немцев. С религиозной собственно стороны в гусситском движении сказывались протест против католицизма, и вместе с тем стремление возвратиться в древнему православию – к родной некогда чехам и еще не совсем забытой вере Св. Мефодия. Восставая против римской Церкви, чешские учителя того времени высказывали сочувствие к Церкви восточной, и нередко, в обличенье незаконных нововведений и притязаний латинства, прямо ссылались на греческие учения и уставы. В собственных понятиях своих о Церкви, об иерархии, о таинствах, о почитании святых, даже в учении об похождении Св. Духа гусситы более всех других западных обществ приближались к учению Восточной Церкви. Наконец между чехами обнаружилось прямое желание соединиться с православною Восточною Церковью. Некоторые из учителей чешских предпринимали путешествие на Восток, с целью ознакомиться ближе с состоянием Восточной Церкви. В 1450 и 1452 годах чехи посылали посольство в Константинополь с исповеданием веры и предложением соединения. В Константинополе одобрили их исповедание, и из явили радостную готовность принять чехов в общение православия. Но несчастные в то время политические обстоятельства православного Востока помешали чехам соединиться с Восточною Церковью. Оставшись одинокими на Западе с

своими стремлениями и разделившись на несколько партий, они не могли выдержать неравную борьбу со всею латинскою и немецкою Европой, и сохранить свою политическую и религиозную самостоятельность. Папы и западные государи соединенными силами поднимали против Чехии несколько крестовых походов. Новые учения, распространявшиеся на Западе Европы, колебали нравственную самостоятельность убеждений чешских. В XVI и XVII веках, за исключением некоторых остатков гусситской партии в так называемых «общинах богемских и моравских братьев», большая часть чехов была снова обращена в католицизм; другая, по несочувствию к католицизму, пристала к протестантскому движению. Чехия сделалась главным поприщем ожесточенной борьбы между католичеством и протестантством, и более всех стран Западной Европы пострадала от нее. Наконец, с подданством чехов (с половины XVI века) габсбургскому правительству, которое всегда отличалось особенною приверженностью к католицизму, совершилось в Чехии давно желанное папством утверждение католицизма. При Императоре Фердинанде II, после несчастной для чехов битвы при Белой Горе (8 ноября 1620 года), в которой чехи в последний раз пытались отстоять свою самостоятельность, католическая вера была об явлена в Чехии не только господствующею, но единственно терпимою. Все члены **Общества братьев** были изгнаны из Чехии; протестантам об явлен был полугодовой срок обратиться в католицизм, или выселиться из страны; все храмы были обращены в католические; большая часть знатнейших и влиятельнейших представителей чешской страны казнены; другие бежали; имения их конфискованы правительством. Вместе с утверждением католицизма, приняты были все меры к подавлению национальной самостоятельности чехов. Престол королевства чешского, бывший доселе избирательным, об явлен наследственным в фамилии Габсбургов; употребление чешского языка в школах и судах стеснено; высшие должности в стране замещены немцами. Во время тридцатилетней войны чешская страна подвергнута была всем тягостям и бедствиям военного насилия, ограблена и разорена. Население страны

уменьшилось почти вчетверо; из трех миллионов народа в Чехии осталось только восемьсот тысяч. В Чехии вновь было распространено до двух сот католических монастырей. Иезуиты получили сильнейшее влияние в стране, захватили в свои руки народное воспитание и направили все силы к тому, чтобы окончательно подавить в народе сознание своей самостоятельности, истребить памятники его древней истории и литературы, совершенно переделать чешскую историю на свой образец. Такими-то средствами наконец Чехия была сделана католическою страню. Но и то, как оказалось, не совсем и не навсегда. С конца прошлого века, когда национальность чешская была повидимому совсем уже убита, и высшие классы в ней совершенно уже онемечились, благодаря пробудившемуся в Европе стремлению к восстановлению подавленных национальностей и низших классов народа, благодаря оживленной и усердной деятельности многих ученых чешских патриотов Добровского, Шафарива, Ганки, Палацкого, Колара и других), в Чехии вновь стало пробуждаться сознание национальной самостоятельности. Вместе с тем мало по малу начинает в ней обнаруживаться и реакция против католицизма. Как скоро дана была чехам большая свобода вероисповедания, опять появились между ними и протестанты, и приверженцы гусситства, и начинает опять показываться некоторое сочувствие к православию. С дальнейшим развитием народной самостоятельности, католицизм должен ослабевать в Чехии более и более; ибо не могут чехи долго оставаться искренними приверженцами того исповедания, которое сделало так много зла их народности.

Далее к Югу – в славянских землях нынешней Австрийской Империи – там где было главное поприще проповеди Свв. Кирилла и Мефодия, в Моравии, Паннонии и близких к ним землях западных сербов – в Кроации и Далмации – православие еще дальше и крепче выдерживало борьбу с латинством, и, несмотря на все усилия латинской пропаганды, доселе не мало оставило своих следов. В Моравии и Наннонии, немедленно после смерти Св. Мефодия, поднялась сильная борьба против православия со стороны латинства. Главным

представителем православия здесь был Горазд, ученик Св. Мефодия, который должен был остаться после него архиепископом в моравском Велеграде; во главе латинской партии стоял шваб Вихинг, епископ Нитры, еще при жизни Св. Мефодия постоянно интриговавший против него, и после его смерти, продолжавший свою интригу против его учеников. Вихинг наклеветал моравскому князю Святополку, что славянские учителя проповедуют нечистое учение, возмущают народ, и, получив от князя дозволение, воздвиг на них жестокое гонение. Славянских священников выгоняли из домов, лишали имущества, сажали в темницы, мучили, вынуждали отрекаться от восточных обрядов. Ближайших учеников Св. Мефодия – Горазда, Климента и других после восьмидесяти дневных истязаний в тюрьме, в сопровождения солдат, вывели за границу, и прогнали за Дунай разными дорогами (они нашли себе приют и покровительство в православной Болгарии). Но и после изгнания учеников Св. Мефодия, немцам не удалось скоро истребить здесь следы его проповеди. Сам Вихинг – враг православия и славянства – скоро был изгнан из Моравии. В Моравии и Паннонии продолжало держаться славянское богослужение с восточными обрядами и славянской иерархией. Но в начале X столетия моравские и паннонские славяне потеряли свою политическую самостоятельность. Большая часть их стран, за исключением северных областей, отошедших к Богемии, были завоеваны венграми – воинственным народом чудского племени, пришедшим с Востока. Венгры, в то время, были язычники; но, поселившись между православными славянами, они и сами скоро стали поддаваться влиянию православия. Первые князья венгерские – Гюлай, Бульчи, Гейза (около половины X века) приняли христианство от Восточной Церкви. Напротив, проповедников латинских они старались не допускать в свои владения, подозревая в них шпионов германского правительства. Сближение венгров с немцами и с латинством началось со времени первого венгерского Короля Св. Стефана (царствовал с 997 до 1038 года), который женился на дочери германского Императора Генриха II – Гизели. Гизель была ревностная католичка; вместе с нею пришло в страну

много латинских священников, и она всячески, при помощи интриг и преступлений, старалась, чтобы престол венгерский после Стефана был занят приверженцем католицизма. Но когда, по ее интригам, владельцем Венгрии был провозглашен племянник Стефана, сын венецианского дожа – Петр, и с ним еще пришли в страну итальянские священники, венгры взбунтовались, убили князя Петра, прогнали латинских священников, и возвели на престол православного князя Андрея (1046 г.), взяв с него клятву, что он не будет стеснять их в отправлении прежних обрядов. Так сильна была между венграми и подвластными им славянами приверженность к православию уже в половине одиннадцатого века. Такая приверженность не могла скоро ослабеть, и есть несомненные факты, показывающие, что в Венгрии и в XII веке держались и были преобладающими обряды восточные: духовенство было женатое, посты соблюдались строго по восточным обычаям, литургия совершалась на квасном хлебе и с проскомидией, причащение преподавалось под двумя видами, святые иконы и священнические облачения делались по образцам греческим, в монастырях держался греческий устав и т. д. Связь с православием поддерживалась тем, что короли венгерские находились в близких сношениях с императорами византийскими (напр. Бэла III воспитывался в Константинополе и при воцарении своем дал обещание греческому императору Эммануилу Комнину поддерживать православие в своей стране). Но в начале XIII столетия главный оплот православия – Константинополь был взят латинянами – крестоносцами. На Востоке, также как и на Западе, повсюду стало распространяться влияние латинской политики. Венгерское правительство не было сильно сопротивляться этому влиянию, и скоро втянулось в интересы папской политики так сильно, что напр. венгерские короли Эмерик и Бэло IV в тринадцатом веке являются уже гонителями православия в своей стране, и извещают готовность, по внушению пап, идти крестовым походом в восточные славянские страны для распространения латинства между сербами и болгарами. Народ, сохранявший приверженность к восточным обрядам, конечно, не мог

сочувствовать такой политике правительства; тем не менее, однако ж, латинство, при пособии политической силы, стало более проникать в страну. Папы с XIII века стали употреблять новый прием для привлечения в Западную Церковь христиан восточного исповедания. Убедившись в том, что прямое и принудительное распространение латинского богослужения и западных обрядов между этими племенами только более возбуждает их против римской Церкви, папы, со времен Иннокентия III и Латеранского Собора 1214 года, стали привлекать православные племена тем, что оставляли им до времени в прежние обряды и богослужение на народном языке, требовали от них только преданности и подчинения епископам, поставляемым от Рима. В будущем можно было рассчитывать, что эти епископы, постепенно поставляя везде единомысленных с собою священников, мало по малу будут распространять в народе и латинское богослужение, и латинские обряды. А народ, мало сведущий в делах веры, увлекаемый предательским влиянием иерархии, может и не заметить, как у него обряды восточные будут вытесняться западными. Таким-то образом постепенно латинство было распространено в странах, занятых венграми. Нужно впрочем сказать, что и венгры, и живущие около них славяне, долго не могли сделаться вполне хорошими католиками. В этих странах также довольно сильно сказывалось сочувствие к оппозиции против папства, что свидетельствовало о нетвердости их католицизма. В XVI веке Венгрия была сильно волнуема протестантством, социнианством, идеями враждебными папству. Католицизм утвердился и здесь прочно только тогда, когда Венгрия, вместе с Чехией, подчинялась власти габсбургского правительства и подпала всем козням и насилиям иезуитского влияния. В последние века венгры стали заявлять себя ревностными католиками, и сделались, подобно полякам, в руках немцев и иезуитов орудием к угнетению православия и славянской народности в близ лежащих к ним, и подчиняющихся их влиянию, славянских странах.

Подобным же образом православие было вытесняемо латинством и во всех других славянских странах, в различные

времена присоединявшихся в Венгрии и Австрии. В XII веке присоединились к Венгрии земли иллирийских сербов, Далмация и Кроация. Здесь также была распространена православная вера, едва ли не ранее всех других племен славянских. При Кирилле и Мефодие, эти племена приняли славянское богослужение, и, хотя по управлению церковному, причислялись к округу римского папы, тем не менее долго хранили у себя приверженность к восточным обрядам. Здесь славянская народность, приверженная к православию должна была столкнуться уже не с немецкою, а с итальянскою народностью, еще более немецкой приверженною к католичеству. Папы в X и XI веках употребляли всевозможные усилия к тому, чтобы утвердить латинство в Далмации и Кроации, – собирали Соборы (в Сплете Соборы 925, 928 и 1059 г.), запрещали славянское богослужение, запечатывали православные церкви, не позволяли поставлять во священники никого из знающих славянский язык, посылали архиепископские паллиумы далматским епископам и королевские короны хорватским князьям, под условием искоренения в народе обрядов не согласных с обрядами римской Церкви. Но все эти насильственные меры мало имели успеха. В XIII веке папы вынуждены были дозволить иллирским сербам совершать богослужение на славянском языке, – но с тем, чтобы книги церковные были писаны у них не кирилловскими письменами, употреблявшимися у всех православных славян, – но другими, так называемыми глаголицкими, в точности неизвестно когда изобретенными, но которые западная пропаганда в средние века избрала средством к тому, чтобы отвлекать западных славян от литературного общения с православными восточными славянами. Глаголицкие письмена в богослужебных книгах мало по малу были заменяемы латинскими, – потом в самый состав православных богослужебных книг вносились латинские молитвы и песнопения; – наконец, славянское богослужение и совсем заменялось латинским. Разумеется, все это могло совершиться не иначе, как в очень продолжительный период времени; и при всем том латинской пропаганде, со всеми ее хитростями и насилиями, все-таки не удалось обратить в

латинство всех иллирских сербов. В Кроации и Далмации доселе существуют целые православные епископства, в которых не смотря на все стесненные обстоятельства и совершенное разобщение от православного восточного мира, твердо хранится православная вера, с восточными обрядами, с богослужением на славянском языке – по книгам, получаемым из восточных славянских страж. В самых окатоличенных хорватах и далматинцах приверженность к богослужению на народном языке держится еще так сильно, что римская Церковь уже в позднейшие века, даже в прошлом столетии, из опасенья, как-бы хорваты и далматы, по любви к народному языку, не стали обращаться в православие, – неоднократно позволяли делать для них новые издания славянских богослужебных книг в **глаголицких письменах**, и разумеется с разными искажениями.

Точно также действовала латинская пропаганда между русскими поселениями, издавна находившимися в венгерских (угорских) землях, потом в XV и XVI веках увеличившимися от новых переселенцев, приходивших сюда из западной России от притеснений литовского и польского правительства, и в Галичине (старой Червонной Руси) присоединенной к Австрийской Империи от Польши. Русские, живущие в Угорщине, не смотря на свое разобщение с другими православными восточными церквями и происки латинства, в продолжении многих веков, хранили свое православие. Угорские епархии Пряшевская и Мукачевская только в прошлом столетии разными стеснениями и обольщениями были привлечены в Унию. В Галичине хотя стала распространяться Уния еще со времен Брестского Собора с конца XVI столетия, как и в других западно-русских областях; тем не менее пока Галичина оставалась под властью Польши, в ней еще было православие довольно сильно; окончательное утверждение униатства и здесь последовало уже в прошлом столетии, под управлением австрийского правительства. Римская Церковь, обещавшая всем западно-русским униатам оставить неприкосновенными православные восточные обряды с тем только условием, чтобы они признавали подданство папе, тем не менее однако ж всегда сильно старалась в западно-русских

областях и доселе старается в униатских церквях галичины и угорщины постепенно подменять восточные обряды, молитвы, святцы западными. Общая тактика, посредством которой западная пропаганда мало по малу успевает переводить живущих под австрийским господством русских из православия в униатство, а из униатства в латинство, опять состоит в том, что католическое правительство всегда усердно старается высшие иерархические места в этих странах замещать своими ревностными агентами; при этом иногда так бывает, что прямо подчиняют католическим архиепископам униатских епископов, а униатским епископам православных священников. Католицизм таким образом незаметно распространяется сверху вниз; архиепископы стараются везде иметь единомысленных себе епископов, а епископы подбирают таковых же священников. Народ, хотя и приверженный к своей старой православной вере, но мало сведущий в делах религиозных, и намеренно оставляемый в невежестве католическою иерархией, сам того не замечая, мало по малу подпадает влиянию латинства. Латинские агенты, утверждая в народе униатство с примесью настоящих латинских обрядов, тем не менее стараются держать народ в таком заблуждении, что это то и есть его старая настоящая православная вера, а та напротив, которую исповедуют в русском государстве, есть совсем другая, не православная, схизматическая, искаженная. Разумеется, и здесь между галицкими и угорскими русскими подавление православия везде сопровождается подавлением самой народности русской. Ревностными помощниками иезуитам австрийскому правительству в этом деле являются поляки и мадьяры.

Таковыми-то способами римская Церковь успела почти всех западных славян, составляющих до ныне более двадцати миллионов населения, преимущественно в австрийских владениях, славян, бывших когда-то православными, составлявших родное давнее достояние Восточной Церкви, постепенно отторгнуть от православия. Многие из них сделались настоящими католиками, более или менее ревностными; другие чрез католицизм перешли в

протестантство. У иных католической пропаганде в продолжении нескольких веков удалось заложить только начало перехода к католицизму, – Унию. Тем не менее, однако ж, при всех насилиях, при всех хитростях, латинской пропаганде все еще не удалось даже и доселе истребить между западными славянами следы православия. В Далмации, в Кроации – между сербами, в Буковине и Венгрии – между русскими остаются еще православные епископства. Православные сербы, живущие в южных областях Венгрии, и на так называемой Военной Границе, остаются православными. Во всех австрийских владениях существует 13 православных епархий, находящихся под верховным ведением сербского Карловицкого митрополита, которому недавно австрийское правительство дало титул патриарха. Между многими галицкими и угорскими русскими униатство держится только по неволе, а многие из них в простом народе даже и не знают, что они униаты, искренно продолжая считать свою веру настоящею православною старою русскою верою.

В последнее время между всеми почти западно-славянскими племенами стало обнаруживаться довольно сильное национальное движение. Стесняемые со всех сторон немцами – в Чехии и Моравии, мадьярами – в Славонии и Кроации, итальянцами – в Далмации, поляками – в Галичине, увлекаемые с другой стороны повсюду пробуждающимися идеями свободы и народности, западные славяне почувствовали необходимость сильнее укрепить основы своей национальности и теснее соединиться между собою. Повсюду распространяется уважение к славнейшим представителям славянской национальности в веках древних; стремление в взаимному сближению, к изучению родного языка минувших судеб славянской истории; заводятся национальные школы, ученые общества, начинает развиваться литература на различных славянских наречиях. Католическая Церковь не могла, конечно, остаться невнимательною к этим движениям тем более, что движения эти обещают в будущем принять неблагоприятное для католицизма направление. Агенты латинства, где можно, всячески стараются подавить эти

движения; являются на славян первыми доносчиками и стражами пред правительством; возбуждают опасения пред славянским движением в общественном мнении и западноевропейской политике; более и более направляют на славян: немцев, мадьяр, поляков и наконец самих славян стараются всячески раз единить и перессорить, внушая им различные недоразумения и предубеждения друг против друга. С другой стороны: там, где подавить славянское национальное движение оказывается трудным, являются иезуитские попытки овладеть этим движением, дать ему католическое знамя, католическое направление, обратить его в пользу католической Церкви. Во главе движения являются поместам тайные агенты латинства и стараются дать ему направление неприязненное по отношению к православному Востоку. На ряду с добросовестными исследованиями древних судеб славянской истории, являются исполненная всеми атрибутами учености, но проникнутые католическими тенденциями, сочинения, в которых история славянства представляется в искаженном виде. Является в католической Церкви небывалое доселе уважение к чтимым всеми славянами именам Свв. Кирилла и Мефодия; строятся храмы; пишутся исследования; составляются ученые иезуитские общества в честь их. Вместе с тем распространяется в ученом мире мнение, что Кирилл и Мефодий оставили славянскому миру не ту азбуку, которую пишутся книги у православных восточных славян – у русских, сербов и болгаров – **не Кириллицу, а Глаголицу**, которая издавна служила для римской пропаганды средством к отторжению западных славян от Востока и от Православия. И вместе с тем между славянами, приверженными к родному языку и желающими восстановления его при церковном богослужении, проводится такая мысль, что теперь уже древне-славянский богослужебный язык Свв. Кирилла и Мефодия, (который может служить крепчайшим залогом единения для славян западных и восточных) слишком устарел, что теперь лучше каждому славянскому племени употреблять священные книги на своем местном наречии, чтобы таким образом между западными славянами не употреблялись древлеславянские богослужебные книги православной

Восточной Церкви. Является стремление ослабить возникающую самобытную славянскую литературу раздроблением на множество местных отраслей, я тем вновь раз единить племена славянские; западных сербов стараются уверить, что у них язык не тот, какой у православных восточных сербов, и потому им нужно иметь свою особенную литературу **иллирскую**, моравцев хотят оторвать от литературного общения с чехами; для галицких русских также составляется особенная письменность, особенная литература, чтобы они меньше имели общения с православною Россией. Под видом упрощения письменности являются попытки для различных славянских наречий составлять новые азбуки и местное правописание, чтобы более вводит умственное раз единение в славянский мир. Наконец всем западным славянам, при всяком удобном случае внушается предубеждение против православной России и русской Церкви, а также и против Церкви греческой. Временно все эти вражеские обманы и внушения имеют успех. Иногда самые замечательные деятели славянской науки и славянского национального движения, (как, например, знаменитый чешский ученый Копытар, сербский поэт Вук Караджич, хорватский публицист Гай, большая часть польских писателей) являются вольными и невольными орудиями иезуитских замыслов.

Тем не менее истина по времени все более и более берет верх над обманами; славянская самобытность развивается; славянское единство крепнет, и в будущем развитие славянской самобытности и славянского единения несомненно более обещает благоприятных результатов для Восточной Церкви, а не для Западной.

Х. Латинская пропаганда в восточных славянских странах – у сербов, болгаров и русских

И между восточными славянскими племенами – сербами, болгарами, русскими, – римская Церковь, с самого начала их обращения в христианство, в продолжение многих веков, пыталась распространить свое влияние. Для этого она пользовалась своими обычными средствами – старалась привлекать восточных славян к союзу с западными государями, прельщала князей их царскими коронами и архиереев архиепископскими палиями, – возбуждала католических государей к крестовым походам на славянские земли, посылала отряды монахов распространять латинство в славянских странах, пользовалась в особенности политическими несчастьями, которым подвергался православный Восток, указывая ему единственное спасение в союзе с Западом. Но все эти меры мало имели успеха. Восточные славяне оставались верны принятому ими православию. Если некоторые из государей их, находясь в затруднительных обстоятельствах, и не желая раздражать против себя европейский Запад, выказывали иногда склонность к союзу с Римом, для народа это имело мало значения. В большей части случаев восточные славяне выказывали такую твердую приверженность к православию и такое несочувствие к латинству, что скорее готовы были подвергаться самым тяжелым политическим бедствиям, нежели склоняться на союз с Римом. И твердое национальное чувство в этом случае не обманывало их. Никакие политические бедствия, никакой, гнет чужого и самого варварского господства не сделали на Востоке столько вреда славянской национальности, сколько повредило ей влияние латинства на Западе. Православие всегда было для восточных славян крепчайшею опорою народной самостоятельности, – так что они после самого тяжелого многовекового рабства вновь могли выступать на поприще исторической жизни с крепкими еще силами, с надеждами на будущее, не утратив, подобно западным славянам, коренных свойств своей народности под

чуждым влиянием. Вместе с православными догматами и обрядами Восточной Церкви всегда сохранялись у них, как крепчайшие залого подкрепления и оживления народного духа, богослужение на родном языке, и национальная письменность, завещанная от первых великих учителей славянства – Свв. Кирилла и Мефодия.

Восточных сербов (т. е. населявших нынешнее княжество Сербское, Боснию, Герцеговину, Черногорию римская Церковь стала привлекать к себе, вместе с западными сербами, далматскими и хорватскими), как только они утвердились в странах, ими занимаемых с конца VII века и в начале до X века, когда Сербия еще не имела твердого политического устройства и была разделена на множество мелких владений, из которых одни больше примыкали к Византийской Империи, а другие к западным государствам, римская церковь могла рассчитывать между ними на некоторый успех. Некоторые из предводителей и князей сербских, обольщаемые папскими обещаниями, находившие политические выгоды в союзе с Западом, и опасавшиеся политического влияния Византии, соглашались признать в своих владениях господство папы, удерживая, однако ж, славянское богослужение, принятое при Св. Мефодии. Так в конце XI века Григорию VII удалось склонить на свою сторону сильнейшего из властителей сербских, великого жулана Диоклеи или Зеты (нынешней Черногории) Михаила Воиславича; архиепископ Диоклейский получил при этом *pallium* от папы. При всем том сербы более сочувствовали Восточной Церкви, нежели Западной. Во второй половине XII века между сербскими князьями явился человек решительный и сильный, твердо укрепивший православие в сербской земле и давший всей истории сербской твердое, определенное направление – это был Св. Стефан-Неманя, владелец не очень значительной доселе сербской области – Расы, мало по малу подчинивший себе и других сербских властителей. Он в малолетстве крещен был латинским священником, но потом сам в зрелом возрасте, по убеждению, перешел в православие, решившись даже принять вновь крещение от православного епископа (как было тогда в обычае

в Восточной Церкви перекрещивать латинцев, обращающихся в православие). Стефан-Неманя ревностно старался искоренять латинство и другие ереси, бывшие в сербских землях (арианскую, богомильскую), и утверждать повсюду православие. Под конец жизни он принял монашество на Афоне с именем Симеона и после смерти, как угодник Божий, прославлен даром чудотворений.

По смерти Св. Симеона-Немани новые опасности стали угрожать православию в сербской земле. Между двумя сыновьями его – Волканом, владевшим северо-западными сербскими землями и Стефаном, который после отца остался великим жупаном восточной Сербии, открылись междоусобия. Волкан стал склоняться к Западу и получив королевский венец от папы Иннокентия III, об явил себя приверженцем римской Церкви. Стефан находясь в трудных обстоятельствах, стесняемый братом и склоняемый убеждениями жены своей, дочери венецианского дожа Дондоло, также вынужден был, по крайней мере, наружно показывать расположение к союзу с Римом. Между тем православию угрожали опасности на всем Востоке. Константинополь был взят крестоносцами, которые старались распространить влияние латинства и на соседственные славянские страны. С севера венгерские короли, по внушениям папы, готовы были идти крестовым походом на южных славян. Могущественнейший из пап Иннокентий III заявлял открытые притязания быть властителем всего мира и посылал на Восток целые толпы нищенствующих монахов, только что образовавшихся тогда, и пламеневших всем усердием к папству. В это время, по-видимому, папству был самый благоприятный случай подчинить своему влиянию Сербию вместе с другими восточными странами. Спасителем религиозной и национальной самостоятельности сербского народа явился в это время третий сын Стефана-Немани, Ростислав, с юных лет принявший иночество на Афоне под именем Саввы. Узнавши об опасностях, грозивших отечеству, Св. Савва оставил свое уединение, перенес в Сербию мощи уважаемого народом, отца своего Св. Симеона Мироточиваго, примирил братьев – Стефана и Волкана, убедил того и другого

отстать от союза с латинянами и прошел всю Сербию с проповедью православия. Отвлекая народ от Запада, Св. Савва старался теснее сблизить его с православным Востоком, и для этого поддерживал постоянные сношения с греческою Церковью, с Палестиною, с Афоном. Дабы неудобства сношений с греческим патриархом, переселившимся по взятии Константинополя крестоносцами в Нивею, или племенные предубеждения против греков, не возбуждали благоприятных для латинства недоразумений между сербскою и греческою Церквами, Св. Савва убедил Никейского патриарха согласиться на то, чтобы сербская Церковь, оставаясь православною, имела свое отдельное от греческой Церкви управление. Патриарх Герман его самого посвятил первым самостоятельным архиепископом сербским. Дабы неустройства церковные и недостаток образования в духовенстве и народе не облегчали западной пропаганде путь к распространению влияния между сербами, Св. Савва старался устроить внутренний порядок церковный и возвысить образование в сербском народе. Дабы, наконец, сербские князья не соблазнялись к латинству блеском королевских корон, рассылаемых из Рима, Св. Савва вопреки распространившемуся тогда по всей Европе предрассудку, будто только папа может давать царские короны, сам короновал старшего брата своего Стефана первовенчанным королем Сербии и установил, чтобы и на будущее время сербские государи были венчаемы на царство сербскими же архиепископами. Народ сербский Св. Савву за его великие заслуги Церкви и отечеству достойно называет своим просветителем и почитает, как великого угодника Божия, не престающего и после смерти быть заступником и покровителем сербской земли. После Св. Саввы православие все более и более утверждалось в Сербии и политическое могущество ее возрастало. Преемники Стефана Первовенчанного, короли сербские – Владислав, Урош Великий, Милутин, Стефан Дечанский (все они признаются святыми в сербской Церкви) отличались усердием к православной Церкви, строили храмы и монастыри, делали богатые пожертвования не только в Церкви сербские, но и в чужие православные страны – на Афон и в

Палестину, старались поддерживать православие и в западных сербских странах, поддающихся влиянию латинства – в Далмации и Дубровнике (Рагузе). При последнем, сальном сербском государе из рода Неманичей – Стефане-Душане (в половине XIV века) Сербия достигла высшей степени политического могущества и полной церковной самостоятельности; в сербской Церкви явились свои патриархи. В это время папам трудно было рассчитывать на успех своего влияния в Сербии. Между тем, однако ж, они не оставляли своих притязаний на нее, и при всяком удобном случае предлагали сербским государям соединение с римскою Церковью. Так, в конце XIII века и в начале XIV века, после неудавшейся в греческой Церкви лионской Унии, папы старались завязать сношения с сербских королем Милутином, когда у него возникли несогласия со старшим братом Драгутином, и когда заметили, что эти сношения мало имеют успеха, стали возбуждать королей сицилийского и венгерского к крестовому походу на Сербию. Милутин, находясь в затруднительных обстоятельствах, поддерживал переписку с папою, но не придавал ей никакого значения, оставаясь до конца жизни преданным православной Церкви, и заботясь о поддержании православия даже во всех окрестных землях. В половине XIV века, когда турки стали вторгаться в Европу, – папы, при содействии венгерского короля Людовика, старались возбудить Стефана-Душана к крестовому походу на турок. Душан, имевший виды утвердить свое господство на всем юго-востоке Европы, не прочь был воспользоваться помощью с Запада против турок, но на столько далек был чрез политический союз входить в какие-нибудь религиозные сделки с латинством, что подданных своих, осмеливающихся, принять латинство лишал гражданских прав, а распространителей латинства определял ссылатъ в рудокопни. (Между тем лживые латинские писатели не перестают до настоящее время уверять будто сербские короли Милутин и Стефан-Душан находились в религиозном союзе с римскою Церковью). Когда после Душана (в конце XIV века и в начале XV века), Сербское царство стало ослабевать и турки более и более утверждались в Европе, для

пап настало более благоприятное время склонять сербов, вместе с греками, к союзу с римскою Церковью, обещанием помощи против турок. Но большая часть сербов, также как и греков, скорее готовы были подпасть под политическое господство турок, нежели согласиться на религиозный союз с Римом. Последний сербский властитель, Юрий Бранкович, после флорентийского Собора, согласился было вступить в союз против турок с венгерским королем Владиславом и воеводою Гуниядом; но когда сообразил, что этот союз заправляется папскими агентами и направляется к распространению латинства на Востоке, то сам перешел на сторону турок, убежденный, как говорит сербское предание, что от турок сербам более можно ожидать религиозной терпимости и уважения к православию, чем от католиков. Наконец, когда турки заняли уже почти весь юго-восточный полуостров Европы и Сербия теряла последние остатки своей самостоятельности, сербская княгиня Елена решилась предложить свои земли в полное подданство папе и вступить в союз с римскою Церковью на условиях флорентийского договора. Но сербы возмутились против такого решения, сами призвали в свои владения турок, и княгиня-предательница должна была удалиться из своей земли на Запад.

После падения Сербского царства, латинская пропаганда, хотя и продолжала раскидывать свои сети между сербами, также мало имела успеха. Понятие о православной вере у сербов слилось с самым понятием о сербской народности. У них только того и называют сербом, кто исповедует православную веру; серба, принявшего латинство, так и называют латиняном, а принявшего магометанство турком, и на самом деле сербы, делающиеся латынцами или магометанами, скоро как бы перестают быть сербами; теряют свойства своей народности, и как ожесточенные ренегаты, делаются злыми врагами своих прежних единоплеменников. Приверженность к православию до настоящего времени держится крепко, как у тех сербов, которые остаются под турецким господством – в так называемой Старой Сербии и Герцеговине, так и у тех, которые, в начале нынешнего

столетия, освободились от турок и образовали самостоятельное сербское княжество, и еще более у сербов черногорских, которые составляли небольшое владение, управлявшееся до последнего времени князьями-епископами, успевали в продолжении нескольких столетий отстаивать свою независимость и от турок, и от австрийцев, и от козней папской пропаганды. В конце XVII века 37.000 сербских семейств вместе с православным сербским патриархом Арсением Черноевичем, от притеснений турецких, решились переселиться в австрийские владения. Австрийское правительство предоставило им поселиться на так называемой Военной Границе и в южных областях Венгрии, с обещанием свободы вероисповедания и неприкосновенности национальных прав. Здесь сербы еще более должны были подвергнуться влиянию латинской пропаганды. Тем не менее они сохраняют свое православие и дают опору для поддержания православия и тем своим единоплеменникам, которые составляют остаток православия в олатыненных западно-сербских странах – Кроации и Далмации.

Только в одной из южно-сербских областей латинской пропаганде удалось иметь довольно значительные успехи – в Боснии. Босния издавна в политическом и религиозном отношениях более других областей была разъединена с прочими сербскими православными землями. Православие распространилось здесь в те же времена, как у других сербов, но издавна было стесняемо различными ересями. Здесь держалась долго остатки язычества и были сильны арианство и богомилство. Из самих банов и кралей Боснии некоторые покровительствовали богомилству. Св. Стефан-Неманя, подчинивши себе земли боснийских сербов, старался искоренить между ними ложные учения и утвердить православие. Но, когда после его смерти, Босния опять отделилась от Сербии, православие опять стало здесь ослабевать. Между тем папство, мало имеет успеха между твердыми в православии жителями восточной Сербии, направило свою пропаганду, по преимуществу, на Боснию и на нее же направило политическую силу своих ревностных приверженцев – венгерских королей. Босняки, частью по

собственной нетвердости в вере, частью по причине стеснений от венгров, стали большими массами принимать католичество. Но как не твердо было их обращение к католичеству, оказалось в последствии. Когда турки в конце XV века утверждали свое владычество между юго-восточными славянскими племенами и угрожали венгерским и австрийским владениям, папы, обнадёженные подданством последнего боснийского короля Стефана Томашевича, стали призывать босняков в крестовому походу против турок. Но совершенно напрасно: босняки возмутились, убили своего крале-латинянина, сами призвали в свои земли турок, передали им до 70 крепостей, и многие из католицизма и богомилства перешли в магометанство. Здесь и в настоящее время население разделяется почти поровну между православием с одной стороны, и католицизмом и магометанством с другой. Католическая пропаганда и теперь здесь действует сильнее, чем в других сербских областях.

В сербских землях, в настоящее время пользующихся независимостью, т. е. в княжествах – Сербском и Черногорском, надежды папства в последнее время несколько оживлены тем, что правительства этих областей стали более сноситься с западными государствами, поддаваться влиянию западно-европейской политики и цивилизации, посылать молодых людей для образования в западно-европейские университеты, принимать к себе иностранцев. Западная пропаганда, привыкшая пользоваться всякими средствами к распространению своего влияния, может видеть в этом благоприятные условия к тому, чтобы поколебать в сербах их исконную преданность к православию. Но нужно надеяться, что сербы, не поддававшиеся прельщениям католицизма прежде, будут остерегаться их и теперь. Обязанные православию сохранением народной самостоятельности в самые тяжкие времена своей исторической жизни, они, конечно, не станут изменять ему; напротив, будут стараться о возвращении к нему отпадших братьев своих, когда их политическая самостоятельность получит более прочности, и единство национальное для укрепления своего будет существенно нуждаться в единстве религиозном.

Болгаров римская Церковь старалась привлечь к себе, при самом обращении их в христианство. Из-за них главным образом произошли споры и столкновения с константинопольскою Церковью при патриархе Фотие. Притязания римской Церкви тогда потерпели неуспех. Болгарский царь Борис, на некоторое время склонившийся было к Риму, и призвавший к себе латинских священников, скоро разочаровался в папстве, прогнал опять латинских священников, обратился к константинопольской Церкви, и, для наставления народа в вере, призвал вновь епископов и священников из Греции. Под конец его продолжительного царствования, ему в особенности помогали утвердить православие в болгарской стране, устроить Церковь и приготовить для болгар священников из среды их же самих – ученики Св. Мефодия, изгнанные из Моравии – Горазд, Наум и в особенности Св. Климент, епископ величский. Православие после этого твердо стало в болгарской земле. Тем не менее папы не оставляли своих притязаний на нее, и в продолжении IX и X веков еще несколько раз пытались засылать в Болгарию своих легатов с предложением соединения к царю Борису, сыну его и преемнику Симеону, и внуку Петру Симеоновичу. В грамотах своих к болгарским царям папы расточали уверения, что болгарская Церковь, по канонам церковным, должна причисляться к округу римской Церкви; что только в союзе с нею болгарская Церковь может получить твердость и самостоятельность; что напротив союз с греческою Церковью угрожает болгарам утратою чистой веры и народной самостоятельности; что константинопольская Церковь даже и незаконно усвоит себе титул патриарший, что только римский папа может даровать владетелям болгарским царский венец и т. д. Но все эти прельщения мало имели успеха. Болгарские цари поддерживали вежливую переписку с папами, но далеки были от склонности к римской Церкви, уже начинавшей тогда заражаться разными заблуждениями. Болгарское царство при Царях Симеоне и Петре, и без помощи папской сделалось могущественным; болгарская Церковь получила самостоятельность, архиепископ болгарский стал называться

патриархом. Духовное образование из Греции широко распространилось в Болгарии и скрепляло ее союз с греческою Церковью; у болгаров явились свои замечательные писатели и великие подвижники. Папству в это время трудно было распространить свое влияние в болгарской земле.

Более надежд для него открылось тогда, когда Болгария расстроенная внутренними междоусобиями, утратила свою политическую самостоятельность и подпала под власть греков (в XI столетии). Греки много стесняли болгаров; старались подавить у них самостоятельность в политическом и церковном отношении; в Церкви болгарской на место природных болгар, поставляемы были архиереи из греков. Болгары за это были ожесточены против греков и искали случая отделиться от них. В конце XII века, когда Византийская Империя расстроенная междоусобиями при последних государях династии Комненов и Ангелов, стала ослабевать, болгары освободились от нее под предводительством двух братьев Асений. Старший брат Иоанн – Асень или Иоанникий объявил себя царем болгарским, и старался всячески укрепить восстановленную болгарскую державу. Кругом нее всюду распространялось латинское влияние. Константинополем завладели крестоносцы; в Сербии деятельно распространялась пропаганда латинства; венгерские короли сделались ревностными поборниками и исполнителями папских замыслов; даже греческие государи, жившие в Никее, находили нужным из политических соображений от времени до времени ласкать папу надеждою на соединение. Иннокентий III и в Болгарию засылал легата за легатом с предложением соединения царю Иоанникию. Иоанникий тем более чувствовал необходимость (наружно) склониться на предложение папы, чем более сознавал на первых порах слабость своей, только что восстановленной державы, и силу окружающего его со всех сторон латинского влияния. Вследствие этого Иоанникий решился на союз с римскою Церковью, и в сентябре 1203 года, в Тернове – столице нового Болгарского царства, была торжественно провозглашена Уния, а в марте 1204 года легат папский короновал Иоанникия, привезенным из Рима царским венцем. На народ это, конечно, не имело влияния, и сам царь

поддерживал Унию только до тех пор, пока это ему нужно было для ограждения своей неукрепившейся державы от крестоносцев и венгров. Когда же Болгария укрепилась и царь Иоанникий испытал свои силы, разбив при Адрианополе войско крестоносцев, и взяв в плен самого латинского Императора Балдуина, от Унии с Римом не осталось в Болгарии следов. В другой раз в Риме явилась надежда на присоединение болгарской Церкви при преемнике Иоанникия, Кало-Иоанне II. Поводом к этой новой Унии были опять опасности от венгров и некоторые несогласия с греческою патриархией, находившиеся в Никее. Болгары издавна тяготились зависимостью от греческой патриархии и желали самостоятельного церковного управления. С завоеванием Константинополя от крестоносцев, церковное подчинение грекам было для болгар тем тяжелее, что сношения болгарской Церкви с никийским патриархом были неудобны, и Болгарское царство сделалось само могущественнее греческого. Поэтому Кало-Иоанн стал требовать у греческой патриархии, чтобы она отказалась от своих прав на болгарскую Церковь. Греки не хотели согласиться на эти требования. Папа, узнав о несогласиях болгарского царя с греческим патриархом, стал подсылать к нему своих легатов. Между тем фанатик венгерский король Бэла IV угрожал идти крестовым походом на **схизматическую** Болгарию. Кало-Иоанн, чтобы отклонить от своей земли нашествие венгров и вынудить греков к согласию на свои требования, дал вид, что склоняется на Унию и завел сношения с римским двором. Тогда Никейский патриарх Герман согласился признать право независимого патриарха за архиепископом терковским Иоакимом. Сношения с Римом были прекращены и болгарская Церковь, с получением полной самостоятельности, стала еще тверже в своем православии. В последующие времена папы также не оставляли своих видов на Болгарию и пользовались всякими случаями к распространению в ней своего влияния. Но опять также мало имели успеха. Так в половине XIV века, по смерти болгарского царя Александра, папство старалось воспользоваться междоусобиями, возникшими между двумя его сыновьями – Страшимиром и Шишманом, и настроило

венгерского Короля Людовика вмешаться в эту распрю. Страшимир был взят им в плен; и в Болгарию предположено было послать до 2000 нищенствующих монахов с проповедью Унии. Неизвестно, впрочем, принесло ли это предположение какие-нибудь плоды. В конце XIV века Болгария опять утратила свою политическую самостоятельность, подчинилась сначала сербам, а потом вместе с ними подпала под власть турок.

При турецком господстве – латинская пропаганда на первых порах не осмеливалась широко и открыто раскидывать свои сети на юго-востоке Европы. Но потом (в особенности с конца XVI столетия и со времен папы Григория XIII), когда на Востоке стали появляться новые отряды латинских монахов, и между прочим иезуитов, православия болгар, также как и греков, стали угрожать новые искушения со стороны латинской пропаганды. Между простодушными, и менее образованными болгарами латинской пропаганде можно было более рассчитывать на успех, чем между греками. Почти неизвестно, впрочем, были ли на самом деле у латинян здесь какие-нибудь успехи; до последних времен следов латинства в Болгарии было мало заметно, хотя на Западе, по временам, об иных архиереях и патриархах болгарских и были распускаемы слухи, что они соглашались на союз с Римом. Во второй половине прошлого столетия самостоятельность болгарской Церкви была уничтожена, кажется, также отчасти вследствие интриг иезуитских. Болгары в церковном отношении подчинены константинопольской патриархии; в болгарских епархиях везде поставлены греческие епископы, потом и греческие священники; в болгарских церквях и школах стал вводиться греческий язык. Народность болгарская сильно начала упадать; самые памятники болгарской древней истории были истребляемы; большая часть богатых и влиятельных болгар в городах стали терять сознание своей национальности и делаться греками или турками. Но за крайним упадком национальной самостоятельности, и в Болгарии, как в других славянских землях, настала реакция. В сороковых годах нынешнего столетия в Болгарии быстро и сильно стало пробуждаться национальное сознание. Стали заводиться народные

болгарские школы, и богослужение на славянском языке начало восстанавливаться в болгарских церквях; болгары стали требовать у греков священников, а потом архиереев из природных болгар. Греческая патриархия, имеющая свои побуждения и расчеты держать болгаров в зависимости, на первых порах с неудовольствием стала отвергать эти требования. Но так, как требования болгар высказывались все настойчивее и настойчивее, признано нужным сделать им некоторые уступки; употребление славянского языка в церквях и школах было дозволено и болгарам даны священники, даже несколько архиереев из их соотечественников. Но болгары этим уже неудовлетворились, и стали стремиться к тому, чтобы в Церкви болгарской восстановлено было, по прежнему, совершенно самостоятельное управление. Греки с своей стороны на это не соглашались, и в этом состоит так называемая греко-болгарская церковная распря – до сих пор неразрешившаяся. Распря эта с той и другой стороны доходит до крайнего раздражения; и она-то, в последнее время, вновь пробудила в Риме надежду на присоединение болгар к папству. Латинская пропаганда, с одной стороны, всячески усиливается более и более разжигать раздражение между греками и болгарскими, и возбуждать их друг против друга, а с другой старается внушить болгарам, что для них единственное средство освободиться от греков, а потом, пожалуй и от турок, заключается в союзе с Римом – с католическою Европой. Внушение это на некоторое время имело некоторый успех. В 1860 году, во время крайнего разгара споров с греческою иерархией, довольно значительное число болгаров согласилось принять Унию с Римом; в Болгарии учреждена униатская иерархия и стали издаваться сочинения и газеты в униатском духе. Но и эта последняя попытка латинства скоро пала пред здравым смыслом искони преданного православию народа болгарского. Большая часть болгар, принявших унию, скоро опять назад возвратилась к православию. И хотя латинская пропаганда до настоящего времени не перестает сеять смуты между болгарскими, старания ее мало имеют успеха. Болгары и до настоящего времени продолжают настойчиво искать

освобождения от греческой иерархии; тем не менее твердо желают оставаться верными своему древнему православию.

Русский народ также, с самого начала своей исторической известности, стал обращать на себя внимание Римской Церкви; и чем могущественнее и славнее он становился, тем более разгорались в папстве желания привлечь его к себе. Все, что придумано было папством и хитрою римскою пропагандой к распространению господства римской Церкви в других землях, было испытано и над Россией. При самом распространении христианства в России – при Св. княгине Ольге и равноапостольном князе Владимире, папы подсылали в Россию своих миссионеров. Во время княжеских междоусобий папы старались привлечь к себе русских князей (например Григорий VII – Изъяслава Ярославича) обещанием помощи против соперников и королевского венца из Рима. Во время монгольского ига, желая обратить в свою пользу несчастья России, папы неоднократно засылали своих легатов к русским князьям (Роману Галицкому, Александру Невскому, Даниилу Романовичу), то с обещанием помощи против монголов, то с предложением королевского венца, то с угрозами мести за непокорность римскому престолу. При несогласии русских князей на их предложения, они, и на самом деле, неоднократно возбуждали к походам на русскую землю соседних католических владетелей, Королей: Шведского, Польского, Венгерского, рыцарей Ливонского ордена. Засылали папы и монахов-миссионеров для пропаганды латинства в народе русском. Во время Флорентийского Собора, при князе Василии Васильевиче Темном, римская Церковь надеялась привлечь русскую Церковь к союзу с собою чрез изменника грека, митрополита Исидора. Во второй половине XV и в XVI веков, при Царях Иване Васильевиче III, Василии Ивановиче и Иване Грозном, папы опять неоднократно подсылали своих легатов в Россию – то с приглашением к крестовому походу против турок, то с предложением услуг в сношениях русского Двора с польским, австрийским и др.; с обещанием цесарского титула из Рима, с предложением выгодных брачных союзов, и, при всяком таком удобном случае, с приглашением к союзу с римскою Церковью.

В начале XVII столетия в несчастные времена самозванцев и междоусобиц – агенты папской политики не посовестились замутить всю Россию изменами, интригами, клятвопреступничествами и междоусобицами, чтобы возвести на престол Московский своего приверженца, или утвердить в России господство иезуитов и усердных, в то время, слуг римского престола, поляков. В последние века, когда могущество России стало более и более укрепляться и русское государство сделалось твердою опорою православия на всем Востоке, ревнители папства также не оставляли своих видов на Россию, то являясь пред русским правительством с открытым предложением соединения Церквей (как при Петре I), то заботясь о распространении благоприятных для Рима мнений и расположений в высшем классе русского общества (как в конце прошлого и начале нынешнего столетия), то прельщая нетвердых в вере знатных русских людей к переходу в католицизм на чужой стороне, то стараясь отвратить русскую политику от направления благоприятного для других стран православного Востока, то возбуждая к ней ненависть и недоверие в среде западно-европейского мира. Но, с Божиею помощью, все замыслы папства на русскую землю до последнего времени оставались тщетны. В великой северо-восточной России, среди многих миллионов населения, за несколько веков папство могло считать свои приобретения только единицами. В России юго-западной – в Малороссии и Белоруссии, по несчастным обстоятельствам в продолжении нескольких веков находившейся в отделении от русского государства, в подчинении приверженному к римской Церкви польскому правительству, папство имело временный успех. Иезуиты, при содействии польского правительства, употребляли всевозможные меры хитрости и насилия, чтобы утвердить Унию в юго-западной России. Большая часть Малороссии после отчаянной, вековой борьбы, успев отделиться от Польши к России во второй половине XVII века, спаслась от Унии. В остальных малорусских и белорусских областях, оставшихся под владычеством Польши до второй половины XVIII столетия, Уния по-видимому утвердилась, но утвердилась очень

непрочно, опираясь только на поддержку польского правительства. С падением Польши, с присоединением западно-русских областей к русскому государству, начала падать в них и Уния. При Екатерине Великой около двух миллионов униатов присоединилось к православной Церкви; при Императоре Николае Павловиче присоединились почти все остальные; и в настоящее время от униатства остались в юго-западной России уже малые остатки⁹.

Окружное послание Святейшаго патриарха константинопольского Фотия, к александрийскому и прочим восточным патриаршим престолом

Злой дух, видимо, не насытился еще злом. Нет, еще не конец – его козням и ухищрениям, которые он искони старался воздвигать на род человеческий. Но как, до явления Господа во плоти, он разнообразными хитростями льстиво увлекал человека в противоестественные и противозаконные дела, и таким образом державно облекся в безграничную власть над ним; так и после оногo не перестал многочисленными заблуждениями и приманками обольщать и увлекать тех, которые верят ему. И вот – размножились Симоны, Маркионы, Монтаны и Манесы¹⁰ и прочие различные и многообразные богоборные ереси. Отсюда – Арий, Македоний, Несторий, Евтихий, Диоскор¹¹ и прочий сонм нечестия, – против которых была составлены семь святых Вселенских Соборов и собирались поместные Соборы священных и богоносных мужей, чтобы мечем духовным с корнем отсечь зловерные отрасли и очистить ниву Церкви для плодоношения.

Но когда сии ереси были уничтожены и преданы молчанию и забвению, – люди благочестивые начали питать благу и твердую надежду, что, по обращении против самого дьявола всех замыслов, на какие он не покушался, авось-либо не будет впредь изобретателей новых нечестивых учений; а тем более не будут являться защитники и поборники уже соборно осужденных лжеучений, после пресечения их с погибелью и наказанием виновников и усердных подражателей их. И благочестивый ум успокаивался на сих надеждах, особенно касательно царствующего града, когда, при содействии Божиим, в нем совершилось много чудного, и когда притом многие языки, возгнушавшись прежнею мерзостью, научились вместе с нами воспевать общего всех Создателя и Творца. Ибо царствующий град, как-бы из некоторого горнего и воздушного пространства, источает источники православия, разливает чистые потоки благочестия во все концы вселенной и, подобно рекам,

наполняет там догматами души, с давнего времени иссохшие от палящего зноя нечестия или самовольного служения, и запустевшие, подобно пустым и бесплодным землям, а ныне орошенные дождем учения и украшающие ниву Христову обильными плодами. Ибо и обитатели Армении, упорно державшиеся нечестия яковитского и, со времени многочисленного и святого Собора отцев в Халкидоне, порицающие правое учение благочестия, обрели в себе силы, при содействии нам молитв ваших, отложить свое давнее заблуждение. И теперь область армянская чисто и православно исповедует веру христианскую, гнушается, как и католическая Церковь, Евтихия, Севира, Диоскара, Петрос, бросающих камни на благочестие, Юлиана Галикарнасского¹² и всего многосемянного их посева, и подвергает их неразрешимым узам анафемы.

Даже и болгарский народ – грубый и христоненавистный преклонился на такую кротость и благоразумие, что, оставив демонские и отеческие жертвы, и, отвергнув заблуждение еллинского суеверия, чудесно привился к вере христианской.

Но вот злое, завистливое и безбожное намерение и дело! Рассказ наш, наводящий на предположение вестей радостных, изменяется в скорбный, и веселие и радость превращаются в стенание и слезы; – этот народ еще и двух лет не исповедывал правой христианской веры, как люди нечестивые и достойные отвращения, – и как не назвал бы их человек благочестивый? – Люди, вышедшие из мрака, – ибо они порождение западной страны, – о, как мне рассказать остальное! – эти люди, как гром, землетрясение, обильный град, или точнее сказать, как дикий вепрь, вторглись в народ новопризванный и утвержденный в благочестии и опустошили виноградник Господень, возлюбленный и новонасажденный, истребляя его и ногами и зубами – стезями нечестивой жизни и искажением, – они и на это отважились, – догматов. Ибо они всячески ухищрялись отвлечь их от правых и чистых догматов и непорочной Веры христианской и развратить их.

И во-первых, вопреки правилам, склонили их к посту в субботу. Обыкновенно же и маловажное нарушение преданий

приводит людей к совершенному пренебрежению учения. Далее, отторгнувши первую седмицу четырехдесятницы от остального поста, они дозволили во время нее пить молоко, питаться сыром и тому подобным образом пресыщаться. Затем, расширяя для них путь к отступлениям и совращая их с прямого и царского пути, внушали им отвращение и омерзение в живущим в законном браке пресвитерам, истинным иереям Божиим (и это внушили те, которые многих девиц делали женами без мужа, и жен – воспитательницами детей, которым не суждено видеть отца). Так они посеяли между ними семена манихейского возделывания¹³ и развращали души, едва начавшие произращать семя благочестия, присевая к оному плевелы.

Сверх сего и миропомазанных пресвитерами они не убоялись снова миропомазывать, величая себя епископами, и баснословя, будто миропомазание от пресвитеров бесполезно и не действительно.

Слыхал-ли даже кто о таком безумном деле, какое дерзнули совершить сии безумцы? Раз уже помазанных миром они снова помазуют и преестественные и Божественные Таинства христианские обращают в совершенные пустяки, и громко над ними посмеиваются. Вот мудрование сих по истине невежд! «Священникам, – говорят, – нельзя миром освящать крещаемых: ибо это предоставлено законом одним архиереем». Откуда такой закон? Кто законодатель? Который из Апостолов? Отцов? Или какой Собор? Где и когда состоявшийся? Чьи голоса были в его распоряжении? Нельзя священнику запечатлевать крещаемых миром? Но после этого ему вовсе нельзя ни крестить, ни священнодействовать. Пусть уже не в половину, а всецело будет извержен у тебя священник в круг непосвященных. Он священнодействует Тело Владычне и Кровь Христову и ими освящает тех, над коими уже давно совершено тайнодействие: как он не может освящать миропомазанием новоокрещаемых? Священник крестит, совершая над крещаемым очистительную благодать: как же отнять у него право заграждать и запечатлевать очищение, которого он совершитель? А если отымешь у него право заграждать и

запечатлевать (очищение), то не оставишь ему права ни служить благодати очищения, ни совершенствовать кого либо при помощи оною, и – все это с тою целью, чтобы твой священник, украшаясь одним пустым именем, доказывал тем, что ты глава и епископ одного с ним чина.

И не в эти только отступления от законов впали они: но, если есть верх нечестия, – они достигли и его. Ибо, кроме вышесказанных нелепостей, они с крайнею дерзостью отважились исказить – извращением смысла и произнесением слов – священный и святой символ, который непоколебимо утвержден определениями всех Соборов и притом Вселенских. Какие ухищрения лукавого! Они говорят неслыханное – будто Дух Святый исходит не от Отца только, но и от Сына.

Кто когда либо слышал такую речь от прежних нечестивцев? Какой коварный змий изрыгнул это в сердца их? Кто из среды христиан позволит вводить во Святую Троицу два начала: для Сына и Духа – Отца, и опять для Духа еще – Сына, и таким образом единоначалие обращать в двубожие, не отличая более христианское богословие от еллинской мифологии, и уничтожая достоинство пресущественной и единоначальной Троицы? И для чего исходить Духу от Сына? Если исхождение Его от Отца – совершенно, а оно совершенно, потому что Бог совершенный от Бога совершенного: то какое еще исхождение от Сына, и для чего? Оно было бы излишне и ненужно.

Опять, если Дух исходит от Сына, как – от Отца; то почему же Сын не рождается от Духа, как – от Отца? Пусть бы у нечестивых все была нечестиво – и мысли и слова; и пусть бы у них не осталось ничего, на чтобы они не дерзнули.

Обрати внимание и на следующее: если личное свойство Духа заключается в том, что Он исходит от Отца, точно также как и личное свойство Сына – в том, что Он рождается от Отца; и если Дух, по их суесловию, исходит и от Сына: то, после этого, Дух отличается от Сына большим количеством личных свойств, чем Сын. Ибо Отцу и Сыну будет обще исхождение от них Духа; а особенностью Духа будет исхождение от Отца и еще исхождение от Сына. Если же Дух отличается большим числом особенностей, чем Сын, то Сын будет ближе к существу Отчому,

нежели Дух. Таким образом под этим прикровением и личиною снова возникает македониева дерзость против Святого Духа.

Иначе: если все общие свойства Отца и Сына, как-то: божество, царствование, творчество, вседержительство, пресущественность, простота, неизобразимость, бестелесность, нераздельность и вообще все другие – суть всецело и общие свойства и Духа; и если происхождение Духа от Отца и Сына – есть также общее свойство Их: то Дух необходимо будет исходить и от Себя Самого; Сам будет началом Себя Самого и причиною вместе и произведением этой причины. Ничего подобного не измышляли даже языческие басни.

Опять: если свойственно единому Духу – иметь отношение к различным началам; то как же не будет свойственно единому Духу – иметь начало многоначальное?

Еще: если они устраняют Духа от общения с Отцом и Сыном именно в том отношении, в каком, по их нововведению, имеют общение Отец и Сын; а Отец находится в общении с Сыном по существу, а не по какому либо из различных свойств: то они необходимо ограничивают сходство Духа (с Отцом и Сыном) по существу.

Видишь, как неправо, и только для легчайшего уловления народа они приняли на себя имя христиан. Дух исходит от Сына: от кого ты это услышал? Из каких евангелистов ты заимствовал это слово? Какому Собору принадлежит сие хульное изречение?

Господь и Бог наш говорит: Дух, иже от Отца исходит (Иоан. XV, 26), а отцы сего нового нечестия говорят: Дух иже от Сына исходит.

Кто не заградит слуха от сей беспримерной хулы? Она восстает против Евангелия, вооружается против святых Соборов, ставит ни во что блаженных и святых Отцов: Великого Афанасия, преславного в богословии Григория, царское украшение Церкви – Великого Василия, и златые уста вселенной, море премудрости, истинно – Златоустаго (Иоанна). Но для чего я упоминаю о том или о другом из них? Этот хульный и богоборный голос вооружается против всех вместе

святых пророков, апостолов, иерархов, мучеников, против глаголов Самого Владыки.

Дух исходит от Сына! Каким исхождением? Таким же точно, как от Отца, или противоположным оному?.. Если таким же, то как не обольщатся личные свойства, – свойства, которыми – только одними – так характеризуется Троица, что Она и есть Троица и чувствуется, как Троица. Если же исходит исхождением противоположным оному; то в этом слове не оживают-ли пред нами манесы и маркионы, опять простирающие свой богоборный язык на Отца и Сына?

Броме вышесказанного, – если Сын от Отца рождается, а Дух от Отца и Сына исходит: то Дух, имея отношение к двум причинам, не мог остаться несложным.

Еще: если Сын рождается от Отца, а Дух от Отца и Сына исходит; то нововведение-ли опять касательно Духу – то, что и от Него не произошло никакое другое (Лице)? По их богоборной мысли Лиц должно быть не три, а четыре, или, лучше, безграничное число; так что четвертое лицо должно привнести к Ним другое (Лице), а это опять иное, и так далее, пока они не впадут в языческое многобожие.

Кроме сказанного должно обратить внимание и на следующее: если исхождение Духа от Отца служит к бытию (Духа): что же принесет Духу исхождение (Его) от Сына, когда и исхождения от Отца достаточно для бытия? Никто не дерзнет, конечно, сказать, что оно (исхождение от Сына) служит к чему-либо иному (кроме бытия) из существенного; потому что всякое двоение и сложение совершенно чуждо оному блаженному и божественному естеству.

Далее, все, что не обще державной, единосущной и пресущественной Троице, то составляет принадлежность Одного Которого-либо из Трех. Изведение же Духа не обще (всем) Трем, следовательно составляет принадлежность Одного из Трех. Которого же? Скажут, Дух исходит от Отца? Но после этого не должны ли они отречься от своего любимого и общего им мудрования? Если скажут – от Сына; то зачем они сначала не открыли дерзко по всей полноте своего богоборства, – что они не только приписывают Сыну произведение Духа, но и

отнимают оное у Отца? Потом, следуя этим путем, они исказят вместе с исхождением и рождение, и, чтобы быть во главе не только нечестивых, но и беснующихся, будут нелепо утверждать, что не Сын родился от Отца, но Отец от Сына.

Нечестие и неразумие рассматриваемого мнения изобличаются еще следующим. Так как все, что созерцают, и о чем говорят во Святой, единосущной и пресущественной Троице, или обще всем Трем или составляет принадлежность Одного Котораго-либо из Них; а изведение Духа и не обще (всем), но и не составляет, как они говорят, принадлежности Одного Котораго-либо: то, – прости нам Господи эти слова, и да обрушится хула на их головы, – в живоначальной и всесовершенной Троице и вовсе нет исхождения Духа.

И если бы кто-нибудь стал обличать безбожное их мнение; то он прибавил бы к сказанному весьма много другого, него не позволяют мне теперь же внести и включить в письмо условия письма. Потому и в том, что нами сказано, высказаны только первоначальные понятия о предмете, и притом в очерке; частнейшие же опровержения и подробное раскрытие учения, по воле Божией, отлагаем до общего собрания.

Вот нечестие, которое, вместе с другими отступлениями от закона, посеяли в болгарском народе эти епископы мрака, – ибо они величали себя епископами. Весть о сем достигла нашего слуха. Мы поражены были смертельным ударом в самое сердце, подобно как если бы кто увидел, что чад утробы его пред глазами его раздирают и терзают змеи и звери. Ибо тот, конечно, имел уважительные причины впасть в невыносимую печаль и скорбь о потери чад, кто для возрождения и посвящения их подвергал себя трудам, заботам и проливал пот.

И мы столько же сетовали о случившемся с ними бедствии, столько полную чувствовали радость, когда видели их освобождение от древнего заблуждения.

Мы оплакивали их и оплакиваем, и для восстановления их, после падения, не дадим очам нашим сна и веждам дремания, пока не введем их, по мере сил наших, опять в скинию Господню.

А этих новых предтеч отступления, слуг антихриста, виновников бесчисленных смертей, – эту язву общественную, – этих людей, раздравших столь многими и великими расколами сей новонасажденный и младенчествуящий в благочестии народ, этих обольстителей и богоборцев мы осудили соборным и божественным определением: и – не ныне (вновь) определяем приговор им, но обнародуем и доводим до всеобщего сведения осуждение, уже прежде определенное им прежде бывшими Соборами и апостольскими узаконениями.

Люди таковы по своей природе, что не столько утверждаются (в добре) минувшими наказаниями, сколько вразумляются настоящими. И наказаниям прежним дает силу согласие с ними настоящих. Потому мы всенародно исключили этих людей, упорствующих в своем многообразном заблуждении, от всего стада христианского; так как и шестьдесят четвертое правило святых апостолов точно также преследует соблюдающих пост в субботу, говоря: «аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень, или в субботу, кроме единые токмо великия субботы: да будет извержен. Аще же мирянин: да будет отлучен». И пятьдесят пятое правило святого Вселенского шестого Собора говорит подобно приведенному: «поелику мы уведали, яко обитающие во граде Риме, во святую четыредесятницу, в субботы ее, постятся, вопреки преданному церковному последованию, то святому Собору угодно, чтобы и в римской Церкви ненарушимо соблюдалось правило глаголющее: аще кто из клира усмотрен будет во святой день Господень, или в субботу постящимся, кроме единые токмо: да будет извержен; аще же мирянин: да будет отлучен».

О гнушающихся брака четвертое правило Гангрійскаго Собора говорит: «аще кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, яко недостойн причащаться приношения, когда таковой совершил литургию: да будет под клятвою». Совершенно такое же осуждение изрекает против них и шестой Вселенский Собор, когда пишет следующее: «понеже мы уведали, что в римской Церкви, в виде правила, предано, чтобы те, которые имеют быти удостоены рукоположения во диакона,

или пресвитера, обязывались не сообщатися более с своими женами: то мы, последуя древнему правилу апостольского благочиния и порядка, соизволяем, чтобы сожитие священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимым, отнюдь не расторгая союза их с женами, и не лишая их взаимного в приличное время соединения. И так, аще кто явится достойным рукоположения во иподиакона, или во диакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будет препятствием к возведению на таковую степень сожитие с законною супругою: и от него во время постановления да не требуется обязательства в том, что он удержится от законного сообщения с женою своею: дабы мы не были принуждены сим образом оскорбить Богом установленный и Им в Его пришествия благословенный брак: ибо глас евангелия вопиет: яже Бог сочета, человек да не разлучает (Матф. XIX, 6), и апостол учит: брак честен и ложе нескверно (Евр. XIII, 4); такожде: привязался-ли еси жене, не ищи разрешения (I Кор. VII, 27). Аще кто, поступая вопреки апостольским правилам, дерзнет кого-либо из священных, т. е. пресвитеров, или диаконов или иподиаконов лишати союза и общения с законною женою: да будет извержен. Подобно и аще кто, пресвитер или диакон, под видом благоговения, изгонит жену свою: да будет отлучен от священнослужения, а, пребывая непреклонным, да будет извержен».

Нарушение же первой седмицы (великого поста) и вторичное миропомазание уже крещенных и миропомазанных, по моему мнению, не нуждаются в правилах для своего осуждения: для этого довольно их самих и одного рассказа о превосходящем всякую меру нечестии.

Да и одной ни с чем несравнимой хулы против Св. Духа, лучше же против всей Святой Троицы, – хотя бы они и не отважились ни на что другое из вышесказанного, – довольно для того, чтобы подвергнуть их многим анафемам.

О сем мы, по древнему церковному обычаю, почли долгом довести до вашего сведения и поставить на вид вашему во Господе братству. При сем убеждаем и молим вас быть ревностными нам споборниками с искоренении сих нечестивых

и безбожных мнений, и не нарушать отеческого чина, который предали вам для соблюдения предки в своих деяниях; но с великим вниманием и усердием избрать и послать, вместо себя, местоблюстителей, – мужей, уполномоченных представлять ваше лицо, украшенных благочестием и священством, и словом и жизнью. Да отсечем от тела Церкви недавно появившуюся в ней гангрену оногo нечестия; а тех, которые имели безумие посеять столько нечестия в народе новонасажденном и новоутвержденном, исторгнем с корнем и общим судом предадим огню, каковое наказание определяют для отлученных глаголы Господни.

Когда таким образом будет изгнано нечестие и утверждено благочестие: мы имеем благие надежды снова обратить весь новооглашенный и новообращенный болгарский народ к преданной ему Вере. Да и не сей только народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа. Нет, (тоже самое сделал) и так называемый Росс, о котором так много и многие рассказывают, и который в жестокости и кровожадности превосходит все народы. Он, поработавши окрестные народы, и тем чрезмерно возгордившись, поднял свои руки и на римскую Империю: но теперь и он даже применил языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и неповрежденную Веру христианскую, и вместо того, чтобы, как еще недавно делал, грабить нас и чинить великое насилие, с любовью вступил в число наших послушников и союзников. И столько воспламенила его любовь и ревность к Вере, – благословен Бог во веки, – да воскликнет паки Павел, – что он принял и епископа – пастыря и с великим усердием и любовью содержит христианское богослужение¹⁴.

Если теперь, когда таким образом, по благодати человеколюбивого Бога, иже всем человеком хочет спастися, и в разум истины прийти (1Тим. II, 4), сии народы оставляют свои древние верования, и вместо их принимают чистую Веру христианскую, – если и ваше братство благоволит явить свое соревнование и содействие в исторжении и сожжении плевел: то мы твердо, в Господе Иисусе Христе, истинном Боге нашем, уповаем, что стадо его еще более умножится, и исполнится

реченное: вси познают Мя от мала даже и до великого их (Иерем. XXXI, 34. Евр. VIII, 11); и еще: во всю землю изыде вещание апостольского учения и в концы вселенные глаголы их (Псал. XVIII, 5. Рим. X, 18).

Тем, кого пошлете вы вместо себя и уполномочите представлять ваше священное в преподобное лице, – должна быть вверена полная ваша власть, которую вы во святом Духе имеете; так, чтобы они могли властью апостольского престола и свободно судить и беспрепятственно действовать и касательно сих предметов и касательно других им подобных. Так, например, из пределов Италии получили мы одно соборное послание, исполненное несказанных жалоб. Сии жалобы приносят нам обитатели Италии на своего епископа, и, тяжко укоряя нас, всячески заклиняют не смотреть равнодушно на плачевную гибель и угнетение их тяжким и жестоким самовластием, на нарушение законов священства и извращение всех постановлений Церкви. Тоже самое и прежде говорили в слух всех убежавшие оттуда монахи и пресвитеры, как-то: Василий, Зосима, Митрофан и другие с ними: они с плачем жаловались на ту же самую тиранию и со слезами призывали к защищению Церкви. Ныне же, как я сказал, получены оттуда из различных мест разные письма, исполненные стенания и многих слез. Это покажут вам точные списки сих писем, представляемые вам по желанию, требованию писавших; ибо эти лица со страшными закликаниями и убеждениями умоляли нас разослать оные (списки) ко всем архиепископским и апостольским престолом. А в нашем послании мы упомянули об этом для того, чтобы в собрании Святого и Вселенского о Господе Собора, и касательно этого предмета, было единодушно поставлено угодное Богу и согласное с правилами соборными, и чтобы глубокий мир объял Церкви Христовы.

И мы приглашаем сюда не только ваше блаженство, но и предстоятелей прочих архиепископских и апостольских престолов: некоторые из них уже прибыли, а другие, ожидаем, спустя не много времени, придут.

По сему ваше о Господе братство, своим замедлением и отсрочкою, да не заставит братию ожидать вас дольше

надлежащего, ведая, что если, в следствие вашего замедления, что либо совершится не по чину и несовершенно, то не иной кто, а вы сами будете виновны в том.

Мы сочли нужным в настоящем послании напомнить и о том, чтобы вы предписали всем подведомым вам церквам присоединить и причислить к святым шести Вселенским Соборам и святой Вселенский седьмой Собор. Ибо до нас дошел слух, что некоторые из подчиненных вашему апостольскому престолу церковей, считая только шесть Вселенских Соборов, не знают седьмого. Хотя определения его приемлются с любовью и честью, но самый Собор до сих пор еще не достиг такой известности, чтобы о нем, как и о прочих Соборах, всенародно проповедовали в Церкви, и приписывали ему равное с ним достоинство.

Между тем и сей Собор низложил величайшее нечестие. На нем заседали вместе и действовали единодушно уполномоченные от четырех патриарших престолов. Ибо на нем, как известно, присутствовали: от вашего апостольского александрийского престола Фома-монах-пресвитер и его товарищи; от престолов – Иерусалимского и Антиохийского – Иоанн и его товарищи; и от древнего Рима – Петр, благоговейнейший протопресвитер и другой Петр – монах и игумен святой обители св. Саввы, находящейся в Риме.

Все эти лица – вместе с божественным нашим отцом, святейшими и преблаженнейшим мужем – Тарасием, архиепископом Константинопольским, составили святой Вселенский седьмой Собор восторжествовавший над нечестием иконобоцев или христорцов и низложивший оное. Деяния этого истинного собора не было возможности препроводить к вам, потому что странами (вашими) обладал тогда варварский иноплеменный народ – Аравитяне. Вот причина, почему многие из ваших чтут и содержат постановления этого Собора, а между тем, как говорят, сами не знают, что это постановления сего именно Собора.

И так нужно, (как я сказал) и этот великий святой и Вселенский Собор торжественно принимать на ряду с предшествовавшими ему шестью Соборами. Не чинить и не

делать этого значит: во-первых оскорблять Церковь Христову пренебрежением к такому великому Собору и разрывом и нарушением союза и единомыслия ее в таком важном предмете; во-вторых, это значит расширить уста иконоборцев, которых нечестие, – я хорошо знаю, – вы ненавидите не менее прочих ересей: они будут иметь основание лживо утверждать, что их нечестие разрушено не Вселенским Собором, а осуждено судом одного только престола.

По всему этому мы просим вас, и, – как братья братьев, призывая вас к исполнению долга, убеждаем – в соборных посланиях и во всех других церковных деяниях и исследованиях считать и принимать и сей (Собор) наравне с шестью Святыми Вселенскими Соборами, ставя его седьмым за ними.

Христос же, истинный Бог наш, первый и великий архиерей, соделавшийся вольною, благою за нас жертвою, и собственною кровию искупивший нас, да даст вашей священноначальной и честной главе вознестись превыше обстоящих вас варварских народов! Да даст вам тихо и мирно совершать жизненный путь свой и достигнуть того неизреченно радостного и сладкого селения, где – всех веселящихся жилище, где вовсе нет места скорби, стенанию и унынию, – в Самом Христе, истинном Боге нашем, которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Умоляем вас: по долгу отеческой святости, вспоминайте и не забывайте нашего смирения (мерности.)

Окружное послание единой, святой, соборной и апостольской Церкви ко всем православным христианам

Всем и всюду, во Святом Духе возлюбленным и дражайшим братиям, преосвященным архиереем с их благоговейными причтами и всем православным верным чадам единой, святой, соборной и апостольской Церкви братское во Святом Духе приветствие и (желание) всякого блага и спасения от Бога!

§ 1. Надлежало бы священному и божественному евангельскому учению о нашем искуплении быть всеми проповедуемому в той же неповрежденности и принимаемому верою вечно в той же чистоте, в какой Спаситель наш, добровольно умаливший себя, зрак раба приим и нисшед из недр Бога и Отца, открыл оное божественным и святым ученикам своим, – и в какой они, свидетели, очевидцы и самовидцы, как громогласные трубы, возвестили сие учение всей подсолнечной (ибо **во всю землю изыде вещание их и в концы вселенные глаголы их**), – наконец, в той неизменности, в какой, прияв тоже самое благовестие, столь многие и столь великие отцы кафолической Церкви со всех пределов земли предали нам оное всенародно – на Соборах и в своих частных писаниях. Но злой дух, исконный враг человеческого спасения, как древле в Эдеме, приняв на себя лице доброжелательного советника, сделал человека преступником ясной божественной заповеди, так и в сем духовном Эдеме, в Церкви Божией, продолжая обольщать многих, внушая им лукавые и богопротивные помыслы, и пользуясь ими, как орудиями, растворяет яд ереси в чистых потоках православного учения, и из чаш, позлащенных якобы евангельским благовестием, напояет многих; налет тех, которые, по простоте своей, живут неосмотрительно, **не лишше внимают слышанному** (Евр. 2, 1) и **от отцев их возвещенному** им (Втор. 32, 7), согласно с Евангелием и со всеми древними учителями, и не считают для душевного спасения своего достаточным устного и писанного

слова Господня и свидетельства непрерывно продолжающейся Церкви, но, гонясь за нечестивыми новизнами, как бы за новым убранством, принимают евангельское учение в виде совершенно искаженном.

§ 2. Отсюда (произошли) разнообразные и чудовищные ереси, которые соборная Церковь от самой колыбели своей, **облекшись во вся оружия Божия и восприемши меч духовный, иже есть глагол Божий** (Еф. 5, 17), принуждена была преодолевать, все преодолевала до ныне, и будет со славою преодолевать во все веки, являясь сама всякой раз, после борьбы, более светлую в более сильную.

§ 3. Но из сих ересей одни уже совершенно исчезли, другие исчезают, иные ослабели, другие же более или менее процветают, держась до времени своего ниспровержения, а некоторые еще вновь возникают для того, чтобы пройти свой путь от появления до уничтожения. Ибо они, – сии жалкие умствования и вымыслы людей жалких, – будучи поражены вместе с своими изобретателями громом анафемы седьми Вселенских Соборов, падут неизбежно, хотя бы существовали тысячу лет. Потому что одно только православие соборной и апостольской Церкви, одушевляемой живым словом Божиим, пребудет во веки, по неложному обетованию Господа: **врата адава не одолеют ей** (Мат. 16, 18), т. е. (как изъясняют святые отцы), уста нечестивых и еретиков, что бы не источали – ужас и прещения, или сладкоречие и убеждения, не одолеют мирного и кроткого православного учения. Но для чего, однако, **путь нечестивых спееется** (Иерем. 12, 1), и нечестивые превозносятся и высятся, яко кедры Ливанские (Псал. 36, 35), искушая мирно служащих Богу? Причина тому не доведома; и св. Церковь, хотя молит ежедневно, да отступит от нее сей пакостник, сей ангел сатанин, но постоянно слышит от Господа: **довлеет ти благодать моя; сила бо моя в немощи совершается: почему она и хвалится сладце, паче в немощех своих, да вселится в нее сила Христова** (2 Кор. глав. 12), **и да искуснии явлены бывают** (1Кор. 11, 19).

§ 4. Из ересей, распространившихся, какими Бог весть судьбами, в большей части вселенной, был некогда арианизм, а

теперь – папизм. Но и сей последний (подобно первому, который уже совершенно исчез), хотя до ныне еще в силе, не превозможет до конца, а прейдет и низложится и **велий глас небесный возгласит о нем: низложен** (Апок. 12, 10)!

§ 5. Новоявившееся учение, будто «Дух Святой исходит от Отца и Сына» измышлено вопреки ясному и нарочитому о сем предмете изречению Господа Нашего: **иже от Отца исходит** (Иоан. 15, 26), и вопреки исповеданию всей соборной Церкви, засвидетельствованному седмью Вселенскими Соборами в словах: **иже от Отца исходящего** (Симв. Веры).

1. Оно нарушает хотя единачное (ἐνιχόν) от одного начала, но иновидное (ἐτεροειδής) происхождение божеских лиц блаженной Троицы, подтверждаемое свидетельством Евангелия;¹⁵

2. Приписывает равносильных и споклоняемым Лицам (Божества) разнородные и не равные отношения; сливает их или смешивает;

3. Представляет как бы несовершенным, темным и неудачным состоявшееся прежде него исповедание единой, соборной и апостольской Церкви;

4. Унижает святых отцов первого Вселенского никейского Собора и второго константинопольского, как будто они о Сыне и Духе Святом богословствовали не совершенно, будто т. е. умолчали о столь важной особенности двух лиц Божества, между тем как необходимо было изложить все божественные свойства их против ариан и македониан;

5. Оскорбляет Отцов третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого Вселенских Соборов, которые в слух всей вселенной провозгласили божественный Символ во всех отношениях совершенным и полным, и страшными прещениями и неразрешимыми закланиями воспретили как себе, так и всем другим, всякое прибавление к нему и убавление, или изменение, или переставление в нем хотя бы одной йоты, – между тем как нужно было исправить его и дополнить, и таким образом изменить все богословское учение вселенских отцов, как будто открылось новое отличительное свойство в самых трех лицах блаженной Троицы;

6. Прокрадывалось в церквах западных сначала как волк в коже овчей, т. е. под наименованием не исхождения (τῆς ἐχπορεύσεως), по греческому выражению, употребленному в Евангелии и Символе, но под именем послания (τῆς ἀποστολῆς), как оправдывался папа Мартин пред Максимом исповедником и как изъяснял это Анастасий, библиотекарь при Иоанне VIII;.

7. С грубою и неслыханною дерзостью коснулось самого Символа и изменило сей всеобщий залог христианства;

8. Произвело столько смятений в мирной Церкви Божией и разделило народы;

9. При первом своем появлении всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львом III и Иоанном VIII, который в послании блаженному Фотию назвал даже сообщниками Иуды тех, кто первые внесли его в Символ;

10. Осуждено многими святыми Соборами четырех восточных патриархов;

11. Подвергнуто анафеме, как нововведение и увеличение Символа, на (так называемом) восьмом Вселенском Соборе, созванном в Константинополе для умирения церквей восточных и западных¹⁶;

12. Едва только успело явиться в западных церквах, как или само породило гнуснейшие исчадия, или ввело с собою мало-помалу другие новизны, – большей частью противоречащие ясно изображенным в Евангелии заповедям Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимся, до его появления, и в тех церквах, где оно введено, как то: кропление вместо погружения, отнятие у мирян божественной чаши и причащение только под одним видом хлеба, употребление облаток и опресноков вместо хлеба квасного, исключение из литургии благословения, т. е. божественного призывания всесвятаго и всесовершающего Духа; – также нарушающие древние апостольские обряды соборной Церкви, как то: устранение крещаемых младенцев от миропомазания и принятия пречистых Таин; брачных – от священства; признание папы за лице непогрешимое и заместо блюстителя Христова и проч. Таким образом низвратило весь древний апостольский чин

совершения почти всех Таинств и всех церковных учреждений, – чин, который содержала древняя, святая и православная Церковь римская, бывшая тогда честнейшим членом святой соборной и апостольской Церкви;

13. Побудило своих защитников, богословов Запада, за неимением для себя опоры ни в писании, ни у отцев, прибегнуть в бесчисленным лжемудрованиям, не только к превратным толкованиям писания, каких мы не находим ни у кого из отцев святой соборной Церкви, но и к искажению священных и неприкосновенных текстов божественных отцев восточных и западных;

14. Оказалось странным, неслыханным и богохульным еще и у прочих христианских обществ, которые, прежде его появления, по другим справедливым причинам, в течении веков отлучены от соборной Церкви;

15. Несмотря на все труды и усилия своих защитников, ни против одного из приведенных нами доказательств доселе еще не могло в защиту свою привести хотя сколько-нибудь убедительное и основательное доказательство из св. Писания или из отцев.

Такое учение носит в самом существе своем и свойствах все признаки учения неправославного; а всякое неправое учение, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троице, о происхождении божеских лиц, равно как и об исхождении Святаго Духа есть и именуется ересью, а умствующие так – еретиками, по определению святейшего Дамаса, папы римского, (который говорит так): «кто об Отце и Сыне мыслит право, а о Духе Святом не право, тот еретик» (Испов. Соб. Вер., посланное папою Дамасом к епископу фессалоникийскому Павлину).

Посему единая, святая, соборная и апостольская Церковь, следуя святым отцам восточным и западным, как древле при отцах наших возвещала, так и ныне вновь возвещает соборне, что сие нововведенное мнение, будто Дух Святый исходит от Отца и Сына, есть сущая ересь, и последователи его, кто-бы они ни были, еретики по упомянутому соборному определению святейшего папы Дамаса; составляющиеся из них общества,

суть общества еретические, и всякое духовное богослужбное общение с ними православных чад соборной Церкви – незаконно, по силе особенно седьмого правила третьего Вселенского Собора.

§ 6. Ересь эта, со многими соединенными с нею нововведениями, как выше сказано, появившаяся около половины седьмого столетия, сначала неизвестная и безымянная, и под разными видами в продолжение четырех или пяти веков тайно распространявшаяся по епархиям европейского Запада, потом преодолев православие тех стран, по нерадению тогда бывших там пастырей и покровительству властей, мало-помалу ввела в заблуждение не только испанские, до того еще православные Церкви, но и германские, и галликанские, и даже италийские, которых православие возвещалось некогда во всем мире, и с которыми часто сносились святейшие отцы наши, как то: Афанасий Великий и небоявленный Василий, и которых единение и общение с вами послужили к сохранению чистоты учения соборной и апостольской Церкви до седьмого Вселенского Собора. Когда же, завистью ненавистника добра, новизны касательно здравого и православного учения о Всесвятом Духе (на которого хула, по наречению Господа, **не отпустится человеком ни в сей век, ни в будущий** Матф. 12, 31, 32), – следовавшие одно за другим нововведения касательно божественных таинств, особенно же таинства спасительного крещения, святого причащения и священства, когда сии несообразности, следуя непосредственно одни за другими, овладели самым старейшим Римом, тогда она приобретши знаменитость в Церкви, облеклась отличительным именем папизма. Ибо из епископов Рима, именуемых папами хотя некоторые в начале восстали против нововведения соборно, как то: Лев III и Иоанн VIII, (о коих упомянуто выше), и отвергли его пред лицом всей вселенной, – один посредством известных серебряных дщиц; другой в послании в блаженному Фотию во время (так называемого) восьмого Вселенского Собора и в послании к Святополку – касательно Мефодия, епископа моравского, но большая часть их преемников, обольстившись предоставляемыми им сею ересью, противными

правилам Соборов, правами на преобладание над церквями Божиими, и нашедши в том для себя много мирских выгод и много прибыли, измыслив единоедержавие в соборной Церкви и единовластие в раздаянии даров Святаго Духа, не только изменили бывшее у них древнее богослужение, отсеки себя такими нововведениями от прочего древнего и истинно-христианского общества, но еще старались, не без постыдных ухищрений, как предает нам неложная история, увлечь за собою в отступничество от православия и остальные четыре патриархии и поработить таким образом соборную Церковь хотениям и велениям человеческим.

§ 7. Приснопамятные предшественники и отцы наши, видя, как праотеческое евангельское учение попирается ногами, как свыше истканый хитон Спасителя нашего раздирается руками нечестивыми, движимые любовью отеческою и братскою, оплакивали гибель такого Множества христиан, **за них же Христос умре**, но вместе и употребляли много ревности и усилий, соборно и частно, чтобы, спасая православное учение святой, соборной Церкви, соединить опять, сколько возможно, разделённое, и, подобно искусным врачам, общими силами старались исцелить член страждущий, перенося сами много и скорбей, и поруганий, и преследований, только бы тело Христово не раздробилось на части, только бы не были попораны уставы божественных и святых Соборов. Но Запад, по свидетельству неложной истории, остался упорен в заблуждении. И присноублажаемые мужи на деле испытали истину слов иже во святых отца нашего Василия Великого, который, по собственному опыту, говорил о епископах Запада, и в частности о бывшем при нем папе: «истины они не знают, и знать не желают; с теми кто возвещает им истину, они спорят, а сами утверждают ересь» (посл. к Евс. Самос.); и таким образом, по первом и втором братском внушении, узнав их нераскаянность, они отрясли прах ног и отреклись от них, предали их в неискусен ум их (ибо «брань лучше мира, отделяющего от Бога», как сказал иже во святых отец наш Григорий, папа об арианах). С тех пор нет никакого духовного общения между ими и нами, потому что они собственными

руками изрыли глубокую пропасть между собою и православием.

§ 8. Впрочем на сем не остановился папизм в своем посягательстве на мир Церкви Божией, и рассылая повсюду так называемых миссионеров, людей коварных, он «преходит сушу и море, чтобы обратить хотя одного», прельстить кого либо из православных, извратить учение Господа нашего, исказить прибавлением божественный символ святой нашей веры, представить излишним богопреданное погружение в крещении и бесполезным общение чаши завета, и бесчисленное множество другого, что дух новизны внушал готовым на все схоластикам средних веков и тогдашним по любоначалию позволявшим себе все, епископам древнего Рима. Ублажаемые за благочестие предшественники и отцы наши, хотя и были многократно и многообразно оскорбляемы и теснимы папизмом изнутри и отвне, непосредственно и посредственно, но укрепляясь, упованием на Господа, сохранили и нам передали неповрежденным неоцененное наследие отцов своих, которое и мы, при помощи Божией, предадим, как многоценное сокровище, будущим поколениям, даже до скончания веков. Не смотря на то, паписты не успокаиваются до ныне, и не успокоятся, по своей обычной вражде против православия, которое они, как отступившие от веры своих предков, имеют пред глазами живую, ежедневную уликою. О, если бы они устремили свои усилия против ереси, распространившейся и господствующей на Западе! Нет сомнения, что если бы их усердие ко вреду православия было обращено к истреблению ереси и нововведений, согласно с благочестивыми намерениями Льва III и Иоанна VIII, сих последних присноблаженных православных пап, – давно бы не осталось и следа ее во вселенной и мы бы ныне все тожде мудрствовали, по заповеди апостольской. Но ревность преемников их не была направлена к сохранению православной веры, как приснопамятная ревность блаженного Льва III!

§ 9. Впрочем с некоторого времени нападения собственно от лица предшествовавших пап превратились, а были только со стороны миссионеров, но теперь вошедший в 1847 году на

епископскую кафедру Рима, под именем папы Пия IX издал 6 января 1848 г. окружное послание, написанное к восточным, состоящее в греческом переводе из 12 страниц, которое посланец его распространил, как некую наносную заразу, внутри нашей православной паствы. В сем послании он прежде ведет речь с отступавшими в разные времена от различных христианских обществ и самовольно переходившими к папизму, и следовательно ему своими; потом обращает речь и к православным, хотя не называл по имени кого-либо из них в частности, но указывая по имени (стр. 3, строк. 14–18, строк. 4, строк. 19 и стр. 9 строк. 17 и 28) на божественных и святых отцов наших, явно говоря неправду о них и о нас, их преемниках и потомках; – представляя их принимающими постановления и определения пап как бы правителей соборной Церкви, – нас же неверными их примером, и следовательно выставляя нас пред вверенною нам от Бога паствою отступниками от собственных отцов наших и небрежущими освященных для нас обязанностях и о душевном спасении духовных чад наших. Далее, присвоив себе, уже как собственное – достояние, соборную Церковь Христову, ради того, что занимает, как он хвалится епископский престол святого Петра, он хочет таким образом прельщением склонить более простых людей к отступлению от православия, прибавляя следующие слова, странные для всякого, знакомого с богословским учением (стр. 10 строк. 29): «нет никакой причины, по которой бы вы могли отказаться от возвращения в истинную Церковь и от общения с сим святым престолом».

§ 10. Каждый из наших братьев и чад во Христе, воспитанных и наученных в благочестии, читая сие с разумением и при свете данной ему от Бога мудрости, без сомнения поймет, что слова и нынешнего епископа римского, также как и его предшественников со времени отделения, не суть слова мира, как он говорит (стр. 7. строк. 8), и любви, но слова лести и обмана, направленные к собственному его возвышению, по обычаю действовавших вопреки соборам его предместников. Посему и уверены мы, что как до настоящего времени, так и впредь православные не будут прельщены: ибо

верно слово Господа нашего (Иоан. 15) «**по чуждем не идут, но бежать от него, яко не знают чуждаго гласа**».

§ 11. При всем том, мы сочли отеческим и братским долгом нашим и священною обязанностью, чрез предлагаемое теперь благожелательное послание, и вас утвердить в православии, которое вы получили от предков, и вместе показать мимоходом слабость умствований римского епископа, которую и сам он очевидно понимает. Ибо он не апостольским исповеданием своим украшает свой престол, но апостольским престолом старается подтвердить свое достоинство; достоинством же (подтвердить) свое исповедание. А на самом же деле это иначе. Ибо не только престол римский, который по одному только преданию почитается, получившим преимущества от святого Петра, но и представляемый в священном писании, главным престол святого Петра, – т. е. Антиохия, которой Церковь, по свидетельству святого Василия (посл. 48 к Афан. в), есть «главнейшая из всех Церквей во вселенной», и что всего важнее, о которой второй Вселенский Собор в послании к Собору западных (честнейшим и боголюбивейшим братьям и сослужителям Дамасу, Амвросию, Вритону, Валериану и проч.) свидетельствует так: «старейшей и, по истине, апостольской Церкви, сущей в Антиохии сирийской, где впервые принято было досточтимое имя христиан», – и сия, говорим, апостольская Церковь антиохийская никогда не имела преимущества – не быть судимою по божественному писанию и соборным определениям из уважения к ней, как истинному престолу святого Петра. Но что мы говорим? Сам святой Петр лично был судим пред всеми **по истине благовествования** (Гал. 12) и, по свидетельству писания, оказался **ззорен и неправоходящ**. – Что после сего надобно подумать о тех, которые величаются и надмеваются обладанием только предполагаемого мнимого престола его? И точно, сам небоявленный Василий Великий, – сей вселенский учитель православия в соборной Церкви, на которого даже и епископы Рима вынуждаются указывать нам (стр. 8 строк. 81), определенно и ясно высказал нам выше (§ 7), какое мнение мы должны иметь о суждениях неприступного Ватикана: «они

истины не знают, и знать не желают; с теми, кто возвещает им истину, они спорят, а сами утверждают ересь»; следовательно, те же самые святые отцы наши, которых, как светильников и учителей самого Запада, с подобающим уважением перечисляет нам Его блаженство, и которым увещевает вас следовать (там же), научают нас, чтобы мы не по престолу судили о православии, но о самом престоле и сидящем на престоле – по божественным писаниям, по соборным уставам и определениям, и по вере, всем проповеданной, т. е. по православию непрерывного учения (Церкви). Так судили и осудили Собором отцы наши и Онория, папу римского, и Диоскура, папу александрийского, и Македония, и Нестория, патриархов константинопольских и Петра Кнафее, патриарха антиохийского и проч. Ибо, если по свидетельству писания, **даже мерзость запустения была ни месте святе.** (Дан. 9, 27, и Матф. 24, 15), то почему новизны и ересь не могут быть на престоле святом? Отсюда ясно открывается слабость и непрочность и других доказательств (стр. 8. строк. 9, 11 и 14) в пользу верховного владычества римского епископа. Ибо, если бы Церковь Христова не была основана на незыблемом камне исповедания Петрова: **Ты еси Христос Сын Бога живого** (которое было общим ответом со стороны апостолов на предложенный им вопрос: **«вы же кого Мя глаголете быти»** (Матф. 16, 15, 16), как объясняют нам божественные отцы восточные и западные), – то и сам Кифа был бы для нее слабым основанием, тем более папа, который, присвоил себе ключи царствия небесного, как распорядился ими, известно из истории. И о значения троекратного: **паси овцы моя**, общие наши божественные отцы единогласно учат, что это не было каким либо предпочтением святого Петра пред прочими апостолами, тем менее его преемников, а просто восстановлением его в сан апостольский, из которого он ниспал чрез троекратное отречение. И сам святой Петр, как видно, точно также понял смысл троекратного вопроса Господа: **любиши-ли Мя**; и слов: **паче сих** (Иоан. 21, 16). Ибо вспомнив слова своя: **аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогда же соблазнюся** (§ 12), оскорбе, яко рече ему третье: **любиши-**

ли **Мя**. Но преемники его, для своих целей, принимают это изречение в смысле, слишком для них благоприятном.

§ 12. Еще Его блаженство говорит (стр. 8 строк. 12) что Господь наш сказал Петру (Лук. 22, 32): **Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя и ты некогда обраща, утверди братию твою**. Молитва Господа нашего была по тому случаю, что сатана просил (там же ст. 31), да попущено будет ему подвергнуть искушению веру всех учеников, – Господь же позволял ему сделать сие только с Петром, потому особенно, что он высказал слова самолюбия и почитал себя выше других (Матф. 26, 33) **аще и вси соблазняются о Тебе: аз никогдаже соблазнюся**; но это искушение было временное, когда Петр **начат ротиться и клятися, яко не знаю человека** (Матф. 6, 74), – так слаба природа человеческая, оставленная самой себе! **дух бо бодр, плоть же немощна** (Матф. 26, 4); – временное, говорим, для того, чтобы потом, пришед в себя и очистившись слезами покаяния, он мог еще более утвердить братьев своих в исповедании Того, которому они не изменяли и не отрекались. О премудрые судьбы Господни! Как божественна и таинственна была на земле последняя ночь Спасителя вашего! Священная та вечеря, – она самая, веруем мы, и ныне совершается ежедневно по слову Господа: **сие творите в Мое воспоминание** (Лук. 29, 19), **и елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет** (Павл. 1Кор. 11, 26). Братская любовь, с такою попечительностью, заповеданная нам общим учителем: **о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою** (Иоан. 13, 35), любовь, которой рукописание и заветы первые раздрали папы, защищая и принимая еретические нововведения, вопреки тому, что нам благовествовано и что утверждено уставами общих учителей и отцев наших, – та самая, говорим, любовь действует и ныне в душах христианских народов и особенно в руководствующих ими. Ибо мы дерзновенно исповедуем пред Богом и людьми, что молитва Спасителя нашего (стр. 7. строк. 33) к Богу и Отцу своему об общей любви христиан и совокуплении во едину святую, соборную и апостольскую Церковь, в которую и веруем

мы, **да будете едино, якоже и мы едино есмы** (Иоан. 17, 22), действует в нас, как и в Его блаженстве, и здесь то наше братское стремление и ревность сретается с стремлением и ревностью Его блаженства, – с тем только различием, что в нас эта ревность направлена к тому, чтобы соблюсти чистым и неприкосновенным божественный, безукоризненный и всесовершенный Символ христианской веры, сообразно с евангелием и определениями семи святых Вселенских Соборов, и с учением непрерывно – продолжающейся соборной Церкви; а в Его блаженстве к тому, чтобы укрепить и утвердить над всеми власть и господство восседающих на апостольском престоле и их нового учения. Вот сущность, кратко сказать, всего разноречия и несогласия между нами и ими; вот средостение ограды, которое по божественному предречению (там же 10, 1): **и ины овцы имам, яже не суть от двора сего: и тые Ми подобает привести и глас Мой** (истину: **иже от Отца исходит**) **услышат**, при помощи прославляемой мудрости Его блаженства, надеемся, разрушится во дни его. Скажем еще в третьих: если допустим, согласно со словами Его блаженства, что молитва Господа нашего о Петре, которому предстояло отречение и клятвопреступление, тесно соединена и связана с престолом Петра, и что она простирает силу свою и на восседающих на нем в разное время, хотя, как выше сказано (§ 11), ни что не подтверждает сего мнения (как удостоверяет нас писание примером самого святого Петра, и при том, после сошествия Святого Духа); то уверяем, на основании слов Господа, что придет время, когда сия божественная, по случаю отречения Петра, молитва, **да неоскудеет** в конец **вера** его, воздействует и в каком либо из преемников его, который и восплачет, подобно ему, горько, и, обратившись, еще более утвердит нас, братий его, в православном исповедании, которое получили мы от предков. И – о, если бы Его блаженство был таковым истинным преемником блаженного Петра! Но к сей смиренной молитве нашей, что мешает присоединить такой же и совет, искренний и от чистого сердца, во имя святой, соборной Церкви? Мы не дерзаем сказать: «без всякого отлагательства», как сказал (стр. 10, строк. 22) Его блаженство, но говорим: без

поспешности, по зрелом рассуждении, и при том, если будет нужно, по совещании с мудрейшими, благочестивейшими и вместе правдолюбивейшими и беспристрастнейшими епископами, богословами и учителями, которые и в настоящее время, по божественному домостроительству, находятся у каждого из народов западных.

§ 13. Его блаженство говорят, что епископ лионский, святой Ириней пишет в похвалу римской Церкви: «необходимо, чтобы вся Церковь, т. е. все повсюду находящиеся верующие, согласовались (с нею) ради главенства сей Церкви, в которой сохранилось апостольское предание в рассуждение всего, что известно между повсюду находящимися верующими». Хотя сей святой отец (Ириней) говорит совсем не то, что разумеют ватиканские (епископы); но, предоставив им разуместь и толковать как угодно, скажем только: кто же отвергает, что древняя римская Церковь была апостольскою и православною? Никто из нас не усумнится назвать ее даже образцом православия, и для большей ее похвалы мы приведем слова историка Созомена (Истор. Созом. кн. III, гл. 12) о том, каким образом до известного времени могло сохраниться в ней похваляемое нами православие, о чем Его блаженство умолчал: «Западная Церковь (говорит Созомен) сохраняя в чистоте отеческие догматы, свободна от распрей и суесловия». Кто из отцов или из нас самих отвергает предоставленное ей церковными правилами старейшинство в порядке иерархическом, доколе она «сохраняла в чистоте отеческие догматы», руководясь непогрешительным учением священного писания и св. Соборов? Но теперь мы видим, что у ней ни сохранился на догмат о Святой Троице по Символу святых отцов, собравшихся в первый раз в Никее, и в другой в Константинополе, – по Символу, который и прочие пять Вселенских Соборов исповедали и подтвердили, подвергнув анафеме тех, кои изменяют в нем хотя одну йоту, как еретиков; не сохранился и апостольский образ совершения святого крещения, и призывание всесовершающего Духа на святые дары. Напротив видим в ней и евхаристию без причащения от святой чаши, которое, о ужас! почитается излишним, и очень

многое другое, что не было известно не только нашим (восточным) святым отцам, кои всегда именовались вселенским непогрешительным правилом в образцом православия, как говорит из уважения к истине и Его блаженство (стр. 2), но – и древним святым отцам Запада; видим в ней и главенство, о котором всеми силами ревнует ныне и Его блаженство, также как и его предшественники, и которое превращено ими из братского отношения и преимущества иерархического – в господственное. Что же надобно заключить о неписанных преданиях ее, когда и писанные представляют такое извращение и изменение в худшему? И кто так смел и так доверчив к достоинству апостольского престола (папского), что дерзнет сказать, что, если бы ныне возвратился к жизни святой отец наш Ириней, то, видя римскую Церковь в столь существенных и вселенских членах христианской веры отступившею от древнего и первоначального апостольского учения, – он первый не восстал бы против нововведений и самовольных учреждений этой Церкви, о которой он тогда справедливо отзывался с похвалою, как о соблюдавшей в чистоте отеческие догматы? Например, если бы святой отец увидел, что римская Церковь нетолько из своего чина литургии, по внушению схоластиков, исключила древнейшее и апостольское призывание тайнодейственного Духа, и жалко исказила священнодействие в существенной его части, но и всячески старается изгнать оное из литургий и прочих христианских обществ, клеветая, – (так недостойно апостольского престола, который величается!) – будто «это вкралось после разделения» (Церквей) стр. 11, строк. 11): что сказал бы он об этой новизне, он, который уверяет нас (Ирин. кн. IV гл. 34, издан. Massuet 18), что «земной хлеб, когда над ним совершится призывание (ἐχχλησιν) Бога, не есть уже простой хлеб и проч., разумея здесь под словом (ἐχχλησιν), именно то призывание, посредством которого совершается таинство литургии? А что св. Ириней так веровал, об этом заметил даже один из папских монахов ордена Миноритов, Франциск Фев-Ардентий, издавший в 1639 году с толкованиями сочинения упомянутого святого отца (см. 18 гл. I книги, отд. 114)

Panem et calycem commixtum per invocationis verba corpus et sanguis Christi vere fieri, т. е. святой Ириней учит, что хлеб евхаристии и растворенное вино, чрез слова призывания, истинно становятся телом и кровию Христовыми». Далее, что сказал бы он, услышав о наместничестве и главенстве папы, – он, который по поводу небольшого, почти безразличного разногласия о времени празднования пасхи (Евсев. Цер. истор. V, 26), столь сильным и торжественным увещанием, противостоял неуместному в соборной Церкви Христовой, повелительному тону папы Виктора? – Так то сам Отец, приводимый Его блаженством во свидетеля главенства римской Церкви, подтверждает, что достоинство ее состоит не в господстве и не в главенстве, которых и сам Петр никогда не получал, – но в братском старейшинстве во вселенской Церкви и преимуществе, предоставленном папам ради знаменитости и древности их города. Так и четвертый Вселенский Собор, сохраняя узаконенную третьим Вселенским Собором независимость церквей, следуя второму Вселенскому (прав. 3), а чрез него и первому (прав. 6), назвавшую правительственную власть папы над западными церквами не более, как обычаем, – объявил, что «отцы прилично дали преимущества (престолу древнего Рима); поскольку то был царствующий град» (кан. 28), – не сказав ничего о присвоенном ими (папами) преемстве от апостола Петра и особенно о наместничестве римских епископов и их вселенском пастыреначальстве. Столь глубокое молчание о важных преимуществах и, притом, объяснение первенства римских епископов не из слов: **«паси овцы Моя»** и **«на сем камени созижду Церковь Мою»**, но просто из обычая и ради царствующего града, и при том первенства, данного не Господом, а отцами, мы уверены, покажется Его блаженству, иначе объясняющему свои преимущества (стр. 8, строк. 16) тем более странным, чем более (как видно из § 15) находит он решительным свидетельство упомянутого четвертого Вселенского Собора в пользу своего престола; да и Григорий Двоеслов, именуемый Великим, обыкновенно называет эти четыре Вселенских Собора (книга I, посл. 25) как бы четырьмя

Евангелиями и четырехугольным камнем, на котором создана соборная Церковь.

§ 14. Его блаженство говорит (стр. 10, строк. 12), что коринфяне, по случаю возникшего у них несогласия, отнесли в Клименту, папе римскому, который, обсудивши дело, отправил к ним послание и они с таким уважением приняли его решение, что читали оное в церквах. Но это событие есть очень слабое доказательство папской власти в доме Божием: так как Рим был тогда средоточием управления и столицей императоров, то всякое дело, сколько-нибудь важное, каков спор коринфян, должно было там разбираться, особенно, если одна из спорящих сторон прибегала к постороннему посредничеству. Так бывает и до ныне. Патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима, в случае дел необыкновенных и запутанных, пишут к патриарху Константинополя потому, что сей город – есть столица самодержцев и при том имеет преимущество, предоставленное ему Соборами. Если братским содействием исправятся нуждающиеся в исправлении, – то хорошо; если же нет, то дело предается правительству по надлежащему. Но сие братское содействие в христианской вере, не бывает на счет свободы церквей Божиих. Тоже надобно сказать и касательно приводимых Его блаженством (стр. 9, строк. 5, 17) примеров из жизни святых – Афанасия Великого и Иоанна Златоустаго, т. е. что это – примеры предстательства братского и подобающего преимуществам епископов римских Юлия и Иннокентия: между тем преемники их ныне требуют от нас покорности в искажении божественного Символа, тогда как сам Юлий из явил тогда негодование на некоторых за то, что «они возмущают церкви отступлением от никейских догматов» (Созом. церв. ист. книг. III глав. 7), и угрожал им! «что не будет более терпеть, если они не перестанут вводить новизны». – В деле коринфян надобно еще заметить и то, что из тогдашних трех только патриарших престолов ближайший и важнейший для коринфян был престол римский, к которому по правилам и должны были отнестись. И так, здесь мы не видим ничего особенного и доказывающего право папы на господство в свободной Церкви Божией.

§ 15. Наконец, его блаженство, (строк. ту же стран. 20), говорит, что четвертый Вселенский Собор (который, конечно, по ошибке, он переносит из Халкидона в Кархидон): по прочтении послания папы Льва I-го воскликнул, «Петр сказал это устами Льва»! Дело точно так было. Но его блаженству не надобно было бы оставлять без внимания и того, как и после какого тщательного исследования, Отцы сказали упомянутые слова в похвалу Льва. Так как он (папа), может быть заботясь о краткости, опустил одно обстоятельство весьма нужное и ясно показывающее, что важность Вселенского Собора гораздо выше достоинства не только папы, но и Собора, его окружающего, то мы вкратце представим дело, как оно действительно было. Из шести сот слишком Отцев, присутствовавших на Халкидонском Соборе, почти 200 мудрейшие из них назначены были Собором рассмотреть и по букве, и по мыслям означенное послание Льва, и не только рассмотреть, но и представить письменно и за своею подписью мнение свое о том, православно ли оно или нет. Почти 200 отдельных мнений и суждений о том послании находятся в описании четвертого заседания св. Собора, и они такого содержания, напр. пар. 600.

«Максим, епископ Антиохии сирийской сказал: послание Льва, святого архиепископа, царствующего Рима, согласно с учением Веры, изложенной 318 святыми Отцами никейскими и 150 собравшимися в Константинополе, новом Риме, и святым епископом Кириллом в Ефесе, в чем и подписуюсь».

И еще: «Феодорит, боголюбивейший епископ кирский, (сказал): послание святейшего архиепископа Льва согласно с вероучением, изложенным в Никее святыми и блаженными Отцами, и с Символом Веры, изданным в Константинополе 150 Отцами, и с посланиями блаженного Кирилла, и одобрив вышеозначенное послание, я подписался».

И так по порядку все об являют: «согласуется послание», «согласно послание»; «не противоречит послание, по мыслям своим и проч.», и уже после тщательного сличения его с прежними св. Соборами и по причине совершенного православия содержащихся в нем мыслей, а не потому только, что то было послание папы, они произнесли, не щадя ни каких

похвал, те замечательные слова, которыми ныне хвалится Его блаженство: Но если бы и Его блаженство прислал вам (изложение Веры), согласное с древними святыми семью Вселенскими Соборами, вместо того, чтобы хвалиться благочестием своих предшественников, засвидетельствованным нашими предместниками и Отцами на Вселенском Соборе, то и он справедливо мог бы хвалиться своим православием, вместо доблестей предков являя собственную доблесть. Если Его блаженству и теперь будет угодно прислать что либо такое, что 200 Отцов по исследованию и обсуждению найдут согласным с прежними Соборами, то и теперь, говорим мы, он может услышать и от нас грешных не только слова: «Петр сказал это», или что другое уважительное, но и такие слова: «да облобызается святая рука, отершая слезы соборной Церкви!»

§ 16. Да, от мудрости Его блаженства можно было ожидать такого предприятия, которое было бы достойно истинного преемника святого Петра, Льва I и Льва III, начертавшего, для ограждения православной Веры, божественный Символ неповрежденным на несокрушимых дщцах, предприятия, которое соединило бы Церкви западные со святою Соборною Церковью, в которой оставляется праздными и не занятыми – и каноническая первенствующая кафедра Его блаженства, и кафедры всех епископов Запада; ибо Соборная Церковь, ожидая, конечно, обращения отпадших пастырей с их паствами, не определяет на оные новых святителей, посредством праздного наречия, когда они на самом деле заняты другими, дабы не унижать священства. И мы точно ожидали «слова утешения» и надеялись, что оно «обновит следы Отцев», как писал святой Василий к святому Амвросию, епископу медиоланскому (писм. 55); но, к великому вашему удивлению, прочли упомянутое окружное послание к Восточным, из которого, к крайнему душевному прискорбию, увидели, что и прославляемый в мудрости Его блаженство, подобно предшественникам своим со времени разделения (Церквей), изрекает те же слова развращения, т. е. не правильное прибавление к совершеннейшему священному нашему Символу, утвержденному Вселенскими Соборами, искажение

священных Литургий, которых один небесный состав, и имена составителей, и одна почтенная древность и важность, признанная седьмым Вселенским Собором (Деян. 6), заставили бы оцепенеть и отклониться назад даже ту святотатственную и дерзкую руку, которая заушила Господа славы. Из всего этого мы заключили, в какой неисходный лабиринт заблуждения и в какой не исправимый порок лжеумствования вверх папизм даже благоразумнейших и благонамереннейших епископов римской Церкви, когда они для сохранения «непогрешительной и следовательно обязательной наместнической власти и правительственного главенства между своими подчиненными», принуждены касаться божественного и неприкосновенного и посягать на все, показывая, правда, на словах уважение к «достопочтенной древности» (стр. 11 ст. 16). но на самом деле, питая неукротимую страсть к новизне по отношению к предметам священным, как видно из слов (папы): «нужно отделить от них то, что вкралось в них после разделения и пр.» (там же ст. 11), где он примешивает яд новизны к самой вечери Господней. Из сих слов можно подумать, что Его блаженство подозревает, будто и в православной Соборной Церкви произошло тоже, что произошло, как он знает, в Церкви римской по утверждению папизма, т. е. изменение всех вообще таинств, и искажение их на основании схоластических мудрований, которыми он старается доказать такие же недостатки и в наших священных литургиях, таинствах и догматах, отзываясь впрочем с уважением о их достопочтенной древности, и вовсе не думая, конечно, по снисхождению чисто апостольскому, как выражается он «опечалить нас строгим отвержением (литургий, обрядов и проч. стр. 11, строк. 5).» От такого же незнания апостольских и соборных обычаев наших произошло, без сомнения, и другое его изречение (ст. 7. ст. 22): «но даже между вами не могло сохраниться единства учения и священного управления», в котором (изречении) он странным образом приписывает нам собственный недостаток, подобно тому, как некогда папа Лев IX, в письме к блаженной памяти Михаилу Керулларию, обвинял греков в искажении Символа Соборной Церкви, не стыдясь ни своего сана, ни истории. Но мы уверены, что если Его

блаженство припомнит церковную археологию и историю, учение божественных отцов и древние литургии Галлии и Испании и служебник древней Римской Церкви, то он с ужасом увидит, сколько и других не сообразностей, существующих еще и ныне, произвел на западе папизм, между тем как у нас православие сохранило Соборную Церковь непорочную невестою жениху ее, – хотя мы и не имеем ни какого светского надзирательства (ἄρχειν ἡσυχίαν) или, как говорит Его блаженство, «священного управления» (стр. 7. строк. 23), а только соединены союзом любви и усердия к общей матери, в единстве веры, запечатленной семью печатями духа (Апок. 5, 1) т. е. семью Вселенскими Соборами, и в послушании истине, увидит, сколько, напротив, «нужно отделить от нынешних папских догматов и таинств,» как «заповедей человеческих,» для того чтобы все – изменившая западная Церковь могла приблизиться к неизменной, Соборной, православной вере общих отцов наших, по отношению к которой (как он, по словам его, знает, стр. 8, строк. 30) мы все стараемся сохранять то учение, какого держались наши предки (там же стр. 31.); почему и он сам хорошо делает, научая (там же стр. 31.) нас «следовать древним, иерархам и верным восточных епархий.» А как разумели они (древние иерархи) учительскую власть архиепископов древнего Рима, и какое понятие должны иметь о них мы, чада православной Церкви, и каким образом должно принимать учение их, пример этого они показали нам соборне (§ 15), и небоявленный Василий внятно прояснил это (§ 7.) Что же касается до верховной власти их (Римских архиепископов), то поскольку здесь мы не намерены предлагать об этом подробного исследования, приведем краткие слова того же Василия Великого: «хотел я писать к главному их (αὐτῶν χορυφίῳ" там же)...

§ 17. Из всего этого всякий, воспитанный в здоровом католическом учении, а тем более Его блаженство, может заключить, как неблагочестно и не согласно с правилами соборов покушаться на изменение наших догматов, литургий и прочих священнодействий, которых древность, современная самому христианскому учению, засвидетельствована

всегдашним к ним уважением и верою в их неприкосновенность, даже со стороны древних православных пап, у которых некогда все то было общее с нами; сколько с другой стороны благопотребно и благочестно исправить новизны, время вторжения коих в Церковь римскую мы определенно знаем, и против которых приснопамятные отцы наши благовременно возвышали голос свой. Есть и другие причины, почему Его блаженство легко может произвести такое преобразование. Во-первых: наше все, (догматы, постановления и проч.) было некогда в уважении и у западных, имевших те же священнодействия и исповедовавших один и тот же Символ; между тем как те нововведения не были известны нашим отцам, не могут быть подтверждены писаниями, хотя только западных православных отцов, и не могут быть доказаны ни по отношению к древности, ни к повсеместности. Далее: у нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия (ὁὐνέρχωνιστήρ τῆς δρθοχείας) у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцов его, как то испытали многие и из пап, и латинствующих патриархов, со времени разделения ни сколько не успевшие в своих против нее покушениях; между тем в западной Церкви, как прежние папы по временам и без труда, и с насилием, канонизовали в ней (вере) многие новизны ради благоустроения (δοχονομίαν), как говорили они в защиту свою отцам нашим, хотя на самом деле производили не строение в теле Христовом; так папа же опять, уже действительно ради святого и праведнейшего благоустроения, мог бы и исправить не мрежи, но самый раздранный хитон Спасителя, восстановить почтенные и древние священнодействия, которые «способны сохранить благочестие», как выражается сам Его блаженство (стр. II. строк. 16.) и которые почитает он, по словам его (там же ст. 14), и предшественники его уважали, – повторив достопамятное изречение одного из блаженной памяти своих предшественников (т. е. Целестина на III Вселен. Соборе): «Desinat novitas incesserre vetustatem, – да престанет новизна

восставать на древность.» Пусть хотя в одном этом послужит в благу соборной Церкви доселе исповедуемая непогрешимость папских определений! Правда, в таком предприятии даже и такой папа, как Пий IX, при всей своей мудрости, благочестии и ревности о христианском единении Вселенской Церкви, как сам он выражается, – может встретить отвне и извнутри препятствия и затруднения; но здесь то в особенности мы должны обратить внимание Его блаженства (да не покажется это дерзостью с нашей стороны) на следующее положение в его послании (стр. 8, строк. 32,) «в делах, касающихся исповедания божественной веры, нет ничего столь тяжкого, чтобы не должно было претерпеть для славы Христовой и ради воздаяния в вечной жизни.» По сему долг Его блаженства – показать пред Богом и людьми, что он, будучи началовождем богоугодного предприятия, есть вместе и ревностный защитник гонимой истины Евангелия и святых Соборов, жертвующий даже собственными выгодами, чтобы быть, по словам пророка (Ис. 40, 17,) начальником **в мире** и епископом в правде. Да будет же! Но доколе состоится сие вожделенное обращение отпадших Церквей к телу единой, святой, соборной и апостольской Церкви, которой **глава Христос** (Евр. 4. 15.), мы же все «**уды от части**», до толе всякое их покушение и всякое их самозванное увещание, клонящееся к искажению нашей, от отцев нам преподанной, неукоризненной веры, не только как подозрительное и опасное, но и как нечестивое и душепагубное – достойно соборного осуждения. Такому же осуждению подлежит в особенности и окружное послание к восточным епископам древнего Рима папы Пия IX; таким мы и объявляем его в соборной Церкви!

§ 18. Посему, возлюбленные братие, и сослужители нашего смирения! как всегда, так в особенности в настоящее время, по случаю издания упомянутого окружного послания, мы считан своею непременною обязанностью, вследствие нашего патриаршеского и соборного решения, да не погибнет кто либо из священной ограды соборной православной Церкви, святейшей нашей общей матери; – не только себе самим напоминать ежедневно, но и вас просить, чтобы вы напоминали

друг другу слова в увещания блаженного Павла (сказанные им) к святым предшественникам нашим, которых он собирал в Эфесе: **внимайте себе и всему стаду, в нем же вас дух святой постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию своею. Аз бо вем сие яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада. И от вас самех возстанут мужие глаголющии развращенная, еже оторгати ученики вслед себе. Сего ради бдите.** (Деян. 20, 28, 31). Предшественники и Отцы наши выслушав сии божественные наставления, пролили тогда обильные слезы, и, повергаясь на выю его (Павла), целовали его. Так и мы, братие, слушая его, поучающего нас со слезами, повергнемся мысленно со слезами на выю его, и, целуя, утешим его твердым обещанием нашим, что никто не отлучит нас от любви Христовой; никто не отклонит нас от евангельского учения; никто не совратит нас от надежного руководства Отцев наших также, как и их никто не мог прельстить при всем старании, с каким по временам помогались этого люди, побуждаемые к тому искушителем; дабы, достигнув цели Веры, т. е. спасения душ наших и словесного стада, над которым Дух Святой поставил нас пастырями, услышать нам от Господа: **добре, рабе благий и верный!**

§ 19. Сие апостольское увещание и убеждение чрез вас мы посылаем ко всему православному обществу верующих, где бы они не находились; к священникам и иеромонахам, иеродиаконам и монахам; одним словом, ко всему причту и боголюбивому народу; к начальникам и подчиненным, богатым и бедным, родителям и детям, учителям и ученикам, образованным и необразованным, господам и рабам, дабы все, укрепляясь и укрепляя советами друг друга; **возмогли стать противу кознем диавольским**, ибо так заповедует всем нам и блаженный апостол Петр (1. Петр. 5, 8, 9.): **трезвитесь, бодрствуйте: зане супостат вам диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити. Ему же противитися тверди верою.**

§.20. Вера наша, братие, (получила начало) не от человек и не чрез человека, но чрез откровение Иисуса Христа, которое

проповедывали божественные апостолы, утвердили святые Вселенские Соборы, предали по преемству великие мудрые учителя вселенной, и запечатлели своею кровию святые мученики! Будем держаться исповедания, которое мы приняли чистым от толиких мужей, отвергая всякую новизну, как внушение диавола: принимающий новое (учение) признает как бы не совершенною преподанную ему православную Веру. Но она будучи уже вполне раскрыта и запечатлена, не допускает ни убавления, ни прибавления, ни другого какого либо изменения, и дерзающий или сделать, или советовать, или замышлять сие, уже отвергся веры Христовой, уже подвергся добровольно вечной анафеме за хулу на Духа Святого, как будто Он (Дух Святой), глаголал не совершенно в писаниях и на Вселенских Соборах. Сию страшную анафему, братие и возлюбленные чада о Христе, не мы изрекаем ныне, но изрек прежде всех Спаситель наш (Матф: 12, 32): **иже речет на Духа Святого, не отпустится ему, ни в сей век ни в будущий**, изрек божественный Павел (Гал. 1, 6): **чуждуся, яко тако скоро прелагается от звавшего вы благодатию Христовою, во ино благовествование, еже несть ино: точию нецыи суть смущающи вы, и хотящий превратити благовествование Христово. Но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет. Тоже** изрекли и семь Вселенских Соборов, и целый лик богоносных Отцев. И так все замышляющий новизну – ересь или раскол, добровольно облеклись, по словам псалмопевца (Псал. 108, 17): **в клятву яко в ризу**, хотя бы то были папы, или патриархи, или клирики, или миряне; пусть даже будет это ангел с неба, и он анафема да будет, **аще благовестит вам паче еже приясте.** Так рассуждали Отцы наши, внимая душеспасительным словам Павла, и пребыли твердыми и непреклонными в Вере, по преемству им преданной, сохранили ее неизменною и чистою среди стольких: ересей, и предали ее нам всецелою и неповрежденною, как истекла она из уст первых служителей Слова. Так рассуждая, и мы предадим ее в грядущие поколения, совершенно такую же, какою сами приняли, без

всякого изменения, дабы и они, подобно нам, непостыдно и без упрёка могли говорить о Вере своих предков.

§ 21. По сему, братие и возлюбленные чада о Господе, очистив души наши, по апостолу, **в послушании истины** (1Петр. 1, 22), **будем внимать слышанным, да не когда отпадем** (Евр. 21). Вера исповедуемая нами, непостыдна! Она преподана в Евангелии устами Господа нашего, засвидетельствована снятыми апостолами и священными семью Вселенскими Соборами, проповедана во всей вселенной, засвидетельствована самими врагами ее, которые прежде уклонения своего от православия в ереси исповедывали ту же веру или сами, или отцы, или праотцы их; она по свидетельству истории, торжествовала над всеми ересями, которые нападали и нападают на нее, как видите, до настоящего времени. Наши святые и божественные Отцы и предшественники, непрерывно преемствующие друг другу, начиная от апостолов и от поставленных (апостолами), преемников их даже до настоящего времени, – составляя одну неразрывную цепь и соединяясь рука в руку образуют священную ограду, которой **дверь – Христос**, где пасется вся православная паства на плодородных нивах таинственного Эдема, а не «на стезях кривых и стропотных», как говорит Его блаженство (стр. 7, ст. 12). Церковь наша содержит безошибочные и неповрежденные тексты священного Писания, ветхий Завет в точном и верном переводе, а новый в самом подлиннике; священнодействия таинств, и в особенности Божественной Литургии, в ней суть те же самые, светлые и трогательные как преданы апостолами. Ни какой другой народ, ни какое другое христианское общество не может похвалиться святым Иаковом, Василием, Златоустом: семь Вселенских Соборов, сии семь столпов дома премудрости, были созваны у нас: наша Церковь хранит подлинники священных определений их. Пастыри ее, честное пресвитерство и лик монашеский сохраняют древнюю неукоризненную степенность первых веков христианства – в своем чинопочитании, в образе жизни и даже в самой простоте одежды своей. Да, по истине, в сию святую ограду (Церкви) беспрерывно вторгалась и вторгаются, как видим, **волцы**

тяжцы, по предсказанию апостола, – что и доказывает, что в ней заключаются истинные агнцы **Пастыреначальника**; но она всегда воспевала и воспевает: **обышедше и обыдоша Мя, и именем Господним противляхся им** (псал. 117, 11). Припомним еще одно обстоятельство, хотя прискорбное, но которое может пояснить и доказать истину слов наших. Все христианские народы, какие только веруют ныне во имя Христово, не исключая даже самого Запада, ни самого Рима, как это нам известно из списка первых пап, – научены истинной вере Христовой нашими святыми предшественниками и отцами. Но уже впоследствии люди коварные, из коих многие были пастырями и архипастырями упомянутых народов, – увы! дерзнули своими жалкими мудрованиями и еретическими мнениями исказить православие тех народов, как свидетельствует неложная история и как предсказывал апостол Павел.

§ 22. Познаем же из сего, братия и духовные чада наши, сколь великую благодать явил Бог в православной вере нашей и единой, святой, соборной и апостольской Его Церкви, которая как мать, верная своему супругу, возвращает нас непостыдно и безукоризненно, да будем благоответны **о нашем уповании** (I Петр. 3, 15). Чем же воздадим мы грешные, Господу **о всех, яже воздаде нам**? Не оскудевающий благами Господь и Бог наш, стяжавший нас собственной кровию, ни чего не требует от нас, как только приверженности нашей, от всей души и от всего сердца, к безукоризненной святой вере отцов наших; преданности и любви к православной Церкви, возродившей нас не новоизмышленным окроплением, но божественною банею апостольского крещения, – питающей нас по вечному завету Спасителя нашего, собственным честным телом Его, – щедро, как истинная мать, напаяющей нас честною кровию Его, пролитую нашего ради спасения и всего мира. И так, обымем ее мысленно, как птенцы мать свою, где бы мы не находились – на Севере, или Юге, Востоке, или Западе; устремим свои взоры и мысли к божественному и пресветлому виду и доброте ее; возьмемся обеими руками за пресветлый хитон ее, которым облек ее своими пречистыми руками красный добротой Жених

ее, когда избавил ее от рабства греха и сделал своею вечною Невестой. Восчувствуем в душах наших скорбное чувство матери, любящей детей своих, и детей, любящих мать свою, когда дерзкие, и злонамеренные хищники всячески стараются или ее отвести в рабство, или их вырвать из матерних объятий. Будем питать в себе сие чувство – клирики и миряне, в особенности тогда, когда духовный враг нашего спасения, представляя обольстительные удобства (стр. 11, строк. 2–25) употребляет все средства и ходит всюду, по словам блаженного Петра, **иский кого поглотити**, – и когда на том пути, по которому мы проходим мирно и незлобиво, разставляет свои коварные сети.

§ 23. Бог же мира, возведый из мертвых пастыря овцам великого (Евр. 13, 20), иже не воздремлет, ниже уснет храняй израиля, да оградит сердца ваши и помышления ваши, и направит стопы ваши на всякое дело благое. Пребывайте здоровыми, радуясь о Господе!

1848 года, месяца мая, 6-го дня

Подлинное подписали:

Анфим, Божию милостию архиепископ Константиноля нового Рима, и вселенский патриарх, о Христе Боге возлюбленный брат и богомолец.

Иерофей, Божию милостию патриарх Александрии и всего Египта, о Христе Боге возлюбленный брат и богомолец.

Мефодий, Божию милостию патриарх великого града Божия Антиохии и всего Востока, о Христе Боге возлюбленный брат и богомолец.

Кирилл, Божию милостию патриарх Иерусалима и всей Палестины, о Христе Боге возлюбленный брат и богомолец.

Далее следуют подписи 29 епископов Константинопольского, Антиохийского и Иерусалимского Синодов.

Часть вторая. Очерк истории папства и рассмотрение римского учения о папской власти

I. Состояние западной церкви после ее отделения от восточной, со времен папы Николая I-го до Григория VII-го

Со времени отделения Западной церкви от Восточной (с папы Николая I-го), внешнее могущество папства, не встречая себе на Западе Европы твердого противодействия, стало более и более возвышаться. На основании лжеисидоровских декреталий, после слабого протеста со стороны некоторых представителей поместных Западных церквей (Гинкмара Реймского), папам скоро удалось утвердить свою верховную власть над всеми церквями Западной Европы, так, что там ни в одной христианской стране не могли предпринять никакого важного церковного дела, собрать собора, поставить или низложить епископа, без соизволения папского. Папы везде стали властвовать, управляя отдаленными поместными церквями чрез своих примасов и легатов, собирая отовсюду доходы в пользу своей кафедры, и имеем везде верных оберегателей своих интересов в многочисленном и преданном папству латинском монашестве и духовенстве. При крайней грубости и безурядице общественных и политических отношений, при глубоком невежестве, распространенном в средние века на всем Западе Европы, папство и вообще духовенство западное, при всех своих недостатках, все-таки служившее представителем образованности и нравственной силы, получило огромное значение не только в духовных, но и во всех мирских общественных и политических делах. Папа скоро сделался на Западе Европы самою высокою и могущественною властью, духовенство самым влиятельнейшим сословием.

Но при развитии внешнего могущества, нравственное состояние Западной Церкви, после ее отделения от Восточной, скоро упало на самую низкую степень. Особенно IX, X и XI века остаются самыми темными и позорными веками в истории Западной Церкви. В духовенстве Западном господствовали невежество, безнравственность и отсутствие всякого порядка.

Места священнические и епископские, по влиянию сильных личностей или интригам партий, замещались людьми недостойными, малоспособными, часто малолетними. Случалось так, что сильные графы и князья поставляли в епископы своих пятилетних, восьмилетних сыновей и родственников. Духовенство вело рассеянную, светскую жизнь в худшем смысле этого слова. Епископы с священниками ездили на охоту, ходили на войну, держали наложниц, пировали и роскошествовали, как богатейшие светские владельцы того времени. Церкви Божии оставались в небрежении и часто подвергались поруганиям и разграблениям, то от буйных светских владельцев, то от самых же настоятелей своих. Самый престол папский (с конца IX до второй половины XI века) был игрищем в руках сильных итальянских магнатов и безнравственных аристократок. Одна партия у другой оспаривала владение апостольскою кафедрою. В одно десятилетие сменялось по несколько пап; редкому из пап удавалось удержать за собой престол до смерти. В ожесточенной борьбе партий, один претендент на папский престол низвергал другого, и изверженному папе приходилось терпеть самые унижительные поругания, а иногда позорную насильственную смерть от партии своего победителя; (так папа Стефан VI по восшествии на престол (897 г.) кощунственно наругался даже над трупом своего предшественника Формоза, и сам чрез год был свергнут с престола и удушен в тюрьме. Иоанн X (929 г.), по низвержении, в тюрьме задушен подушками. Иоанн XI осужден на пожизненное заточение своим братом, светским правителем Рима, Альбериком (933 г.). Бенедикт VI удушен (974 г.). Бонифаций VII в тюрьме уморил голодом своего соперника Иоанна XIV, и скоро потом сам был отравлен, и обнаженный труп его брошен на поругание народное и растерзан озлобленною чернью. Иоанну XVI Григорий V приказал отрезать нос и язык, выколоть глаза, и затем, после поругания всенародного, он был заточен в тюрьму (998 г.).

Возведенные на первосвятительский престол, интригами партий и не редко вооруженною силой, недостойные носители папского звания являли в себе поразительные примеры

безнравственности для всей церкви. В продолжении почти всей первой половины X века папский престол находился в руках знатных безнравственных римлянок Феодоры и дочерей ее Марозии и Феодоры младшей, так что весь этот период в истории Римской Церкви называется обыкновенно правлением блудниц (πορνοκρατία). При папе Сергии III, любимце Марозии, Иоанне X, любимце Феодоры, Иоанне XI, сыне Марозии от папы Сергия, в особенности при Иоанне XII, внуке Марозии, которого римляне называли чудовищем нечестия и разврата¹⁷ безнравственность на папском престоле достигла крайней степени. Латеранский дворец паны был наполнен непотребными женщинами. Честные женщины боялись ходить в Рим на богомолье, чтобы не подвергнуться поруганию. А церкви стояли в развалинах; чрез кровлю соборного храма св. Петра в ненастную погоду лил дождь. Крайняя безнравственность, в то время господствовавшая на папском престоле подала повод к тому, что в последствии образовалась сказка, будто римскою церковью когда-то управляла женщина под именем папы Иоанна VIII, которая будто бы умерла родами во время торжественной церковной процессии¹⁸.

От папского престола безнравственность распространялась и в нисшее духовенство (особенно итальянское). Законным браком, по укоренившимся на западе предубеждениям, духовные гнушались, а наложниц держали почти открыто. Под конец X-го и в XI веке в невообразимой степени усилилась в западной церкви Симония. «Все должности церковные по выражению одного из пап (Сильвестра II-го), от папского престола до последней степени церковного привратника, сделались продажны». Папа Иоанн XIX, из фамилии графов Тускуланских, возведенный на папский престол прямо из мирян, предлагал Константинопольскому Патриарху купить у него верховное главенство над Церковью – предмет, из-за которого столько было споров у пап с восточными Патриархами. Его преемник папа Бенедикт IX, также из рода графов Тускуланских, возведенный на престол 12 лет, набравши денег, сколько можно было, за продажу епископских и других прав, кончил тем, что продал самый папский престол. Подобно папам и другие

западные епископы и сильные феодальные владельцы, имевшие влияние на дела церкви, бесстыдно торговали священными должностями.

Безнравственность и святокупство в церкви, усилились до того, что многие благочестивые люди, потеряв всякую надежду на восстановление святости и порядка в церкви, к исходу первой тысячи лет по Р. Х., ожидали пришествия антихриста и конца мира. Эта крайняя деморализация и распущенность папского правления в X и XI веках дала случай усиливавшимся тогда германским императорам (Саксонской и Франконской династии) распространить свое влияние на дела церкви. Императоры Оттон I, Оттон III и Генрих III самодержавно управляли церковными делами: собирали соборы, поставляли, судили и низлагали пап и других епископов, постановляли меры к восстановлению нравственности и просвещения в духовенстве. Но все их усилия мало имели успеха. Им удалось поставить на Римском престоле нескольких хороших пап (между ними особенно замечателен был в конце X века поставленный Оттоном III папа Сильвестр II, ученейший человек своего времени, которого впрочем за его ученость, заимствованную у арабов, современники считали еретиком и волшебником); но все это имело мало влияния на дела церкви. Между тем вмешательство государственной власти в церковные дела подавало повод к новым беспорядкам и клонилось к унижению самостоятельности церкви.

II. Эпоха высшего развития папской власти с половины XI до XIV века. Гильдебрандовская реформа в западной церкви. Крестовые походы; рыцарские ордена, монашество, схоластика. Стремления пап подчинить себе светских государей. Борьба их с императорами гогенштауфенами и падение этой династии

В виду крайней распущенности церковного управления, и вредного влияния мирских лиц на дела церковные (высказывающегося преимущественно в замещении церковных должностей), в западной церкви ко второй половине XI века, стала усиливаться мысль о необходимости преобразования церкви на новых строгих началах. Мысль эта находила себе всего более приверженцев в западном монашестве, главными центрами которого были тогда аббатства Монте-Кассино в Италии и Ключьи – во Франции. Главными представителями реформаторских стремлений явились в половине XI века: Петр Дамиани – благочестивый аббат и потом кардинал римской церкви, горячий обличитель безнравственности духовенства, и монах Гильдебранд – человек бесспорно умный, строгий к себе и другим, преданный интересам церкви, но в высшей степени жесткий, хитрый, властолюбивый, превратно понимавший интересы церкви и имевший самые преувеличенные понятия о власти папской. По его влиянию преимущественно западная церковь с этого времени стала стрекаться к тому, чтобы осуществить в себе идеал всемирной феократической монархии с верховным монархом во главе – папою, облеченным высшим авторитетом непогрешимого Божия наместника на земле, – с строжайшею централизациею служителей и чинов церковных, неразрывно связанных единством стремлений, преданных интересам церкви и папы, и силою своей взаимной связи и энергической ревности распространяющих влияние церкви и папы на весь мир. Для достижения этой цели, Гильдебранд всю жизнь свою преимущественно старался о том, чтобы поставить

избрание и служение духовных лиц вне всякого влияния от мирян и разорвать для них живую связь с миром чрез повсеместное уничтожение браков духовенства, а вместе с тем и очистить жизнь духовенства от пятен и нареканий, чрез искоренение в нем плотских пороков и симонии. Обладая необычайною хитростью ума и настойчивостью характера, заправляя всеми делами Римской Церкви, сначала, как правая рука и ближайший советник пяти пап (с Льва IX до Александра III (1046 –1073 г.), потом сам сделавшись напою под именем Григория VII (1073–1085), опираясь на фанатическую ревность приверженных в нему лиц в духовенстве и монашестве я на поддержку влиятельных светских владетелей (преимущественно сильного герцога нормандского Роберта Гвискара, признавшего себя лэнником и защитимом римской Церкви, и богатой маркграфини Матильды, своими пожертвованиями много увеличившей светские владения Папы), Гильдебранд в продолжении полувека постепенно успел, если не вполне доершить свою задачу, то, по крайней мере, твердо поставить ее. Его стремления встретили сильнейшие противодействия себе. Искоренение симонии и священнических браков произвело сильные волнения в Медиолане, во Флоренции, в Париже, Майнце и других местах. Устранение влияния лиц светских на замещение церковных должностей¹⁹ вызвало против Григория VII многих противников в светских владельцах. Сильнейшим из них был германский император Генрих IV. Папа Григорий VII чрез своих искусных и фанатически ревностных приверженцев успел беспощадно строгими мерами смирить непокорное ему духовенство, – самого Генриха IV заставил униженнейшим образом вымаливать прощения у себя, многих других владетельных лиц заставил признать себя лэнниками Римской церкви; но все таки не успел окончательно преодолеть своих врагов, и умер в изгнании, завещав продолжать свое дело преемникам своим.

Преемники Григория VII настойчиво и успешно продолжали начатое им дело. Враждебная папству партия мало по малу должна была смириться. В XII веке повсюду уничтожены были браки лиц духовных. Нравственность духовенства чрез это

конечно не возвысилась; напротив с этого времени ни одного года не проходило без того, чтобы не было где-нибудь ропота и жалоб на соблазны, производимые духовенством, и папы постоянно должны были издавать новые буллы против безнравственности духовенства. Тем не менее в политическом отношении, безбрачное духовенство принесло папам великую пользу. Право избрания епископов (право инвеституры) после долгих споров со стороны Германских императоров, Генриха IV и Генриха V, наконец уступлено было папам Вормским конкордатом (1122 г.) – при папе Каликете XI. Духовные лица, освобожденные от семейных и общественных связей и от влияния мирской власти, сделались ревностнейшими служителями интересов папских, и деятельно стали распространять влияние церкви на все мирские отношения. Отнятием евхаристической части у мирян, запрещением народу читать библию и совершением богослужения на непонятном (латинском) языке западная церковь выразила стремление держать подвластные ей народы в мраке и рабстве под гнетом духовенства²⁰. Всякая попытка в освобождении от этого рабства, в протесту против него были подавляемы стражайшею инквизицией, которая стала развиваться в западной церкви, по мере того как западная церковь превращалось в папскую монархию (особенно усилилась инквизиция на западе с XIII века).

Объяввшее в XII в XIII веках почти всю западную Европу горячее, но не осмысленное и превратно направленное религиозное движение, известное под именем крестовых походов, весьма много помогло усилению западной церкви и папства. Церковь в это время приобрела огромные богатства чрез выгодную куплю и многочисленные пожертвования от князей и баронов, отправляющихся в Палестину с надеждою приобретения там больших богатств, славы земной и царства небесного. Папы, захвативши в свои руки инициативу крестовых походов, стали во главе общественного настроения западной Европы. Влияние пап распространилось далеко на восток. Образовались духовные рыцарские ордена (Иоаннитов, Тамплиеров, Тевтонских рыцарей), готовые силою оружия

распространять влияние папства и поддерживать интересы церкви. И папы, не разбиравшие средств в достижении своих целей, стали употреблять эту силу против всех разномыслящих с ними религиозных партий, против всех ослушников и противников своей власти. Самое первое крестоносное ополчение, собравшееся по возбуждению папы Урбана II, еще прежде похода в Палестину, было направлено этим папою в подавлению враждебной ему партии в самом Риме. За тем и в последствии папы неоднократно созывали крестовые походы на греческих схизматиков, на французских Валдеисов и Албигойцев, на германских Штедингов, на Чешских гуситов, на враждебных папству Германских императоров Генриха V, Фридриха II и т. д.

Весьма много также помогло возвышению папства сильное развитие монашества в западной Европе. В средние века, вследствие неустойчивости общественных и распространенных повсюду невежества и безнравственности, в людях религиозных, особенно усилилось стремление к уединенной монашеской жизни. Папство воспользовалось этим стремлением и обратило для себя монашество в политическую силу на распространение своего влияния. В западной церкви до X века был только один монашеский орден Бенедиктинцев, основанный в V веке св. подвижником Бенедиктом Нурсийским, преобразованный в IX веке Бенедиктом Авианским, и оказавший много услуг западной Европе своим служением просвещению и делам человеколюбия. С X-го века, когда орден Бенедиктинский, расслабленный нравственно, начал падать и в общественном мнении, из него выделилась обширная конгрегация клунийская, принявшая строгие монашеские правила и сделавшаяся в XI и XII веках главной распространительницею Гильдебрандовских реформ в западной церкви. Во второй половине XI и XII веков образовалось на западе много новых монашеских орденов – (ордена Цистерциан, Премонстрантов, Картезианцев, Камальдолийцев, Бернардитов, Кармелитов). Но всего более оказали услуг папству два так называемые нищенствующие ордена, образовавшиеся в начале XIII века, орден Францисканцев или

миноритов, основанный благочестивым купцом Франциском Ассизским, и орден Доминиканцев, основанный суровым Испанским дворянином Домиником Гуссманом. Тот и другой орден скоро распространились во всех странах западной Европы. Францисканцы преимущественно захватили под свое влияние исповедь и народную проповедь; Доминиканцы заведывание учеными заведениями и инквизицию. Таким образом в руках этих двух орденов сосредоточились важнейшие силы к влиянию на общество. Поставленные в независимость от власти местных епископов, зависевшие чрез своих, утверждаемых папою, генералов, непосредственно от папы, монашеские ордена служили сильнейшим орудием к распространению папского влияния во всей западной Европе.

Много также помогала возвышению папства и новая наука, образовавшаяся в средние века на Западе Европы, так называемая схоластика. Просвещение на Западе Европы, около времени отделения западной церкви от восточной, вообще находилось на низкой степени, и несмотря на усиленные заботы об образовании со стороны многих государей напр. Карла великого во Франции, Альфреда великого в Англии, Оттона I и Оттона III в Германии, подвигалось вперед очень слабо. Главным и почти единственным источником образования были монастыри. Естественно, что и наука, образовавшаяся в них, получила такое же подобоострастное по отношению к папству направление, каким вообще отличалось западное монашество. В начале, при первом пробуждении образования на Западе Европы, когда люди, желавшие возстановить для своих современников сокровища древнее мудрости, черпали свои знания из первоначальных источников греческой философской и богословской литература и из современной арабской и византийской учености, между ними могли появляться еще довольно свободные мыслители, свободно относившиеся к папству, каковы напр. были Иоанн Скотт Еригена, Герберт, (впоследствии пала Сильвестр II), Росцеллин и в особенности влиятельный на общество и красноречивый французский ученый Абельярд. Но впоследствии когда усилилась инквизиция, когда изучать древних писателей и самую библию стали позволять

молодым ученым не иначе, как только в комментариях схоластиков, когда монахи доминиканского и францисканского орденов заняли все высшие места в новообразовавшихся учебных заведениях, западная наука совершенно получила сухой, безжизненный подобострастный характер. Самые сильные, самые даровитые мыслители (каков был напр., в XIII веке знаменитый западный богослов доминиканец Фома Аквинат), полагали все силы своего ума не на то, чтобы рассеивать, а на то, чтобы закреплять предрассудки, клонившиеся в пользу папства, и все нововведения и заблуждения, распространенные невежеством и папским произволом. Они сводили их в систему, обставляли множеством искусственно измышленных доказательств, развивали до самых крайних результатов, и такт образом более в более закрепляли как в самом католическом богословии, так в общественном сознании западного христианского мира. Для папства такое научное направление не только не было опасно но напротив бело весьма полезно в подкрепление всех его обманов и притязаний.

Возвысивши свою духовную власть во всей западной Европе, папы стали высказывать явное стремление подчинить себе и всех светских государей Европы, на том основании, что светская власть будто бы происходит от духовной. Папа Александр III самого сильного из современных ему государей, императора Фридриха Барбаруссу, не усомнился назвать лэнником папской короны, а английского короля Генриха II, за его попытку ограничить власть папскую в Англии, и за убийство ревностного защитника интересов папских, кантербурйского архиепископа Фомы Бекета, приказал монахам позорно отбичевать на могиле Бекета. Даровитый, предприимчивый и властолюбивый Иннокентий III (1198–1216 г.), опираясь на силу расположенного в пользу папства общественного мнения, на поддержку крестоносцев, на усердие учрежденных им нищенствующих монашеских орденов, употребляя, где нужно, страшные меры анафемы, интердикта, крестового похода и инквизиции возвысил папскую власть на высшую степень могущества. Император германский Оттон IV признал себя его

лэнником. Король французский, Филипп-Август, напуганный интердиктом наложенным на Францию за его незаконный развод с женою, сделался послушным сыном папы. Король английский Иоанн безземельный, за непослушание папе едва не лишившийся короны и всех своих владений, также должен был смириться и признать лэнную зависимость от папы. Королевства: кастильское, аррагонское, сицилийское, венгерское также были признаны лэнами папы. Счастливое завоевание Константинополя крестоносцами дало повод папе распространить виды своего властолюбия на Восток и он уже мечтал подчинить себе всех Русских и других славянских владетелей. Власть папства была в это время, так велика, что сам Иннокентий любил сравнивать её с солнцем, величайшим светилом неба, а власть императорскую только с луною, гораздо меньшею солнца и от него заимствующею свой свет. Преемники Иннокентия III Григорий IX, Иннокентий IV, Урбан IV, Григорий X и другие старались поддерживать папство на той высоте на какой поставил его Иннокентий III.

Из всех государей Западной Европы деятельнейшими противниками папства были в это время императоры германские, фамилии Гогенштауфенов. Фридрих I Барбарусса начал борьбу с папою Александром III, позволявшим себе назвать императорскую власть бенефициею папы. Но папа возмутил против него Ломбардские города, находившиеся в зависимости от императорской власти; мужественный император потерпел сильное поражение при Леньяно (1176 г.), и должен был примириться с папою, отказаться от прав патронатства над Римом, которое доселе еще принадлежало германским императорам, и под конец жизни должен был искупать свой грех против папы предприятием крестового похода в Палестину. Преемник Фридриха Барбаруссы, Оттон IV (при Иннокентии III) не только отказался от всякого патронатства над Римом, но даже самого себя признал лэнником папы. Но внук Фридриха Барбаруссы даровитый и свободно мыслящий Фридрих II, воспитанный под опекою Иннокентия III и тем не менее проникнутый непримиримою ненавистью в папству, начал против него самую ожесточенную

борьбу словом и делом. Папы Григорий IX и Иннокентий IV, своими интригами, успели восстановить против него множество врагов в Италии, в Германии, во всей Европе, предали его страшному проклятию на Лионском Соборе (1245 г.), стали проповедовать против него крестовый поход, и император, всеми оставленный, должен был смириться перед всепобеждающею силою папства. Тем не менее папы столько были озлоблены противодействием Гогенштауфенов, что поклялись до конца искоренить этот «Иродов дом» (как называли они фамилию Гогенштауфенов); и на самом деле последний потомок этой фамилии – Конрадин, внук Фридриха II, был позорно казнен на эшафоте приверженцем папы, Карлом Анжуйским в Неаполе (1268 г.). С этого времени папы не имели себе соперников в Европе. Последующие германские императоры (фамилии Габсбургов) покорно признавали себя лэнниками папы, целовали ему туфли и держали стремя в торжественных церемониях. На такой высоте держалась папская власть до конца XIII столетия.

III. Нравственный и политический упадок папства с XIV века. Бонифаций VIII. Переселение пап из Рима в Авиньон. Великий раскол в западной церкви в конце XIV века

С XIV века папство от высшей степени церковного и политического могущества начало склоняться к упадку. Причины этому заключались прежде всего в самом папстве, которое стало сильно злоупотреблять своим влиянием, своими чрезмерными притязаниями и жестокостями, интердиктами, инквизиционными мерами, попранием государственных и общественных прав вооружило против себя общественное мнение; порчею своего нравственного характера подорвало всеобщее к себе уважение. Главным же образом ослабление папского могущества условливалось ходом самого исторического развития западной Европы. Народы запада, до XIII века развивавшиеся под опекою папства, стали выходить из под нее. Императорская власть в Германии ослабела, но за то королевская власть, преимущественно во Франции и Англии, получила твердую опору в сознании народном. С образованием университетов и других школ, воспитание начало выходит из-под непосредственного влияния церкви. Наука, еще подчинявшаяся церковному авторитету в схоластике, начинала уже допускать некоторую свободу в обсуждении самых церковных вопросов. С XIV века между самыми схоластиками начинают появляться свободные мыслители, смело высказывавшиеся против папства, каков напр. был францисканский ученый Вильгельм Оккам. Энтузиазм религиозный ослабел; никакие пламенные воззвания пап и других проповедников не могли возбудить в народе прежнего увлечения к крестовым походам. Множество мелких, враждебных папству сект, распространявшихся тайно от преследований папства, всюду в народе рассеивали неприязненное настроение против церкви²¹ испорченная жизнь, корыстолюбивые и властолюбивые притязания монашества и духовенства давали пищу этому неприязненному настроению.

Видимый упадок папской власти начался с папы Бонифация VIII (1294–1303 г.), не уступавшего гордостью и властолюбивыми притязаниями ни Григорию VII, ни Иннокентию III, но далеко не обладавшего ни таким умом, ни такою твердостью нравственного характера, как Григорий и Иннокентий. Бонифаций VIII, признавая светских государей подвластными себе не только в духовных, но и в мирских делах (как это он открыто высказывал в своих буллах), вмешался в качестве судьи и повелителя в споры французского короля Филиппа Красивого с Эдуардом I английским, и запретил Филиппу с французского духовенства собирать подати на военные издержки. Филипп в свою очередь приказал в своей земле превратить сборы в пользу папы, и, опираясь на сочувствие земских чинов, провозгласил королевскую власть независимую от папы. Папа разразился анафемами и интердиктом. Французский король послал в Рим своего канцлера наказать папу. Канцлер Нагаре, соединившись в Риме с враждебной папе аристократической фамилией Колонна, захватил папу в плен и подверг его публичному поруганию (дал пощечину папе). Это так подействовало на запальчивого Бонифация, что он, хотя и освободился из плена, но от гнева и стыда заболел горячкою и умер в иступленном бреду.

Одного из ближайших преемников Бонифациевых, Климента V, Филипп Красивый склонил переселиться со всем двором его из Рима в французский город Авиньон (1305 г.); с этих пор папы стали в зависимость от французских королей. Семидесятилетнее пребывание в Авиньоне сильно помрачило блеск папства, так что не без основания самые искренние приверженцы римской Церкви называли, этот период ее жизни периодом Вавилонского пленения Церкви. Находясь в зависимости от французских королей²², папы утратили влияние на другие страны. Как бы в замен этого они стали вознаграждать себя роскошью жизни и чувственными удовольствиями. По богатству, роскоши и распущенности жизни (резко описанным в особенности у итальянского поэта Петрарки, жившего при дворе Авиньонском), Авиньон по истине сделался Вавилоном. Жизнь двора Авиньонского производила всеобщий

соблазн и имела дурное влияние на нравственность всего западного духовенства и монашества. Чтобы удовлетворить потребностям роскошной жизни, чтобы найти возможность делиться с французскими королями и, содержать наемные войска для защиты церковных, владений в Италии (где, с отсутствием пап, происходили постоянные беспорядки и возмущения), папы под разными предлогами открыли множество новых поборов со всех церквей и стран. Симония усилилась до крайней степени. Помимо всех неисчислимых издержек, папы скопляли огромнейшие богатства в наследство своим родственникам. Например папа Иоанн XXII оставил после себя 17 миллионов гульденов золотом и на 7 миллионов серебряной посуды и других драгоценностей.

Все это возбуждало против папства сильное негодование. Послышались протесты с разных сторон. В Германии император Людвиг Баварец (в половине XIV столетия) довольно успешно повел против пап политическую и литературную борьбу; помогавшие ему в этой борьбе ученые государственные юристы (из них особенно замечателен Морсильи Падуанский) начали проводить в общественное сознание такого рода идеи, что царская власть имеет происхождение от Бога, а не от папы, и поэтому во всем полноправна и не зависит от папы, что в самой Церкви власть папская есть позднейшее нововведение; в древности ее не было и по существенным своим правам все епископы равны между собою. Государственные чины Германии (курфюрсты и другие князья) сделали постановление считать империю независимую от папской власти и избирать императора без сношений с папами. В Англии короли и парламент сделали несколько постановлений к ограничению денежных сборов в пользу Римской Церкви и вмешательства пап в дела церкви англиканской, а профессор Оксфордского университета Джон Виклеф (ум. 1384 г.), требовал радикального преобразования церкви, в самых резких выражениях восставая не только против духовной в светской власти пап и ее злоупотреблений, но и против многих других постановлений и даже догматов Церкви (против иерархии, монашества и вообще обетов, почитания святых, икон и мощей, против

пресуществования и других таинств, против индульгенций и других церковных соборов, и т. д.). В самой Италии громко роптали на злоупотребления светской власти пап и на удаление пап во Францию. Пылкий, пропитанный уважением к преданиям классической древности римлянин Кола Риензи восстановил в Риме древнее республиканское управление. Хотя эта республика скоро пала, но беспорядки и ропот на пап не прекращались, а все более усиливались.

Наконец всеобщий ропот на удаление пап из Рима и на распущенность церковной жизни заставил пап подумать о возвращении в Рим и исправлении вопиющих злоупотреблений в Церкви. Во второй половине XIV века папы Урбан V и Григорий XI сделали попытку к возвращению в Рим папского двора. Наконец в 1378 г. новый папа Урбан VI заявил решительное намерение снова утвердить папский престол в Риме и взяться за преобразование расстроенной Церкви. Это однако ж сильно не понравилось многим кардиналам, привыкшим к распущенности авиньонской жизни и расположенным в пользу французского двора. Двенадцать кардиналов французской партии объявили Урбана VI незаконным папою и избрали для Авиньона своего папу Климента VII. С этого времени, в продолжении целых сорока лет, западная Церковь находилась в расколе. В Риме были свои папы (Урбан VI, Бонифаций IX, Иннокентий VII, Григорий XII, Александр V, Иоанн XXIII), в Авиньоне свои: (Климент VII и Бенедикт XIII). Одни из Европейских стран признавали римского папу, – другие авиньонского. При высоком понятии западного христианского мира о папе, как единой главе Церкви (это понятие уже вполне было выработано тогда западным богословием), раскол этот производил сам по себе великий соблазн; двуглавая Церковь казалась многим знамением пришествия Антихриста. Кроме того папы и их приверженцы сами много содействовали увеличению соблазна. Партия – Римская и Авиньонская находились между собою в непрестанной борьбе; каждая из них осыпала другую соблазнительною бранью и проклятиями. Взаимные обличения в безнравственности и злоупотреблениях, самым щедрым и

откровенным образом расточаемые с той и другой стороны, раскрыли в папстве пред глазами всего христианского мира столько темного и позорного, сколько не могли рассказать про него самые злейшие противники. Наконец содержание двух папских дворов вместо одного, и при том таких дворов, из которых каждый отличался роскошью и распущенностью жизни, каждый старался привлечь на свою сторону как можно более сильных приверженцев, – должно было еще более увеличить и без того непомерные церковные сборы и налоги. Симония еще более усилилась, – и вообще всякая мера нравственной распущенности в жизни западной церкви переполнилась.

IV. Реформатские стремления в западной церкви в XV веке. Французская либеральная богословская партия. Лолларды. Проповедь Гусса в Чехии. Пизский, Констанцкий и Вазельский соборы. Гусситы

В виду всеобщего соблазна производимого великим расколом, безнравственностью и злоупотреблениями западной иерархии, в XV веке у многих не только противников, но и искренних приверженцев западной Церкви, более и более утверждалась мысль о необходимости преобразования Церкви в ее главе и членах. Знаменитейшие Богословы, знаменитейшего в то время Парижского Университета – Иоанн Жерсон, д'Алльяко, Клеманжис начали развивать новую теорию папства, по идее которой западная Церковь из монархии феократической должна была преобразоваться в монархию конституционную. Древнейшая форма высшего законодательства и управления церковного, Вселенский собор стал получать более и более признания в мнениях западных Богословов. Впрочем не многие из них могли вполне отрешиться от укоренившихся римских предрассудков. Не многие допускали ту мысль, что собор должен быть вполне независим и может собираться без соизволения папы, что собор выше папы, может низлагать и судить папу, и устраивать церковный порядок, помимо власти папской. Большая часть самых либеральных западных Богословов держалась той мысли, что соборы должны заниматься устройством и преобразованием Церкви, под председательством и под руководством папы, который все-таки должен оставаться единою верховною главою Церкви и управлять ею при содействии соборов. Эта спутанность и непоследовательность в понятиях, была причиною того, что благонамеренные стремления умеренно либеральной западной богословской партии XV века, старавшейся устроить и преобразовать порядок церковный при посредстве соборов, почти не имели никакого успеха. Все понимавшие дело и благонамеренные люди

западной Европы громко требовали соборов для прекращения раскола и устроения порядка церковного. Но папы и их приверженцы всячески старались противодействовать созванию соборов и правильному направлению действий соборных.

Безнадежность к исправлению беспорядков церковных мирным церковным путем, стала приводить людей более решительных к мысли совсем отложиться от западной церкви. В Англии приверженцы мнений Виклефа еще с XIV века составили, враждебную римской Церкви секту Лоллардов. В Богемии в начале XV столетия явился ещё более опасный противник папству в лице профессора пражского университета Иоанна Гусса. Человек одушевленный христианскою ревностью, чистый праведник по жизни, высокообразованный. Богослов, замечательный оратор, горячий патриот, Иоанн Гусс имел огромное влияние между своими единоплеменниками Чехами. Развивая в своих проповедях и сочинениях высокую идею единой Вселенской Церкви в смысле древнего православия, Гус горячо восставал против папы, как непогрешимого главы Церкви, против злоупотреблений безнравственного притязательного латинского духовенства, против мирского направления жизни церковной, против индульгенций, и требовал восстановления в церкви древней христианской чистоты и простоты жизни и древних, искорененных папством, святых обычаев, преимущественно причащения мирян под обоими видами тела и крови Христовой. Проповедь его тем более имела успеха в народе, что у Чехов, бывших когда-то православными и потом насильственно обращенных в латинство, оставались еще предания о древних православных обрядах и живое сочувствие к ним.

Наконец вследствие заявляемых отовсюду настоятельных требований общественного мнения, более благонамеренные кардиналы Римской и Авиньонской партий, вместе с парижскими Богословами, решились наконец в 1409 г. созвать в Пизе собор для прекращения раскола и преобразования Церкви. На этом соборе положено было римского папу Григория XII и Авиньонского Бенедикта VIII, за соблазн производимый ими в церкви, низложить, и избрать нового папу Александра V,

обязав его позаботиться об исправлении злоупотреблений церковных. Но эти меры способствовали еще большему увеличению соблазна. Ни Григорий, ни Бенедикт не думали отказываться от своих притязаний, и таким образом, теперь явилось уже не два, а три соперничающих папы (а Испания скоро затем избрала себе своего особенного четвертого папу). Александр V, избранный Пизским Собором объявил, что теперь прямо приступить к преобразованию церкви нельзя, а для этого, после предварительной подготовки, нужно будет собрать через три года новый собор. Между тем через год Александр V умер отравленный, как полагали, одним из своих кардиналов – Балтазаром Коссою, который затем и вступил на папский престол под именем Иоанна XXIII. Этот Балтазар Косса, бывший прежде морским разбойником, человек не веривший в будущую жизнь и запятнанный всевозможными злодеяниями: убийства, распутства, клятвопреступничества и симонии, показал миру новый пример поругания церкви. По определению Пизского собора, он смело об явил в 1412 г. открытие нового собора в Риме для преобразования церкви. Но все дороги в Рим были заняты разбойниками, как говорили, нарочно для этого случая подкупленными папою; вследствие этого епископы других стран не могли явиться на собор и папа открыв его с несколькими своими римскими приверженцами, скоро опять распустил, ничего не сделавши.

Наконец, по настоянию самого императора Сигизмунда, в 1414 г. был открыт в Костнице новый Вселенский собор. Этот собор по своей многочисленности и внешнему великолепию не имел себе равного между всеми когда либо собиравшимися церковными соборами. Сюда, кроме императора и папы, собрались государи, князья, рыцари, высшие сановники церкви, ученые богословы из всех стран западной Европы. Одних епископов здесь было более двух тысяч, а всех духовных около восемнадцати тысяч, а всех христиан, прибывших в Костниц по поводу этого собора, около пятидесяти тысяч (и между прочим более тысячи публичных женщин). Собор начал свои действия довольно энергично. Чтобы не дать преобладания пристрастным в пользу папства итальянским епископам,

которых по числу на соборах всегда бывало больше, чем других, определено было решать вопросы не по приговору большинства голосов, а по мнениям целых национальных партий; для этого представители каждой национальности прежде общих заседаний собора обсуждали подлежащие решению вопросы в своих частных собраниях. На папу Иоанна XXIII представлено было собору множество тяжких обвинений. Папа, увидевши, что собор принимает неблагоприятное для него направление, бежал из Костница, и не хотел явиться для оправдания. Собор осудил и низложил его заочно, наложил даже проклятие и опалу на покровительствовавшего ему Герцога Австрийского Фридриха, – и при содействии светских властей принудил того и другого подчиниться своему решению. Папа Авиньонский Бенедикт XIII, после продолжительных увещаний не хотевший отказаться добровольно от своих притязаний, также был низложен, как еретик и возмутитель мира церковного. Третий папа Григорий XII, испугавшись энергических мер Собора, сам сложил с себя папское достоинство. Таким образом одна цель собора была достигнута – единство церкви восстановлено. Но далее энергия членов собора к преобразованию церкви ослабела. Враги реформы Итальянские и многие французские епископы настояли на том, чтобы прежде, нежели будет начато преобразование церкви, был избран новый папа. Хитрый итальянец Оттон Колонна, избранный папою, под именем Мартина V-го, ловко обманул ожидания всех ревнителей реформы, запутал членов собора в распри и интриги, заключил отдельные договоры (конкордаты) с различными национальностями и затем, давши всем участвовавшим в соборе отпущение грехов на всю жизнь, закрыл собор, и торжественно выехал из Костница, не сделавши ничего для преобразования церкви (1418 г.). Еще прежде того соор запятнал себя несправедливым осуждением чешского проповедника Иоанна Гусса и его друга Иеронима Пражского, которых изменническим образом чрез Императора Сигизмунда заманили в Костниц и сожгли на костре²³.

Неудовлетворительность результатов, достигнутых на Костницком соборе, побуждала ревнителей реформы

настаивать на созвании нового Вселенского собора. После значительного противодействия со стороны папистической партии собор наконец собрался в Базеле в 1431 году. Находясь под влиянием нецезирианной папству немецкой партии, Базельский собор, подобно Костницкому, начал свои действия довольно энергично: предположено было решительно ограничить папскую власть, многочисленность и злоупотребления папских соборов, и поставить значение Вселенского собора выше папы. Но папа Евгений IV, как скоро увидел, что собор принимает неблагоприятное для него направление, отозвал оттуда большую часть своих итальянских и других приверженных к нему епископов и открыл свой собор (1438 г.) в Ферраре, потом во Флоренции, которому также предположено было придать значение Вселенского, и особенный авторитет мнимым соединением с греческою церковью. Базельский Собор всячески отстаивал самостоятельность своих действий против интриг папы. Члены Базельского Собора, заочно низложили Евгения IV, и избрали на его место своего папу Феликса V. Но этого нового папу нигде не хотели признавать. Между тем Евгений IV мало по малу переманивал на свою сторону одного за другим из влиятельнейших членов собора. Ему удалось привлечь к себе и главных вождей реформаторской партии, ученых итальянцев Энее Сильвия Никколомини и Николая Кузу. Собор мало по малу терял всякое значение, и наконец сам собою закрылся в 1443 г., подчинившись преемнику Евгению, Николаю V.

Этим и закончились в XV веке благородные попытки лучших людей католицизма исправить церковные злоупотребления посредством соборов. Попытки эти, при известном строе западных понятий и западной церковной жизни, не имели почти никакого успеха. Папская партия одержала верх. Только во Франции, при Карле VII, – на Буржском национальном соборе постановлено было ограничить папское влияние на местную церковь (преимущественно на избрание епископов и церковные сборы) так называемую прагматическою санкциею, составленною в смысле определений костницкого и базельского соборов (1438 г.). Впрочем папы долго оспаривали законность

этой прагматической санкции, не желая терять своего влияния на галликанскую церковь.

Между тем, по заведенному уже порядку, в XV и XVI веках на западе, и после Базельского собора, продолжали собираться новые соборы, будто бы для преобразования церкви. Но эти соборы или не имели никакого значения, или были орудиями папской партии. На соборах в Мантуе в 1459 г. (при Пие II) и на двух Латеранских соборах в 1512 и 1517 годах (при Юлие II и Льве X) папам удалось еще более возвысить авторитет своей власти, отменив все ограничения по этому предмету, сделанная на Соборах костницком и базельском, как на соборах еретических.

V. Состояние папства и всей западной церкви в конце XV и начале XVI столетия – пред реформациею

Одержав видимый перевес над стремлениями либеральной церковной партии и не видя ни в чем ограничения своему произволу, папство к XVI веку стало все более и более предаваться произволу и нравственной распущенности. Под конец XV и в начале XVI столетия мы видим на римском престоле пап, занимающихся исключительно политическими интригами и светскими развлечениями и не обращающих никакого внимания на дела Церкви, людей открыто проводивших безнравственную жизнь или тщеславившихся вольнодумством и кощунством, изобретающих только постоянно новые способы к тому, чтобы грабить церкви и народ²⁴. Приготовление нового крестового похода против турков утвердившихся в Европе (1453 г.), который впрочем никогда не был приведен в исполнение, – построение новой великолепной церкви св. Петра в Риме, щедрое покровительство изящным искусствам, которым папский двор в то время любил тщеславиться, роскошнейшая жизнь пап и других многочисленных сановников римской Церкви, ведение политических интриг и частых войн, содержание папских сыновей, дочерей и многочисленных родственников, которые открыто наделялись огромнейшими богатствами на счет церкви, содержание многочисленных незаконных детей итальянского монашества и духовенства и другие расходы заставляли пап непрестанно изобретать новые источники церковных сборов. По всем землям западной Европы (и особенно по Германии), постоянно рассылались сборщики денег в пользу Рима, от которых народ и правительства нередко должны были защищаться вооруженною силой. И в этих сборах продавалась за деньги вера, совесть и всякая святыня.

Глубокая деморализация, объявшая римскую курию, отражалась на всей западной церкви. Церковная жизнь видимо разлагалась. Духовенство высшее, утопая в роскоши и светских удовольствиях, к делам веры относилось равнодушно и часто

скептически. Духовенство низшее коснело в невежестве и грубом разврате. Монашествующие многочисленных западных орденов производили всюду великие соблазны – своими взаимными распрями, своим бродяжничеством и безнравственной жизнью, жадностью и корыстолюбием, грубыми подделками и обманами, совершаемыми во имя и под покровом религии, ненавистью к просвещению и ко всяким живым общественным стремлениям, шпионскими и инквизиторскими наклонностями и т. под. Народ не имел почти никакой пищи для удовлетворения своим религиозным потребностям. Библию редко брали в руки самые ученые богословы²⁵. Богослужение совершалось на непонятном языке; проповеди церковной не было. Оставаясь в крайнем невежестве относительно истин веры, народ коснел в грубом суеверии, готовом перейти в крайнее озлобление против церкви. В высших сословиях господствовали чувственно эпикурейские взгляды и холодное равнодушие к делам веры.

Между тем повсюду начало распространяться просвещение. Ученые греки, по падении Константинополя (1453 г.), удалившиеся в западную Европу, пробудили здесь склонность к изучению древней классической литературы. Стали возникать ученые общества, университеты и другие учебные заведения. Вновь изобретенное книгопечатание способствовало быстрому обмену идей. При глубоком религиозном невежестве и крайней распущенности церковной жизни, просвещение угрожало принять направление враждебное вере и церкви. Это прежде всего сказалось в Италии; вместе с распространением просвещения здесь быстро распространилось религиозное вольнодумство; отрицание, кощунство сделалось модным направлением в самых высших аристократических кружках, и этим направлением увлекались многие итальянские духовные, монахи, кардиналы, даже папы. Потом такое же направление стало распространяться и в Германии, под более серьезною, но все-таки неприязненно сложившеюся по отношению к вере, формою критически-научного отношения к религиозным предметам²⁶. Вольнодумство и критическое отношение к предметам веры не

ограничивалось учеными кружками и высшими классами общества, но начинало проникать и в народные массы. Множество сатир, памфлетов, карикатур, публичных представлений, в которых изображались невежество, безнравственность и корыстолюбие монашества и духовенства, но вместе с тем часто неосторожно затрагивались и самые серьёзные предметы веры, – растлевали в народе религиозное чувство и подрывали уважение к вере и церкви²⁷.

Люди с теплою душою я благочестивым религиозным настроением или искали удовлетворения своим стремлениям где либо вне церкви, или пламенно ожидали обновления жизни церковной. В противоположность сухому схоластическому богословию, разлагающему всякую живую религиозную идею на отвлеченные логические формулы, и в противоположность внешним требованиям церковной дисциплины, машинально определяющим каждый шаг религиозной жизни, сильно развивалось мистическое направление, стремящееся к внутреннему духовному служению и таинственному общению с Богом. Сочинения писателей мистического направления (Эккарта, Таулера Сузо, Рюисброка, и в особенности Фомы Кемпийского)²⁸ хотя и весьма назидательные и не противоречащая прямо догматам католицизма, тем не менее, однакож, проникнутые совершенно особым духом, представлявшие народу совсем иной идеал христианства, нежели какой предстаняла ему католическая церковь, имели в народе гораздо более влияния, нежели писания официально признанных авторитетных церковных учителей, в роде Фомы Аквината и подобных. В народе распространялось множество свободных мистических обществ, живущих по своеобразным официально непризнанным церковью уставам, и не редко расходящихся с церковью в самих догматических воззрениях своих. Эти свободные общества, Братство общего житья (весьма замечательное братство, много, способствовавшее распространению народного образования в Германии), общество друзей Божиих, братьев и сестер свободного духа, Бегардов и Бегуинов, даже самые странные из них, как общество фливллянтов или бичующихся, плясунов св. Вита и т.

п. возбуждали в народе гораздо более сочувствия и уважения, нежели официально признанные церковью братства различных монашеских орденов.

В среде самих официальных служителей Церкви – монахов и богословов, появлялись личности, требовавшие радикального преобразования Церкви. В Италии, в конце XV века, явился пламенный обличитель безнравственности духовенства и общества, доминиканский монах Иероним Саванорола. Своим пламенным красноречием, резкими обличениями, строгостью жизни, истинными или мнимыми предсказаниями, он привлек к себе народные массы, и успел было уже положить начало религиозной и политической реформе, образовав во Флоренции строгую теократическую республику. Но крайняя строгость его требований скоро стала тяжела для легкомысленных и изнеженных итальянцев, и Саванорола, осуженный папою Александром VI, был сожжен на костре, как еретик, обманщик и помутитель народа (1498 г.). В Германии также реформаторские идеи распространялись в университетах и монастырях. В сочинениях германских богословов конца XV столетия, Пуннера, Весселя и Везеля, развивались уже те самые мысли о значении папского и вообще церковного авторитета, о священном писании и священном предании, о предопределении и благодати, об оправдании человека, о чистилище и индульгенциях, о почитании святых, икон и мощей, о монашестве, постах в других внешних обетах и делах благочестия, какие, впоследствии, сделались основанием протестантского богословия.

Таково было состояние западной церкви в конце XV и начале XVI столетий. Вся жизнь церковная находилась в разложении и брожении. Везде скоплялось множество оппозиционных сил против папства. Нужен был какой-нибудь внешний повод к тому, чтобы силы эти выступили наружу, и в церкви вспыхнула сильнейшая революция. Этот повод дан был при Льве X усиленною и наглою продажей индульгенций католическими монахами в Германия в 1517 г. Лютер в Германии и Цванглий в Швейцарии подали знак к восстанию против католической Церкви, и это восстание в короткое время

поднялось во всех странах западной Европы, с особенною силою в северо-западных германских племенах и отторгло от римско-католической Церкви почти целую половину ее членов.

VI. Папство после реформации – в XVI и XVII веках. Иезуиты, тридентский собор. Галликанская церковь. Янсенисты

Сильное реформационное движение, открывшееся в западной Церкви в начале XVI столетия, и отторгнувшее от нее почти целую половину ее членов, заставило представителей церкви обратить серьезное внимание на ее положение, и принять деятельные меры к тому, чтобы удержать под своим влиянием еще оставшиеся верными ему европейские племена и государства, а если возможно восстановить свою власть и в тех местах, где уже утвердилась реформации. Кроме мер внешних – репрессивных, усилении инквизиции, строгого надзора за распространяющеюся повсюду свободой мыслей, политических интриг и заключения союзов против протестантского движения, нужно было принять для этого и какие-нибудь положительные меры, позаботиться о внутреннем обновлении Церкви и исправлении злоупотреблений. Некоторые стремления, к внутреннему преобразованию, хотя и вынужденные силою и не очень твердые и искренние, замечаются в римско-католической церкви с XVI века. На престоле папском являются большею частью личности строгой нравственности, вместе с тем большею частию и чересчур строгих воззрений – фанатики, озлобленные против современного порядка вещей и всяких проявлений умственной и общественной свободы. Но никакими усилиями папы уже не могли возвратить себе своего прежнего значения. Самые даровитые и энергичные из пап после реформации, каковы напр. были в конце XVI века – Павел III, Григорий XIII²⁹ и в особенности Сикст V (из бедного пастушеского состояния необыкновенным умом и хитростью достигший папского престола) уже не смели мечтать о том, к чему стремились Григорий VII и Иннокентий III, и заботились только о том, чтобы сохранить нравственное влияние над народами и правительствами Европы, и получше укрепить за собою и устроить свою церковную область. В низшем духовенстве

католической церкви также заметна была перемена к лучшему. Приходское духовенство стало более внимательно к нуждам своей паствы. Монахи прежних орденов сделались более осторожны в своем поведении. Открытие новых орденов ограничено более строгими постановлениями. Новые ордена, открывавшиеся после реформации (Театинцы, Барнабиты, Капуциты, Лазаристы) большею частию посвящали свою деятельность на служение непросвещенному и страждущему человечеству.

Ни один из западных монашеских орденов не имел такого значения и не оказал папству таких услуг, как орден иезуитов, основанный искалеченным испанским рыцарем фанатиком Игнатием Лойолою и утвержденный папою Павлом III в 1540 г. Орден этот посвятил себя на безграничное повиновение папе и преданность интересам Римской Церкви. Папа указал его усердию современную цель в противодействии протестантскому либерализму и распространении колебавшегося влияния Римской Церкви. Иезуиты предалися на служение этой цели с такою ревностью, что скоро превзошли в заботах о славе и пользе Римской Церкви самих пап. Искусно устроив самое воспитание своих адептов так, чтобы в каждом из них совершенно замер живой человек с свободною мыслью, волею и чувствами, и оставался только иезуит всем существом своим преданный целям ордена, – связав всех членов общества безусловным повиновением и строжайшим взаимным контролем, раскинув сети своего общества по всем концам мира, допустив в своем уставе большую свободу во внешних правилах монашеской жизни – в одежде, религиозных упражнениях, образе жизни, испросив себе право иметь не только духовных, но и светских, явных и тайных (никому, кроме верховного генерала ордена, неведомых) членов, и наконец положив себе правилом употреблять всякия (хотя бы и самые безнравственные) средства для достижения своих целей, – иезуиты скоро явились страшною силою, охватившею христианский мир, видимо и невидимо распространяющею везде влияние папства, а иногда в случае разногласия опасною и для самого папства. Одни из них заняли высокие места при

дворах европейских в качестве духовников государей, и искусно направляли политику государств в пользу Римской Церкви и своего ордена. Другие подчиняли своему влиянию и развращали совесть народа чрез исповедь, приобретши себе славу, как самые искуснейшие духовники, отлично умевшие принаровляться к настроениям и вкусам кающихся, и отличающиеся легкими, снисходительными воззрениями на строгость нравственных христианских требований. Третьи старались захватить в свои руки воспитание молодого поколения, привлекая преимущественно детей знатных и богатых родителей в свои школы, славившиеся отличным внешним устройством, но систематически направленные к подавлению свободной мысли и развитию фанатизма или лицемерного благочестия в молодых поколениях. Иные пустились в торговлю, и имеем мегочисленных агентов, в рассеянных по всему свету членах братства, приумножали материальную силу ордена. Действуя таким образом, где нравственным влиянием, где интригами, где подкупом, где строгими инквизиционными мерами, иезуиты успели в иных странах остановить развитие протестантизма, а в других совсем почти искоренить его, и удержать за католическою Церковью почти полное владычество между юго-западными романскими племенами, и значительную силу в северо-западных германских племенах. Утверждая власть папскую в Европе, иезуиты старались распространить, на владения и вне Европы. Решительные и самоотверженные миссионеры их общества (Ксаверий, Риччи) пронесли христианскую проповедь в Индию, Китай и Японию, в страны внутренней Африки и Америки, где они основали даже целое, подчиненное ордену государство – Парагвай. Впрочем и в своих миссионерских подвигах они не столько старались о распространении чистой евангельской истины, сколько о том, чтобы подчинять своему влиянию непросвещенные племена. В проповедовании чистой христианской истины они бывали иногда так снисходительны и либеральны, что позволяли себе принаравлять высокие христианские понятия к самым грубым суевериям язычников.³⁰

Вышедши из первой борьбы с протестантством хотя не без больших потерь, но все еще уверенное в своем долговечном существовании и господстве, папство, для избежания больших потрясений, на будущее время должно было позаботиться о том, чтобы получше укрепить и исправить внутренний, строй своей Церкви. Уже вскоре после начала протестантских движений в Германии, в самом Риме, в среде самого высшего духовенства, образовалась партия, поставлявшая своею задачею составить план внутренней реформы католицизма. – Светские государи и князья, оставшиеся верными католицизму, также требовали от пап созвания вселенского собора для преобразования Церкви. В уважение этих требований папа Павел III открыл собор в Триенте в 1545 г. Но из опасения, как бы собор не поддался здесь влиянию немецкой, враждебной интересам папства, партии, папа, под предлогом распространения моровой язвы, в 1547 г. перевел его, под свой ближайший надзор, в Болонью, и там совсем закрыл (1549 г.). В другой раз, по настоянию светских государей, собор открылся в Триенте при папе Юлии III в 1551 г., по скоро опять должен был закрыться вследствие военных беспокойств в Германии. Наконец по временном прекращении междоусобий в Германии Аугсбургским религиозным миром, собор открылся в третий раз при папе Пие IV в январе 1562 г, и продолжался до конца 1563 г. На собор этот (состоявший в последних полных своих собраниях из 255 человек), на котором были представители различных национальных церквей, возлагались католиками большие надежды; надеялись, что собор совершит радикальную реформу Церкви, в Духе современных общественных требований, и своими разумными и либеральными уступками привлечет даже опять в Церковь самых протестантов. И на самом деле неоднократно приглашались на собор, для общих совещаний о делах веры, и протестантские богословы; многие французские и немецкие епископы предлагали существенные реформы (напр. восстановление причащения под обоими видами, уничтожение безбрачия священников и коренное преобразование духовенства, введение народного языка в богослужение); в некоторых членах собора обнаруживалась

даже склонность к протестантскому либерализму. Но большинство членов собора составляли итальянские епископы, консерваторы по убеждениям или по личным интересам. По этому консервативная партия одержала верх. Ограничившись незначительным исправлением злоупотреблений и ерархических, собор в важнейших вопросах Церковных только укрепил, возвел, в догмат и оградил анафемою большую часть средневековых нововведений и заблуждений католицизма. Так напр. учения о главенстве папы, о чистилище, об индульгенциях (в несколько смягченном виде) были возведены здесь на степень божественных догматов. Безбрачие духовенства, причащение мирян под одним видом, отмена причащения младенцев также утверждены для употребления Церковного на будущая времена. В богослужении народный язык употреблять непозволено. Библию также подтверждено читать не только на латинском языке, но и непременно по известному латинскому переводу (Вульгате), который об явлен каноническим и богодухновенным. В перечислении библейских книг ветхого завета книги не канонические смешаны с каноническими и т. д. Определения Тридентского собора положено было считать неизменным выражением верований церковных на все будущие времена. И после Тридентского собора до последнего папы Пия IX католическая Церковь уже не созывала больших соборов, и определения Тридентского собора считались в ней главными и неизменными основаниями верования церковного. Впрочем не все католические страны безусловно подчинились определениям Тридентского собора. Они приняты были вполне только в большей части католических владений Италии и Германии, в Португалии и Польше. В Испании же, Бельгии и особенно во Франции они вызвали много протестов, и приняты были с большими ограничениями.

Не смотря на все усилия папства восстановить свое прежнее влияние в Европе, самый ход развития европейских народов, все более и более высвобождавшегося из под влияния Церкви, постепенно ослаблял папское влияние в самых католических странах. Уже в XVII столетии, в самых католических государствах Европы стало высказываться

стремление ограничить папское влияние не только в светских, но и в духовных делах, и дать большее развитие самостоятельности местных Церквей. Почти во всех государствах Европы, усвояемые папами права верховного главенства и контроля над поместными церквями, были ограничены так называемыми конкордатами, т. е. государственными договорами, по которым папской власти на столько давалось влияния в известной стране, на сколько это допускала государственная власть. Во Франции, в конце XVII столетия король Людовик XIV, католик в иных случаях весьма ревностный, но желавший держать себя самостоятельно по отношению к папе, приказал местным епископам своей страны собраться на собор в Париж (1682 г.) и на нем определять отношения галликанской церкви к папе. Епископы выразили эти отношения в четырех так называемых предложениях галликанского клира: 1) власть папская имеет отношение только к духовным, но не к светским делам; 2) самая духовная власть папы, по смыслу определений костницкого собора должна подчиняться высшему авторитету вселенских соборов; 3) во Франции собственно власть папская ограничивается древними нравами местной галиканской церкви; 4) мнения папы только в таком случае можно считать непогрешимыми, когда они служат выражением верований всей церкви. Папы (Иннокентий XI, Иннокентий XII и их преемники) горячо восстали против этих предложений, и ни за что не хотели утвердить их. Но и французские богословы, во главе которых стоял умный и красноречивый епископ Боссюет, также твердо отстаивали самостоятельность и права своей местной церкви³¹.

Около того же времени папская власть была сильно оскандализирована пред общественным мнением Франции, в спорах так называемых янсенистов с иезуитами. В 1635 году один умный и благочестивый французский епископ Янсений, возмущенный теми безнравственными и вредными правилами жизни, какие внушали своим почитателям иезуиты – на исповеди, в школах и на кафедрах³² издал в свет сочинение под названием «Августин», в котором старался представить христианскому обществу высшие правила нравственности,

основанные преимущественно на учении блаженного Августина. Сочинение это нашло себе много почитателей между лучшими французскими учеными (Паскаль, Арно, Николь, Кенель), и распространилось преимущественно в одном из знатных женских монастырей близ Парижа: Порт-Роале. Иезуиты заметили, что книга Янсения была направлена против них и выхлопотали у папы запрещение на нее. Папа, сам не читавший книги, сгоряча по доносу иезуитов, осудил в ней такие положения, каких там совсем не было. Иезуиты стали было уверять, что эти положения непременно должны быть в книге Янсения, потому что их нашел там сам папа, который не может ошибаться, даже ни в каком частном случае. Но такую защитой они только более осрамили папу и самих себя. Гениальный Паскаль в своих «провициальных письмах» и другие приверженцы янсенизма в запальчивом споре с иезуитами беспощадно разоблачили их безнравственные и вредные правила и тенденции, и тем не мало способствовали посрамлению иезуитизма и самого папства.

VII. Папство в XVIII и XIX веках

В XVIII веке во всей западной Европе стал распространяться дух вольномыслия враждебного церкви. Дух этот сказывался как в настроении общественного мнения, так и в самых правительственных действиях. Папство особенно раздражало этот дух своею нетерпимостью и ретроградными стремлениями, и потому особенно много потерпело от него.

Прежде всего неприязненное настроение общественного мнения выразилось против иезуитов. Их безнравственные правила и вредное влияние на народ, их вмешательство во всевозможные интриги, заговоры, соблазнительные процессы, огромные богатства, приобретаемые нередко темными путями, постоянные противодействия всяким живым свободным стремлениям правительств и обществ – возбудили против них всеобщую ненависть. Самые правительства Европы признали нужным уничтожить этот орден. Первый пример на это подал либеральный португальский министр Номбаль, озлобленный против иезуитов постоянным противодействием их реформаторским планам его. Интригам иезуитов приписано было возмущение, произведенное в Парагвае и покушение на жизнь короля Иосифа Еммануила; на этом основании 1759 г. издан был указ об изгнании иезуитов из Португалии. Папа Климент XIII издал буллу в защиту иезуитов; но Португальский министр запретил обнародовать буллу, прервал всякие сношения с Римским двором, выслал папского нунция за границу, и за тем приказал посадить всех находившихся в Португалии иезуитов на суда и переправить к папе в Италию. Примеру португальского последовали и другие правительства: французский король соглашался оставить иезуитов в своей стране под условием преобразования ордена. Но гордый генерал иезуитов Риччи отвечал: «пусть они остаются, каковы теперь, или пусть их вовсе не будет (Sint, ut sunt, aut non sint.)». По этому и из Франции их изгнали в 1764 г. Также из Испании, Неаполя, Пармы. Наконец новый папа Климент XIV (Ганганелли), избранный враждебной иезуитам партией в 1773

году издал буллу о совершенном уничтожении иезуитского ордена, состоявшего тогда официально из 22000 человек (после этого не прошло года и папа был отравлен). С тех пор иезуиты официально перестали существовать во всех католических государствах Европы, хотя тайно продолжали существовать и вести свои интриги; только в схизматических государствах либерального Фридриха II прусского и императрицы русской Екатерины II им было позволено существовать законным образом.

Во второй половине XVIII столетия против папства возбуждено было сильное движение в Германии. Старейшие архиепископы Германии стали заявлять стремления к освобождению своей национальной церкви от римского влияния. В этом смысле постановлены были новые основания для управления национальной германской церковью на духовном конгрессе в Эмсе в 1786 году. Постановления эти не могли быть приведены в действие, потому что много еще оказалось в католической Германии епископов, приверженных к папской власти; тем не менее заявленное стремление к независимости не осталось без результатов для католической Германии. Более сильный удар нанес папству Австрийский император Иосиф II-й. Широкие преобразования, предпринятые им в империи, коснулись и церкви. Он дал в своих владениях протестантам полную свободу и равные права с католиками, закрыл в Австрии около 700 монастырей с 30000 монашествующих, обратив имущества их на учебные заведения, ограничил сношения своей национальной церкви с римским двором, приказал ввести немецкие гимны в Богослужение церковное, и заботился о распространении в народе чтения библии на немецком языке. Папа Пий VI горячо протестовал против этих реформ, – решился даже сам предпринять путешествие в Вену, в 1782 году (случай доселе небывалый), чтобы отклонить императора от его замыслов. Император сделал папе великолепный прием, но и личное влияние папы несколько не изменило его планов церковной реформы. Реформы Иосифа II и брат его Леопольд герцог Тосканский применил к церквям своих владений.

Еще более тяжкий удар нанесен был папству и вообще церкви во Франции. Революция, ниспровергшая государственный порядок Франции, поколебала и национальную церковь. Во Франции об явлена была полнейшая свобода совести, монастыри закрыты, имущества церковные обращены на государственные потребности, духовные, не хотевшие присягнуть законам республики, лишены своих мест. Была даже сделана попытка совсем ниспровергнуть христианство, и заменить его так называемой религией разума. В 1798 году французские войска завладели Италией, и об явили в Риме республику. Папа Пий VI был взят в плен и в унижении умер во Франции в 1799 г.

Наполеон И-Й, сделавшись первым консулом республики, и потом императором Франции, восстановил прежний порядок церковный и права папы, впрочем с тем ограничением, чтобы отобранные имущества церковные оставались собственностью государства, а духовенство содержалось на жалованье от правительства, чтобы выбор епископов зависел от правительства, и ни одна булла папская не была об являема во Франции без позволения государственной власти. Папа Пий VII не хотел согласиться на эти требования. Тогда Наполеон вторично завладел Римом, об явил, что он отнимает у пап подарок, данный им его предшественником Карлом Великим (т. е. светскую власть папы в Италии) и переселил Пия VII в почетное заточение в Фонтенбло (1809 г.), назначив ему на содержание два миллиона франков. Тщетно папа протестовал против насилия, и думал утешить императора проклятиями. Он оставался в своем заточении до низвержения Наполеона, и тогда уже освобожденный союзными войсками, торжественно возвратился в Рим, как исповедник, страдавший за права церкви, в Мае 1814 г.

Страшное потрясение, произведенное в Европе французскою революциею и войнами Наполеона I, вызвало за собою по низвержении Наполеона реакцию в пользу восстановления и охранения старых церковных и политических порядков (реставрация). Для пап и католической церкви было весьма благоприятно такое направление времени; – реакция

высказалась даже во многих протестантских странах сильных тяготением к католицизму. Но папы не научились понимать потребности и настроения времени; они так далеко вдались в реакцию, что скоро опять всюду восстановили против себя общественное мнение. Обязанный восстановлением своих духовных и светских прав чужеземным, и при том не принадлежащим к католической церкви, государям, папа Пий VII начал протестовать против действий этих государей на Венском конгрессе, между прочим напр. за то, что они уничтожили духовные курфиршества в Германии. Затем первым долгом папы было восстановление ордена иезуитов и других монашеских орденов, упавших в последнее время. Напуганные крайними проявлениями свободомыслия, правительства и народы Европы на первых порах с готовностью приняли иезуитов, как самую надежную стражу против всякого свободомыслия. Но иезуиты скоро своею чрезмерною ревностью в этом направлении своими ретроградными и своекорыстными стремлениями, своим вмешательством во все некасающиеся их дела, опять возбудили против себя всеобщую неприязнь, и их опять стали выгонять то из той, то из другой страны. Само папство со времени восстановления своего в до последних дней не переставало идти путем крайней реакции, непрестанно враждуя со всеми живыми и свободными, даже самыми благонамеренными и к интересам церкви направленными стремлениями. Так в Германии в тридцатых годах папство воздвигло преследования против ученого направления Боннского профессора Гермеса, за то, что он хотел Богословию католическому дать научную форму, догматы веры прояснить и утвердить разумными доказательствами, и в то же время во Франции папство подвергло запрещению сочинения благочестивого аббата Ботэня, проповедовавшего, что вера не нуждается в доказательствах разума, а должна основываться на чувстве. Так во все продолжение 19-го века папы не преставали враждовать против переводов библии на разные языки, против библейских обществ, против стремлений ко взаимному сближению, обнаруживающихся среди различных христианских обществ. Этим систематическим обскурантизмом

и ретроградством папство успело оттолкнуть от себя многих самых искренних и ревностных приверженцев католицизма. Так во Франции в 40-х годах даровитый и энергичский аббат Ламэнне, бывший прежде ревностным поборником папского авторитета, после многократно-заявленных им и отвергнутых папством представлений о необходимости преобразования Церкви, сделался самым крайним социалистом и злейшим противником Церкви. Во всех католических государствах Европы в XIX веке продолжают высказываться от времени до времени стремления к освобождению от верховного папского авторитета. В строго-католической Испании изуверство и фанатизм католических монахов неоднократно вызывали против себя взрывы народной оппозиции, угрожавшие неистовствами французской революции. Во Франции аббат Шатель (1842 г.) положил начало независимой от папы либеральной Ново-католической общине. В Германии подобные же общины основали в 1844 году священники Иоанн Ронж в Силезии и Иоанн Черский в Познани. Между низшим католическим духовенством всех стран Европы более и более распространяются мысли об уничтожении безбрачия лиц духовных, и основании самостоятельной католической Церкви, независимой от папы под верховным управлением соборов.

Наконец самую опасную враждебную силу папство создало себе в Италии. Здесь в XIX веке с особенною силою пробудилось стремление к национальной независимости и политическому об единению. Папство конечно отнеслось враждебно к этим стремлениям, и этим вооружило против себя итальянцев. Вражда политическая отражается на религиозном состоянии Италии распространением неверия, или склонностью многих к протестантству. Крайне-несовременным, беспорядочным и тяжелым управлением церковной области, папство воспитало против себе сильную неприязнь в своих ближайших подданных. Эта неприязнь достигла уже крайней степени в 40-х годах при строгом папе Григории XVI (1831– 1846 г.).

Вступление на престол нового папы Пия IX (это 259-й папа по римскому счету), известного прежде либерала и патриота,

пробудило большие надежды в патриотической итальянской партии. Думали, что он станет в главе национальных стремлений к самостоятельности и об единению Италии. Папа популярно начал свое правление всеобщей амнистией – освобождением множества политических преступников, заключенных в римские казематы при его предшественнике. Но когда, по убеждению неблагонамеренных советников ультрамонтанской партии, папа стал изменять свою политику, место прежней доверенности заступила сильнейшая народная неприязнь. В ноябре 1848 года папа от раздражения народных партий должен был спасаться бегством в Гаэту, и в след затем в Риме провозглашена была республика. Чужеземные войска подавили революцию в Италии и папа получил возможность возвратиться в Рим в апреле 1850 года. Но положение его с того времени остается весьма шатким. До 1865 года папский престол был охраняем чужеземными французскими и австрийскими войсками. С того времени папа находится под великодушным покровительством итальянского короля Виктора Эммануила, неоднократно предаваемого им проклятию и самостоятельно устрояющего не только государственный, но и церковный порядок Италии, упраздняющего монастыри, отбирающего церковные имущества без всякого внимания и уважения к папским протестам и прощениям.

Тем не менее папство и в настоящее время старается выказать свою полную уверенность в неприкосновенности усвоенных им в средние века прав и притязаний – устанавливает новые догматы (о непорочном зачатии Пресвятой Девы в 1854 году), совершает торжественные канонизации святых, открывает в Риме блестящие юбилеи; созывает свою власть вселенский собор, рассыпает грозные энциклики, в которых предаёт анафеме весь современный порядок вещей; налагает проклятия и отлучения на государей и т.д. А приверженцы папства ультрамонтаны стараются из всех сил доказать непогрешимость духовной и даже светской власти пап.... Только, мало уже теперь обращают внимания на эти несовременные заявления разваливающегося колосса.

Католическая церковь, и в настоящее время, имеет еще много жизненных сил, но они не могут развиваться под покровом создавшейся в средние века абсолютной монархии папской. Их естественный исход, их спасение может быть в возвращении к древнему устройству церковному и древним верованиям православия.

Отдел второй. Вероучение римско-католической церкви

I. Общая характеристика римско-католической вероисповедной системы. Как образовались и развились в римской церкви различные отступления от древних преданий, и в каком положении находятся они в настоящее время?

До отделения от Церкви Восточной, Западная Церковь была согласна с Восточною в учении веры, основных началах церковного устройства и существенных частях христианского богослужения. Были некоторые разности в обрядах церковных, напр. в постах, но эти разности были немногочисленны и не касались сущности веры. Частные особенности церковного устройства, прав и положения духовенства, отношений его к народу разнообразились на Востоке и Западе, по местным условиям жизни народной и отношений Церкви к государству; но эти разности не нарушали основных канонических правил церковного благоустройства, установленных древними соборами. В учении веры на Западе с VI века стало распространяться особенное мнение об исхождении св. Духа от Отца и Сына, но это мнение до IX века не было там принято повсеместно, и не возводилось на степень общепризнанного и утвержденного всею западною Церковью догмата веры.

Со времени разделения Церквей, с IX и особенно с XI века, в западной Церкви время от времени более и более стали распространяться противные древним преданиям нововведения в учении веры, церковном устройстве, и обрядах богослужения. Главною причиною этому было самое несчастное разделение Церквей. Разорвав союз с Восточною Церковью, Западная Церковь лишилась в ней просвещенной руководительницы, которая могла бы во время останавливать и предостерегать ее от намеренных и ненамеренных ошибок и отступлений. Западная Церковь, как до отделения от Восточной, так и после отделения не имела таких высоко – просвещенных учителей церковных, каких имела Восточная Церковь, ни вообще такого твердого богословского образования, какое сохранялось в греческой Церкви, даже в средние века; по этому Западная

Церковь, отделившись от Восточной и ставши на путь самостоятельного богословствования и устройства церковного, не могла твердо и правильно держаться на этом пути. Представители и руководители Западной Церкви – папы и духовенство латинское сами много способствовали распространению в Церкви нововведений и заблуждений, – иногда ненамеренно, по невежеству, увлекались предрассудками народными, и возводили их в церковные верования, – иногда намеренно, по расчетам властолюбия и корыстолюбия, распространяли в народе фальшивые понятия и неправильные обычаи, – иногда даже по упорству, что бы только не уступить Восточной Церкви, и тверже, закрепить свое разделение с нею, отстаивали свои прежние и выдумывали новые отступления от древнего православия.

Средневековое западное схоластическое богословие, возникшее из не совсем чистого источника (оно образовалось главным образом под влиянием языческой Аристотелевской философии, искаженной средневековыми арабскими учеными), не имело в своих умствованиях твердой опоры к решению высших вопросов веры, – ни хорошего знания священного писания и истории Церкви, ни вообще хорошего богословского смысла и доброго христианского направления, во всем полагалось главным образом на пустую утонченную диалектику, в иных случаях готово было сознательно подслуживаться интересам Римской иерархии вопреки истине. По этому оно также способствовало не к прояснению и очищению, а нередко напротив к затемнению религиозных понятий и к укреплению заблуждений. С своим односторонним искусственным диалектическим методом, с своею невежественно-самоуверенною привычкою браться за решение всевозможных вопросов, без надлежащего понимания дела, – всякую простую истину затемнять хитрыми толкованиями, и самые высокие непостижимые тайны веры представлять в грубо чувственном виде, схоластики сделали много зла христианству, извратив в западно-христианском мире правильное отношение к религиозным вопросам. Под влиянием неправильного отношения разума к вере, установившегося в западной науке,

живые религиозные убеждения обратились в предмет пустых умствований и словопрений, – существенные религиозные вопросы смешались с вопросами праздного любопытства, – высочайшие непостижимые предметы веры, на ряду с обыкновенными человеческими истинами, подчинены всем произвольным операциям человеческого ума, который нередко, ничего не понимая в них, тем не менее обращается с ними, как полновластный господин и судья – толкует их так или иначе, признает, или отвергает по своему усмотрению. Такое отношение к предметам веры, – в средние века, пока ум еще с рабскою боязливостью и суеверием преклонялся перед содержанием веры, даже и в то время, когда произвольно обращался с ними, – было обильным источником темных вымыслов и суеверий, выдаваемых за религиозную истину, когда же западная мысль ближе осваивалась с этим неправильно понятым ею содержанием веры, – для тех открылся здесь источник религиозного отрицания и неверия; вместе с фальшивыми и шаткими основаниями, на которых средневековая схоластика пыталась утвердить великие христианские догматы; стали подрываться и самые эти догматы, на ряду с вымыслами праздного любопытства и суевериями, выдаваемыми схоластиками за религиозную истину, стали отвергаться и существеннейшие религиозные истинны.

Поставляя своею задачею всевозможными рассудочными соображениями и доказательствами, подкрепить все, что принималось за верование Церковное, схоласты не умели различать между существенными догматами веры, произвольными мнениями частных лиц и темными вымыслами суеверия и своекорыстия, между преданиями древнего вселенского православия и нововведениями папства. И те и другие они старались соединить в одну стройную цельную систему, и на те и на другие приискать как можно более подтверждений и доказательств. Там, где не доставало доказательств сколько-нибудь твердых и правдивых, выдумывались заведомо фальшивые и выдавались за истинные; для подкрепления учений новых приводились свидетельства древние в искаженном виде, или такие, которые

совсем не принадлежали древности. Вырывались отрывками и перетолковывались совершенно произвольно места из древних писателей; искажались древние манускрипты произвольными вставками и поправками; выдумывались небывалые исторические факты; составлялись целые подложные сочинения и выдавались под именами известных учителей церковных и т. д. Вследствие всего этого, западное схоластическое Богословие средних веков образовало в себе такое смешение правильных христианских понятий, произвольных вымыслов и темных заблуждений, что человеку, запутавшемуся в нем, решительно не было возможности отличить и отделить одно от другого. Это было причиной того, что и протестантские Богословы XVI века, поставившие своею задачею преобразовать Западную Церковь и очистить схоластическое Богословие от вымыслов и заблуждений, не зная древнего предания в его чистом и цельном виде, при всей искренности и учености своей, так запутались в своем предприятии, что многие существеннейшие истины христианства и предания древнего православия, отвергли на ряду с позднейшими фальшивыми вымыслами папства, а иные нововведения папства удержали за истинные и священные предания древности христианской.

Большая часть нововведений, которыми католическая Церковь отличается от православной восточной, получили свое начало или развились в X, XI, XII и XIII веках, т. е. во времена самого глубокого упадка просвещения на западе, самого крайнего развития папского произвола и фальшивой схоластической науки. Понятно, что учения и обряды, появившиеся в это время, не могли отличаться такою разумностью и правильностью, как те, которые утвердились в Церкви в цветущие века христианского просвещения, в период вселенских соборов. В темные средние века, самые грубые вымыслы, самые вредные суеверия могли получать церковное освящение от католической иерархии и научное оправдание и развитие в схоластическом богословии. С XVI века, когда влияние папства начало слабеть, мрак невежества рассеиваться, в среде самого католицизма и схоластики начала зарождаться оппозиция против папской власти,

злоупотреблений духовенства и суеверия народного, – развитие новых учений и установлений в Западной Церкви должно было остановиться; ревностные приверженцы католицизма в XVI и XV веках ограничивались только тем, что защищали уже укоренившиеся нововведения и злоупотребления, придавая им приличный смысл, приводя их в научную систему и очищая от слишком грубых крайностей. Протестантское движение XVI века заставило представителей Западной Церкви серьезнее подумать об очищении и исправлении католического вероучения и церковного устройства. С этой целью между прочим создав был Тридентский собор. Но так как на этом соборе консервативная католическая партия одержала верх над приверженцами реформы, – то собор этот не только не искоренил средневековых нововведений католицизма, но еще более закрепил их. Почтя все произвольные нововведения, допущенные католическою Церковью в средние века, только несколько очищенные от грубых крайностей, на Тридентском соборе включены в систему общеобязательных истин христианского вероучения, возведены на степень догматов, ограждены анафемою и завещаны для неизменного хранения католической Церкви на будущие времена. С этого времени католическое вероучение и церковное устройство в существенных чертах остаются неизменными в том виде, в каком они окончательно сформировались на Тридентском соборе. Иногда папы делают некоторые перемены в Церкви, внося что либо новое или уничтожая старое; богословы, иезуиты и ультрамонтаны заявляют стремление возвратить католическую Церковь к тем крайностям притязательности и произвола, какими она отличалась в средние века. С другой стороны новейшие движения наук, дух времени, общественные и государственные условия и требования новых веков вынуждают иногда католическую Церковь отступаться от иных ее мнений и притязаний, допускать уступки и ограничения своих принципов. Тем не менее, в общем своем строе и направлении, католическая Церковь остается верна Тридентскому собору и упорно держится утвержденных и освященных ею нововведений, – хотя наиболее беспристрастные католические

ученые время от времени более в более приходят к сознанию, что эти особенности католицизма не имеют для себя основания ни в Священном Писании, ни в преданиях древней христианской Церкви, ни в требованиях здравого христианского смысла и разумно-направленного христианского чувства.

II. Римско-католическое учение о папской власти, развитие этого учения, его смысл и значение в западной церкви

Главное отличие римско-католического вероучения от православного заключается в догмате о папее, как видимой верховной и непогрешимой главе Церкви – Божиим наместнике на земле.

Догмат этот составляет основание всей римско-католической вероисповедной системы и дает особенный характер всему устройству римской Церкви. Догмат этот вместе с тем составляет и главную преграду к соединению западной Церкви с восточной. За него крепче всего держатся сами папы и римские богословы. Во всех других своих мнениях и требованиях они готовы бывают иногда допускать всевозможные послабления и уступки. Но догмат о власти папской признается ими за самую основу католицизма; посему догмат этот и в прежние века был всегда главным предметом полемики между восточной и западной Церквами, и в настоящее время не потерял этого своего значения и требует особенно внимательного и подробного рассмотрения со стороны всякого православного исследователя, занимающегося вопросом о римском католицизме.

Странность и неистинность этого догмата для здравого христианского рассуждения очевидна из самых простых соображений. Для Церкви, имеющей главою Самого Христа (Ефес. V гл. 23 ст.), всегда пребывающего с нею до окончания века (Матф. XXVIII гл. 20 ст.), и непрестанно одушевляемой и управляемой Духом Святым, очевидно нет надобности ни в какой другой видимой главе. У Церкви, Божественного тела Христова, не может быть человеческая глава. Никто из людей смертных не может быть главою великого тела, имеющего пребывать во все роды веков (Ефес. III гл. 21 стр.), обнимающего собою не только бесчисленные ряды поколений, живущих на земле, но и бесчисленные сонмы верующих, отшедших от мира святых, находящихся на небесах. Все самые

высокие, самые святые христиане – не более как члены Церкви; сами апостолы называли себя служителями Церкви (Колос. I гл. 24, 25 ст.). Римские католики, называя папу главою Церкви, очевидно приписывают ему власть и почеть, приличествующую одному Богу, т. е. боготворят простого смертного человека.

Учение о необходимости видимой главы в Церкви развилось на западе постепенно и имело несколько различных фазисов в своем развитии. В древней Церкви, как на востоке, так и на западе, не знали никакой видимой главы; главою Церкви признавали одного Христа. Каждая поместная Церковь управлялась своим епископом; некоторые из епископов почитались старейшими (римский, константинопольский, александрийский, аитиохийский, иерусалимский), другие младшими. Младшие находились в некоторой зависимости от старших и воздавали им особенное уважение, но в своих существенных правах, все они считались равны между собою, и ни один не имел власти над всею Церковью. Высшею властью, признаваемою всею Церковью, был вселенский собор, как полнейшее выражение верований и определений вселенской Церкви, утверждаемых изволением Духа Святого. Римский епископ считался старейшим между епископами запада, первым во всем христианском мире, но никак не главою Церкви. Он имел власть высшего надзора над подчиненными ему епископами западного округа, и то за исключением некоторых епископов, считавшихся самостоятельными. Но над епископами других округов – восточных он не имел никакой власти; на ряду со всеми другими, и римский епископ подчинялся суду вселенского собора. Особенные временные исторические обстоятельства содействовали папам усилиться более других епископов. С течением времени папы не только приобрели необыкновенное духовное влияние над западно-европейскими народами, но и светскую власть. Это расположило некоторых из пап к мысли домогаться власти над всею церковью, и закрепить свои случайные, вследствие временных исторических обстоятельств доставшиеся им права и преимущества, незыблемыми религиозными основаниями на вечные времена. Пока западная Церковь находилась в союзе с

восточную, папы не могли этого сделать. Фальшивые притязания и вымыслы, направленные к возвеличению папской власти, встречали обличения и твердое противодействие на востоке, который был независим от папы, на котором сохранялось ясное понимание идеи Церкви – твердое знание древних правил и преданий. Но когда запад стал более и более отделяться от православного востока сначала в политическом отношении, наконец совершенно прервал с ним и всякое церковное общение, – папам уже не трудно было распространить высокое понятие о своей власти – не как о человеческой, а как о Божественной власти, и возвести это понятие в догмат веры на западе Европы, где издавна поместные церкви подчинялись папе, где самый народ относился к власти папской с особенным благоговением, где мало было просвещенных людей, могущих разоблачить фальшивые основания, придумываемые для возвеличения папской власти, и удержать западную Церковь от чрезмерного, суеверного и раболепного благоговения перед этою властью. Вследствие особенных исторических обстоятельств, все тогда на западе Европы благоприятствовало папам. Не только сами папы заботились о своем возвышении, не только монашество и духовенство, интересы которых были тесно связаны с папскими интересами, ревностно помогали папам возвыситься; но и народ искренно желал возвеличения папской власти, как нравственно обуздывающей силы, над всеми другими силами и властями, не мало угнетавшими народные массы; сами государи западные наперерыв друг пред другом заискивали благоволения у папы, и в его власти полагали опору своих собственных прав.

Первое формальное закрепление папского господства над Церковью сделано было в так называемых лжеисидоровских декретах. Здесь папа об явлен был верховным, от Бога поставленным, правителем Церкви, от которого получают свои права и во всем зависят все другие власти церковные, волею которого собираются соборы, решаются все важные дела, утверждаются все постановления и узаконения церковные. Но здесь господству папскому дано было только каноническое, но

еще не догматическое значение; так как и самые декретации представляли собою юридический или канонический сборник, но не догматическое изложение верований Церкви. Папа здесь признан был верховным правителем церкви; но это еще не считалось существенным, необходимым для спасения догматов веры. В догматическом учении западной Церкви папская идея развилась преимущественно с XI века (со времен Гильдебранда) до XIV, т. е. во времена самого высшего политического могущества папской власти и крайнего развития схоластики. В это-то время учение о власти папской было не только возведено в догмат веры, без признания которого невозможно спасение, но в догмат самый основной, на котором держатся все другие догматы. Западные схоластические богословы, намеренно прислуживавшие папам, развили это учение, по истине можно сказать, до чудовищных крайностей и странностей. Папская власть об явлена самою высшею на земле, непосредственно и исключительно от Бога происходящею властью, от которой происходят и которою держатся все другие земные власти духовные и светские. Папы стали называть главами Церкви – заместниками апостола Петра, заместниками Христа, сначала просто в смысле почетного титула, потом начали соединять с этими названиями определенное понятие о божественности папской власти. Без власти папской, по учению схоластиков, не может стоять Церковь, не может держаться вера, не может действовать никакая другая власть; ни власть государственная в мирских делах, ни власть епископов и вселенских соборов в делах духовных; без признания власти папской не может спастись ни один человек. Один папа имеет и может другим сообщать ключ к разумению божественной воли и божественного слова; он может вводить новые догматы, постановлять новые законы в церкви, поставлять, судить, низлагать и возвышать все церковные власти. Он может, если найдет нужным, нарушать и отменять законы церковные, и других, по усмотрению, освобождать от исполнения уставов церковных, клятв, различных обязательств и т. д. Он может разрешать грехи людям не только за прошедшее, но и на будущее время. Власть

папская простирается не только на живых людей и Церковь земную, но и на мир загробный, на Церковь небесную. У папы ключи от царства небесного, данные Христом апостолу Петру, и от него перешедшие по преемству к папам. Папа может облегчать мучения людей в чистилище, и, вменяя заслуги людей праведных людям грешным, переводить души из чистилища в рай, ранее того срока, как они сами этого заслужили у Бога. Чтобы папы могли правильно пользоваться этими, но истине, божественными правами, им усвоено божественное свойство непогрешимости. По учению некоторых богословов западных непогрешимость папская простирается не только на вопросы веры и дела церковные, но и на дела мирские, и на все частные случаи обыкновенной жизни т. е. папа ни в чем не может ошибаться и заблуждаться, как простой человек. Иные имели дерзость утверждать, что если бы даже папа стал говорить что либо вопреки ясному смыслу Священного Писания, требованиям совести и нравственного чувства, свидетельству очевидного факта, и в таком случае нужно верить более папе, нежели Священному Писанию, голосу совести, показаниям собственных чувств, свидетельству очевидных фактов. Власть папская простирается не только на духовные, религиозные, но и на мирские государственные дела. Так как всякая земная власть происходит от папы, и только папская непосредственно от Бога, то и власть государственная должна подчиниться папе. Государи – наместники (minister) папы в различных странах, как папа – наместник Бога на всей земле. Государственная власть проистекает от папской, как свет луны от света солнца. Папа избирает или утверждает государей, надсматривает над их частною жизнью, чтобы они подавали подданным хороший пример, и над их государственными действиями; может утверждать или отменять постановляемые ими законы. В случае надобности, он судит государей, низлагает с престола, избирает на место низверженного нового государя, освобождает подданных от присяги и повиновения осужденному государю, – может наказать целую страну (интердиктом или крестовин походом, за преступление и упорство государя). Некоторые схоластики позволяли себе выражаться так, что папа

мог бы, если б захотел, за раз всех государей низложить с престолов, и установить на земле совершенно новый образ правления.

Соответственно с такою необычайной властью над Церковью и государством, папе воздаются необычайные внешние почести, духовные и светские. Папа есть верховный монарх и первосвященник всего мира. Его резиденция – Рим, столица всего христианства. Сюда собирается несметное количество денег и бесчисленное множество поклонников, со всех христианских стран. Папский двор (курия) многочисленнее и роскошнее царских дворов. Папе прислуживают высшие сановники духовные, гражданские и военные. Папа носит царскую и первосвященническую тиару, т. е. к обыкновенной епископской митре у него присоединены три короны – в знак его власти над Церковью, государством и над миром загробным (над чистилищем)³³. Во время торжественных процессий папу носят на великолепном троне – под балдахином, в сопровождении множества духовных сановников и воинских чинов, с пением священных гимнов, пальбою пушек, громом музыки и т. д. Во время торжественных выездов не простые прислужники, а государи должны подводить папе коня или осла, держать ему стремя, вести папского осла под уздцы и т. д. В известные дни года папа с своего балкона дает торжественное благословение не только всему городу Риму, но всему миру (*urbi et orbi*). При короновании своем папа восходит и садится не просто на царский трон, но на самый престол Господа Вседержителя, где совершается бескровная жертва. Все христиане и старейшие епископы, патриархи, кардиналы, князья и государи, в знак особенного уважения к папе, должны целовать туфли папы; на туфле папской изображается св. крест. Даже и Св. Таин папа причащается не так, как другие епископы. Не он подходит к святому престолу причащаться, а к нему, сидящему на богатоубранном троне, посреди Церкви, кардинал с коленопреклонением подносит св. чашу. Вот до каких чудовищных крайностей развилось на западе Европы, в средние века, почитание или вернее сказать – боготворение паны. Иные из западных писателей средних веков прямо называли папу

Господом Богом (Dominus Deus); иные задавались вопросами такого рода: «кого нужно почитать более: папу или св. ангелов и угодников Божиих», и решали вопрос так, что папу нужно почитать более, чем ангелов и святых людей – как самого Христа, – ибо папа наместник христовой власти... Можно ли на решение папы, если оно покажется несправедливым, апеллировать к Богу, и надеяться, что Бог изменит решение папы? – Нет, ибо у Бога и папы одна мысль, одна воля, одно решение!?

С XIV века, когда власть папская стала ослабевать на практике, и папы, во время пребывания в Авиньоне и великого раскола (бывшего в западной Церкви между 1378–1417 гг.) сильно опозорили себя пред общественным мнением – и в среде католических писателей духовных и светских, начали раздаваться голоса против папы. Светские легисты (законники) начали развивать юридическую теорию, что власть государственная имеет такое же непосредственное происхождение от Бога и священное значение, как и папская, и поэтому папы не должны вмешиваться в мирские дела. Либеральные богословы западные стали учить, – что папа есть только старейший епископ христианского мира и власть вселенского собора выше папской власти. А еще более либеральные писатели прямо называли папу антихристом, незаконно предвосхитившим себе божественные права и почести. Соборы: пизский, констанцский и базельский делали попытки к ограничению папской власти. Но папы, еще не получившие себе строгого урока, относились с пренебрежением ко всем неблагоприятным для них теориям и ревностнейшие приверженцы их до самого XVI века продолжали развивать учение о папе в тех крайних, чудовищно нелепых формах, в каких оно выше представлено.

Реформация дала папству чувствительный урок, и заставила католических богословов серьезно подумать о более точном определении учения о власти папской. С XVI-го века римско-католическими богословами в учении о власти папской отброшены те нелепые крайности, до каких это учение развилось в средневековом схоластическом богословии. Тем не

менее существенные пункты этого учения, что папа есть глава Церкви и Божий наместник на земле, что он имеет высокое свойство непогрешимости в делах веры, что его власть выше власти вселенских соборов, и без нее не может существовать Церковь – эти пункты доселе твердо держатся в католическом богословии, как существенный догмат веры, необходимый для спасения. Впрочем, различные богословские партии и целые национальные Церкви в среде католического мира различно толкуют и пременяют это учение. В галликанской церкви, которая издавна между всеми католическими церквями отличалась более свободным отношением к Риму, которая и в древности долее всех западных церквей отстаивала свою независимость от все подавляющего абсолютизма папского, которая в XV веке ревностнее всех западных церквей заявляла стремление ограничить власть пап вселенскими соборами, которая долгое время не хотела признавать авторитет Тридентского собора и принимать его решений, в конце XVII века, преимущественно под руководством епископа Боссюэта и других французских богословов, развилась галликанская теория умеренного католицизма. Сущность этой теории заключается в том, что она признает власть папскую, но только в духовных делах, и то с ограничением ее властию вселенских соборов, и насколько она не противоречит древним правам местных церквей; непогрешимыми папские мнения галликанская теория считает только в таком случае, когда они служат выражением верования всей Церкви, – личную же непогрешимость папы отвергает. Теория эта в католической Церкви держится до последнего времени и все более и более приобретает себе последователей как во Франции, так и в других католических странах. Но вопреки этой умеренной теории, преимущественно иезуитами (Беллярмином, в новейшие времена графом де Местром и др.) и итальянскими богословами, развита другая, так называемая ул трамонтанская, теория строгого католицизма. Эта теория не только старается защищать учение о духовной неограниченной власти и непогрешимости пап в средневековом смысле, но старается даже возвести в догмат веры самую светскую власть папы. Относительно светской

власти пап нужно впрочем, сказать, что еще с XV и XVI века, папы, по изменившимся историческим обстоятельствам, начали оставлять своя прежние мечты о господстве над всем миром, о подчинении себе всех государей и стали главным образом заботиться только о том, чтобы крепче утвердить свою государственную власть в находящейся под управлением их церковной области итальянской. И приверженцы пап в новейшие времена теоретически формулируют этот вопрос так, что папе для сохранения его духовной независимости и нравственного влияния нельзя жить во владениях какого либо другого государя, а необходимо иметь под властью своею хотя малое государство.

В XVIII в XIX веках духовной и светской власти пап на практике нанесены сильные удары распространением новых либеральных идей, стремлениями европейских правительств как можно более освободить управляемые ими страны от влияния папы не только в духовных, но и в светских делах, появлением либеральных стремлений в самом католическом духовенстве, французскою революцією, самовластием Наполеона I-го, новейшими итальянскими движениями. Тем не менее католический мир и в настоящее время далеко еще не может оторваться от тех ложных представлений, что папа есть глава церкви, что без папы не может держаться единство и самостоятельность церкви, что папе, для поддержания духовной власти, нужна светская власть и т. д. По крайней мере наиболее беспристрастные последователи католического учения в новейшее время более и более сознают себя вынужденными и на практике и в теории отказываться от большей части тех фальшивых оснований, на которых утверждено было религиозное значение папской власти в средние века.

III. Рассмотрение римского учения о главенстве папы на основании свидетельств евангельской и апостольской истории

На чем основывается римское учение о папе, как верховной и непогрешимой видимой главе Церкви?

Римско-католические богословы утверждают, что сам Иисус Христос, бывший во время своей земной жизни главою основанной им Церкви, после себя оставил верховную власть над Церковью апостолу Петру, давши ему особенные преимущества пред другими апостолами, – свойство непогрешимости, – ключи от царствия небесного, руководство и надзор за другими апостолами, сделавши его как бы князем апостолов, монархом христианского мира. В доказательство этой мысли римские богословы указывают преимущественно на три места из Евангелия:

1). «Когда Иисус Христос, пришедши в страны Кесарии Филипповой, спрашивал учеников своих, за кого люди и сами апостолы почитают Его, – Симон Петр, первый из всех апостолов, сказал Ему: Ты Христос Сын Бога живого. Тогда Иисус Христос сказал ему в ответ: «Блажен ты Симон, сын Ионин; не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец мой, сущий на небесах. И я говорю тебе: ты Петр (камень), и на этом камне я созижду мою Церковь и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи царства небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах (Матф. 16 г, 13–19 ст.)». Из всего смысла приведённого рассказа видно, что высокие обетования, высказанные здесь апостолу Петру, относятся собственно не к личности Петра, а к самой вере во Христа, как сына Божия, первым исповедником которой явился здесь апостол Петр, но которую разделяли в тоже время и все другие апостолы и которая сделалась достоянием всего христианского мира. Петр первый из людей исповедал Христа сыном Бога живого. Это было высокое и святое убеждение, по истине, не плотью и кровью, т. е. не обыкновенным человеческим соображением, а

самим Отцом Небесным открытое людям. Это высокое исповедание – эта вера во Христа, как сына Божия, стала в человечестве твердым камнем, на котором основалась Церковь христианская и стоит до сего времени, и будет стоять до скончания века. Симон первый исповедал эту веру, и потому первый назван камнем (Петром), взятым от Господа в созидание Церкви. Но эта вера не была только личным убеждением Симона; это общее убеждение и всех других апостолов, и всех верующих христиан; поэтому и другие апостолы, как содействовавшие распространению и утверждению веры во Христа, называются в Писании основаниями, на которых зиждется Церковь; и все верующие христиане могут быть названы камнями, из которых составляется великое здание Церкви (Еф. 2 гл. 20 ст. Апос. 21 гл. 14 ст. 1 посл. Петра гл. 2 ст. 6–7). Но очевидно, что самым первым, основанием, краеугольным камнем, на котором утверждается это здание, равно как и единою главою, венчающею его, может быть назван только сам Иисус Христос (Еф. 2 гл. 20–22 ст, 1. Кор. 3 гл. 11 ст. Еф. 1 гл. 22–23 ст.), вера в которого служить основанием и венцем Церкви. Вера во Христа открыла людям доступ – дала ключи в Царство небесное. Петр первый исповедал веру во Христа, поэтому первый и получил высокую власть вязать и разрешать грехи. Но затем и другим апостолам, имевшим одну веру с Петром, также сказало от Господа: что свяжете на земли, будет связано на небесах, и что разрешите на земли, будет разрешено на небесах. (Матф. 18 гл. 18 Иоан. 20 гл. 21–23 стран.) Апостолы передали эту власть пастырям Церкви, и она всегда неизменно сохраняется в Церкви христианской, как сохраняется самая вера во Христа. В таком смысле объясняли указанное место из Евангелия Матфее и древние учителя церковные.

2). В последней беседе с учениками – на тайной вечери – Иисус Христос, прекратив возникший между учениками спор о первенстве и обещав им за терпение и преданность Ему высокую награду в будущем небесном царстве, обратился с особыми словами к Симону Петру: «Симон, Симон! Сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу. Но Я молился о тебе,

чтобы не оскудела вера твоя, и ты некогда, обратившись, утверждай братьев твоих (Лук. 22 гл. 31–32 ст.)». В этих словах римские богословы, также видят указание на особенные преимущества Петра пред другими апостолами. По их мнению, Иисус Христос высказывает здесь ту мысль, что Петр, оставшись после него главою Его последователей, и наделенный свыше высоким даром непогрешимости к вере, должен быть руководителем в вере и для других апостолов и для других христиан. Но для всякого беспристрастного человека из самого смысла и связи речи очевидно, что здесь нет и речи о каких либо преимуществах, обещааемых апостолу Петру, а есть только печальное предостережение и предсказание о предстоящем ему искушении и падении. Смысл всей речи таков: «доселе вы были верны Мне, пребывали со Мною во всех напастях Моих. Но вот теперь предстоит вам великое искушение; сатана намеревается рассеять вас от Меня, как пшеницу. И ты, Петр, готовый более всех уверять Меня в своей преданности ко Мне, особенно поддашься искушению, первый изменишь Мне. Но Я молился, чтобы Отец Мой подкрепил вас в искушении, чтобы ваша поколебавшаяся вера не оскудела до конца. Пройдет время искушения, и вы опять обратитесь во Мне всем сердцем. Помни это Петр. Ты более всех поддашься искушению. Сам изведав человеческую слабость, и восставши (обратившись) от падения будь внимателен к другим, утверждай в вере братьев твоих». Петр так и принял эти слова – не как обещание преимущества, а как предостережение от падения, ибо вслед затем усиленно начал уверять Господа, что готов идти с ним в темницу и на смерть (ст. 33). А Господь в ответ на это еще яснее сказал, что он в эту ночь трижды отречется от Него, и затем еще раз всем апостолам подтвердил, чтобы они были готовы к искушению (ст. 34–38). Нужно еще принять во внимание, что Господь пред этою речью только что обличил в учениках Своих стремление к преимуществам весьма сильно. Можно ли думать, чтобы Он, вслед за этим обличением, стал в виду всех давать одному из учеников преимущества пред другими?

3). В 21 главе Евангелия Св. Иоанна рассказывается, как однажды Иисус Христос, по воскресении из мертвых, явился семи ученикам, ловившим рыбу на море Твериадском. Давши им чудесный улов рыбы, Он пригласил их обедать, и во время трапезы обратился к Петру с такими словами: «Симон Ионин ! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр отвечал: так Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус сказал: паси агнцев Моих. Затем опять спросил его: Симон Ионин, любишь ли Меня? Петр смазал: так Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь опять сказал: паси овец Моих. Наконец в третий раз спросил: Симон Ионин! любишь ли Меня. Петр опечалился, что Он в третий раз спрашивает – любишь ли Меня, – и с волнением отвечал: Господи! Ты все знаешь, – Ты знаешь, что я люблю Тебя. Господь еще раз сказал: паси овец Моих, а затем предсказал Петру о предстоящей ему в старости мученической кончине (ст. 15 и 18). В этой беседе Спасителя с апостолом Петром римские богословы также видят указание на особенные преимущества, данные Петру, будто Господь вверил ему здесь верховную власть над всею церковью, как над простыми верующими – агнцами, так и над самыми пастырями овцами. Непредубежденный же здравый смысл и древние учителя церковные согласно признают, что Христос в этой беседе хотел растрогать совесть апостола Петра, омраченную бывшим падением, возбудить его к покаянию, и затем утешить его, и в присутствии других апостолов возстановит в апостольском достоинстве. Троекратным вопрошением «любишь ли меня», Христос видимо хотел напомнить Петру о его троекратном отречении (В первый раз Христос спрашивает, не просто любишь ли меня – но любишь ли меня более других учеников: это напоминание, Петру о том, как он когда то уверял, что если и все ученики соблазняются и оставят Господа, он пойдет с ним в темницу и на смерть). Так и подействовали эти слова на Петра, ибо когда Господь спросил его в третий раз, Петр опечалился, конечно от того, что вспомнил о своем падении. Троекратным повторением паси агнцев и овец Моих Господь возстановлял Петра в его апостольском звании; здесь нет никаких особенных преимуществ, а только та власть,

которая дана и всем другим апостолам и от них передана пастырям церковным: пасти стадо Божие (1Петр. 5 гл. 2–3 стран.) (и конечно, только произвольное схоластическое толкование могло утверждать, что под агнцами Христос разумел здесь простых верующих, а под овцами самих пастырей). Наконец и заключение беседы предсказанием о мученической смерти Петра видимо имеет близкое отношение к прежней беседе о троекратном отречении. На тайной вечери Петр самонадеянно уверял, что он готов идти с Господом в темницу и на смерть, хотя бы и все оставили Его. И Господь отвечал, что самонадеянность его в ту же ночь будет постыждена троекратным искушением. Теперь на вопрос Господа Петр уже не осмеливается утверждать, что он любит Его более всех, и готов идти на смерть за Него, но смиренно с скорбью о своем падении отвечает: Господи! Ты все знаешь, – Ты знаешь, что я люблю Тебя. И Господь, уверив его в восстановлении прежнего апостольского достоинства, предсказывает, что он и завершит свою апостольскую жизнь достойно мученическою смертью.

Таким образом, ни в одном из указываемых римскими богословами мест Евангелия не находится подтверждения той мысли, будто Иисус Христос дал апостолу Петру преимущественную власть над другими апостолами.

Вообще же можно сказать, что эта мысль противоречит всему духу, всему смыслу евангельских повествований. Ни в чем не обличал Иисус Христос учеников своих так сильно, ни против чего не предостерегал их так ревностно, как именно против духа превозношения – против стремления к преимуществам. Он постоянно внушал им ту мысль, что подобные стремления не должны иметь места в христианском обществе, что между ними не должно быть первых и последних, начальников и подчиненных, что между ними даже никто не должен называться отцом, учителем или господином, но все они должны считаться братьями и искренно служить друг другу, как сам он – их Божественный учитель, показал им высочайший образец в этом (см. Матф. гл. 20 ст. 20–28; Лук. гл. 22 ст. 23–27; Марка X гл. 42–45 ст. Иоанна гл. 13 ст. 13–16)

После Евангелия, римские богословы в истории апостольской стараются найти подтверждение тому взгляду, будто апостол Петр, по вознесении Иисуса Христа на небо, оставался главою христианства, князем других апостолов, верховным правителем Церкви. В доказательство этого они любят указывать преимущественно на первые главы книги «Деений апостольских», где в иных случаях личность Петра выступает более, нежели личности других апостолов. Петр например первый предлагает избрать 12-го апостола на место отпадшего Иуды; первый начинает проповедь по сошествии Св. Духа; первый обращает в христианство язычника Корнилия, первый держит речь на соборе апостольском. Но из всех этих фактов ничего особенного не следует. Из того, что в первой половине книги «Деяний» говорится более об апостоле Петре, – а во второй еще гораздо более об апостоле Павле нисколько не следует, будто тот или другой апостол имели какую либо преимущественную власть над прочими апостолами. Напротив факты показывают, что все апостолы, по заповеди Спасителя, считались равными между собою. Вопросы, возникавшие в обществе апостольском, могли быть предлагаемы кем-либо одним, но решались согласно мнениям всех. Так избран был 12-й апостол Матфей на место отпадшего Иуды (Деян. гл. 1); так избраны были первые семь диаконов (гл. 6); так решен вопрос о необязательности ветхозаветного обрядового закона для обращающихся в христианство язычников на соборе апостольском (гл. 15). Между апостолами, по сказанию апостола Павла, пользовались особым уважением: Петр, Иоанн и Иаков, брат Господень, предстоятель Церкви иерусалимской. Они считались как бы столпами Церкви, но не имели никаких особенных прав и власти над другими. Апостол Павел и себя самого, призванного к апостольскому служению уже после сошествия Св. Духа, считал нисколько не ниже других апостолов самовидцев Иисуса Христа, и в известном случае находил нужным спорить с апостолом Петром и обличать его. Вообще апостолы восставали против пристрастия иных христиан к авторитету того или другого из проповедников христианства. Апостол Павел строго обличал коринфских

христиан за то, что у них одни называли себя Павловыми, другие Петровыми, третьи Аполосовыми и т. д. «Разве, говорил он, не один и тот же для всех Христос ? разве Павел за вас распинался, или во имя Павлово вы крестились? Ми по воле Божией только служители, чрез которых вы уверовали, соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение. Один насаждал, другой поливал, а возрастил Бог. Насаждающий и поливающий ничто, а все Бог возвращающий. Никто не хвалился, кем либо из людей. Павел ли, или Аполос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее – все ваше. Вы же Христовы, а Христос Божий» (1 кор. главы 1, 2, 3).

Если бы и действительно апостол Петр имел преимущественную власть над другими апостолами, каким образом это могло бы иметь отношение к притязаниям римских пап?

Римские богословы говорят, что апостол Петр, сделавшись главою – как бы монархом христианского мира, избрал своею резиденциею Рим; здесь он основал Церковь, здесь епископствовал в продолжении 25-ти лет; здесь принял мученическую кончину, я при кончине передал свою власть над церковью своему преемнику, следовавшему за ним римскому епископу. После него эта власть переходит от одного папы к другому.

Здесь каждое положение неверно. Из беспристрастного рассмотрения исторических фактов оказывается напротив, что 1) апостол Петр, как объяснено выше, не был главою или каким либо монархом христианского мира; 2) апостол Петр не жил в Риме 25 лет, ибо такое расчисление времени не согласно с известиями о проповеди апостола в других странах; 3) апостол Петр не был епископом римским, ибо епископами назывались местные, правители церковные, неотлучно находящиеся при одной своей церкви, апостол же Петр, подобно другим апостолам, утверждал христианство в различных странах и различных церквях; 4) апостола Петра нельзя даже назвать по преимуществу основателем Церкви римской. Церковь римская основана и устроена не одним Петром, а вместе Петром и Павлом. Есть даже основания предполагать, что в устройении

римской Церкви и поставлении первого римского епископа Лина (еще при жизни первоверховных апостолов) больше участия принимал апостол Павел, нежели апостол Петр³⁴. 5) Кроме Рима, апостолом Петром, или Петром и Павлом вместе устроены церкви и во многих других местах. Так в устроении антиохийской Церкви оба первоверховные апостолы принимали участия не менее, чем в устроении римской³⁵. Александрийская Церковь также основана была апостолом Петром, и первым епископом здесь был любимейший ученик Петра евангелист Марк. Старше же и почетнее всех по своему происхождению была без сомнения иерусалимская Церковь, мать церквей, основанная самим Иисусом Христом, откуда по сошествии Св. Духа начало распространяться христианство во все концы мира, куда из своих отдаленных путешествий нередко сходились апостолы для свидания, отчета об успехах проповеди, взаимных назиданий и совещаний, где по преданию первым епископом от самого Господа был поставлен один из 12-ти апостолов Иаков брат Господень. 6) Таким образом римского епископа нельзя называть ни преемником власти Петровой, ибо Петр не был епископом, а только поставлял епископов в Риме, в Александрии, в Антиохии и других местах, ни тем более преемником каких-либо верховных прав его над церковью, ибо таких прав сам Петр не имел. И странно предполагать, чтобы после смерти Петра римские епископы считались верховными правителями церкви, когда оставались в живых еще некоторые апостолы? Странно предполагать, чтобы любимейший и приближеннейший ученик Христов Иоанн Богослов, после смерти Петра живший на земле еще более 35 лет, подчинялся римскому епископу как верховному главе и правителю церкви.

IV. Римское учение о главенстве папы на основании свидетельств христианской истории первых трех веков

История древней христианской церкви после времен апостольских также не представляет оснований в пользу римского учения о главенстве папы в церкви. Римско-католические историки и богословы стараются доказать, будто в христианской церкви не только в западной, но даже и в восточной с первых веков и до патриарха Фотия, дерзнувшего возмутиться против папской власти, папы имели такую же власть над всеми епископами и церквами, какую они теперь имеют в римско-католическом христианстве. В подтверждение такого взгляда, католические ученые в истории древней христианской церкви подыскивают свидетельства и факты, будто бы оправдывающие их мысль. Но все эти свидетельства и факты, обыкновенно представляемые римскими учеными отрывочно, вне связи с цельным смыслом и характером ими же указываемых исторических событий, без соотношения с другими историческими фактами, яснее раскрывающими мысль дела, – вовсе не имеют того значения, какое стараются придать им католические ученые.

«Папы, говорят, в самые первые века являются верховными правителями церкви, имеющими особенную власть над епископами других церквей. Папы II и III веков: Климент, Сотир, Виктор, Корнилий, Стефан пишут папские послания к различным церквам, – и их послания в этих церквах принимаются с уважением. К папам приходят советоваться о церковных делах епископы отдаленных даже восточных церквей, – напр. св. Поликарп (в половине II века) приходил в Рим советоваться с папою Аникитой о времени празднования Пасхи. Папы в Риме созывают соборы, разбирают и осуждают лжеучения, уже осужденные в других церквах, своим верховным судом как бы утверждая суд других церквей; так известный гностик Валентин (II века), осужденный на востоке, был окончательно осужден в Риме. Другие еретики, осужденные вне

Рима, приходят в Рим, и просят папу вновь пересмотреть их дело и разрешить их от наложенной на них клятвы; это именно известно о лжеучителях Монтане и Маркионе (II века). Наконец решительные действия папы Виктора во II веке, в деле о праздновании Пасхи, и Стефана в III веке, в деле о крещении еретиков, показывают, что папы сами признавали за собою право считать себя старейшими всех других епископов – епископами епископов, наблюдать за церковным порядком во всех церквях западных и восточных, требовать от них во всем согласия с римскою Церковью, делать обличения и приказания другим епископам; в случае непослушания грозить им судом и даже отлучать от церкви».

Все указываемые здесь факты исторически верные, но неверно объясняемые – не имеют того значения, какое стараются придать им римско-католические ученые, и некоторые из них более говорят против, нежели в пользу несправедливой мысли о главенстве папы, признаваемом будто бы в христианской церкви с самых первых веков:

1). Некоторые из пап писали пастырские послания к другим церквям; но это вовсе не по праву какой-либо власти или главенства над другими церквями, а по духу братского общения, соединявшего тогда все христианские церкви. В силу этого общения особенно уважаемые епископы не одной римской, а и других церквей, когда оказывалось нужным, обращались с пастырскими посланиями к чужим церквям. Так от св. Игнатия Богоносца, епископа антиохийского (II века), до нашего времени сохранилось семь посланий к различным церквям, и между прочим к римской. Св. Поликарп, епископ смирнский, писал послание к церкви филиппийской. От св. Дионисия коринфского, Иринея лионского, Киприана карфагенского, Дионисия александрийского, Григория Чудотворца неокесарийского, осталось много посланий к другим епископам и различным церквям (между ними несколько и к римской), и послания эти в тех церквях, куда они посылались, в силу братского общения принимались не с меньшим уважением, как и помянутые послания римских епископов.

2). В силу того же братского общения, епископы одних церквей ходили иногда советоваться о церковных делах с епископами других церквей. Так св. Поликарп ходил к римскому епископу Аниките советоваться о праздновании Пасхи. Что он приходил к нему как равный к равному за советом, а не как низший к высшему или подчиненный в начальнику за приказанием, это видно уже из того, что св. Поликарп, не смотря на убеждения Аникиты, не согласился подчиниться мнению папы и принять в малоазийские церкви римский обычай празднования Пасхи, – напротив, самого папу увещавал ввести малоазийский обычай в римскую Церковь. И разногласие в спорном вопросе не нарушило добрых отношений между двумя епископами; римский епископ Аникита во время пребывания св. Поликарпа в Риме относился к нему не как к подчиненному или зависимому, а напротив как к старейшему, особенно уважаемому сослужителю своему, и даже предоставлял ему первенство в служении при совершении литургии в своей церкви.

3). Что в римской Церкви иногда собирались соборы и осуждались лжеучения, уже осужденные в других церквях, подобного рода факты в первые века христианства встречаются не в одной римской, а и в других церквях. Еретик Валентин проповедовал свое учение сначала на востоке, потом в Риме, поэтому и осужден был прежде на востоке, а потом вновь в Риме. Также и многие другие еретики, лжеучения которых распространялись из одной страны в другую, бывали по несколько, раз соборно осуждаемы, сначала в одной своей местной, потом в других церквях, куда распространялось заблуждение. Так против ересей Савеллия и Павла Самосатского было несколько соборов в различных церквях.

4). Что некоторые лжеучители, именно Маркион и Монтан, осужденные в своих поместных церквях, делали попытки исходатайствовать себе разрешение в римской Церкви, это показывает только хитрость помянутых лжеучителей, желавших провести свои заблуждения под покровом законного авторитета, если не в той, то в другой церкви, и их неправильные понятия о праве и суде церковном, позволявшие им надеяться, что одна

поместная церковь может принять на себя право отменять определения другой поместной церкви. Но сама же римская Церковь строго остерегалась усвоить себе такое право, незаконно в личных видах предлагаемое ей лжеучителями, и принимать в церковное общение людей отлученных в других церквях. Маркиону, отлученному от церкви его собственным отцом, епископом понтийским, и старавшемуся исходатайствовать себе разрешение в римской церкви, римский клир дал такой ответ: «Мы не можем этого сделать без дозволения твоего достопочтенного отца, – так как у нас вера одна и законоположение одно (т. е. одинаково обязательное как для Понтийского, так и для римского епископа)». Промски Монтана в Риме были успешнее. Пользуясь легкомыслием и опрометчивостью римского папы Виктора, он сумел, на некоторое время, расположить его на свою сторону, и получить от него не разрешение, а ходатайственные грамоты о разрешении к епископам фригийским и малоазийским, осудившим Монтана. Но и то, как скоро Виктор чрез несколько времени узнал правду о Монтане, он поспешил возвратить назад свои ходатайственные грамоты.

5). Что касается наконец до заявлений папы Виктора в споре о праздновании Пасхи и папы Стефана в споре о крещении еретиков, то здесь несомненно в первый раз высказалось в папах высокое сознание о их верховной власти в церкви, будто они старейшие епископы – епископы над епископами, будто они имеют право наблюдать за порядком во всех церквях, требовать от других церквей строгого согласия с уставами и обычаями римской Церкви, обличать, судить, и даже отлучать других епископов. Но нужно припомнить, как приняты были эти заявления римских епископов в других церквях. Они встретили дружный и решительный отпор от других епископов не только восточных, но и западных. Честолюбивым папам было поставлено на вид, что никто из епископов не имеет права именовать себя старшим епископом – епископом епископов, повелительно относиться к другим епископам, требовать от всех согласия с своим мнением, во имя обычаев своей местной церкви осуждать обычаи других местных церквей, и наконец

отлучать других епископов от общения своего, подвергая себя самого в таком случае опасности быть отлученным от общения всех. Честолюбивые притязания пап, так резко выступившие в противность господствовавшему в христианской церкви в то время духу братства и свободы, были названы неосновательными, нечестивыми, превышающими права власти епископской, бесчестящими достоинство кафедры блаженных апостолов Петра и Павла. Подобного рода факты, конечно, гораздо более говорят против, нежели в пользу римской мысли о главенстве папы в церкви, будто бы начавшемся с самых первых веков христианской истории. К этим фактам можно прибавить еще указание на спор известного учителя церковного III века, св. Иполита, с современным ему папою римским Каллистом. Несмотря на то, что св. Ипполит был епископ непосредственно зависимый от римского епископа (он был епископ пристани римской, – как бы викарий главного римского епископа), он не стеснялся открыто и резко уличать папу Каллиста в ереси и безнравственности, и призывать его к суду. Значит тогда в самом Риме не было и мысли о непогрешимости и неподсудимости пап.

Вообще, беспристрастно и внимательно рассматривая целый общий строй христианской жизни в первые века, нельзя найти там и малейшего основания к тому предположению, будто управление тогда в церкви было подобное существующему теперь в римско-католической Церкви, будто римскому, или какому либо другому епископу принадлежала тогда какая либо особенная верховная власть над прочими епископами. Все епископы считались тогда равными в своих существенных правах. Пользовались некоторые из них преимущественным уважением между другими, напр. епископы так называемых кафедр апостольских, т. е. основанных самими апостолами, начиная с кафедры иерусалимской церкви-матери церквей, пользовались также уважением епископы больших городов (митрополии) от епископов городов меньших, провинциальных. Но это не давало никаких особенных преимуществ власти одним епископам над другими; и, главное, не было никогда признаваемо над всеми епископами одного общего правителя.

Личные достоинства давали преимущества и влияние в церкви епископам то той, то другой кафедры; и иногда епископ самой незнатной кафедры, имел в церкви влияния гораздо более епископов старейших и знатнейших кафедр. На римской кафедре в первые три века мы даже немного встречаем влиятельных личностей – менее, нежели на некоторых других кафедрах, напр. александрийской, антиохийской, карфагенской. Ни один из римских пап в первые три века не имел столько влияния во всей церкви, сколько имели во 2-м веке святые: Игнатий антиохийский и Поликарп смирнский, или в 3-м веке святые Киприан карфагенский, Дионисий александрийский или св. Григорий чудотворец, епископ кафедры неокесарийской, которая до него вовсе не существовала, и при возведении его в епископский сан, состояла только из семнадцати верующих, и которая тем не менее во время жизни св. Григория сделалась весьма известна и влиятельна между другими.

V. Рассмотрение учения о папской власти на основании свидетельств церковной истории – периода вселенских соборов

С 4-го до 9-го века идет в церковной истории период вселенских соборов. Самое это название показывает, что тогда в церкви не было места какому либо единоличному монархическому управлению, и верховною властью в церкви считалась не власть папская, а власть вселенских соборов.

Римско-католические ученые говорят, что и при вселенских соборах главенство папы имело свое полное значение. Неоднократно были делаемы попытки доказать, что самые вселенские соборы в древней церкви (как на западе в средние века) были созываемы папами, – папы будто бы и председательствовали на них или лично, или в лице своих легатов, – их влиянием решались дела на соборах, и всякое соборное определение тогда только получало силу, когда было утверждаемо папою. Но история опровергает все эти положения. 1) На созвание вселенских соборов в древней церкви папы не имели никакого влияния; все вселенские соборы были созываемы греческими императорами. 2) Председательствовали на соборах не папы, – лично ни один папа не присутствовал ни на одном из вселенских соборов, – и не легаты папские (на некоторых вселенских соборах не было и легатов папских, – например на 2-м, на 5-м, на 7-м, 3-й вселенский собор также открыт был до приезда папских легатов), а председательствовал на соборе обыкновенно тот из старейших восточных патриархов, который лично здесь присутствовал (например на первом соборе Евстафий антиохийский, на втором сначала Мелетий антиохийский, нужно заметить непризнаваемый в то время римскою церковью законным архиепископом Антиохии, потом после его смерти Григорий Богослов константинопольский, и наконец по удалении его Тимофей александрийский, – на третьем соборе председательствовал св. Кирилл александрийский, – на седьмом св. Тарасий константинопольский. 3) Сила

преобладающего влияния и решения дел на соборах от пап или их представителей зависела столько же, сколько и от других православных епископов, на сколько каждый из них являлся верным представителем истины. На первом вселенском соборе влиятельнее всех старейших членов собора был молодой архидиакон александрийской церкви св. Афанасий великий, на третьем св. Кирилл александрийский, на седьмом св. Тарасий константинопольский. На четвертом соборе (заочный) голос римского папы Льва великого имел преобладающее влияние, и послам его на соборе оказывалось особенное уважение, – но это не вследствие особенных преимуществ римской кафедры, а потому что св. Лев, по своим личным достоинствам и твердости своих убеждений, был тогда влиятельнейшим пастырем христианского мира, главным защитником православия против монофизитства, а старейшие епископы востока были более или менее замешаны в спорах монофизитских. Впрочем и здесь, дабы честолюбие римское не воспользовалось случайным преимуществом своего положения, как известно, нарочно сделано было особенное подтверждение о равенстве прав константинопольского патриарха с римским. На всех других вселенских соборах, кроме четвертого, незаметно, чтобы голоса пап или их представителей имели какое либо преобладающее значение. 4) Сила и законность определений вселенских соборов от утверждения римского папы зависела всегда столько же, сколько и от утверждения всякого другого патриарха. Решения соборов даже и тех, на которых не присутствовали ни папы, ни их представители, получали полную силу, и для этого не считалось нужным, как в средние века на западе, посылать их в Рим на окончательное утверждение. Даже, если бы в римской Церкви почему либо не нравились определения какого либо из соборов, это не подрывало их значения в других церквях. Так, известно, римской Церкви неприятно было признать постановления трулльскаго собора, сделавшаго несколько строгих замечаний против некоторых ее неправильных обычаев. Это однакож не воспрепятствовало постановлениям трулльскаго собора получить значение, наравне с определениями других вселенских соборов. 5) К

этому нужно прибавить, что древние вселенские соборы, считая себя высшим органом церковной власти, признавали за собою право, по требованию обстоятельств, судить, как всякого мирянина и клирика, нарушавшего мир церкви, так и епископа, така и всякого старейшего патриарха (как и судили многих патриархов александрийских и константинопольских и антиохийских), так и римского папу. На шестом вселенском соборе вместе с несколькими патриархами константинопольскими и другими виновниками и покровителями заблуждения был осужден за монофелитство и римский папа Гонорий. Ясное доказательство, что на вселенских соборах не были признаваемы ни какое либо верховное главенство, ни непогрешимость, ни неподсудность папы.

«Но, говорят, сами вселенские соборы признавали за папою первенство между другими старейшими епископами (1-го всел. соб. прав. 6-е, 2-го всел. соб. прав. 3-е, 4-го соб. прав. 28-е)» Это справедливо. Первенство за папами всегда признавала и восточная Церковь, и никогда не стала бы отказывать им в нем, если бы папы своими незаконными притязаниями и отступлениями от православия не сделали себя недостойными этого преимущества, усвоенного им древними отцами церкви ради чести древнего царственного града. Но первенство (*primatus*) не есть главенство (*suprematus*). Первенство бывает между равными (*primus inter pares*), главенство над низшими и подчиненными. Первенство давало папам преимущественную честь между другими епископами, но никакой власти над ними. И те же самые соборы (2-й и 4-й), которые говорили о первенстве папы, как признанном факте, во всем равняли права Константинопольского епископа с римским. А 3-й вселенский собор строго настаивал на том, чтобы даже во внешних преимуществах, усвояемых старейшим епископам церкви, не было делано нововведений и расширений, дабы не питалась тем гордость мирского властолюбия (8-го Всел. соб. прав. 3-е; 3-го соб. прав. 8-е; 4-го. соб. прав. 28-е; 6-го соб. прав. 36-е).

«Замечательнейший из поместных соборов 4-го века собор сардикийский (343) предоставил римскому папе Юлию право

принимать апелляции от епископов, и пересматривать спорные дела между ними, уже решенные на поместных епископских соборах (сардик. собора прав. 3, 4, 5)». Но собор сардикийский был собор не вселенский, а поместный, состоявший из западных епископов, и потому определение его относилось только к западному церковному округу, подчиненному папе. Тем правом, которое в этом определении усвоялось римскому папе, пользовался в известной степени всякий патриарх в своем округе, – и халкидонский вселенский собор формально утвердил такое же право за патриархом константинопольским. Была попытка расширить значение Сардикийского правила. Уже в конце IV века приверженцы папской власти пытались присоединить его к правилам никейского собора. Но эта попытка была обличена на одном из карфагенских соборов, который по этому случаю сделал даже особенное постановление, вопреки Сардикийскому правилу, не переносить дел на апелляцию в Рим из северо-африканской церкви. Вообще нужно заметить, что предоставленное папе сардикийским собором право принимать апелляции от епископов, и пересматривать дела местных соборов, даже до X века, в самых западных церквях не было безусловно признаваемо, и против него часто спорили, в особенности епископы галльские, и в самой Италии медиоланские, равеннские, аквилейские, до тех пор, пока папское всевластие на западе Европы не подавило окончательно (уже в X и XI веке) самостоятельности местных церквей.

«Некоторые из римских императоров формальными узаконениями утверждали за папами преимущественные права над другими епископами и церквями. Так в 445 году западный император Валентиниан III, по случаю некоторых неурядиц в галликанской Церкви, сделал постановление, которым папам предоставлялось право иметь надзор над другими церквями, вызывать к себе на суд епископов других церквей, определениям папским усвоялась сила закона в церкви, и папе давалось имя правителя (Rector) Церкви. В начале 7-го столетия византийский военачальник Фока, безчеловечным образом умертвивший императора Маврикия со всем его

семейством, и занявший его престол, когда был за это отлучен от Церкви константинопольским патриархом Кириаком, а римский папа Бонифаций 3-й предложил ему снять это отлучение, в благодарность за расположение папское, с своей стороны дал папе грамоту, в которой только ему одному предпочтительно пред другими патриархами усвоялось титуло Вселенского (из за которого тогда спорили папы с константинопольскими патриархами), и даже наименовал его главою Церкви». Эти факты справедливы. Но без сомнения римско-католическим богословам не совсем удобно утверждать свой догмат о главенстве папы в церкви на указах императорских, и притом таких, как помянутые указы Валентиниана и Фоки³⁶. Указ Валентиниана 3-го, одного из последних и слабейших императоров западной римской империи (указ вызванный притом особенными обстоятельствами), мало мог иметь значения даже для епископов западных цервей, в особенности когда чрез несколько лет по издании этого указа западная римская империя совсем пала, – по отношению же к восточной Церкви этот указ не мог иметь никакого значения. Указ Фоки темь более не мог иметь никакого значения ни в восточной, ни в западной церкви, так как Фока был не законный император, а узурпатор и царе-убийца, насилием захвативший на некоторое время власть в свои руки, и затем казненный, как преступник, самым позорным образом. После его смерти, конечно, должны были потерять силу и все его незаконные постановления. Указ Фоки для исследователей истории папства представляет не опору для законного признания папской власти, а разве позорное свидетельство о том, как папы старались пользоваться самыми темными обстоятельствами и незаконными средствами для своего возвышения; этот указ одно из позорных пятен в истории папства.

«Когда некоторые из пап, во время ост-готского владычества над Италией, являлись в Константинополь послами от королей ост-готских, и потом, со временем Юстиниана, когда Италией управляли императорские наместники, и папы опять иногда должны были являться в

Константинополь с какими-либо ходатайствами за Италию, – в Константинополе от самых императоров византийских папам был оказываем особенный почет, – такой почет, какого императоры не оказывали никому из восточных патриархов, ни даже ближайшему ко двору константинопольскому у патриарху». Это также справедливо; но это не имеет никакого отношения к церковному главенству пап. Императоры византийские, не всегда с должным уважением относившиеся к зависевшим от них (в гражданском отношении) и мало имевшим политического влияния восточным патриархам, имели особенные основания быть более почтительными, иногда даже льстивыми по отношению к папе. Папа более всех восточных патриархов был независим по отношению к византийским императорам, не только во время самостоятельного существования западной римской империи или ост-готского владычества в Италии (в V и первой половине VI века), но и во время византийского управления в Италии (со второй половины VI до VIII века). Папы имели большое политическое влияние в Италии, а потом и вообще на западе Европы. Через них могли поддерживать там свое влияние и византийские императоры. Поэтому они имели особенные побуждения ласкать пап, даже льстить им. Папам делаемы были в Константинополе торжественные встречи и приемы, но не как верховным правителям церкви, а как представителям политического влияния в Италии. И все посольства и путешествия пап в Константинополе были предпринимаемы по гражданским делам, и к церковным делам не имели отношения. Иногда эти посольства даже совершенно не соответствовали церковным обязанностям пап, как напр. ост-готский царь Феодорик посылал в Константинополь папу Иоанна ходатайствовать за права ариан. На Церковь восточную, во время пребывания в Константинополе, папы не имели никакого влияния. Наконец бывали и такие случаи во время византийского управления в Италии в VII веке, когда иные императоры (напр. Констанс 2-й и Юстиниан 2-й) и их наместники расправлялись с папами не менее грубо и деспотично, как и с другими епископами, подпадавшими опале византийского двора. Это, конечно, не служит к нравственному

унижению папской власти, но показывает только, что придворные отношения императоров к папам никак не могут служить мерою или показателем церковного значения пап в рассматриваемое время.

Указывают наконец из истории смут церковных между IV и IX веками несколько частных фактов, свидетельствующих будто об особенном значении пап в церкви, показывающих будто бы, что папы тогда были и считались верховными решителями дел и примирителями смут церковных, защитниками угнетаемой правды, опорой колеблемого православия. «Так в IV веке, когда в защиту невинно изгнанного и преследуемого арианом императором Констанцием св. Афанасия Великого, восточные епископы не осмеливались возвысить своего голоса, его мужественно принял под свое покровительство и оправдал римский папа Юлий. Точно также в начале V века папа Иннокентий I-й сильнее всех возвысил свой голос в защиту невинно-преследуемого праведника св. Иоанна Златоустаго. Далее в V веке, в спорах несторианских и еutihанских, сами старейшие восточные епископы придают особенное значение папам. Св. Кирилл александрийский, узнав о ереси Нестория, почтительно уведомляет о том папу Целестина, прося содействия против еретика, и папа Целестин держит в Риме собор, на котором осуждает Нестория. При начале распрей между св. Флавианом константинопольским и еретиком Евихием, и тот и другой стараются склонить на свою сторону папу Льва Великого, и папа Лев пишет изложение веры, которое дает твердую опору истине против заблуждения, и которое самим вселенским халкидонским собором признается за образец чистаго православия. В половине VII века папа св. Мартин является твердою опорой православия против покровительствуемого императором Контантом 2 монофелитства. В VIII и IX веках во время гонений на православие от императоров иконоборцев, константинопольские защитники православия (напр. св. Феодор Студит) также ищут в Риме опоры для противодействия ереси». Все эти факты без сомнения делают честь римской кафедре и ее замечательнейшим представителям. Но не мало можно

указать и между представителями других кафедр (напр. константинопольской или александрийской) таких личностей, которые в известные времена являлись твердою опорой православия, защитниками угнетаемой справедливости, разрешителями и умирителями споров церковных. Разве имена свв. Афанасия и Кирилла александрийских, св. Григория Богослова, Иоанна Златоуста, или свв. Германа, Никифора, Тарасия константинопольских, св. Василия Великого кесарийского, св. Софрония, патриарха иерусалимского и многих других св. пастырей восточных можно в этом отношении поставить ниже имен напр. Юлия, Иннокентия, Целестина, и даже св. Льва Великого и Мартина? Все приведенные здесь факты из истории римской кафедры, взятые на расстоянии нескольких веков, показывают только, что и на римской кафедре, также, как и на других, являлись замечательная личности, имевшие в свое время большое влияние, заправлявшие важнейшими делами в Церкви, но не показывают, чтобы сама по себе римская кафедра, во все продолжение времени между IV и IX веками, имела какое-либо главенство во всей Церкви. Притом, чтобы каждый из этих фактов можно было понять и объяснить вполне безпристрастно и точно, нужно рассматривать их в связи с другими фактами, имеющими к ним ближайшее отношение, в связи с теми условиями и обстоятельствами времени среди которых эти факты совершались; тогда эти факты представятся не в том свете, в каком угодно выставлять их римско-католическим ученым. Папе Юлию, конечно, делает честь то, что он защищал св. Афанасия Великого в то время, как восточные епископы то смели возвысить свой голос за него; но, независимо от твердого православного убеждения Юлия, нужно принять во внимание в то, что ему и вообще западным епископам в то время было гораздо удобнее, нежели восточным, стоять за православие и за Афанасия, потому что западные епископы находились под владычеством западного императора Констанса, приверженного к православию и лично расположенного к Афанасию, а восточные епископы, под деспотическою властью арианина Констанция, преследователя Афанасия и всех православных.

Когда переменялись обстоятельства, когда Констанций, по смерти брата, сделался единодержавным обладателем всей римской империи, – и яз западных епископов, по слабости человеческой, многие поколебались, и отступились от Афанасия даже такие пастыри, как преемник Юлия, Либерий, папа римский, и муж испытанной твердости убеждений и высокой нравственности, престарелый Осия кардотский. Точно также Иннокентию 1-му было гораздо свободнее, нежели кому-либо из восточных епископов, протестовать против несправедливого изгнания св. Златоуста, – потому что он жил во владениях западного императора Гонория, также возмущенного ссылкой Златоуста, а не восточного Аркадия, по влиянию жены своей изгонявшего Златоуста. Вообще нельзя не согласиться с тем, что в отношениях к императорам византийским римские епископы могли держаться самостоятельнее восточники епископов, – но не потому, чтобы им принадлежал какой-либо верховный неприкосновенный авторитет в Церкви, а потому, что в политическом отношении они стояли к императорам более независимо во все продолжение времени между 4-м и 9-м веками, не исключая даже и того времени, когда Италия (со времен Юстиниана до Льва Исаврийского) находилась под управлением византийских наместников; императоры, как мы заметили, в иных случаях, даже имели побуждения заискивать расположения папы, – опять повторим – не ради его церковного авторитета, а ради его политического влияния... Указанные выше факты из истории смут несторианских и монофизитских также не служат подтверждением мысли о главенстве папы. Св. Кирилл александрийский извещал папу Целестина (и не его одного) о ереси Нестория, а св. Флавиан константинопольский папу Льва Великого о ереси Евтихия, не как подчиненные верховных начальников и судей, а как братья братьев в сослужителей, пожалуй старейших – почетнейших, во не более того. Таков был общий обычай между древними пастырями – извещать друг друга об опасностях, возникавших в Церкви. И приговор папы Целестина во делу Нестория, положенный на римском соборе, и Льва Великого во делу Евтихия, при всей их справедливости, не были приняты за окончательные решения

дела (следовательно суд папы не считался высшею инстанцией в делах церковных). Для окончательного суда над Несторием созван вселенский собор ефесский, а для суда над Евтихием вселенский собор халкидонский (следовательно суд вселенских соборов был выше суда папского, что несомненно и изъ других вышеприведенных фатовъ). Во время смут монофелитских, при императоре Констансе, папа Марунит между всеми епископами явился самою твердою опорою православия; но еще ранее его был таким же твердым защитником православия против монофелитства св. Софроний, патриарх иерусалимский, – и вместе с св. Мартином не менее твердым защитником православия св. Максим исповедник, даже не епископ. Следовательно и этот факт, несомненно служащий к похвале св. Мартина, не имеет значения для возвеличения идее папства. Во время смут иконоборческих папы: Григорий 2-й, Григорий 3-й и их преемники смело протестовали против насильственных действий императоров-иконоборцев. И это нисколько не удивительно. Насильственные и возмутительные действия императоров-иконоборцев вызывали смелых обличителей в самом Константинополе между ближайшими подданными этих императоров, которых жизнь зависела от их воли, и которые, действительно, платились тяжкими страданиями и самою жизнью за свои смелые обличения. Папам же в то время протестовать против императоров византийских было гораздо свободнее. Они уже не были подданными византийскими; с Григория 2-го они отложились от Византии. Папы сильны были своим влиянием на западе; они закрепили свое положение союзом с сильными правителями Франции, карловингами, в лице которых они прямо указывали себе крепких защитников в ответ на угрозы двора византийского. В самом народе папы на западе не имели против себя такой сильной партии противников иконопочитания, какая была на востоке. Папы очень хорошо знали, что их смелый протест против императоров – иконоборцев будет сочувственно поддержан итальянским народом, – тем более, что этот протест имел не религиозное только, а едва ли не главным образом политическое значение. Папа Григорий 2-й, начавший этот

протест имел в виду, не только обличить иконоборческое нечестие Льва Исаврянина, но и возбудить народ итальянский к свержению давно уже тяготившего его византийского господства, – что ему и удалось сделать. Таким образом смелые действия пап во время смут иконоборческих имеют даже, может быть, не столько церковное, сколько политическое значение. Не удивительно и то что эти смелые действия вызывали восторженное сочувствие во многих константинопольских противниках иконоборчества. Скажем более, неудивительно, если в эти времена, ко 2-й половине 9-го века начала образовываться в Константинополе, и между людьми весьма благонамеренными, хотя может быть и не очень дальновидными, партия особенно расположенная к папству. В виду возмутительных насилий, нередко в это время угнетавших церковь константинопольскую со стороны государственной власти, с другой стороны в виду того высокого положения, какого достигла на западе папская власть, в это время уже не только сделавшаяся независимой от государственной власти, во и сама начинающая заявлять стремления к преобладанию над государственной властью, – неудивительно, если в Константинополе некоторые из благонамеренных ревнителей православия и независимости церковной начинали склоняться к той мысли, чтобы утвердить в Риме опору и для самостоятельности восточной церкви, власть папскую противопоставит власти государственной. Эта зараждавшаяся партия, кажется, главным образом образовывалась в знаменитом Студийском монастыре, бывшем тогда главною твердынею православия и противодействия власти государственной, угнетавшей самостоятельность церковную. Отсюда то, в половине 9-го века, и вышла большая часть тех приверженцев низверженного патриарха Игнатия, которые в Риме искали суда на Варду и Фотия, и между которыми были несомненно личности весьма почтенные, видевшие в борьбе между партиями патриархов Игнатия и Фотия, борьбу самостоятельности церковной против деспотизма государственных и придворных влияний, но не совсем правильно понимавшие положение дела, и имевшие

неправильные понятия о безкорыстии папского покровительства и суда. Тем не менее в Константинополе и на всем востоке, в то время, как и всегда, далеки были от того, чтобы признанием папского главенства, на месте деспотизма государственного, по временам стеснявшего внешнюю свободу церкви, закреплять надъ собою самодержавно иерархический деспотизм папский, угрожавший подавить самую внутреннюю свободу церкви, как она подавлена была впоследствии на западе. Что константинопольская и вся восточная церковь была далека от этого, – это доказывает вся дальнейшая история восточной церкви. Конечно, не патриарх Фотий удержал или отклонил восточную церковь от признания главенства папы, будто бы уже утвердившагося или готового утвердиться в ней. Такое предположение не имеет исторического смысла; личность Фотия, как бы она не была сильна и влиятельна, не могла бы отвлечь восточную церковь от подчинения папе, если в ней было расположение к тому. Но в том то и дело, что в восточной церкви, свято хранившей древния церковные предания и оберегавшейся от всяких человеческих измышлений, вовсе не было тех идей и расположений в пользу папств, какие к 9-му веку стали распространяться в западной церкви, начинавшей уклоняться от древнего строя вселенско-церковной жизни. Патриарх Фотий в отрицании папских притязаний был только представителем древних преданий восточной и всей вселенской церкви, – и в том его существенная заслуга и величие в истории восточной и всей вселенской церкви³⁷.

VI. Рассмотрение свидетельств в пользу папской власти, заимствуемых из писаний древних церковных учителей и из богослужебных книг православной церкви

Не имея возможности точным представлением исторических фактов оправдать свою мысль о признании главенства папы в древней Церкви, римско-католические ученые стараются, по крайней мере, укрепить ее свидетельствами отдельных личностей, имевших значение в древней Церкви. Для этого они выискивают у древних писателей различных веков – преимущественно у писателей западных – отдельные фразы и отзывы, в которых высказываются уважение и похвала апостолу Петру, как первоверховному апостолу, или римской Церкви, как знаменитейшей между церквами, или какому-либо папе, как первенствующему епископу в христианском мире; в каждом из этих отрывочных выражений католические ученые стараются представить неопровержимое свидетельство в пользу той мысли, что за папою признаваема была верховная власть в древней церкви. Таких свидетельств приводится очень много. Смысл их тщательно разобран многими православными писателями греческими и русскими; неоднократно было доказано, что эти свидетельства имеют совсем другой смысл, а не тот, какой придается им в римском богословии. Тем не менее добросовестность римско-католической науки не смущается и доселе, в пользу предзанятой мысли, пользоваться такими аргументами, несостоятельность которых с очевидностью доказана; и доселе многими католическими учеными в яодтверждение догмата о главенстве папы приводятся такие свидетельства, которые многократно были опровергнуты восточными нолемистами. В кратком очерке католического учения нам нет возможности разсмартрвать подробно эти свидетельства. Достаточно указать те общие приемы, посредством которых римско-католические ученые стараются обращать их в пользу своей предзанятой мысли. Вообще эти

свидетельства приводятся отрывочно, вне связи с полным смыслом речи, из которой заимствуются, с натянутыми и преувеличенными объяснениями, нередко с искажением смысла, с опущением подлинных и вставкою неподлинных слов; иногда даже известным древним писателям приписываются такие мысли и выражения, каких нигде не были ими высказываемы. Все это с достаточною очевидностию в разные времена было раскрываемо православными учеными. При подобном способе доказательств, конечно, можно доказать, какую угодно мысль. Нужно притом заметить, что большая часть свидетельств в пользу главенства папы заимствуется римскими богословами у писателей западных церквей, в которых издавна было распространено особенное уважение к римской Церкви, как Церкви знаменитейшей и не имеющей себе равной на всем Западе (но имеющей несколько равных себе на Востоке), как к матери большей части западных Церквей (но не имеющей такого, значения по отношению к восточным церквам). Нельзя, наконец не подивиться тому, что римско-католические ученые не смущаются приводить свидетельства в подтверждение верховной власти пап и из таких писателей, о которых известно, что они горячо боролись, против притязаний папства на верховную власть, даже из таких сочинений их, которые прямо писаны были против подобных притязаний (напр. из писем св. Киприана карфагенского в Фирмилиана каппадокийского, писанных против превозношения папы Стефана). Приверженцам догмата о главенстве папы достаточно встретить у какого-либо древнего писателя самую незначительную фразу, с выражением похвалы или уважения об апостоле Петре, или о римской церкви, или о ком-либо из древних достойных уважения пап, чтобы вывести из такой фразы признание главенства папы во всей древней Церкви. Повторяем, подобным способом доказательств можно доказать какую угодно мысль.

Напрасно римско-католические ученые мало обращают внимания на свидетельства, другого рода, из которых можно бы было видеть, что в древней Церкви не было и не могло быть признания одной какой-нибудь верховной главы, что там

тщательно предупреждались всякия попытки к преобладанию над церковью, что восточные Церкви вели свои дела совершенно независимо от Церкви римской, и многие западные епископы в своих округах считали себя такими же самостоятельными правителями Церкви, как и римский папа. Таких свидетельств, в которых бы или буквально выражались, или ясно видны были эти положения, у древних писателей не только восточных, но и западных, можно найти много. Блаженный Иероним, один из самых уважаемых западных писателей конца IV века, говорил: «если рассуждать об авторитете (церковном), то мир больше Рима. Где бы ни был епископ – в Риме или на Дону, или в Евгубии (Eugubium одно из незнатных епископств в Италии, недалеко от Рима), он имеет тоже достоинство, тоже священство. Огромное богатство и смиренное убожество не делают епископа ни высшим, ни нисшим. Все они равно преемники апостолов». Когда во второй половине шестого века константинопольские патриархи, по воле императора и епископов восточных, стали усвоить себе наименование вселенских патриархов, хотя это наименование было только почетным титулом и вовсе не выражало стремления подчинить одной кафедре всю вселенскую Церковь, папы римские первые восстали против этого наименования, находя в нем безрассудную гордость, оскорбление прав других епископов, угнетение свободы церковной, опасность для самой веры. Вот как рассуждал об этом тогдашний папа – знаменитейший из римских пап – св. Григорий Великий: «Этою безрассудною надменностию возмущается мир всей Церкви, оскорбляется благодать, сообщенная другим епископам. Никто из апостолов, никто из святых не хотел называться вселенским; все они принадлежат к телу Господню, состоят в числе членов Церкви... Если вселенским назовется один патриарх, у прочих отнимется имя патриарха. Но этого не должно быть! Прочь от мысли христианской чье бы то ни было желание усвоить себе то, чем умаляется в каком-нибудь отношении честь собратий... Убоимся быть причисленными к тем, которые любят «предвозлежания на пиршествах и председания на синодогах, и приветствия в народных собраниях и чтоб люди звали их:

учитель, учитель! Христос сказал: «Вы не называйтесь учителями; один у вас учитель Христос; вы же все братья... Кто хочет между вами быть первым, пусть будет вам рабом». Никого и никогда не должно называть вселенским, чтобы себя не лишить должного, когда другому усвоятся не должное. И никто не должен принимать этого названия, ни соглашаться на него. Но, как подобает служителям Бога всемогущего, каждый пусть хранит себя от этой ядовитой заразы, и не восхищает себе места коварного обольстителя, ибо оно наносит обиду, ведет к разрыву всей Церкви, соединено с презрением ко всем. Если называющийся вселенским впадет в заблуждение, то уже не найдется ни одного епископа, стоящего в правде; если один вселенский, то прочие не епископы; если одного епископа назвать вселенским, при падении этого единого падет вся Церковь. Я смело говорю: кто называет себя, или желает, чтоб другие называли его вселенским святителем, тот превозношением своим предшествует антихристу, надменно поставляя себя выше прочих. Как тот сын погибельный хочет показаться Богом над всеми людьми, так и этот; кто бы он ни был, желающий называться единственным святителем, возносится над прочими святителями». Какое ясное и сильное опровержение всех папских притязаний от лица знаменитейшаго из пап³⁸!

Есть еще оригинальный прием аргументации посредством которого приверженцы догмата о главенстве папы стараются доказать, будто не только древняя вселенская Церковь признавала, но и нынешняя восточная Церковь, хотя сама того не признавая, исповедует этот догмат. Доказательства на это они находят в богослужебных книгах православной восточной Церкви. В наших богослужебных книгах – в службах апостолу Петру и тем из древних пап римских, которые и западную и восточную Церковь признаются святыми – например св. Клименту, Сильвестру, Льву Великому, Григорию Двоеслову, св. Мартину, встречаются похвальные выражения такого рода: св. Петр называется основанием, похвалою, утверждением церкви, камнем веры, ключарем небесного царствия, первым верховным апостолом; св. Климент – твердынею церкви,

столпом благочестия, преемником престола Петрова, св. Лев – столпом православия, твердым основанием веры, старейшиною верховного собора, наследником престола Петрова, светильником вселенной и т. д., Конечно все подобные выражения никакого особенного догматического значения не имеют, и ничего другого не доказывают, кроме усердия Церкви к прославлению памяти св. людей, бывших ее славой при жизни. Выражения, подобные тем, которыми Церковь ублажает память св. апостола Петра, находятся и в службах другим апостолам. Точно также меньшими, а в иных случаях еще и большими похвалами, нежели каковые находятся в службах св. Клименту римскому, Льву и Григорию Великим, Церковь ублажает и многих других – восточных св. отцев. А трех известных св. учителей 4-го века – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого православная Церковь не в отдельных только службах, составленных в честь их, но почти на всех службах своих ублажает, как великих иерархов, вселенских учителей и святителей. Из этого однакоже вовсе не следует, что бы эти великие иерархи были какими-либо главами над другими иерархами, и чтобы им приписывалась полнота учения и святительства для всей вселенской Церкви (как сосредоточивается она, по учению римского богословия, в папе). Тем менее кому-либо могло бы прийти на мысль утверждать такие права за самыми местами их служения – за кафедрою кесарийскою, на которой святительствовал св. Василий великий, и константинопольскою, где восседали Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Между тем приверженцы папства из вышеприведенных и подобных им похвальных выражений об апостоле Петре и св. папах Клименте, Льве, Григорие, Мартине, делают именно такое заключение, будто наша Церковь признавала и признает апостола Петра князем апостолов, и пап главами Церкви.. По истине оригинальный способ заключения! Без сомнения, самой восточной Церкви и ее чадам лучше, чем кому бы то ни было, знать, что признает, и во что верит восточная Церковь. И, конечно, никто не уверит нас в том, будто мы признаем папу главою Церкви, когда мы слишком далеки от такого признания.... Нужно сказать, что этот

замечательный способ доказательства в пользу папской идеи изобретен и употребляется в дело не столько истыми римско-католическими учеными, из которых едва ли кто когда и изучал наши богослужebные книги, сколько теми отступниками от православия, которые, сделавшись приверженцами папства, стараются и самих себя и других уверить, что они не изменили учению восточной Церкви. Первоначально этот способ доказательства был пущен в ход во время распространения унии в юго-западной России. Пропагандисты униатства, рассчитывая на невежество русских, старались уверить их, будто учение римской Церкви в самом главном догмате своем о папской власти не противоречит учению восточной Церкви. Однакоже эта фальшивая попытка уже и в те времена была обличена православными русскими богословами – Захариєю Копыстенским, потом Стефаном Яворским и др. В наши времена этот фальшивый способ доказательства папской идеи вновь пущен был в ход теми отступниками от православия из русских, которые сами сделавшись иезуитами, возмечтали и всю Русь сделать католическою. И в наше время многие русские богословы должны были взять на себя терпеливый труд опровергать эту пустую и недобросовестную выходку, прикрывающуюся видом ученой аргументами.

VII. Справедливо ли говорят римские богословы, будто папская власть служит необходимым условием самого существования церкви, – будто без папской власти не может поддерживаться единство и самостоятельность церкви, – ни сохраняться в ней чистота православного учения

Кроме доказательств фактических, заимствуемых из истории евангельской и апостольской и истории древней вселенской Церкви, приверженцы папства стараются подкрепить свой догмат о папской власти разными общими соображениями софистического характера. «Признание главенства папы, говорят, необходимо вытекает из самой идеи Церкви; им обуславливается существование Церкви; без папской власти Церковь не могла бы сохранять свою самостоятельность; без папской власти не могла бы сохраняться чистым и непоколебимым самое учение церкви; папская власть дает правильное, живое развитие всей духовной жизни Церкви». Все эти софизмы также фальшивы и слабы, как и исторические доказательства, приводимые в пользу папской власти.

1) «Признание главенства папы необходимо вытекает из самой идеи Церкви; им обуславливается существование Церкви. Всякий живой организм, всякое благоустроенное общество имеет свою главу. Необходимо должна иметь свою главу и Церковь. Без такой главы невозможно существование Церкви, как невозможно без главы существовать никакому, живому организму». Но у Церкви христианской есть единая Божественная вечная глава, дающая ей жизнь, разум и благоустройство, – без которой Церковь действительно не могла бы жить и производить плоды духовного развития, как не могут жить и приносить плодов ветви, отделенные от виноградной лозы. (Иоан. гл. XV). Эта глава – Сам Господь Иисус Христос, стяжавший Церковь честною кровию Своею, – единый небесный Жених единой непорочной невесты (Ефес. гл. 5). Иисус Христос

никогда не оставляет Свою Церковь, но непрестанно, по обетованию своему, пребывает с нею до скончания века. Поэтому Церковь, находясь в непрестанном живом союзе с своим небесным Женихом, не может знать никакого другого жениха; – находясь под управлением единой Божественной главы, не может иметь никакой другой главы, и не нуждается ни в каком видимом наместнике или представителе главенства Христова над нею. Понятие о двух главах противоречить понятию о единой Церкви; признание наместника или представителя Христовой власти над церковью возможно было бы тогда, когда бы Христос не находился в живом союзе с церковью и не управлял ею сам. Да и никто из смертных людей не может стоять как бы наряду с победителем смерти – не только как другая самостоятельная глава Церкви, но я как видимый представитель или наместник невидимой главы – Христа. Никто из слабых и ограниченных людей не может быть представителем или наместником всемогущего и всесовершенного Бога, как в управлении всем миром Божиим, так и в управлении церковью Божиею. Церковь: есть тело Божественное, у ней не может быть глава человеческая. Церковь свята и непорочна у ней не может быть глава подверженная слабостям и порокам. Церковь вечна; у ней не может быть главою смертный человек, у которого предел жизни семьдесят лет, и еще в силах, восемьдесят лет. Церковь обнимает собою верующих людей всех веков, живых и отшедших из мира сего – величайших праведников, св. апостолов, мучеников, высоких подвижников и учителей христианского мира. Может ли быть главою ее человек, по природе своей не стоящий выше условий земного существования, по разуму и нравственным качествам не превосходящий самих высоких святых учителей и подвижников христианских? Римские католики, чтобы представить своего папу достойным божественного наименования главы Церкви, и на самом деле приписывают ему божественные свойства. Они желают признать за ним божественное свойство непогрешимости, божественную власть над судьбою мира загробного (чистилища), – и желали бы усвоить ему

божественное полновластие и всемогущество в мире земном. Но разве это не есть очевидная ложь, и даже более возмутительная хула? Разве это не есть своего рода идолопоклонство – приписывая человеку божественные свойства, божественную власть и почесть, – и таким образом обоготворять человека?... Разве не знают все, что папы – такие же, как и другие, простые люди, подверженные человеческим слабостям, что между ними бывали люди высокого ума и высокой жизни, бывали и самые обыкновенные люди, бывали и такие, которые своею жизнью позорили не только папский престол, но и самое человеческое достоинство. История рассказывает нам, что на престоле римском бывали папы еретики, явно заблуждавшиеся в учении веры (например еще в древней Церкви Каллист, обличенный в гностицизм св. Ипполитом, Гонорий осужденный за монофелитство 6 вселенским собором, – в средних веках Иоаким XXII, неоднократно уличаемый в заблуждениях самими же католическими богословами; самого Григория VII, зиждителя папского могущества, многие подозревали в шаткости догматических убеждений, в склонности к учению Беренгара, осужденному самою западною церковью); бывали папы совершенные безбожники, отвергавшие самые основные начала христианства и всякой религии (напр. Иоанн XII, клявшийся именами дьявола и языческих богов, и совершавший церковные службы в конюшне, – Иоанн XXIII, которого на констанском соборе обвиняли в отрицании бессмертия души, – Лев X, называвший жизнь Христа и христианство прибыльною для духовенства сказкою); бывали папами злодеи убийцы (из упомянутых уже Иоанн XII, убивший многих своих церковных служителей, Иоанн XXIII, отравивший своего предшественника, бывший прежде предводителем разбойнической шайки, и на престоле папском обращавшийся иногда к услугам своих прежних товарищей, Александр VI Борджия – чудовище злодейства, и другие папы, умерщвлявшие между прочим своих предшественников), бывали папами безстыдные развратники, и поощрявшие разврат (целые ряды пап преимущественно из 10, 14 и 15 веков), гнусные корыстолюбцы, готовые торговать всем

святым (опять целые ряды пап 10, 11, 14, 15, 16 веков); едва ли небольшая часть пап средних и позднейших веков были честолюбцы, деспоты, политические интриганы и т. д. Ужели же не есть постыдное безумие и возмутительная хула – таких личностей почитать непогрешимыми Божиими наместниками и представителями, главами Церкви, не имущей скверны или порока?...

2) «Без папской власти не может поддерживаться единство в церкви. Верховный папский авторитет есть высшее средоточие, живой символ, живое выражение церковного единства. Каким образом можно представить единою церковь, не имеющую высшего средоточия власти, разделенную между несколькими, не зависящими один от другого правителями? А единство, по общему христианскому верованию, составляет одно из существеннейших свойств, церкви. Церковь христианская распространена по всем мире, состоит из множества различных по своим природным особенностям племен и народностей. Верховный авторитет папский, служащий средоточием правительственной деятельности всех других церковных властей, может поддерживать в единстве и порядке все эти разнохарактерные части христианского мира. С отрицанием власти папской, с уничтожением централизации иерархической, поддерживаемой одним высшим церковным правителем, церковь должна распасться на секты; в ней появится множество ересей и расколов». Так рассуждают защитники папской власти. Но нельзя не заметить в таких рассуждениях слишком внешнего, можно сказать грубо материального понятия о единстве церковном и вообще о церкви. Как будто единство церкви ни в чем ином не может выражаться, как только в подчинении всего христианского мира одному высшему внешнему авторитету, и ничем другим не может поддерживаться, как только строжайшей централизацией иерархии церковной?.. Но и в устройстве земных государств одно подчинение внешнему авторитету и централизация правительственная далеко не считаются главным и даже единственным условием государственного или общественного единства; если же считаются где, то разве

только там, где в обществе недостает более крепких нравственных связей, или где мало верить в них, а верят только в одну внешнюю силу. Но в церкви христианской – духовном царстве Божиим, помимо внешнего иерархического надзора и управления, есть много других, более крепких нравственных связей. Единение духа – единство веры, надежды и любви, единство убеждений, высших чаяний; основных начал христианской жизни, основных правил церковного благоустройства, единство стремления, интересов и целей, братское единодушие, взаимная любовь друг к другу – разве такое внутреннее единство само по себе не выше того наружного единства, которое выражается только в повиновении всех одной верховной власти? И если церкви непременно нужен внешний символ – внешнее выражение внутреннего единства, разве вселенский собор, как самое полное, живое и свободное проявление внутреннего единомыслия и единодушия в церкви, распространенной в разных концах мира, не есть гораздо высшее выражение церковного единства, чем самая строгая внешняя централизация иерархическая? Признание папской власти в сущности, как мы уже заметили, противоречит идее церковного единства. Каким образом у единой церкви признаются две главы – одна невидимая, но тем не менее непрестанно пребывающая с церковью в живомъ союзе – Христос, другая видимая, внешним образом управляющая церковью – папа?.. История же римской церкви представляет нам не мало таких случаев, когда на престоле папском появились одновременно по две и по три личности, какъ бывало неоднократно в 11 и 12 веках, как было почти в продолжение сорока лет сряду, в конце 14 и начале 15 веков (1379 – 1417 гг.). (Как согласить такие случаи с идеею даже внешнего единства церкви с католической точки зрения? Не последовательно ли, с католической точки зрения, во времена расколов в западной церкви некоторые искренние католики приходили к такой мысли, что церковь римская представляет собою не апокалипсическую невесту – Агнца, а двуглавого дракона? Римские богословы на это недоразумение дают такой ответ, что и во времена расколов церковных на апостольском престоле всегда был только один

истинный папа, другой же называвшийся папою был самозванец; таким образом понятие о единстве церкви могло оставаться твердым. Но разве это не есть жалкий софизм? Могли ли бы самые римско-католические богословы разъяснить, кого напр. во времена так называемого великого раскола, бывшего в западной церкви, можно было считать единым истинным папою – Урбана VI или Климента VII, Бонифация IX или Бенедикта XIII? Как римских, так и авиньонских пап в то время не только отдельные личности и партии, но целые страны и церкви, признаваемые истинно католическими, а не схизматическими, искренно почитали за истинных пап; и таким образом в римско-католической церкви было две видимых главы. Какая же из них была истинная?.. Если от этих общих рассуждений перейдем к исторической проверке той мысли, будто папскою властью церковь предохраняется от распадений и расколов, эта мысль также представится совершенно несостоятельною. Сравним судьбу восточной и западной церкви – со времени их разделения с 10 или 11 века: где более за это время появлялось ересей и расколов – в той ли части христианского мира, которая не признает папского главенства, или в той, которая признает его? В восточной части христианского мира, – при всех неприятных условиях ее исторической судьбы, при внешней разобщенности православных восточных племен, иногда доходившей до того, что некоторые из них по несколько веков не имели сношения с другими, при политическом порабощении многих православных восточных стран неверному владычеству, при отсутствии средоточных пунктов и удобных средств к взаимным сношениям между восточными поместными церквами в продолжении всех минувших, тяжелых для православного востока, веков сохранялось и доселе сохраняется более единства в учении веры, устройстве церковном, в самых обрядах богослужения, нежели в западной церкви, при всех ее великих заботах и усиленных мерах к соблюдению единообразия церковного, при всей строгой централизации ее иерархического управления, при всей преданности папскому авторитету, при всем единодушии и ревности к соблюдению церковных или по крайней мере

иерархических интересов в многочисленном и строго дисциплинированном западном духовенстве и монашестве. Значит, без папской власти лучше поддерживалось церковное единство, нежели под ее управлением³⁹. Тот же вывод дает нам история западной церкви, если будем рассматривать ее без отношения к восточной. До времен Николая I или даже Гильдебранда, т. е. до времен полного развития папской власти на западе, там изрядно крепче держалось церковное единство, гораздо меньше появлялось еретических и раскольнических партий, нежели после Николая I и Григория VII. Этого не может отрицать никакая история, хотя бы обработанная в самом крайнем ультрамонтанском духе. И еще мало того, что в западной церкви при развитии папской власти стало больше появляться ересей и расколов; самая история возникновения этих ересей и расколов, и их характер, их направление показывают, что большая часть их появлялась именно вследствие крайнего развития папской власти. Большая часть средневековых западных сект – катары, валденсы, альбигойцы, лолларды, гусситы и позднейшие протестантские секты распространялись и усиливались на западе, именно как реакция или оппозиция против папского деспотизма. Главный пункт, с которого у западных сектантов начиналось отпадение от церкви, было отрицание папской власти – духовной и светской... И доныне в Римско-католической церкви абсолютизм папский служить главной причиной, под влиянием которой в отдельных личностях и целых странах западных образуется и укрепляется религиозное охлаждение, вольнодумство, озлобление против церковного авторитета, от времени до времени обнаруживающееся и открытыми отпадениями от церкви. И это неудивительно. Там, где к живому организму церкви приставляется брэнная гнилая глава, гнилость ее производит разрушительное действие во всем организме. Там, где личность человеческая облекается правами и свойствами авторитета божественного, давление такого авторитета становится невыносимым для других личностей. Там, где единство и порядок между членами общества поддерживаются только рабским подчинением всех одному внешнему авторитету,

стесняется свободное развитие личностей, и является естественный протест против этого авторитета. Явно таким образом, что папство в западном христианстве не скрепляет – не объединяет, но разрушает организм церковный, как вредный нарост, как заразительная болезнь, разрушительные действия которой, хотя не всегда бывают заметны непосредственно, но тем не менее постоянны и злокачественны. И эти разрушительные действия до тех пор не потеряют своего влияния в римско-католическом мире, пока духовная власть папы не войдет в свои нормальные пределы (т. е. не сделается обычною властью старейшего епископа), а светская власть, не соответствующая духу пастырского служения, совсем не уничтожится.

3) «Папская власть служит опорой церковной самостоятельности. Жизнь церкви только тогда может развиваться свободно и независимо, не подчиняясь чуждым влияниям, когда у церкви есть глава, свой верховный правитель, могущий отстаивать ее самостоятельность против всяких внешних притязаний и стеснений. Когда у церкви нет своей главы – своего высшего авторитета, церковь неизбежно подчиняется внешним влияниям и стеснениям. Где нет папизма, там, по выражению новейших католических ученых, господствует цезаропапизм, т.е. где папа не признается главою церкви, там церковь подпадает в зависимость от государственной власти. Это подтверждается примерами истории. Римско-католическая церковь, находясь под покровом папской власти, всегда сохраняла свою самостоятельность, не подчинялась влиянию государственной власти; в цветущие времена своей истории она успевала даже подчинять себе самую государственную власть; в неблагоприятные времена в самых затруднительных обстоятельствах она умеет охранять себя, оставаясь как бы самостоятельным государством внутри всякого государства, относящегося к ней не совсем благоприятно, и не допуская государственную власть вмешиваться в ее внутренние церковные дела. С другой стороны история восточных церквей древней византийской, нынешней русской (не говоря уже о церквях, поработанных

магометанскому господству), – также история протестантских обществ в Англии, Германии и других местах представляет частые примеры вмешательства государственной власти в церковные дела – господства государства над церковью». Для правильного разяснения таких воззрений, значительно распространенных и не в одном католическом мире, прежде всего нужно различать в понятии о церковной самостоятельности две стороны – внутреннюю и внешнюю, нередко смешиваемые между собою. Внутренняя самостоятельность церкви проявляется в ее твердости – хранить неприкосновенными свое учение веры, евою внутренний строй, своя нравственные стремления. Внешняя же самостоятельность церковная может определяться более или менее свободным положением, большими или меньшими правами, большим или меньшим политическим влиянием, какими она, как внешнее общество по внешнему своему положению, пользуется в известном государстве. На внутреннюю самостоятельность церкви не может иметь влияния никакая внешняя сила; она не подчиняется переменчивым условиям исторической жизни; она может оставаться твердою и неприкосновенною, при самых неблагоприятных условиях внешнего положения церкви. Внешняя же самостоятельность церкви зависит от внешних исторических условий, от тех идей и отношений, какия в известную историческую эпоху устанавливаются по отношению к церкви в известных государствах. Внутренняя и внешняя самостоятельность церкви не всегда необходимо развиваются одна при другой, но иногда даже находятся в обратном отношении одна к другой. Иногда бывает так, что чем лучше внешнее положение церкви, чем большим политическим влиянием она пользуется, тем слабее бывают ее нравственные силы, и на оборот. Никогда христианская Церковь не находилась по внешности в таком бедственном, в таком стесненном положении, как в первые века христианской истории, – и никогда нравственная жизнь церкви – твердость ее убеждений, чистота стремлений, крепость внутренней связи ее членов между собою, не обнаруживалась в таких высоких проявлениях, как именно в первые века

христианства.... Не совсем добросовестно поэтому кому бы то ни было упрекать восточную Церковь в том, что она не имела и не имеет такого сильного политического могущества и влияния, каким пользовалась западная Церковь в средние века, – что восточная Церковь по внешнему своему положению находилась иногда в тяжелой зависимости от государственной власти. В том не вина восточной Церкви, что она не имела таких благоприятных условий для внешнего возвышения, какие имела западная Церковь. В том даже заслуга и честь восточной Церкви, что она, оставаясь верною своему духовному призванию, не старалась так, как западная Церковь, о своем политическом возвышении, не употребляла для этого незаконных средств, подобных тем, какие употреблялись на западе в средние века, но, в смиренной преданности воле Божией, старалась посильно совершать дело своего призвания при благоприятных и неблагоприятных политических обстоятельствах. Главное дело в том, что восточная Церковь, и при самых неблагоприятных условиях своего внешнего положения – и при незаконном вмешательстве государственной власти в церковные дела (примеров которому не мало встречается преимущественно в византийской истории, и под тяжким игом магометанским) в продолжении многих веков сохраняла свое учение веры, свой порядок церковный, свои нравственные начала в большей чистоте и неприкосновенности, нежели западная Церковь, при самых лучших условиях своего внешнего политического положения. Значит внутренней крепости и самостоятельности в восточной Церкви было больше, нежели в западной, не смотря на то, что внешняя самостоятельность церкви на востоке кажется более подавленной, нежели на западе... Нужно притом заметить, что самое подавление внешней самостоятельности в восточной Церкви – древней византийской и русской представляется западными писателями в слишком преувеличенном виде. На западе несправедливо думают, что в восточной Церкви государственная власть имеет полновластное значение, может все сделать – не только дать или отнять у церкви известные привилегии, назначить или сменить какого-либо иерарха, так

или иначе определить внешние отношения главного вероисповедания в государстве к другим исповеданиям, дать такому или другому закону церковному известное гражданское значение, но даже изменить внутренний канонический порядок церковный, переменить, еслибы того захотелось государственной власти, какой-либо догмат, соединить, например, православную Церковь с католическою или протестантскою путем договоров и мер государственных и т. п. Такой взгляд есть взгляд ложный; в нем сказывается именно грубое непонимание возможности представить себе внутреннюю самостоятельность церковную, независимо от условий ее внешнего положения⁴⁰. История не подтверждает такого взгляда, а представляет факты противные ему. Что касается до истории русской, то она не представляет даже ни одного примера, чтобы кто либо из законных государей русских захотел посягнуть на внутреннюю свободу Церкви – на неприкосновенность ее догматов и канонов. Только однажды в русском народе было подозрение относительно этого на незаконного обладателя престола Лже-Димитрия I, обещавшагося иезуитам ввести католицизм в России. И это подозрение главным образом стоило Лже-Димитрию лишения престола и жизни – не по намеренному подстрекательству представителей Церкви, а вследствие возбуждения самого народного духа. Самый самодержавный и наиболее властительно и свободно относившийся к внешнему положению церкви русский государь, Петр I, устранял себя от вмешательства во внутренние дела церковной жизни. В ответ на предложение о соединении церквей льстившим ему Сорбонским богословам Петр сказал, что это дело не его, а представителей Церкви. Византийская история представляет не мало случаев вмешательства государственной власти во внутренние дела Церкви – в решение самых высших вопросов совести, в определение догматов веры. Но за то она же представляет и целый ряд твердых, свободных протестов против такого незаконного вмешательства, – протестов, никогда не допускаявших государственную власть решить по своему произволу такой или другой церковный вопрос, вопреки

древним преданиям веры и внутреннему праву церкви, -протестов, показывающих, что в византийской церкви никогда не изсякала нравственная сила, внутренняя твердость и самостоятельность, и дающих нам несколько другое понятие о характере греческого народа, нежели какое составилось на западе (будто бы народ и духовенство в византийской империи до раболепства, до самого крайнего самоунижения против совести, против убеждения – готовы были повиноваться во всем своему деспотическому правительству). История арианства, монофелитства, иноборчества, история лионской и флорентийской унии представляют самые неопровержимые свидетельства о том, что в греческой церкви произвол государственной власти нечего не мог сделать в тех случаях, когда он встречался с внутренним правом церкви, с твердим и живым религиозным убеждением народа. Не мало подобных же случаев внутренней твердости и самостоятельности представляет греческая Церковь даже и в то время, когда внешняя ее самостоятельность была подавлена до крайней степени – под турецким господством. Может ли западная Церковь представить такие примеры внутренней твердости и самостоятельности? Твердость и самостоятельность западной Церкви не подвергалась таким тяжелым испытаниям и стеснениям, как греческой. Поэтому она и не может быть сопоставляема в этом отношении с греческою Церковью⁴¹.. Что касается до внешней самостоятельности, до политического могущества и влияния, его бесспорно было больше в западной Церкви, нежели в восточной; но можно ли поставлять его в особенную заслугу, в особенное преимущество церкви?... Прямом можно ли доказать, что самую внешнюю свою самостоятельностью и политическим могуществом западная Церковь была обязана именно папам – признанию папской власти?... Еслиб не особенные условия западно-европейской жизни, – еслиб не невежество варварских народов, населявших западную Европу после падения западной римской империи, – еслиб не хаотическое брожение общественных сил в тогдашних государствах западной Европы, давшее возможность над всеми другими условиями возвыситься духовенству, как самому

образованному и самому благоустроенному сословию, папам никогда бы не удалось возвысить западную Церковь до такого сильного политического, могущества и влияния. При других условиях жизни, например при тех, какие существовали в византийской империи, или в последствии в русском государстве, папская власть никогда бы не возвысилась бы до такой степени. Папам в деле возвышения западной церкви принадлежит только та заслуга и честь, что умнейшие из них во время хорошо умели пользоваться благоприятными для возвышения Церкви условиями, какие представляла западноевропейская жизнь. Но и при этом папы запятнали себя тем, что не знали меры, не хотели положить пределов своим стремлениям, – не довольствуясь естественным благоприятным для них ходом событий, стали усиленным образом заботиться о расширении своей власти; дело возвышения Церкви обратили в дело своего личного честолюбия, или, по крайней мере, исключительных иерархических интересов; – слишком заботясь о внешнем политическом возвышении Церкви, нередко забывали о ее высшем духовном призвании; наконец для возвышения церкви и своего собственного, не совестились употреблять меры недостойные, жестокие, не нравственные. Такие меры, какими папы в средние века старались закрепить господство Церкви над государством, например действия Григория VII и его преемников в борьбе с императором Генрихом IV, действия Александра III против Фридриха Барбароссы и английского короля Генриха II, действия Григория IX против императора Фридриха II и дальнейших пап против всей фамилии Гогенштауфенов – политические анафемы, интердикты, крестовые походы, истребления тысяч людей во имя веры и интересов церкви, на самом деле в видах властолюбия, – заговоры, интриги, политические убийства, подкупы, измены, возмущения подданных против законного правительства, – наконец и те многочисленные интриги, посредством которых папы в новейшие времена стараются поддерживать упадающее влияние католицизма в европейских государствах, дать ему преобладание пред другими христианскими исповеданиями, сохранить римско-католическую

Церковь как бы самостоятельным, знающим одного своего верховного главу, государством во всех странах, где только есть римско-католические подданные, (обязанные, конечно, со всеми другими подчиняться законному гражданскому правительству), – все такие меры и действия, в высшей степени недостойные и не соответствующие высокому характеру и духовному призванию Церкви и пастырского служения, останутся навсегда позорными пятнами в истории папства. И при всем том, римско-католическая Церковь и папская власть в последние века более и более теряют свое политическое могущество и влияние в самых римско-католических государствах. В виду событий последних веков, в виду тех многочисленных ограничений, которым подвергается самое духовное влияние пап в римско-католических государствах, – в виду тех ударов, какие нанесены папству и католицизму в XVIII веке, того самовластия, с каким действовал по отношению в папам Наполеон I, наконец в виду современного положения дел в самой Италии, в виду того, как свободно король Виктор Эммануил подле самого, так сказать, папского престола распоряжается церковными делами, назначением епископов, упразднением монастырей, и подданные папы со дня на день ожидают счастья избавиться от своего владыки, и радуются всякому успеху его от явленных врагов, – в настоящее время приверженцам папизма уже нельзя по прежнему много хвалиться внешним величием, твердою самостоятельностью, сильным политическим влиянием; римско-католической Церкви, поставлять это внешнее величие в высокую нравственную заслугу своей Церкви, и объяснять ее тем, что римско-католическая Церковь имеет своим главою папу. Признание главенства папы и доселе держится в римско-католической Церкви, а того могущества, той самостоятельности, какими она пользовалась в средние века, давно уже нет. Значит не папская власть, а история создала и поддерживала это величие римско-католической церкви, и она же, в последние времена, в виду всех разрушает его. Значит даже и внешнее величие, внешняя самостоятельность церкви не имеют того непосредственного отношения к признанию догмата о папской власти, какое находят в нем приверженцы папства.

4) «Папский авторитет в церкви служит органом чистого правоверия, и следовательно опорой непогрешимости и непоколебимости церковной. Каким образом в церкви могло бы сохраняться чистым учение веры, если бы в ней не было этого высшего авторитета, который, сам обладая полнотою правого понимания и непогрешимого толкования веры, может служить для всей церкви блюстителем правых догматов, органом истинных учений? Каким образом церковь могла бы предохранить себя от колебаний и заблуждений, если бы в ней не было одного всегда верного органа для проверки своих убеждений, для отличия истинных учений от ложных. Без власти папской самое основание церкви – вера ее могла бы поколебаться». Православная восточная церковь имеет другие понятия об условиях непогрешимости и непоколебимости веры. «Мы несомненно исповедуем, как твердую истину, пишется в грамоте восточных патриархов, принимаемой восточною церковью в руководство правого учения, что католическая церковь не может погрешать или заблуждаться и изрекать ложь вместо истины; ибо Дух Святой, всегда действующий чрез верно служащих отцов и учителей церкви, предохраняет ее от всякого заблуждения». Вот кто признается в православной церкви единым верным блюстителем истинного учения веры и непогрешимости церковной – Дух Святой, Дух истины; из людей никому не приписывается Божественное свойство всеведения и непогрешимости. Органом же Духа Божия в православной церкви признается не один какой либо или некоторые из пастырей и учителей церкви, а вся церковь – столп и утверждение истины, т. е. все истинно верующие, соединенные священным преданием веры, совокупно и преемственно, по устройению Божию составляющие единую Божию церковь (как говорится в Православном Катехизисе), преимущественно же верно служащие церкви пастыри и учителя, поставляемые Духом Божиим пасти церковь Господа и Бога. Посему высшим внешним выражением откровений и изволений Духа Божия, высшим органом для отличия истинных учений от ложных в православной церкви признается не одно какое-нибудь лицо, а собрание верных пастырей и учителей церковных по

возможности со всей вселенной, т. е. Вселенский Собор. Примером самих апостолов указан, голосом всей древней вселенской церкви признан, и опытом многих веков оправдан этот высший орган учения, законодательства и суда церковного, как самая твердая опора правоверия, как самое верное средство к различению истинных учений от ложных. Самые ревностные приверженцы папства должны признать, что в эпоху самых бурных волнений, самых великих опасностей, угрожавших непоколебимости православия в древней церкви, ни одна ересь, ни одно лжеучение не могли вторгнуться в церковь и поколебать основание веры, в то время, когда высшею охраною правых учений во всей церкви – в восточной и западной – признавался вселенский собор. Приверженцы папства не могут того же сказать о западной церкви средних и позднейших веков. С того времени, как в западной церкви авторитет папский поставлен выше авторитета вселенских соборов, церковь начинает колебаться время от времени более и более. На западе, в древности славившемся твердостью мира церковного, почти отсутствием ересей и расколов, поднимаются разномыслия, споры и волнения, каких никогда не бывало в церкви, образуется множество сект враждебных церкви, возникает раскол, отторгающий от церкви почти половину ее членов. В самой римской Церкви, славившейся некогда особенною преданностью древним преданиям, является множество отступлений от древних преданий не только в простых обрядах и внешней дисциплине церковной, но и в самых догматах вера, и в совершении святых таинств. На самом папском престоле появляются личности, словом и примером поучающие своих пасомых, вместо непогрешимой истины, нечестию, кощунству, безбожию. Что если бы, согласно е учением приверженцев папства, вся западная Церковь покорно следовала за такими руководителями в вере? С западною Церковью могло бы случиться то, чего опасался для всей Церкви знаменитейший из древних пап св. Григорий Великий: – с падением одного, признаваемого главою Церкви, могла бы пасть и вся Церковь, с заблуждением верховною епископа не мог бы устоять в правде ни один из подчиненных

ему епископов, за неверующими и нечестивыми папами должно было бы распространиться неверие и нечестие на всю Церковь. И никто из членов Церкви не мог бы ни обличить папу в неверии и нечестии, ни предостеречь других от увлечения его примером; потому что над папою, по учению римских схоластиков, нет никакого суда – ни человеческого, ни даже божеского, – у самого Бога с папою одна мысль, одно определение, одна воля, – голос папы непогрешим, и ему, по учению иных западных учителей, нужно верить более, нежели свидетельству священного писания, голосу нравственного чувства, показанию очевидного факта. К счастью, для западной Церкви папский авторитет в ней на деле никогда не имел такого непомерного значения, какое приписывалось ему в теории римскими богословами... Вообще говоря, судьба учения церковного в западной Церкви далеко не была в такой зависимости от авторитета папского, как должно бы это быть по теории римского богословия. На деле папская кафедра в западной Церкви никогда не считалась ни высшим исключительным органом каких-либо новых откровений Духа Божия, ни высшим исключительным трибуналом в различении истинных учений от ложных; старые догматы хранились и новые учения и обычаи распространялись в Церкви большею частью помимо авторитета папского. Большая часть новых мнений и обычаев, распространившихся на западе в средние века, не от папской кафедры вышли, а возникли первоначально вне ее – в той или другой местной Церкви или богословской школе. Папы только утверждали или отрицали своим авторитетом уже распространенное мнение, сами склоняясь в суждении о нем на сторону той или другой богословской партии, и нередко меняя свои мнения с переменою обстоятельств. Так например новый догмат, провозглашенный папою Пием IX в 1854 году – о непорочном зачатии Пресвятой Девы – не папою первоначально изобретен. Это учение возникло и развивалось давно, еще века с XII и XIII, помимо папской кафедры, в среде западных богословов преимущественно францисканского, и позднее иезуитского ордена. Многие из пап прежних веков отвергали это учение, другие колебались, принять или не принять его.

Наконец нынешний папа нашел для себя побуждения решительно склониться на сторону иезуитской партии, поддерживающей это учение. Если таким образом развитие богословского учения в самой западной Церкви идет помимо папского авторитета, если мнения самих пап случайно следуют за мнениями той или другой богословской партии, и иногда противоречат одно другому, – каким образом папский авторитет может быть признаваем за высший, самостоятельный, в притом всегда себе верный и непогрешимый орган откровения, распространения и охранения правых учений, за коренную опору правоверия и непоколебимости церковной? Сами папы наиболее добросовестные откровенно высказывались, что они не могут считать себя непогрешимым органом внушений Духа Божия, на котором бы могла опираться твердость веры христианской. Вот как например выражался об этом честный папа Адриан VI, избранный в 1522 году после Льва X на папский престол для восстановления мира церковного, возмущенного движениями германской реформации, и скоро умерший в печальной безнадежности восстановить благосостояние западной Церкви: «известно, что верховной первосвященник может погрешать даже в предметах касающихся веры, научая ереси своими постановлениями или декретами; так как много было первосвященников еретиков, каким еще недавно оказался Иоанн XXII, который публично внушал, возвещал и приказывал всему миру держаться заблуждения.» Один из преемников Адриана – папа Павел IV в консистории, собранной в 1557 году для обсуждения вопроса об исправлениях церковных, объявил: «Не стесняйтесь ни примерами моих предшественников, ни тем, что они сделали; я не желаю следовать им более, чем сколько позволяет это авторитет священного писания и богословские доказательства. Я не сомневаюсь, что мы подвержены заблуждению.» Таким образом авторитет папы в делах веры имеет такое же значение, как и частный авторитет всякого другого епископа, но никаким образом не может считаться за непогрешимый орган истины, и исключительную опору правоверия церковного.

VIII. Справедливо ли будто папская власть служит условием правильного и плодотворного развития религиозно – нравственной жизни в западной церкви

«Под покровом папского авторитета духовная жизнь в римско-католической Церкви развивается с такими успехами, приносит такие богатые плоды, каких нельзя найти ни в каком другом христианском обществе или исповедании. Ни восточная Церковь, ни протестантские общества, ни другие христианские исповедания не могут сравниться с римско-католическою церковью обширностью распространения и многочисленностью членов, важностью исторического значения, силою общественного влияния, обширностью и успехами миссионерской деятельности, широким развитием монашеской жизни, давшей западу много высоких подвижников веры, энергичностью и влиятельностью приходского духовенства, широким развитием благотворительных учреждений, влиянием на развитие наук и искусств... Отчего это происходит ? От того, что духовная жизнь в римско-католической Церкви, развивается более нормально, чем в других христианских обществах. Только в общении с главою может поддерживаться и плодотворно развиваться духовная жизнь в великом теле Церкви. В тех христианских обществах, которые отделяются от союза с видимою главою Церкви, духовные силы естественно должны или оставаться в бесплодном оцепенении, как в восточном христианстве, или постепенно приходить к разложению, как в протестантских обществах.» Вот новый довод, который иногда приводят римские богословы в пользу папской власти... Несправедливо было бы отрицать то, что духовная жизнь западной Церкви, даже и после ее отделения от восточной, произвела много прекрасных плодов. Нельзя относиться без надлежащей серьезности и должного уважения ко многим историческим заслугам западной Церкви (напр. по отношению к развитию просвещения и смягчению нравов на западе Европы в средние века), к обширности и успехам ее миссионерской и

благотворительной деятельности, к славе ее знаменитейших учителей и высоких подвижников и т. д. Но какое значение по отношению ко всему этому имело папство? Можно ли ему приписывать в честь и заслугу все то, что сделано и делается хорошего в западной Церкви? Никак нельзя доказать того, чтобы папство, которое всегда было гнетом для западной Церкви, могло благотворно действовать на развитие ее духовной жизни. Скорее можно сказать, что духовная жизнь западной Церкви могла развиваться, приносит духовные плоды, несмотря на гнет папский, – что самая почва, на которой росли эти плоды, и семена, из которых они развивалась (т. е. семена самого христианства), были так хороши, так полны жизни, что их не мог иссушить – лишить живого развития гнет папский. Гнет папский во всяком случае не проник еще до самой глубины западной религиозной жизни, не исказил первоначальных основ ее; католическая Церковь все еще остается прежде всего христианскою, а потом уже может быть названа папскою; папство для нее внешний нарост, под которым остаются еще непогибшими (хотя и значительно искаженными) истинные христианские начала жизни. И из этих то начал развиваются те высокие плоды духовной жизни, которые папство нередко приписывает себе. Миссионерство, благотворительность, высокое подвижничество и другие подобные стремления очевидно выходят из начал христианских, общих римской Церкви со всеми другими церквами, а не исключительно из начал папских, отличающих римскую Церковь от других христианских обществ. Посему-то подобные плоды и стремления духовной жизни в различной степени и в различных формах обнаруживаются не в одной римской Церкви, а во всех других христианских обществах. Где их созревает и обнаруживается более, в римской или другой какой Церкви, об этом довольно трудно судить по одним внешним обнаружениям духовной жизни в той или другой части христианского мира, и притом за известное только время. Как в жизни политической в иную эпоху тот народ имеет первенствующее значение в истории, а в другую другой; так и в жизни религиозной в иное время в таком христианском обществе обнаруживается более

плодов духовного развития, а в иное время в другом. Внешние обнаружения духовной жизни в различных христианских обществах нередко зависят от внешних же обстоятельств, – от того, на сколько исторические условия жизни известного народа и общества в такое или другое время благоприятствуют или не благоприятствуют развитию в нем духовных стремлений. Если из всех христианских народов на поприще духовного просвещения или миссионерской деятельности в древние века особенно отличался народ греческий, в средние века племена романские, а в новейшие германские племена, – славянские же народы доселе не показали больших успехов на этих поприщах, – из этого еще не следует, что духовная жизнь славянских народов, развивающихся под руководством православной Церкви, сама по себе скуднее сравнительно с жизнью племен романских и германских, воспитавшихся в католицизме и протестантстве, а может быть следует только то, что для развития духовной жизни православного славянства еще не пришло время; православно-славянский мир доселе не имел таких благоприятных условий для развития своих духовных сил, какие имели романский и германские племена. А сколько в каком народе или какой Церкви, независимо от внешних проявлений духовного развития в такое или другое время, кроется самых духовных сил, внутренних залогов к развитию на будущие времена, об этом может быть известно только одному Богу, – и об этом едва ли можно кому-нибудь судить прежде суда Божия. Можно думать только, что конечно в тех народах или в тех обществах христианских кроются лучшие залогов для духовного развития, у которых в большой чистоте сохраняются самые верования, самые идеалы, самые основные начала христианской жизни. С этой точки зрения развитие духовной жизни в римско-католической Церкви, при беспристрастном рассмотрении дела, не может представиться образцом высшего совершенства. Папство исказило в римско-католической церкви чистый идеал христианства. Высокую идею церкви, духовного царствия Божия, оно низвратило в стремления создать политическое земное государство. Насколько эти стремления отозвались на духовном развитии западного христианства,

настолько они внесли порчи во все самые высокие его проявления. По-видимому папство как будто не препятствовало, даже способствовало развитию духовных стремлений в западной церкви; указывая им двоякую цель – высшую духовную и земную политическую, оно усиленно старалось возбуждать их к деятельности двоякими мерами и побуждениями – духовными религиозными и внешними материальными политическими. Естественно при этом развитие духовных сил в западном христианстве должно было выразиться в усиленной напряженной деятельности; но эта самая усиленная деятельность, при смешении высших и низших, духовных и материальных целей и побуждений, естественно также должна была часто принимать превратное направление. Например, папство старалось дать широкое развитие миссионерским стремлениям. Не им конечно эти стремления первоначально вызваны в деятельности; они возникли в западной церкви, как и в восточной, из глубоких источников христианской любви и ревности, гораздо прежде, нежели папство взялось заправлять движениями западной религиозной жизни. Но папство с своей стороны усиленным образом старалось дать западному миссионерству как можно более широкое развитие и определенное направление с тем, чтобы оно распространяло по всей земле духовное царство Божие, и вместе с тем мирское могущество папы. Что же, послужило ли в пользу западному миссионерству это направление, данное ему папством? Оно усилило внешнюю деятельность западного миссионерства, но вместе с тем растлило самый дух его, низвергло его значение. В духе этого направления на западе действительно образовывалось не мало таких миссионеров, которые заботясь более о распространении царства Божия, готовы были употреблять в дело незаконные насильственные средства, искажать самую чистоту евангельской истины, вступать в сделки со всякими предрассудками и страстями человеческими – с тем только, чтобы приобрести папе возможно большее число бессознательно рабски покоренных подданных, или утвердить духовное влияние папы и свое собственное в известной стране.

Последствия неоднократно показывали римской Церкви, как непрочны духовные плоды такого миссионерства... Точно также папство на западе содействовало развитию монашества. Конечно опять не авторитетом папским монашество первоначально вызвано к жизни; оно возникло и развилось первоначально из чистых христианских стремлений в таких местах, на которые вовсе не простиралось влияние пап. Но папство нашло свои выгоды особенно содействовать распространению монашества; потому что многочисленные и разнообразные монашеские ордена, рассеянные в разных странах, и все непосредственно зависящие от папы, могли также сделаться одним из сильнейших орудий к распространению и поддержанию всемирного папского влияния. Монашество в западной церкви должно было сделаться духовным воинством папской монархии. Папство естественно заботилось об умножении этого воинства; но вместе, с умножением монастырей и монашеских орденов, в западном монашестве постепенно искажался монашеский дух. Монашество прониклось мирскими стремлениями, запуталось в интригах, обесславilo себя безнравственной жизнью. И плодом всего этого вышло то, что на западе, вместо высокого уважения, распространилось повсюду отвращение и ненависть в монашеству, унижен в осмеян самый идеал монашеской жизни. Точно также папство искусственными мерами (обязательным безбрачием, строгою дисциплиною) воспитало особенного рода ревность и энергию в католическом приходском духовенстве. Но эта ревность и энергия, превращающая нередко духовных служителей алтаря в политических агентов папского господства, также приносит не совсем благотворные плоды как для истинных интересов Церкви, так и для интересов общественного развития... Таков может быть правильный взгляд на развитие духовной жизни в западной Церкви под влиянием папства. Все лучшие духовные стремления обнаружившиеся в жизни западного христианства, возникли и развились в нем, независимо от папства, из чистых начал христианства. Но все, что в этих стремлениях обнаружилось худого, вредного, противного истинному духу

Церкви, все это развилось более или менее в зависимости от папской системы.... Папство в средние века, задаваясь идеей всемирной церковной монархии, имело в виду не столько осуществление высших целей своего духовного призвания, сколько блестящую историческую роль – временного преобладания в мире. На служение этой исторической роли оно старалось обратить все высшие стремления западной религиозной жизни. Очень естественно, что эти стремления, всячески возбуждаемые искусственными средствами, и направляемые не столько к внутреннему укреплению и совершенствованию, сколько к внешнему обнаружению, дали на время пышный цвет – блистательные плоды. Папство, при пособии искусственно возбужденных, и в его интересах направленных сил западной религиозной жизни, блистательным образом несколько веков осуществляло свою историческую роль. Но всякая историческая роль бывает временная, преходящая. Было время, когда папство могло пред целым миром хвалиться этим напряженным возбуждением духовных сил в католицизме. В настоящее время от этого возбуждения остаются только слабые остатки и славные воспоминания. А может быть придет, если уже не пришло, еще такое время, когда папству и католицизму нужно будет тяжело расплачиваться за это ненормальное возбуждение и направление духовных сил к несоответствующим им целям – за то именно, что историческое значение папства было когда-то слишком блистательно, миссионерская пропаганда его слишком ревностна, монашество слишком многочисленно, духовенство слишком энергично и влиятельно, влияние на общество, на науку, на искусство слишком сильно и т.д. Потому и нельзя слишком много говорить о блестящем развитии духовной жизни в римско-католической церкви, преимущественно пред другими христианскими обществами, и в особенности пред восточною церковью.

Восточной церкви, может быть, не пришло еще время показать в полноте плоды своей духовной жизни; на этом предположении естественно остановиться, припомнив, какие неблагоприятные условия для духовного развития имели до позднейших веков православные восточные страны – греческие

и славянские. А может быть даже и так, что духовная жизнь восточного христианства, произраставшая в тишине для Бога, а не для мира, имела только меньше внешнего блеска, но в сущности принесла не менее полезных плодов, чем блистательная деятельность западной Церкви.... Трудно судить о том, где более всегда произрастало тех внутренних плодов духовного развития, которые остаются сокровенными в душах верующих, и которые тем не менее составляют самую сущность религиозной жизни – плодов веры, смирения, преданности и любви к Богу и ближнему, чистоты помыслов и нравов, теплоты религиозного чувства, уважения к церкви – на востоке, или на западе. С этой точки зрения измерять и сравнивать успехи религиозной жизни в той или другой стране гораздо труднее, нежели измерять и сравнивать успехи науки, искусства, политической и торговой деятельности в том или другом государстве.... Но если даже, не касаясь этих внутренних сокровенных плодов духовной жизни, смотреть на один внешние обнаружения церковной деятельности, каковы например: миссионерство, развитие монастырской жизни, успехи богословской науки, – может быть и в этом отношении, при точном рассмотрении дела, трудно было бы с несомненною очевидностью доказать преимущество западной церковной деятельности вред восточную. Западная церковь славится своим миссионерством. И бесспорно, восточная Церковь не имела и не имеет ни таких больших средств, ни таких прочно организованных учреждений для развития миссионерской деятельности, как западная. И однако ж, если взять историю христианства со временем разделения церквей – с патриарха Фотия, и точно расчислить, сколько новых приобретений для веры в это время сделано в западной, и сколько в восточной церкви, едва ли можно будет отдать большое, и даже какое-нибудь преимущество первой пред последнею. Нужно при этом взять во внимание, что ко времени патриарха Фотия западная романская и германская Европа почти вся уже была просвещена христианством, а в восточной славянской посевались только первые семена его, а далее на север и восток от славянства в племенах финских и монгольских,

христианство со всем не было известно; нужно взять во внимание и то, что западная Церковь очень нередко пособием политической силы готова была распространять и отстаивать свои миссионерские успехи, а восточная не пользовалась этим; – западные миссионеры часто имели обыкновение строить на чужом основании, и пожинать плоды чужих трудов, т.-е. всевозможными средствами утверждать влияние римской Церкви там, где христианство прежде них распространено было восточными и протестантскими миссионерами, а восточное миссионерство никогда не позволяло себе делать этого; нужно припомнить и то, что большая часть православных восточных народов в продолжении многих веков находились в таком положении, что с великим трудом могли только сохранять христианство в своих странах, а не то, что распространять его в чужих, -что у восточной Церкви насильственно отняты были целые племена и страны – на востоке магометанством, на западе католицизмом. Если сообразить все это, может быть и придется сказать, что существенная разница между трудами и плодами миссионерской деятельности в восточном и западном христианстве заключается едва ли не в том, что о западном миссионерстве говорят слишком много, а о восточном слитком мало... Или, например, смиренному, бедному, и без сомнения необладающему желаемыми совершенствами духовенству восточной Церкви нередко поставляют на вид энергичность и влияние католического духовенства. И, без сомнений, самое положение западных бессемейных священников, внутренняя организация и условия материального благосостояния их дают им более средств к проявлению энергии и приобретению влияния в своем служении. И однако же в конце концов почитателям западного духовенства может быть очень нелегко было бы беспристрастно решить в свою пользу вопрос, где духовенство ведет себя сообразнее своему сану, где усерднее исполняет оно обязанности духовного призвания, и более приносит духовной пользы пасомым, где ближе и искреннее стоит оно к своим пасомым – на востоке или на западе, в России, или во Франции и Италии?... На западе в средние и позднейшие века гораздо более сделано

исследований, написано книг по всем богословским наукам, чем на востоке... Но можно ли поставлять в упрек восточной Церкви то, что в восточном христианстве, по известным обстоятельствам, в которых невиновата восточная церковь, до позднейших времен мало могло появляться книжных деятелей, как по богословским, так и по всем другим наукам ?... И при всем том, если строго оценить результаты, выработанные западною богословскою наукою, – сообразить, сколько здесь с полезными плодами знания выросло вредных плевел заблуждения и неверия, и решить беспристрастно, много ли вообще западная богословская наука подвинула вперед разумение христианства, много ли сделала она для освещения вопроса веры не как вопроса простой любознательности, а как нравственного вопроса – вопроса совести, вопроса жизни, – может быть восточной богословской науке и не придется много жалеть о том, что ей, до позднейшего времени не приходилось участвовать в том научном прогрессе, какой делало западное богословие, а приходилось оставаться при тех началах богословского ведения, которые указаны древними церковными восточными учителями, бывшими когда-то руководителями богословской мысли и для восточной и для западной Церкви...

В чем еще можно указать несомненное преимущество западной Церкви пред восточною? В том ли, что западная Церковь обширнее восточной, что католиков числом более, нежели православных христиан, или в том, что западные народы живут счастливее и богаче восточных, делают более успехов на поприще внешней цивилизации, в науке, искусстве, промышленности, торговле и т. д?.. (Западные писатели не стыдятся иногда поставлять в упрек восточной Церкви самые политические бедствия греческих и славянских племен, которые будто бы наказываются Богом за непокорность папе и отчуждение от него). Но по меткому замечанию известного учителя русской Церкви (в Разговоре между испытующим и уверенным), в древности десятиколенное израильское царство было гораздо обширнее двух -коленного иудейского. Можно прибавить к этому замечанию, что израильское царство по внешности, было и цивилизованнее иудейского. Израильское

царство более находилось в связи с общим движением тогдашней восточной цивилизации; а иудейское царство более держалось в стороне от нее. И однако ж именно в иудейском народе должно было совершиться исполнение обетований, данных потомству Израиля; здесь сохранялась истинная Церковь Божия, и приготавливалось спасение миру, а не в израильском царстве.

Идее папства, т.-е. идее всемирной церковной монархии, в которой высшая власть человеческая прикрывается авторитетом, или полномочием божественным, не есть идея чисто духовного христианского происхождения. Эта идея взята приверженцами церковного монархизма с мирского государственного устройства, и преимущественно от древней языческой монархии, которая также, как и нынешняя католическая Церковь, имела своею резиденциею священный город Рим – город вечный, город правды, как его тогда называли, – которая также, как и средневековое папство, полагала своею задачею всемирное распространение и всемирное преобладание, и в которой также, как и в папстве, верховная власть человеческая была облечена авторитетом божественным в лице древних римских императоров. (Римские императоры, подобно средневековым папам, не смотря на все свои заблуждения, пороки и преступления, в собственных своих глазах и в глазах своих подданных имели также божеское достоинство). Нигде и никогда система абсолютного, неограниченного монархизма не была возвышена до такой высоты и развита до таких крайностей, как в древнем языческом и средневековом католическом Риме. С точки зрения этой системы, взятой во всем ее крайнем развитии, представляются весьма понятными и последовательными все те ультрамонтанские понятия о значении папской власти в церкви, которые разобраны выше, и странность которых с первого взгляда не может не изумлять всякого непредубежденного человека. С точки зрения крайнего монархизма представляется естественным думать что в церкви христианской, как и во всяком человеческом обществе, во всяком государстве, необходимым условием внутреннего

единства, порядка, крепости, самостоятельности, всякого успеха и развития, самого существования общества должно быть безусловное, рабское подчинение всех одному авторитету, одной крепкой воле, одной верховной власти. Но эта крайняя точка зрения не признается истинною, а тем более единственно истинною, безусловно-идеально совершенною, и по отношению, к устройству земных государств; тем более она не может быть признана такою в применении в церкви – духовному царству Божию. Везде в самых земных государствах сознана та истина, что безусловное рабское подчинение никак не может быть признаваемо исключительным, или даже главным условием единства, порядка, крепости, самостоятельности, живого развития общества, и что напротив там, где преимущественно рассчитывают на это условие, – государственное единство, порядок, крепость, самостоятельность, живое развитие общества находятся в большой опасности. Несостоятельность идеала всемирной абсолютной монархии, в которой все должно держаться на внешнем об единении и подчинении – на насилии, рабстве и страхе, доказана судьбою той самой древней римской империи; от которой и унаследован этот идеал средневековою римскою Церковью, – и еще прежде судьбою древних деспотических восточных государств... Церковь христианская, по началам своего устройства, должна стоять не ниже земных государств, а быть высшим идеалом для всех их. Церковь есть духовное царство Божие; к ней вообще с большею осторожностью должны быть применяемы внешние начала и формы государственного устройства. Церковь, но преимуществу, есть царство внутренней правды, свободы и любви; в ней не должно быть места принуждению, насилию, рабству и страху. Иисус Христос говорил своим ученикам: «почитающиеся князьями народов (в земных государствах) господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами (в царстве Божием) не должно быть так: между вами кто хочет быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет быть господином, да будет всем рабом. Ибо и Сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупления многих. (Марка, 10 глава, 42–

44 ст). Не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель Христос; вы же все братья. И отцом себе не называйте никого на земле; ибо один у вас Отец, который на небесах. И не называйтесь наставниками; ибо один у вас наставник Христос. (Матф. 23 гл., 8–10 ст)». Посему Иисус Христос никого из учеников и последователей Своих не поставил верховным учителем, руководителем, главою церкви. Он Сам навсегда до скончания века остался ее Главою, Учителем, Руководителем. Он умолил Отца послать ей Духа Святого в ее просвещение и руководство. Живой союз со Христом, просвещение и руководство от Духа Святого – вот для церкви христианской единственные и существеннейшие условия ее крепости, самостоятельности, непогрешимости, единства, живого развития и самого существования. Признавать силу Божию как бы недостаточною для охранения церкви, поставлять необходимую опору церковной непоколебимости авторитет человеческий, значит – более верить в силу человеческую, нежели в силу Божию.

IX. Светская власть папы; ее происхождение и постепенное развитие в западной церкви

Римский папа в западном христианском мире сделался не только главою Церкви, но и светским государем. В его лице высшая духовная власть соединилась с высшею светскою властью. Соединение это сначала образовалось случайно, вследствие временных исторических обстоятельств; но потом оно вошло в нравственный принцип латинства, и сделалось также одною из преград препятствующих западной церкви возвратиться к древнему чистому православию. Светские политические притязания пап в средние века простирались до того, что некоторые из них замыслили сделаться властителями всего мира, и поставить от себя в зависимость всех других государей. В последние века папы довольствуются тем, что владеют небольшим государством в средней Италии, так называемую Церковную область; и в ней их государственная власть постепенно слабеет и колеблется более и более. Тем не менее папы все-таки не думают отказываться от светской власти, и богословы западные, в последнее время, даже с особенными усилиями стараются светской власти пап придать религиозное значение, и доказать ее необходимость для благосостояния Церкви. На римском, соборе, начавшемся 8-го декабря 1869 года, предполагалось многими из приверженцев папства самую светскую власть папы возвести в догмат веры.

Откуда явилась в западном христианском мире самая идея соединения верховной власти религиозной и государственной, духовной и светской в одном лице? Она очевидно не могла возникнуть из начал чисто христианских. Иисус Христос, когда утверждал на земле Церковь Свою, не искал мирской власти над людьми; напротив всею жизнью своею и учением своим Он опровергал предрассудок иудеев, ожидавших себе в лице Мессии земного царя. Царство Мое не от мира сего, говорил Иисус Христос (Иоан. XVIII гл., 36 ст), и не искал никакой власти в мире, и не хотел пользоваться мирскими средствами для ограждения своей личности и для распространения своего

учения. Исполняя обязанности подданного по отношению к земным властям, Иисус Христос не только не хотел устроить себе на земле какое-нибудь царство, но не имел места, где главу приклонить. Имея в виду одну высшую духовную цель своего Божественного посланничества, Он всегда удалялся от народа в тех случаях, когда народ, увлеченный Его учением и чудесами, хотел об явить Его своим царем, или сделать судьей и решителем своих житейских дел (Иоан. VI гл., 15 ст., Лук. XII гл., 13,14 ст.). Апостолы, распространяя веру Христову на земле, также не искали мирской власти, не заботились о приобретении владений, не вмешивались в мирские дела и отношения людей. Не имея на земле никакого владения, ни даже определенного местопребывания, они и преемникам своим, пастырям церкви, ничего не могли завещать, кроме высоких даров веры и благодати. И древняя христианская Церковь не представляет нам примеров, чтобы пастыри Церкви соединяли в своем лице пастырское служение с государственною властью. Стремление к вмешательству в государственные дела, со стороны лиц принадлежащих к клиру церковному, было строго осуждаемо в древней Церкви. В правилах Апостольских прямо воспрещается епископам и пресвитерам вмешиваться в народные управления, и предписывается им неупустительно быть при делах церковных; «ибо никто не может двум господам работать, по заповеди Господней, (пр. 18-е)». В III-м веке на соборе Антиохийском (269) известному антиохийскому епископу, еретику Павлу Самосатскому, было поставлено в вину, между прочим, то, что он, пользуясь покровительством царицы Зиновии, занимался управлением государственными делами, и в образе жизни подражал светским сановникам, являлся пред народом с пышностью, окруженный большою толпою телохранителей, предшествующих ему и сопровождающих его (подобно тому, как ныне являются папы), устроил себе трибуну и судный совет на подобие мирских судов. Подобно пастырям других церквей и древние папы римские твердо сознавали несовместимость светской государственной власти с духовным пастырским служением. Вот как рассуждал об этом один из самых

уважаемых римских пап св. Геласий, живший в конце I-го века: «До пришествия Иисуса Христа некоторые лица, как например Мелхиседек, в значении прообразов, были царями и священниками в одно и тоже время. Этому старался подражать и демон; по его внушению, языческие императоры также принимали на себя имя верховного первосвященника (*maximus pontifex*). Но с тех пор, как обратились к Тому, Кто есть истинный Царь и вместе истинный первосвященник, – с тех пор ни император более не назывался первосвященником, ни первосвященник более не присваивал себе царского достоинства. Бог, зная слабость человеческую, и желая, путем смирения, вести своих верных ко спасению, отделил отправления одной власти от другой, чтобы христианские императоры следовали руководству первосвященников в том, что относится к жизни вечной, и первосвященники подчинялись императорам в делах мирских, – чтобы служащий Богу не вмешивался в житейские дела, а тот, кто поставлен для этих дел, не распоряжался предметами Божественными». В этих словах св. Геласия заключается, как самое ясное обличение светским притязаниям папства, так и вместе с тем я указание на тот источник, из которого могли возникнуть в западной церкви эти притязания. В древней Церкви ветхозаветной бывали случаи соединения высшей власти религиозной и государственной в одном лице, – так как вообще в народе еврейском жизнь государственная находилась в непосредственной связи с жизнью религиозною. Но это оказывалось нужным только на время в виду особенных целей религиозного воспитания народа еврейского. В Церкви христианской, предназначенной к религиозно-нравственному воспитанию не одного какого-нибудь народа, а целого человечества, область жизни религиозной отделена от отправления жизни государственной, и вместе с тем служение пастырское от служения государственного. Возродившееся в средневековом католицизме стремление опять соединить вместе власть государственную и религиозную, едва ли можно объяснить подражанием ветхозаветной иудейской Церкви, хотя несомненно то, что в католицизме средних веков, вместе с

удалением от чистого идеала древней христианской церкви, стали обозначаться в некоторой степени и ветхозаветные иудейские стремления. Скорее нужно предположить, что стремление к соединению власти религиозной с государственною папство унаследовало от того самого языческого Рима, от которого заимствовало оно и стремление к всемирному распространению и всемирному господству. В древнем Риме ко времени распространения христианства с особенною силою развилась эта идея, – соединения высшей власти религиозной и государственной в одном лице. Императоры римские (начиная с Августа и даже до Грациана, жившего уже в конце II-го века) были вместе с тем и верховными первосвященниками языческой религии – *maximus pontifex*; это название впоследствии буквально усвоили себе римские папы, и до сих пор носят его. В первые восемь веков христианской истории, когда римская Церковь более была верна христианскому духу и древним преданиям, крепче держалась в союзе с восточною – вообще с другими православными Церквями, в Риме не могли иметь силы языческие предания, и в папах мало было стремлений к захвату государственной власти. Особенности исторические обстоятельства – удаление императоров с запада на восток в IV-м столетии, крайнее ослабление, и за тем разрушение западной римской империи в V-м веке, неустроенное политическое положение Италии с V-го до IX-го века, выбор на престол папский лиц из знатных патрицианских фамилий, имевших хорошее политическое образование и действительно способных оказывать народу помощь и руководить им в трудные времена, дали папам в Италии большое влияние на политические дела. Но это участие в государственных делах, вызванное случайными обстоятельствами, не было признаваемо папами существенно относящимся к обязанностям их пастырского служения, и не возбуждало в них мысли сделаться самостоятельными светскими государями. До половины VIII столетия эта мысль не появлялась ни у одного из пап.

Случайное, и притом не делающее чести папам, обстоятельство подало им повод взять в свои руки

правительственную власть, и возбудило в них властолюбивые стремления к расширению ее, и закреплению за своим престолом. Во второй половине VIII-го столетия Пипин Короткий, – правитель Галлии, родоначальник, известной карловинской династии, вошел в сношения с папою потому, что ему хотелось у древнего рода королей французских – Меровингов отнять царскую корону, и возложить ее на себя, получив на это соизволение – религиозную санкцию от главы римской церкви. Папа Захария согласился на желание Пипина; и с его соизволения известный западный миссионер св. Бонифаций, архиепископ майнцский, короновал Пипана королевским венцем. Преемник Захарии папа Стефан, стесненный в Италии завоевательными стремлениями лонгобардов, сам отправился во Францию просить помощи у Пипина, и там вновь стершил над ним торжественное коронование. Пипин защитил Рим от лонгобардов, и отнявши у них занятые ими земли, составлявшие прежде наместничество Византийских императоров в Италии – так называемый равеннский экзархат, пожертвовал эти земли римской Церкви, положивши дарственную запись на них на гробе св. Петра (756 г.). Преемник Пипина – Карл великий, разрушив окончательно Лонгобардское царство, и получив от папы Льва III-го императорскую корону, умножил владения пап новыми пожертвованиями, и вновь подтвердил их на будущие времена (800 г.). С этого времени у пап пробудилось стремление закрепить за собою государственную власть в Италии, и распространить свое политическое влияние на другие государства, считаясь как бы верховными раздаятелями царских венцов для всех государей Европы.

На первых порах эти стремления были еще слабы. Западные государи редко считали нужным обращаться за благословением к папе, когда, по праву наследства, возлагали на себя царские венцы. И даже те земли, которые были подарены папам Карловингами, не составляли еще для них прочной собственности, и не были в их полном распоряжении. Верховными властителями (патронами) Рима и принадлежащих к нему областей считались сами императоры; папы в

зависимости от императоров считались только лэнными владельцами этих областей. В непосредственное управление Римом папы редко вмешивались; им управляли, или наместники императорские, или разные римские магнаты – владетельные князья в качестве патрициев римских, или римский сенат; смотря во обстоятельствам получала преобладание та, или другая, или третья сила. Первый из пап вздумал взять в свои руки управление светскими делами в Риме в половине X-го века папа Иоанн XII, известный своим безбожием и безнравственностью. Как сын римского патриция Альберика, он, сделавшись папою по праву наследства, соединил с властью первосвященника и власть светского правителя Рима, и пользуясь происходившими тогда в Италии смутами, хотел сделать Рим совершенно независимым от власти императорской. Но сильный Германский император Оттон I-й смирил мятежного папу, и заставил итальянцев признавать себя, как и прежде признавали они Карла великого, верховным властителем Италии (962 г). Преемники его Оттон 2-й, Оттон 3-й, Генрих 3-й крепкою рукою поддерживали верховную власть в Италии и Риме; при таких государях папы не могли сделаться независимыми владетелями Рима, и опять почти не вмешивались в управление им.

Между тем однако ж, благодаря особенному стечению обстоятельств и настроению эпохи, влияние пап в различных государствах Европы в X-м и XI-м веках распространялось более и более, не смотря даже на ничтожество и безнравственность большей части личностей, в то время занимавших папский престол. В Европе происходили тогда частые политические перевороты. Одно государство усиливалось на место другого; одна династия свергала другую. Папы пользовались для своих выгод всякими политическими смутами – образованием новых государств, прекращением старых династий, спорами возникавшими между несколькими претендентами за одну и ту же королевскую или императорскую корону. Папы привлекали сильнейших претендентов на свою сторону, склонили их искать опору для победы над соперниками в авторитете церковном, и таким образом все более и более

распространялась мысль, что верховное право утверждать за государями их владетельные права принадлежит главе церкви. Сначала только в спорных случаях владетели близких стран – Франции, Германии – обращались к папе за утверждением своих прав и получением царских венцов; потом это стало почти общим обычаем, во всех западно-европейских странах, при вступлении новых владетелей на престол. В Европе распространилось убеждение, что никто из государей без благословения папского не может возложить на себя царского венца. При Григории III-м, мечтавшем весь мир обратить в теократическую монархию, и всех государей сделать вассалами папского престола, это убеждение сделалось сильно; большая часть европейских государей старались получить корону из рук папы, обязуясь быть верными римской Церкви. При Григории VII-м и непосредственные владения папы в Италии были усилены и распространены тем, что норманнский герцог Роберт Гвискар, владетель южной Италии и Сицилии, признал себя лэнником папы (1061г.), а потом в средней Италии завещала обширные владения римской кафедре тосканская маркграфиня Матильда (1076 г.). Впрочем, Григорий VII, мечтавший распространить свое влияние на весь мир, не обращал большого внимания на свои итальянские владения, и подобно своим предшественникам мало вступался в непосредственное управление ими. Да и самое смутное состояние Италии в то время, борьба пап с императорами (Генрихом IV и Генрихом V) за права инвеституры, отзывавшиеся частыми волнениями в самом Риме, не позволяли здесь папам прочно утвердить свою правительственную власть.

Преемники Григория VII, усилившись преимущественно в следствие того религиозного энтузиазма, какой распространился в западной Европе при начале крестовых походов, стали сильнее заявлять свои политические притязания. В XII-м веке папы свои сицилийские и тосканские земли отдавали большей частью в лэнное владение императорам, но самым Римом, хотя он признавал над собою еще верховное господство императоров, стали управлять сами.

Это вмешательство духовной власти в управление светскими делами на первых же порах было встречено неблагоприятно. В самом римском народе ясно было сознание несовместимости пастырского служения с государственною властью. Энергическим выразителем этого стремления явился при папе Иннокентии II один замечательный итальянский клирик Арнольд Брешианский, ученик известного богослова Абелярда. Вдохновленный высокими идеалами первобытной христианской церкви, с другой стороны увлеченный глубоким уважением к древним формам римского республиканского устройства, Арнольд начал горячую проповедь против светской власти пап, вообще против вмешательства епископов и клириков в мирские дела, против приобретения церковью огромных богатств и владений; во всем этом он видел глубокую порчу нравственного состояния церкви и вред для народа. Под влиянием его восторженных речей, римляне отказались повиноваться папам, и провозгласили у себя республику с древними формами римского республиканского управления – с древним сенатом, консулами и трибунами. Папы пустили в ход свое духовное влияние, наложили интердикт на римлян, стали возбуждать против них иностранных государей, и такими средствами успели подавить народное волнение. Арнольд был проклят на Латеранском соборе 1139-го года, и потом захваченный в плен императором Фридрихом Барбароссой, предан сожжению, и самый прах его был брошен в Тибр (1155 г.). Впрочем как в то время, не только противники, но и самые ревностные приверженцы пап относились неблагоприятно к их политическим притязаниям и вмешательству в управление государственными делами, это видно из тех мыслей, какие имел об этом предмете знаменитейший подвижник и богослов западный Бернард клервосский. Когда его ученик, бывший прежде иноком в клервосском монастыре, достиг папского престола под именем Евгения III-го (1145 г.); знаменитый клервосский пустынник вот какие советы преподавал ему в своем сочинении *de consideratione* «Никто никогда ни об одном из Апостолов не может доказать, чтобы какой либо из них был судьей людей, или определителем поземельных границ, или разделителем

владений. Апостолы были приводимы в судилища, но сидели между обвиняемыми и судимыми, а не на судейском месте, судя других.... Дела земные имеют своими судьями царей и князей земли. Зачем же вы переступаете пределы ближнего, зачем ставите вашу пядь на чужую межу?... Может быть, вы думаете, что св. Апостол Петр оставил вам империю, или право господствовать? Но св. Петр не мог дать того, чего сам не получил от Христа. Он дал тебе, что имел, т. е. попечение о церквах. Может быть, он оставил тебе и господство? но слушай что он говорит: не господствуйте над наследием господним, но примером смирения бывайте стаду (1Пет. V гл. 3 ст.) А что бы ты не подумал, что Апостол сказал это только по смирению, слушай, как сам Господь говорит в евангелии: князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами не должно быть так (Мф. XX гл. 25, 26) Одно из двух; или ты, желая господствовать, похитил Апостольство, или давая себе титул «Апостольский» похитил господство. Если же то и другое хочешь иметь, то и другое потеряешь». В другом месте, объясняя папе, как много времени и труда отнимают у него занятия светскими делами от духовных обязанностей св. Бернард говорит: «я тебя спрашиваю, что значат эти процессы с утра и до вечера и выслушивание тяжущихся сторон ? Я не сомневаюсь, что ты сам оплакиваешь подобный порядок дел; но слезы были бы напрасны, если бы не позаботился избавиться от такой пагубной для тебя деятельности. Поспешь не только уменьшить, или сократить, не только удалить, но и совершенно отвергнуть от себя это иго самого тяжкого рабства. Что может быть более рабского и недостойного для звания римского первосвященника, как постоянно быть занятым такими делами – не говорю каждодневно, но почти ежечасно?... Когда же нам после этого заниматься молитвою? Когда учить народ ? Когда заботиться об устройении Церкви? Когда размышлять о законе Господнем ? Нет сомнения, в твоём дворце всякий день говорят о законах; но Юстиниановых, а не Господних». Так при самом утверждении светской власти пап в Риме, люди с добрым христианским смыслом из самых приверженцев папства понимали несоответствие мирских государственных забот и

стремлений с служением пастырским. Но фальшивое настроение господствовавшего в римском клире образа мыслей я честолюбие пап взяли верх над представлениями людей, здраво понимавших требования христианства, – и светская власть папы со второй половины XII века стала более и более утверждаться в Италии; вместе с тем со времен пап Александра III-го в Иннокентия III-го стали более и более усиливаться в папах стремления подчинить своему влиянию, сделать как бы своими лэнниками и государей всех других стран Европы. Папа Александр III заявил гордую мысль – самую императорскую власть, т. е. самую высшую власть в западной Европе, поставить лэном папского престола, а Иннокентий III развил эту мысль до такого положения, что власть императорская проистекает от папской, как свет луны от солнечного света, я последняя во столько раз больше первой, во сколько солнце больше луны.

Впрочем в XII-м веке основания светской власти пап, и отношения ее к императорской власти еще не установились определенно. Запутанность этих отношений преимущественно обуславливалась тем, что и папа, и император имели формальные основания считав один другого зависимым от себя. Папа, как правитель Рима, получивший власть над ним от императоров, должен был, по представлению последних, считать себя лэнником императорской власти. Императоры, в свою очередь, получая от пап в лэнное владение земли южной и средней Италии (сицилийские и тосканские), должны были, по требованию пап, давать им присягу на лэнную верность. Каждый из них старался не только освободиться из под зависимости от другого, но и сделаться господином другого; и это главным образом послужило поводом к столетней борьбе пап с императорами Гогенштауфенами. Папам хотелось, сохранив верховную власть над сицилийскими и тосканскими владениями, уничтожить всякую тень зависимости от императоров в самом Риме. Императоры в свою очередь, сохраняя давнее право патронатства над Римом, желали обратить в наследственную собственность своего рода южно-италийские владения. Победа в этой борьбе, вследствие

происков, интриг и злоупотребления духовным влиянием в политической борьбе, осталась, как известно, на стороне пап, папам постепенно удалось приобрести себе все, чего они желали. Мужественный император Фридрих Барбарусса, начавший борьбу с папою Александром III, не имея возможности одолеть интриг возбужденных против него папством в верхней Италии, должен был признать свои итальянские владения лэном папы (1176 г.). В малолетство Фридриха II-го, папа Иннокентий III, пользуясь междоусобиями, возникшими в Германии между двумя претендентами на императорский престол, Оттоном IV и Филиппом Швабским, приняв сторону Оттона, склонил его к тому, что он отказался от прав патронатства над Римом (1201 г.); таким образом с начала XIII века папы сделались совершенно самостоятельными владетелями Рима. Наконец, после победы над мужественным императором Фридрихом II, и позорной казни последнего Гогенштауфена Конрадина (1268 г.), папы успели не только удержать за собою верховную власть над всеми своими итальянскими владениями, но и поставить от себя в значительную зависимость императоров Германских, а за ними и других западно-европейских владетелей. Это время было эпохою сильнейшего возвышения папской власти: духовной и светской. В это время папы по преимуществу могли мечтать сделаться владыками мира не только в религиозном, но и в государственном отношении, и на самом деле стали вести себя по царски, носить двойную и потом тройную корону, выражаться в своих буллах тоном государей, иметь при своих дворах царскую пышность, требовать себе от всех не только простых людей, но и владетельных особ царственных почестей и т. д. В это время, по преимуществу, между приверженцами папства стали развиваться нелепые теории о том, что папа может возводить на престол и низлагать, государей, утверждать или отменять постановляемые ими законы, освобождать подданных от повиновения государям, изменять существующий на земле образ правления и т. д.

Но, достигши своего высшего развития, светская власть пап также, как и духовная с XIV века приняла обратный ход, и

начала склоняться к упадку. Переселение в Авиньон, поставив пап в зависимость от королей французских, подорвало силу их политического влияния в других странах, и отвлекло их от непосредственного управления итальянскими владениями. В Риме, во время отсутствия пап, итальянцем Риензи вновь была сделана попытка восстановить древнее республиканское управление (1347 г.). Во всех других странах Европы государственное право начало выделяться из области церковного права, и получать самостоятельное значение; везде стал распространяться такой взгляд, что государственная власть также непосредственно и самостоятельно установлена от Бога, как и папская, и что области духовной и светской власти должны быть строго разграничиваемы. Смуты, происходившие во время раскола, бывшего в римской Церкви, и реформация XVI века нанесли еще более тяжкий удар и духовному и политическому влиянию пап. Вследствие этого папы в XV и XVI веках уже перестают мечтать о распространении своего политического господства на весь мир или на всю Европу. По отношению к различным государствам, находящимся вне Италии, папы становятся вынужденными довольствоваться тем, чтобы сколько возможно поддерживать в них свое духовное влияние. На политические же дела различных государств они по временам приобретают влияние только косвенным образом чрез духовников разных королей и королев, чрез кардиналов министров, чрез духовенство и монашество, в вообще чрез так называемую в западной Европе клерикальную партию. За то тем с большею ревностью папы в XV, XVI и дальнейших веках сосредоточивают силу своего политического влияния на непосредственно принадлежащих им итальянских областях. В Европе в это время во всех странах совершалось утверждение монархических начал над прежними феодальными, округление государственных границ, приведение сил различных государств к так называемому политическому равновесию. Папское государство становится совершенно в ряд других государств, и папы также как в другие государи, стараются округлить и расширить свои владения, укрепить в них монархический принцип, подавить остатки феодальной

вольности, устроить государственный порядок, и занять в общеевропейской политике влиятельное место в ряду других государей. Для укрепления своей власти в Италии и обеспечения своего влияния в европейской политике, папы употребляют все те средства, какими пользуются другие государи, – заключают союзы, делают договоры, заводят интриги, совершают подкупы, ведут войны, и т. д. Известная маккиавелевская политическая система находит себе самое широкое приложение преимущественно в папском государстве. У многих из пап (каковы например были в начале XVI-го столетия Александр VI, Юлий II, Лев X и др.) заботы государственные совершенно закрывают деятельность первосвященническую. Гениальнейшие умы и сильнейшие характеры наиболее замечательных пап XVI и XVII столетия, каковы например были Юлий II, Григорий XIII, Сикст V, Григорий XV, которые в наиболее благоприятное время готовы были бы, подобно Григорию VII или Иннокентию III, распространять свое влияние на весь мир, теперь полагают свою деятельность на то, чтобы получше устроить и украсит город Рим, водворить порядок в римской области, поставить свое государство в благоприятные отношения к другим государствам, обезопасить свою власть от внутренних и внешних врагов, и т. д. Государство римское входит в свои определенные границы; высшие духовные сановники папского двора получают в свое заведывание различные отрасли государственного управления, и это клерикально-монархическое управление церковною областью продолжает твердо держаться в ней до конца XVIII столетия.

Замечательно то, что хотя светская власть уже несколько веков фактически существовала в римской области, католическим богословам не приходило на мысль предавать ей особенное религиозное значение и делать из нее особенный догмат для католической церкви до тех пор, пока в обстоятельствах времени не открылись для светской власти пап некоторые опасные признаки. Это начало обнаруживаться преимущественно с конца XVIII-го века. Французская революция, поставившая себе целью ниспровержение

монархического принципа не только во Франции, но по возможности и в других странах, не остановилась перед авторитетом папской власти. Республиканские войска заняли Рим, и об явили в нем республику (1798 г.). Папа Пий VI умер пленником во Франции. Его преемника Пия VII Наполеон возвратил в Рим, но он предоставил ему управление римскою областью на тех началах, на каких предоставляли правительственную власть древним папам сильные императоры: Карл великий и Оттон великий, т. е. под условием верховного признания Императорской власти и покорного повиновения ей. Корда же Пий VII стал противоречить некоторым требованиям императора, Наполеон приказал военною силою вывезти его из Рима с его кардиналами и перевезти во Францию, а римскую область опять присоединил к французским владениям, дав титул римского короля своему младенцу сыну. (1809 г.) Союзные войска, по низвержении Наполеона, возвратили папу в Рим в 1814 году, и на Венском конгрессе вновь утверждены его государственные права. С тех пор папы опять стали управлять своим римским государством; но их власть в нем, сильно поколебленная, не могла получить прежней прочности. Несколько лет французского управления, хотя оно и представляло для итальянцев иноземную силу, и имело военнодеспотический характер, познакомили римлян с лучшими порядками, с лучшими законами, с более широкою свободою, нежели какими они привыкли пользоваться под управлением своих государей-первосвященников. По этому восстановление папского правления показалось итальянцам тяжелым. В Италии, в самом Риме образовалось несколько тайных политических обществ, и отсюда стала распространяться революционная пропаганда не только по всей Италии, но в другие страны Европы. В особенности суровое и продолжительное правление папы Григория XVI-го (1831–1846 г.) довело в народе недовольство и раздражение до высшей степени. Римские казематы наполнялись тысячами политических преступников. Папа Пий IX-й, вступив на престол, решился дать более свободы народу; но в его правление пришло время выйти наружу тому раздражению, какое

накопилось при его предшественниках. В 1848-м году к Риме вновь вспыхнула революция, и папа опять должен был бежать из Рима. В 1850-м году, при содействии иностранных войск, папа возвратился в Рим. Но с этого времени, светская власть папы должна была находиться в постоянной опасности. Во время новой революции 1860-го года, значительная часть церковной области была отделена к Пьемонтскому государству, и все итальянские патриоты выражали желание, чтобы Рим, перестав быть папским городом, сделался столицей единой Италии. Когда пьемонтский король Виктор Еммануил, сделавшийся королем объединенной Италии, отказался от этой мысли, известный вождь итальянских патриотов – Гарибальди сам несколько раз покушался овладеть Римом. Только вмешательство иностранной политики и сила иностранных войск сохранили светскую власть папы, до новых взрывов народного раздражения, или до новых перемен в направлении европейской политики, которые неминуемо должны последовать, так как никакими усилиями, никакой фальшью нельзя поддержать того, что отжило свой век.

Папство очевидно доживает последние времена своего светского могущества. Замечательно, однако ж, что именно в это то время, когда светская власть папы особенно сильно стала колебаться, проявилась между ультрамонтанскими писателями особенная ревность к поддержанию ее. С конца прошлого столетия стало появляться много сочинений в пользу светской власти папы, исполненных самыми неестественными софизмами. Между ними одно из первых мест занимают сочинения известного графа де-Местра. При папе Пие IX литература и полемика по вопросу о светской власти папства особенно усилились на западе Европы. Впрочем мнения самих католических писателей по этому предмету сильно расходятся. Только самые ярые ультрамонтаны защищают полную неприкосновенность светской власти папы во всем ее *statu quo*, и стараются доказать, что эта власть непрерывно связана с самою духовною властью церкви, и на ней держатся все интересы религии, права государей, спокойствие и благосостояние народов и т. д. Другие более умеренные

писатели высказывают такой взгляд, что хотя светская власть и нужна для поддержания духовной самостоятельности папы, но при этом вопрос о большей или меньшей обширности папских владений не имеет большого значения; папам можно вставить один город Рим; а все остальные их владения отделить к итальянскому королевству. Еще более решительные допускают, что так как Рим, по своим историческим преданиям, не может быть отделен от Италии, то папу можно бы переселить в какое-нибудь другое место, но все таки в качестве независимого владельца известного города или области. Наконец самые искренние и беспристрастные из католиков сознаются, что светская власть составляет не необходимость, не опору, а лишнее бремя для духовной самостоятельности пап, глубокую болезнь, вредный нарост в римской церкви и истории итальянского народа; что папам, если они дорожат благом церкви и своим духовным влиянием, необходимо скорее отказаться от этой власти; иначе вследствие их упорства может произойти то, что вместе с, насильственным отнятием светской власти будет ниспровергнуто и самое духовное влияние пап, и настанет сильная опасность для самой церкви (римско-католической). Этот взгляд более и более распространяется, и находит себе многих приверженцев в самом духовенстве католическом, не только во Франции и Германии, но и в Италии. И без сомнения папе, если он дорожит сохранением своего нравственного влияния, было бы гораздо лучше, не дожидаясь новых взрывов народного раздражения и принуждений со стороны иностранной политики, самому отказаться от светской власти, – хотя несомненно, что такой отказ должен произвести большую перемену и в самом духовном положении пап – к невыгоде их личных притязаний, но ко благу Церкви.. В народе итальянском и в других странах Европы есть убеждение, что Пий IX будет последним из пап, соединяющих в своем лице духовную и государственную власть в Риме.

Х. Разбор оснований, приводимых римскими писателями в пользу светской власти пап

На чем основывается в римской Церкви соединение высшей духовной и мирской власти в одном лице папы-первосвященника и вместе с тем государя?

Как для всех других вымыслов и злоупотреблений римских, так и для этого злоупотребления латинские писатели старались найти основание в самом священном писании – в примере самого Иисуса Христа. «Иисус Христос, говорят, есть вместе первосвященник и царь; точно также и папа – Его образ и наместник на земле – должен быть первосвященником и царем.» Но не говоря о том, как мало прав имеют папы прилагать к себе черты Божественной личности Иисуса Христа, и считать себя, по преимуществу, Его точным образом на земле, достаточно сообразит, в каком смысле самому Иисусу Христу приписывается в Священном Писании царское достоинство. В предсказаниях древних пророков, Мессия, имеющий прийти в мир, часто представлялся в образе Царя (2 царств, VII, 12–19; 2-й Псл. 6, 8 ст.; Исаии II, 2–4; IX, 6–7; XI, 1–10; Иезек. XXXIV, 23–24; Дан. II, 44). И Ангел, предвозвестивший Пресвятой Деве рождение от Нее Спасителя, сказал о Нем, что Он воцарится в доме Иаковли во веки, и царствию Ею не будет конца (Лук. 1, 3, 5). Большая часть иудеев на самом деле и думали увидеть в ожидаемом Мессии земного царя, который придет возстановить Давидово царство, и покорить ему других народов. Но Иисус Христос всю свою жизнь опровергал это их чаяние, и показывал, что его царского достоинства нельзя понимать в земном смысле. «Царство Мое не от мира сего» сказал Иисус Христос на вопрос Пилата: «Царь ли Ты?» (Иоан. XVIII, 33, 36 ст.) Некоторые из латинских богословов пытались перетолковать и эти ясные слова, обличающие мирские притязания пап, объясняя их таким образом, что Иисус Христос этими словами не отрицал в себе достоинства царя земного, но выражал только ту мысль, что свои царские права он подучил не от мира сего, не от людей – по праву преемства или

завещания, а непосредственно от Самого Бога – Отца Своего⁴². Но дерзкая произвольность такого объяснения ясно обличается следующими же словами Иисуса Христа Пилату: «если бы Царство Мое было от мира сею; то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеем; но Царство Мое не отсюда.» (Тот же 36-й ст.) Этими словами Иисус Христос отвергал не только мирское происхождение, но и мирской характер – мирскую силу своего царства. Я вся жизнь Иисуса Христа показывает, что Он не считал Себя и не намеревался быть царем на земле. Он родился не на троне, а в яслях; Он во время жизни Своей не имел, где главу приклонить; Он умер позорною смертью; не потому конечно, что не успел или не мог занять престол Давида отца своего; Он мог бы покорить себе все царства мира; Он мог бы призвать себе на помощь и защиту легионы ангелов (Матф. XXVI, 53.) Но Он на то родился, и на то пришел в мир, чтобы властвовать над сердцами людей, не могуществом внешней силы, а только могуществом истины. В этом Его владычество, Его царство, как сам Он объяснил Пилату (таже Иоан. XVIII гл. 37 ст.). От прошел в мире путем крайнего уничижения, претерпел страдания и крестную смерть, дабы показать людям, что истина, как бы ни была уничижаема и преследуема, должна покорит себе сердца людей. Он не искал внешней опоры для своего дела, не старался приобретать власть над людьми, чтобы они лучше слушались Его учения; Он удалялся, когда народ увлекаемый Его учением и чудесами, хотел провозгласят Его царем (Иоан. VI, 15 ст.) или сделать судьей и решителем своих житейских дел (Лук. XII, 13–14 ст.) Сам исполняя обязанность подданного по отношению к царю земному, и притом иноплеменному неверному (Луки II, 1–6, Матф. XVII, 26–27), Он и последователям своим завещал воздавать Божия Богови, и Кесарева Кесареви (Матф. XXII, 21).

«На тайной вечери Иисус Христос обещал ученикам своим за претерпенные ими страдания царство (Лук. XXII, ст. 30), и заповедал им иметь при себе два меча (там же. ст. 38). Эти слова римские писатели относят по преимуществу к апостолу Петру, и в них, но праву преемства от апостола Петра, думают

находить основания для светской власти пап. Два меча, по их толкованию, выражают знамение двоякой власти над людьми: духовной и светской. Но, не говоря уже о том, что оба эти места, взятые из 22-й главы Евангелия Луки, вовсе не относятся исключительно к апостолу Петру, а относятся ко всем вместе апостолам, – из той же самой главы видно, что этих слов никак нельзя разумеать о земном царстве или владычестве над людьми. Царство, обещанное апостолам, по изъяснению самого Иисуса Христа должно состоять в ближайшем общении с Ним в будущей жизни, когда они сядут на двенадцати престолах судить двенадцати коленам израилевым (ст. 30). А какое значение имеет в этой главе упоминание о мече или о двух мечах, это довольно трудно объяснить. Но что в нем нельзя видеть завещания или дозволения употреблять земной меч или земное могущество на защиту или подкрепление истины, это ясно видно из других слов, яснейших, сказанных уже именно апостолу Петру: возврати меч в его место (у другого евангелиста: вложи меч в ножны); все взявшие меч мечем погибнут (Матф. XXVI ст. 52 сравни Иоанна XVIII, 10–11 ст.). И в той же самой беседе на тайной вечери, из которой приверженцами светской власти пап берутся выражения о царстве и о двух мечах, Иисус Христос, обличив в учениках стремление к превозношению друг пред другом, ясно высказал, что им должно быть чуждо всякое желание мирского преобладания: «царе языков господствуют над ними, и князья обладают ими, но между вами не должно быть так. Между вами кто хочет быть большим, да будет вам слуга. Так, как и Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу свою для искупления многих» (Матф. XX, ст. 25, 26, 28 сравни Луки XXII ст. 25–27.) И при всяких других случаях Иисус Христос старался рассеивать в умах учеников своих мечты о мирском владычестве. Между тем ему было бы удобнее, если-бы то нужно было, действовать обратно, т. е. утверждать в учениках своих стремление к мирскому преобладанию. Иудеи ожидали в Мессии земного царя завоевателя. И сами апостолы, до сошествия на них Св. Духа, не были чужды этого предрассудка, и ожидали, что Иисус

Христос пришел устроить царство израильское, в котором им придется занять первые места (Марка X, 37. Деен. 1–6). Но Иисус Христос внушал ученикам своим, что им придется пить ту чашу, которую Он пил, и креститься тем крещением, каким Он крестился, т. е. не властвовать над миром, а страдать в мире (Марк. X, 35–45 ст.).

Римские папы основывают свои государственные права на преемстве власти от апостола Петра, и самые владения свои называют наследием Петра (*Patrimonium Petri*). Но не говоря уже о том, что папы не имеют за собою никакого исключительного права считаться преемниками и наследниками апостола Петра, нужно спросит, какими же владетельными правами пользовался апостол Петр, и в каком смысле Рим, с принадлежащею к нему областью, может быть назван наследием его?... Апостол Петр также, как и все другие апостолы, не имел на земле и не старался приобретать владений. Мы всё оставили, и последовали Тебе, говорили апостолы Иисусу Христу (Матф. XIX. 27). В Риме, как справедливо говорят, нельзя назвать наследием Петра или принадлежавшим ему даже того клочка земли, который сделался его могилой. Он и казнен был в Риме казнию не римского гражданина, как казнен апостол Павел, но казнию преступника – пришлеца или раба, не пользовавшегося правом гражданства. Не имея сам никаких владений, он никому не мог и завещать ничего в этом роде. Напротив, как бы предвидя, что впоследствии найдутся люди, которые, прикрываясь его именем и пастырскою властью, станут домогаться господства над христианскими душами, он ясно в послании своем выразил ту мысль, что пастырям неприлично господствовать над своими пасомыми, или считать их своим наследием, а нужно смотреть на них, как на наследие принадлежащее Богу. «Пастырей, пишет он (I. посл. Петра гл. V ст. 1–3.) умоляю я, как сопастырь (а не как начальник пастырей): пасите Божие стадо, какое у вас, не ради гнусной корысти, а из усердия, – не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. И когда явится пастыреначальник, вы получите неувядающий славу венец (а не на земле царский венец должен быть наградою пастырского

служения)»... В мирских отношениях апостол Петр заповедывал своим последователям повиноваться царю, правителям от него посылаемым, и всякому человеческому начальству (I. Петр. гл. II ст. 13–14), нимало ни домогаясь начальствовать или властвовать над кем либо. Наследием же, достойным христианского стремления, апостол Петр называл наследие нетленное, непорочное, неувядаемое, хранящееся на небесах (I. Петр. гл. I. ст. 4).

Была пускаема в ход в западной Церкви и такая мысль, что хотя апостол Петр не непосредственно от Иисуса Христа наследовал власть над Римом, но ее будто бы передал апостолу Петру сам император Нерон, увлеченный его чудесами. Но это выдумка так невероятна и нелепа, что она не могла иметь хода даже между самыми предубежденными и пристрастными приверженцами папства.

Гораздо более держалась и распространялась в западном христианстве другая выдумка, будто император Константин великий, приняв в Риме крещение от папы Сильвестра, и перенесши свою столицу на восток, Рим отдал во владение папе, на что и дал ему дарственную запись. Но и этот вымысел ясно изобличен западными же учеными еще в XV и XVI веках. Известно, что Константин великий и крестился не в Риме, а в Никомидии, и папа Сильвестр умер еще до крещения Константина. Константин великий не давал ему никакой записи на Рим, и после Константина Италией продолжали владеть его преемники – императоры, а не папы. Сказка о даре Константина великого Папе Сильвестру была выдумана в конце VIII столетия, для оправдания незаконного приобретения владетельных прав над землями, полученными папами от Пипина. И сами католические ученые давно считают ее сказкою, хотя и доселе по временам пользуются случаями уверить незнающих и легковверных людей, будто светская власть пап существовала еще со времен Константина великого.

В настоящее время серьезные римско-католические ученые сознают, что искать оснований светской власти пап в первых веках христианства нельзя; тем не менее, говорят, эта власть имеет за собою несомненное историческое право, – так она

выработалась постепенно законным и естественным историческим путем, а не была какою либо насильственной узурпациею со стороны папства. «Папы с IV-го до VIII-го века оказали очень много услуг Риму и Италии, и вследствие этого постепенно приобретали себе там более и более политического влияния. В VIII веке их владетельные права над Римом закреплены дарственной грамотою Пипина, и потом в следующие века вновь подтверждены грамотами Карла великого, Людовика благочестивого, Оттона I-го, Маркграфини Матильды, и др. В новейшие времена владетельные права папы в Италии подтверждены европейскими государями на Венском конгрессе». Положим, что все это справедливо. Можно согласиться, что все эти грамоты, акты, договоры дают папам историческое право на владение своим государством; но, без сомнения, не на вечные же времена. Как скоро вопрос о светской власти пап ставится на историческую почву, то и решаться он должен исторически. Что слагается историею в силу известных обстоятельств в один век, то и разрушается ею же в силу других обстоятельств в другие века. Папы, в прежние века, оказали много услуг итальянскому народу, и тем приобрели влияние на политические дела. Дух времени, настроение эпохи утвердили за ними светскую власть. Но, в настоящее время, дух и настроение эпохи совсем другие. Беспорядки папского управления и злоупотребления папской политики давно уже заставили забыть всех те услуги, какие когда-то оказывала папская власть Италии. Итальянцы давно тяготеют правлением пап. Во всей европейской политике папская власть составляет тормоз, мешающий правильному ходу дел. Какое же право имеет она на существование в настоящее время? Грамоты прежних государей Пипина, Карла, Людовика, Оттона и т. д?... Но не говоря уже о том, что подлинность некоторых из этих грамот (напр. грамоты Людовика благочестивого) подвергаются сомнению, не говоря о том, что смысл их слишком преувеличенно в пользу папства толкуется римскими учеными, – какое значение могут иметь эти грамоты для настоящего времени, когда самые государства этих Пипинов, Карлов, Оттонов давно уже не существуют, когда весь

строй европейской жизни совершенно изменился. В этом смысле Наполеон I-й совершенно справедливо мог сказать, что он имеет такое же право лишить папу его светских владений, какое имел Карл великий утвердить их за папой. Точно такое же основание для государственных прав папы могут представлять и постановления Венского конгресса. Уже многое из того, что было постановлено на Венском конгрессе, оказалось несостоятельным. Ничего не было бы противозаконного в том, если бы какой-нибудь новый конгресс постановил лишить папу всех его владений точно также, как Венский конгресс постановил возвратить их ему.

Таким образом с исторической стороны все притязания пап на светскую власть являются совершенно несостоятельными.⁴³ Из области исторических фактов поднимаемся в область высших теоретических рассуждений; так как здесь приверженцы папства, особенно в последнее время, чувствуя свою несостоятельность на почве истории, стараются приискивать новые искусственные основания для подкрепления своих фальшивил предрассудков и несправедливых притязаний.

Здесь прежде всего нам предстоит разобрать соображение весьма глубокого свойства, от правильной постановки которого должно зависеть правильное решение вопроса не только о светской власти папы, но и вообще об отношении церкви к государству, религии к науке, искусству и всяким другим отправлениям человеческой жизни. Соображение это едва ли было высказываемо кем либо из католических писателей в полной ясности; но оно лежит как бы в самой основе их частных рассуждений, и дает им кажущуюся убедительность. Соображение это приблизительно может быть выражено так:

«Разделение, существующее доселе в христианском мире между духовною, и светскою властью, между церковью и государством, ни в каком случае не может быть признано явлением вполне законным и нормальным (точно также как и противоречие между христианскою наукою и христианскою верою). Это разделение служит причиною многих запутанностей в исторических отношениях, и отзывается тяжким бременем для людей с искреннею и чистою христианскою совестью; особенно

в тех случаях, когда интересы и требования государства сталкиваются с интересами и требованиями церкви. Высший идеал христианской жизни должен заключаться не в разделении, а в теснейшем соединении церкви с государством. Соединение это должно иметь самые благотворные последствия и для Церкви, и для государства. Церковь, опираясь и внешнюю силу – на помощь государства, успешнее может распространить свое влияние в мире. Государство, в свою очередь, проникаясь высокими идеалами Церкви, будет более возвышаться и благоустраиваться в своих внутренних отношениях. Обязанностей и отправлений жизни общественной и государственной в строгом смысле даже и нельзя вполне отделить от жизни религиозной; почвою для той и другой служит одна и та же жизнь человеческая, одна и та же душа – живая и цельная, в которой нельзя отделить совести религиозной от совести государственной или смысла религиозного от смысла государственного. Церковь, хотя собственно есть царство не от мира сего, но ей предназначено существовать и достигать своих целей в мире; ей предназначено проникать своим влиянием во все отношения людей личные, семейные, общественные, государственные, и все эти отношения подчинять себе, очищать, возвышать до совершеннейшего христианского идеала. Христианство, как истинная религия, имеет в себе обетования жизни не только грядущей, но и настоящей, (I Тим. IV. 8). Задача христианства состоит не в том только, чтобы нравственно действовать на отдельные личности и воспитывать их для жизни будущей, но в том, чтобы устроят между ними лучшие отношения в жизни настоящей – устроят христианскую семью, христианское общество, христианское государство, (точно также христианскую науку, христианское искусство и т.д.). Папство верно поняло эту задачу, когда задумало подчинить влиянию Церкви не только в собственном смысле религиозные дела и отношения, но и семейные, общественные, государственная, науку, искусство, политику и всю жизнь христианских народов. Папская теократия, соединение высшей власти религиозной и государственной в одном лице представляет не аномалию, не незаконное явление в

христианской истории, а тот высший идеал, к которому должна, стремиться христианская жизнь, и по которому должны были бы преобразоваться все так называемые христианские государства, чтобы стать истинно христианскими, не по имени только, но по духу, по всему устройству своему»...

Нельзя не согласиться с основными началами такого рассуждения, но вместе с тем нельзя не признать, что вывод из них в пользу папства может быть сделан только самым неверным и недобросовестным образом. Здесь все основано на смешении понятий между целью и средствами религиозного воспитания человечества, между условиями жизни настоящей и будущей, между свободным внутренним влиянием религиозных начал на жизнь общественную, и насильственным внешним преобладанием Церкви (или частнее – иерархии церковной) над государством. Разделение между церковью и государством, также как и противоречие между верою и наукою, между требованиями религиозными и требованиями общественными, действительно никак не могут быть признаны нормою и идеалом христианской жизни. Эти разделения и противоречия составляют предмет смущения и тяжелой внутренней борьбы для умов искренних и последовательных, для душ чистых. Тем не менее эти разделения и противоречия необходимо вытекают из условий земной жизни и естественного развития человечества. Жизнь человечества находится в ненормальном положении. Отношения между людьми основаны на искаженных началах. Христианство не может войти в эти отношения и примириться с ними в их настоящем *statu quo*, не искажая тем достоинства и чистоты своих нравственных начал. Оно поэтому необходимо вносит в мир противоречие, разделение, борьбу. Поэтому сам Иисус Христос сказал, что он пришел принести на землю, не мир, а меч (Матф. X, 34) Христианству предназначено проникнуть во все отношения людей – личные, семейные и общественные, и все эти отношения покорить себе и преобразовать по высшему христианскому идеалу. Но это может совершиться только постепенно, по мере того, как все естественные сферы и отправления жизни человеческой – семья, общество, государство, наука – не насильственно будут

увлекаемы в подчинение внешнему церковному авторитету (т. е. церковной иерархии), но свободно и естественно различными путями непосредственными и посредственными, прямыми и окольными, явными и тайными будут приближаться к христианскому идеалу, внутренне проникаться им, и вместе с тем преобразовываться, очищаться совершенствоваться сами собою, а не силою внешнего авторитета. Это должно совершаться постепенно, в продолжение всей настоящей жизни, которая и предназначена для религиозно-нравственного воспитания людей, свободно следующих путям благодатного Промысла, ведущим их к совершенству и спасению. Высшая же окончательная цель всего этого достигается, высший христианский идеал осуществится – в жизни будущей. Тогда кончится борьба добра с злом, и исчезнуть все ненормальности в жизни человеческой. Тогда не будет неестественных разделений и противоречий между церковью и государством, между наукою и верою, между требованиями религиозными и общественными. Тогда все покорится Христу, Бог будет всяческая во всех, и настанет вечное Царство славы, которому не будет конца (1Кор. XV, 28. Лук. 133). Настоящая жизнь служит путем к этому совершенству; она может представлять в различных сферах своих постепенное приближение к высшему христианскому идеалу, но не может представить полного осуществления идеала. Церковь Христова, в настоящем своем состоянии, представляется церковью воинствующею, борущеюся, стремящеюся утвердить свои идеалы среди мира, – но еще недостигшею своей цели, не покоящеюся, не торжествующею. В настоящем состоянии христианского мира высшие, собственно христианские, божественные начала жизни представляются в смешении и борьбе с началами низшими, естественными, человеческими. Отсюда в христианской жизни являются разделения, противоречия, ненормальности, тяжелые для искренних умов и чистых душ, но тем не менее естественные и неизбежные в ходе нравственного развития и воспитания человечества. Убеждения и жизнь христиан часто дwoятся между различными, и нередко приходящими в противоречие одно с другим, началами. Государство заправляет

естественными отношениями людей, имея свои стремления, свои идеалы, не соображаясь с целями и идеалами Церкви, иногда даже вступая в противоречие с ними. Церковь, не вступая в прямые соотношения с государством, не требуя от него внешнего подчинения своему авторитету, и имея как будто свою, совершенно отдельную, область влияния и действия, тем не менее постепенно распространяет свое владычество в умах и сердцах людей; и эти умы и сердца, когда проникнутся христианскою истиной, сами собою, без всяких непосредственных указаний и руководств внешнего церковного авторитета, проведут истину во все свои взаимные отношения – семейные, общественные и государственные. Наука человеческая имеет также свой самостоятельный ход, свои цели, законы и часто не хочет знать о высшей богооткровенной истине, и даже вступает в противоречие и спор с нею. А вера, не вторгаясь непосредственно в область свободных исследований науки, указывает человеку только те высшие исходные точки всякого убеждения, отправляясь от которых люди, послушные голосу истины, мало по малу могут возводить к высшему жизненному единству, и располагать по идее религиозной все свободные открытия и приобретения естественного ума человеческого. Так совершается на земле путь религиозно-нравственного воспитания человечества, постепенно приближаясь к высшей predetermined Промыслом цели, но не нарушая и естественного хода человеческой жизни. В конце этого пути все разнообразные окольные дороги должны сойтись вместе в один главный путь все разделения покончатся, все противоречия устранятся. Но пока этот путь не кончен, мы не должны смущаться встречающимися на нем запутанностями и противоречиями, и ожидать полного осуществления высшего нравственного идеала при таких условиях жизни, которые представляют еще много непобежденных противоречий этому идеалу.

Возможно было бы представить себе другой путь религиозно-нравственного воспитания человечества. Христианство могло бы явиться в мире во всеоружии самого могущественного, какой только можно представить, внешнего

земного авторитета – и при его посредстве распространять свое владычество между людьми. Христос мог бы явиться могущественнейшим царем всего мира и силою правительственного закона и внешнего принуждения заставлять людей принимать свое учение. Евангелие могло бы явиться в виде самой возвышенной и стройной научной или философской системы, и силою своей научной доказательности нравственно покарать себе убеждения людей. Но промысл Божий не избрал, не признал достойным такого пути: ибо тогда нарушен был бы свободный ход естественного развития человеческой жизни. Тогда естественные силы человеческие, созданные от Бога свободными, были бы насильно увлекаемы в послушание Божественной истине; и самая Божественная истина была бы унижена, находя себе силу и опору в земном человеческом авторитете. Господу угодно, чтобы свобода естественных сил человеческих осталась неприкосновенною, и чтобы истина Божественная привлекала к себе сердца людей сама собою – своею внутреннею силой, не опираясь на внешний земной авторитет. И потому Христос явился на земле не на троне, а в яслях. И проповедь Евангелия распространена в мире не мудрыми философами, а безкнижными галилейскими рыбаками, – дабы увидели и убедились люди, что не – мудрое Божие мудрее мудрого человеческого, и немощное Божие крепче крепкого человеческого, – и чтобы никакая плоть, никакая внешняя сила не превозносилась пред силою Божией истины (1Кор. I; 25, 29). Такой путь распространению Царства Божия на земле указан самим Господом Спасителем рода человеческого, – и никто из людей, призванных быть служебным орудием в распространении Божия Царства (Церкви), не может изменять этого пути, уклоняться от него, или находить его не вполне достаточным для своей цели, и измышлять какой либо другой путь, как бы более твердый, более действительный.

Если Сам Богочеловек Иисус Христос, явившись в мир для спасения людей, не признал нужным, для успеха своей религии и вместе с тем для блага людей, соединить в своем лице Высший религиозный и высший земной – государственный или научный – авторитет; то тем более нельзя этого сделать кому

либо из последователей и служителей Церкви Христовой – кому либо из ограниченных смертных людей. Не говоря о невыполнимости самой в себе этой задачи – примирить небесное с земным, соединить Божественное с человеческим (прежде чем это последнее окончательно преобразуется и очистится), ни у одного человека не может быть достаточно умственных и нравственных сил даже для того, чтобы уметь всегда правильно отнестись к этой задаче, ясно различить требования закона Божественного и человеческого, и указать тому и другому всегда соответственную сферу влияния и действия. Существующая в мире запутанность отношений между духовным и мирским, столкновения интересов Церковных с государственными, разногласие между наукою и верою, должны поставять в безвыходное противоречие человека, который бы захотел не только служить с равным и всецелым усердием одному, другому и третьему, но и заправлять-руководить всем: делами религиозными, государственными, научными и т.д... Человеку, который бы взял на себя это несоответствующее силам человеческим дело и право могла бы угрожать опасность – не только не принести пользы религии, государству, науке и т. д.; но и существенно повредить всему: религию исказить, свободу науки стеснить, отправлениям государства дать ненормальный ход, духовное смешать с мирским, человеческое покрыть авторитетом божественного; божественное унизить до человеческого, – и чрез это не только не примирить, и не соединить того, что, по условиям настоящей жизни является разделенным, но еще более разделить и поставить в противоречие религию, государство, науку и т. д.

Папство в средние века впало именно в эту ошибку, задумавши воздвигнуть в Церкви христианской всемирную теократическую монархию. Папство уклонилось от того пути распространения истины, какой избрал и указал сам Христос, и избрало другой путь. Оно не довольствовалось верою в нравственную силу истины – самой в себе, и захотело употребить в пособие Божественной истине силу внешнего авторитета человеческого, – захотело взять в своя руки

управление всеми делами не только религиозными, но и государственными, также подчинить себе науку, искусно и всякие другие сферы человеческой жизни, дабы чрез все сферы удобнее и действительнее проводить на людей христиански-религиозное влияние. (Мы берем здесь идею папской теократии в высшем смысле, как понимали ее самые лучшие – гениальнейшие и безкорыстнейшие представители папства. Не говорим о большинстве пап, поддерживавших теократический принцип, даже не ради целей религиозных, а по личным, более или менее грубым и мелким побуждениям и расчетам). Папа таким образом захотел быть не только образом и наместником Христа на земле, но и представить в себе как бы нечто более возвышенное и могущественное, нежели сам Христос, явиться царем вместе духовным и мирским, покорить себе все свободные естественные стихии мира, которые самому Христу должны окончательно покориться только в будущей жизни, примирить непримиримое, соединить не – соединимое и устроить здесь на земле – в Риме под своею автократией – то вечное Божественное царство славы, которого христиане ожидают только в будущей жизни – под владычеством Царя – Христа. Какие последствия должны были произойти от этого, отчасти показала история. К счастью человечества, папству никогда не удавалось вполне осуществить свой теократический идеал, и окончательно подчинить себе и религию, и государство, и науку. Но и в тех пределах в каких папству удавалось осуществить свои стремления в средние века, оно не только не делало пользы религии, государству и науке, но и вредило всему: унижало религию, вмешивая ее в нечистый водоворот страстей и дел человеческих, задерживало естественное развитие науки, стесняя ее свободу требованиями внешнего для нее церковного авторитета, нарушало правильный ход политической жизни, злоупотребляя религиозным влиянием в политических делах. Отсюда вышли такие следствия, что папство не только не соединило, не примирило, не поставило в близкие дружественные отношения религию, науку, государство, – но еще более разделило, поставило их во враждебные отношения между собою. То крайнее разделение между

Церквию и государством, какое в последние века более и более распространяется в западной Европе на деле и в теории, и которое отвергает между ними всякую не только внешнюю иерархическую, но и внутреннюю нравственную связь, – то глубокое противоречие между религиею и наукою, которое также отрицает между ними не только единство путей к достижению истины, во и всякое согласие целей и стремлений, которое не знает среднего пути между отвержением искренней веры или подавлением свободной мысли, все эти печальные и ненормальные явления в христианском мире по справедливости рассматриваются в истории, как реакция против насильственного объединения Церкви и государства, религии и науки, насильственного подчинения их одному внешнему церковному авторитету в средневековом католицизме.

В позднейшие века папство силою исторических обстоятельств вынуждено оставить свои мечты о всемирной теократии, отказаться от притязаний подчинить своему влиянию и все государства, и свободное движение науки, и развитие искусства и т. д. Но и те жалкие остатки папской теократии, то соединение высшей духовной и мирской власти в одном лице, какое представляет до ныне римская церковная область, достаточно показывают, какое глубокое противоречие заключает в себе это соединение несродных духовных и мирских стихий, и как оно вредит и интересам католической Церкви, и интересам папского государства... Как правителю государства папе не возможно быть хорошим первосвященником, и как первосвященнику – хорошим государем. Его римское государство, не смотря на то, что оно пользуется особенным привилегированным положением привлекает к себе сборы и доходы из многих других государств, защищается иностранными войсками, поддерживается всею европейскою политикою, привлекает на служение себе силы и таланты со всего католического мира, представляет тем не менее едва ли не самое жалкое явление между всеми другими европейскими государствами. Едва ли где народ так унижен, разорен и развращен, едва ли где столько неправосудия, деспотизма,

обманов, грабежей и других преступлений, едва ли где в народе столько недовольства, жалоб и ропота против управляющей им власти, как в папском государстве. И это очень понятно. Во главе управления этим государством всегда стоят старцы, из которых редкий с молодых лет приготавлился к государственным занятиям, и имеет к ним способность. Все главнейшие места государственного управления заняты также людьми, воспитавшимися в келлиях, и большею частию имеющими извращенные понятия о мирских делах и отношениях. Неспособностью и слабостью высших правителей всегда могут пользоваться своекорыстие и интрига нисших; и на самом деле едва ли где столько бывает интриг и злоупотреблений, как при папском дворе. И между тем нигде не может встречать себе столько препятствий всякая правдивая и честная попытка к обнаружению злоупотреблений, к исправлению дурных порядков, к улучшению народного благосостояния. Голоса представителей из среды самого народа здесь не могут быть слышны, потому что здесь, по самой идее теократического государства, все должно идти сверху. Здесь всякое неудачное распоряжение может быть прикрыто покровом непогрешимого церковного авторитета, и всякое дурное учреждение может быть закреплено на целые века во имя непоколебимых религиозных начал. Осуждение неудачной правительственной меры здесь может быть принято за хулу против непогрешимости главы Церкви, и протест, вызванный дурным управлением государства, за ересь против догмата о наследии Петровом. Нечестивец, осмеливающийся возмутить покой Церкви – государства, подпадает каре мирской и духовной; временной и вечной. Отлучение от Св. Причащения и каземат, анафема и смертная казнь здесь могут идти вместе, и подкрепляться одно другим. Поэтому здесь можно найти самые действительные условия к расстройству, и самые сильные препятствия к улучшению, развитию, прогрессу государства. С другой стороны государственное положение главы Церкви существеннее вредит ее религиозным интересам. Правительственные заботы и соображения папы и его кардиналов-министров, монахов-секретарей, казначеев и т. д.

отвлекают их от чистой и всецелой преданности служению Церкви, от усердного исполнения религиозных обязанностей. Государственная власть и военные средства, находящиеся в их распоряжении, представляют для них сильное искушение злоупотреблять мирскою силою в делах духовных, и духовным влиянием в делах мирских. Забота поддержать свое достоинство между другими государями, пышность двора, торжественные церемонии папских приемов и выходов, и в связи с этим светская пышность, самого богослужения папского – мало дают возможности папе и кардиналам сосредоточиваться в настроении подобающего пастырям Церкви смирения. Наконец неизбежные столкновения идей и интересов государственных и религиозных нередко, вынуждают папу, как государя, позволять, себе такие действия, которые прямо противоречат его переосвященническим обязанностям. Папы угнетают своих подданных, обманывают друзей, жестоко преследуют врагов, делают подкупы, заводят интриги, возбуждают войны, подписывают смертные приговоры, проливают кровь (хотя бы и чужими руками)⁴⁴. Между тем они, если приписывают себе высокое достоинство главы Церкви, первые должны бы быть проповедниками христианского братства, любви, мира, свободы, справедливости, честности, бескорыстия – проводниками этих высоких начал во все отношения людей – личные, семейные, государственные, международные и т. д. Дух, господствующий во главе Церковного управления, смешение религиозного с политическим, духовного с мирским, христианского с языческим от главы Церкви распространяется на всю Церковь, управляемую им, дает особенный характер духовенству католической Церкви; всем ее учениям и учреждениям. И таким образом унижается святая христианская вера в глазах людей, и расшатываются твердые основания Церкви. Папство жалуется на упадок религии, на колебания умов распространяющееся в мире (вступительная речь Пия IX-го на Римском соборе 8-го Декабря 1869 года). Но оно же само было одним из главных виновников этих зол. И нет сомнения, чем долее Папа будет защищать интересы своей светской власти, и вообще

выказывать дух преобладания, тем более будет усиливаться в Европе, и особенно в ближайшей к нему Италии, дух неверия и вражды против Церкви.

Сказанного достаточно, чтобы понять несообразность соединения в Римской Церкви высшей духовной и мирской власти – в самом его принципе. Приверженцы папства приводят еще несколько частных соображений в пользу такого соединения. Но все эти соображения так шатки и слабы, и обличают также грубое понимание дела, что почти не стоят серьезного опровержения.

«Светская власть папы говорят, необходима для поддержания достоинства и независимости Церкви. Папе неприлично быть подданным какого-нибудь государя. Это стесняло бы в нем ту духовную свободу, по которой он, ни от кого не завися, может беспристрастно обращаться с советом, наставлением и обличением ко всем государям и народам. Без пособия светской власти не может держаться духовная самостоятельность и супрематия (верховенство, главенство) папы». Все эти доводы показывают только, как далеко Римско-католическое понимание христианства от истинного его понимания. Там, где без пособия государственной власти не надеются поддержать достоинство и свободу Церкви, очевидно слишком слаба вера во внутренние основания Церкви. Но Церковь, по крайней мере восемь веков, ничего не знала о светской власти пап, и существовала с полным достоинством и свободой. Уже ли же с того времени дух Божий перестал подкреплять церковь, заменив в ней свою вседействующую благодать внешнею опорой светской власти? Христос не считал для себя унижительным с самых первых, дней явления на земле записаться в число подданных Царя земного, и платить ему дань за себя; Апостолы не считали неприличным учить о повиновении земным властям; знаменитейшие учителя Церковные в гражданском подданстве царям земным не находили препятствий к исполнению своих пастырских обязанностей, даже и в тех случаях, когда им нужно было обращаться с увещанием и обличением к тем же царям земным. Почему же папа может считать неприличным и унижительным,

несовместным с своими пастырскими обязанностями быть подданным какого-нибудь государя? Не гораздо ли более несовместного с пастырскими обязанностями представляют те правительственные заботы и занятия, которые принимают на себя папы, и которые нередко, по ходу дел, заставляют их прибегать к таким действиям, как подписывание смертных приговоров, возбуждение кровопролитных войн, ведение политических интриг и т. д. Не гораздо ли более унижается достоинство и самостоятельность Церкви тогда, когда сила ее влияния опирается на внешней государственной опоре, на пособии иностранных войск, на тонкостях дипломатического искусства, на преследованиях, интригах, штыках, казематах в т. д. Истинное достоинство и самостоятельность Церкви, на сколько оне еще сохранились в католическом мире, без сомнения, и по уничтожению светской власти папы, будут поддерживаться также хорошо и даже гораздо лучше, нежели при существовании ее. Но если под достоинством Церкви разумеет царскую пышность и богатство папского двора, а под самостоятельностью ее присвоенное папами право мешаться в политические дела всех христианских стран, везде иметь своих агентов и шпионов, и посредством них производить интриги, – то эти привилегии папства действительно могут потерять свое значение с уничтожением его светской власти. Когда папа станет подданным какого-нибудь государя, то неудивительно, что он не только потеряет большую часть своего политического влияния в Европе, но и утратит ту самую супрематию, то духовное главенство в Церкви, которое дает ему особенное положение между другими христианскими пастырями, и которое так противоречит духу истинного последователя Христова. Ставши подданным какого-нибудь европейского государя, папа действительно скоро может стать только одним из старейших национальных епископов западной Церкви, его приговоры перестанут считаться непогрешимыми, и все нововведения, установленные им в западной Церкви, лишатся догматического значения. Но это несколько не повредит истинному достоинству и самостоятельности Церкви. Напротив тогда – то истинное достоинство и самостоятельность будут восстановлены в

западной Церкви; и она возвратится к своему древнему, чистому состоянию, станет опять истинно апостольским учреждением, отвергнувши от себя несоответственные христианскому духу привилегии и предания старого языческого Рима. К этому влечет Римскую Церковь не только христианский долг, но и самая сила естественного течения дел – сила исторических обстоятельств.

«Государственная власть папы, говорят, служит опорой прав всех других государей; существованием ее поддерживаются порядок и благосостояние во всех странах и народах; ею охраняется всякий закон, всякое право. С уничтожением светской власти папы поколеблются все общественные и государственные основы, выступят во всей силе революционные стремления и страсти, рушатся порядок и закон, падут троны государей, исчезнет мир между народами, уничтожится собственность, семья, падет религия и т. д.!!» Это последний из аргументов особенно часто и в разнообразных видах приводимый в последнее время приверженцами светской власти пап. И неудивительно. Все старые, одряхлевшие, близкие к падению общественные силы обыкновенно стараются защитить последние остатки своего существования тем, что представляют, будто с их падением должно рушиться все в мире, и пасть самый мир. Удивительно то, что этот аргумент находит себе еще некоторое доверие у людей серьезных, даже и не заинтересованных выгодами и привилегиями папства. Многие западные публицисты и ораторы даже не католики (как напр. Гизо), политики и государи западные, совершенно равнодушные к интересам католической Церкви, не решаются произнести окончательного приговора об уничтожении светской власти пап из опасения, как бы чрез то не поколебался общественный и государственный строй Европы. Так сохраняет еще доселе в западной Европе силу тот предрассудок, который создан и воспитан в средние века папством; и на этом то предрассудке только и держатся доселе остатки светской власти папы. Предрассудок этот отчасти подкрепляется, в последнее время тем, что многие из противников папской власти в Италии являются вместе с тем противниками

общественных и государственных порядков вообще; национальные итальянские стремления к освобождению Рима от папы смешиваются с революционными стремлениями. Но это обстоятельство, кажется, правильнее должно бы быть истолковываемо против светской власти пап, нежели в пользу ее. Ненормальное существование церковного государства в Риме не успокаивает, не сдерживает, а скорее возбуждает движение революционных страстей в Италии, дает им пищу, – дает благовидный предлог, под прикрытием законных национальных стремлений к полному об единению Италии, волновать народ незаконными революционными внушениями. Опасаться же того, что с уничтожением светской власти папы, получат больше силы и свободы противобщественные элементы во всей Европе; думать, что с существованием светской власти папы на самом деле тесно связаны права государей и народов, – законность, порядок, мир и благосостояние, собственность, семья, государство и религия – решительно нет никаких оснований. Все основы государственного и общественного порядка существовали в мире задолго до учреждения светской власти папы; с усилением ее в средние века, они не только не получили большей крепости, но напротив были больше запутаны незаконным вмешательством духовной силы в не принадлежащие ей мирские дела. Нет никаких оснований думать, что с совершенным уничтожением этой запутанности, доселе по преимуществу олицетворяемой в Риме, расстроится в мире государственный и общественный порядок. Можно быть уверенным, что на другой день, по уничтожении светской власти папы, солнце на небе будет также сиять, как и доселе сияло. А если заблуждения и грехи людей часто препятствуют солнечному свету сиять в полном блеске, то можно надеяться, что этих препятствий будет менее, когда светская власть папы совсем уничтожится, а духовная войдет в свои законные пределы.

Примечания

¹ - См. в «Обличительном богословии» архимандрита Иннокентия, ч. II стр. 24, 25, 48–54.

² - См., напр., Еванг. Матфея, глав. XX ст. 25–27, Луки гл. XXII ст. 24–27 и под.

³ - 2-го Вселенского Собора правило 3-е; 4-го Вселенского Собора правило 28-е; Труильского Собора правило 36-е.

⁴ - Русский перевод этого замечательного в истории православия памятника печатается в приложения к настоящей книжке, под буквою А.

⁵ - Дело, конечно, здесь было не в том, какое выражение употреблять в догмате об исхождении Св. Духа «от Сына» или «через Сына» а в том, какой смысл соединять с тем или другим выражением. Если бы католики или униаты разумели выражение «через Сына» или «от Сына» в смысле временного благодатного исхождения Св. Духа на людей, греческая Церковь могла бы согласиться на это. Но в применении к догмату о вечном ипостасном происхождении Святого Духа выражение «через Сына», также как и «от Сына» не могло найти себе основания в слове Божьем и учении древней Церкви.

⁶ - В Россию незадолго перед этим нарочно отправлен был митрополитом, помимо желания Великого Князя и духовенства русского, Грек Исидор, втайне предрасположенный к Унии; он сам также, вопреки желанию Великого Князя и духовенства русского, отправился на Собор представителем за русскую Церковь и явился там один из ревностнейших поборников соединения.

⁷ - Вопрос о личных убеждениях Кирилла Лукариса до сих пор остается спорным. Католические и протестантские писатели твердо стоят на том, что Кирилл был кальвинист. Большая часть греческих писателей, мнение которых в этом случае имеет, кажется, более оснований, защищают православие Кирилла. Как бы то ни было, если бы на самом деле личные убеждения Кирилла Лукариса были сомнительны, это не наводит никакого пятна на греческую Церковь (как этого хотелось бы ее западным

недругам), точно также как не бросают ни малейшей тени на православие ее интриги Кирилла Лукариса и других подобных ему личностей. Греческая Церковь торжественно несколько раз засвидетельствовала свое отречение от кальвинистских мыслей, выраженных в «Исповедании» приписываемом Кириллу Лукарису.

⁸ - Русский перевод послания в полном его виде печатается в приложения к этой книге под № 2-м.

⁹ - О замыслах и действиях католицизма по отношению к России мы говорим в самых общих чертах в связи с другими предметами нашего очерка. обстоятельное изображение собственно этого предмета читатели могут найти в целых больших специальных исследованиях, из которых замечательнейшие поименованы нами в «предисловии» к этой книжке.

¹⁰ - Имена древних еретиков, живших в первые три века христианства.

¹¹ - Имена еретиков IV и V веков, осужденных Вселенскими Соборами.

¹² - Имена учителей монофизитских сект, к которым прежде были привержены и Армяне. Во времена патриарха Фотия, и вследствие его увещаний, армяне, при католикосе Захарии, готовы были прервать связи с монофизитскими сектами, и присоединиться к православной греческой Церкви.

¹³ - Древние манихеи унижали брак, и смотрели на рождение детей, как на великое преступление и несчастье. Поэтому патриарх Фотий и в латинских предубеждениях против брака священников видит семена манихейских заблуждений.

¹⁴ - Здесь идет речь о принятии христианства Киевскими Руссами (в 867 году по Рождестве Христове), и вступлении их в союз с Византиею, при Аскольде и Дире, после их похода на Константинополь.

¹⁵ - Здесь разумеется, что Сын и Св. Дух происходят от одного начала Отца, но Сын чрез рождение, а Святой Дух чрез исхождение.

¹⁶ - Здесь разумеется константинопольский Собор, бывший при патриархе Фотие в 879 году. В греческой Церкви его нередко называют восьмым Вселенским Собором.

¹⁷ - Этот Иоанн XII первый соединил в своем лице власть Папы с властью светского правителя Рима; до него и после него почти до конца XII века, папы считались владетелями церковной области, – но только получали доход с нее; управляли же областью или наместники Императора или знатнейшие магнаты, так называемые патриции, из среды самих римлян. Иоанн XII жил как самый безнравственный язычник, беззаконничал с своими ближайшими родственниками, открыто ругался над религиею, напивался вином во славу дьявола, посвящал пресвитеров и диаконов в конюшне, клялся языческими клятвами, совершал самые лютые казни, надевал на себя воинские доспехи, ездил на охоту, вел войны, строил заговоры и умер от разврата, не причастившись Св. Таин; об этом подробно рассказывает один из современных Иоанну XII Западных епископов, Луитпранд Кремонский.

¹⁸ - В последние века большая часть ученых отвергают буквальный смысл предания о паписсе Иоанне, но некоторые ученые и до настоящего времени не находят для этого достаточно основания. В средние века в Риме долго показывали статую женщины с папской короной на голове и ребенком на руках, и самую ту улицу, на которой будто бы обнаружился позор паписсы, и по которой вследствие этого позднейшие папы никогда будто бы не стали ходить и ездить.

¹⁹ - Избрание самого папы поставлено было влиянием Гильдебранда в независимость от народа и светских властей, чрез устройство так называемой коллегии кардиналов. Кардиналами издавна назывались в Римской Церкви епископы, пресвитеры и диаконы кафедральной церкви Римской, служащие вместе с папою. Это ближайшие придворные папы-монарха, князя Римской Церкви, как их стали называть впоследствии. По влиянию Гильдебранда, когда он еще сам был кардиналом, папа Николай II на латеранском соборе (1059 г.) право избрания пап предоставил почти исключительно коллегии кардиналов. Время от времени коллегия эта

расширялась и приобретала все больше значения; избрание папы и верховное управление всеми делами римской церкви доныне остается в их руках. Кардиналы эти носят пурпуровую царственную одежду и считаются на западе выше всех старейших епископов и даже патриархов, и при том не только кардиналы-епископы, но и кардиналы-диаконы.

²⁰ - Все эти и большая часть других незаконных нововведений, преимущественно утвердились в западной церкви в XII и XIII веках во времена наибольшего развития папской власти и глубокого невежества на западе.

²¹ - В древние века, когда западная Церковь находилась в соединении, с восточною, в ней очень мало появлялось сект, несогласных с учением церкви. Но по мере того, как в западной церкви усилилось господство папства, стало усиливаться и направление сектантское, враждебное папству и церкви. В первый раз оно высказалось с значительною силою в так называемых Катарах XI века. Секта эта имела чуждое западу и древнее происхождение. Она представляет собою одну из отраслей древнего восточного гностицизма и манихейства. Остатки этих сект, образовавшихся еще в первые века христианской истории, из смешения христианства с древними языческими мировоззрениями, до X века были рассеяны в Малой Азии. С X века они появились в Европе в византийской империи, и особенно усилились между недавно обращенными в христианство славянскими племенами в Болгарии и Боснии. Отсюда чрез земли западных славян, секты эти проникли до северной Италии и Франции. Здесь в то время утверждалась тяжелая деспотическая Гильдебрандовская реформа, и потому идеи этих сект, представлявшие в себе протест против иерархического деспотизма, нашли себе большое сочувствие. Характеристические черты этих сект, заключались именно в отрицании иерархии и церковной обрядности. В самых основах теоретического учения, подобно древним гностикам, эти секты не редко выказывали склонность к языческому пантеизму или дуализму; практические стремления их имели социалистический характер. Их проповедь, распространяемая в народе, на живом языке, применительно к народным понятиям, не редко под

покровом заманчивых для воображения мифов и легенд, и проникнутая духом свободы, оппозициею против церковных и государственных стеснений, имела большой успех. Под влиянием этого направления проникшего в западную жизнь, образовалось много новых враждебных церкви сект: Петробрусианцы, Апостолики, Братья Св. Духа и др. с более или менее крайнею оппозициею против церкви. Самою замечательною из средневековых западных сект, наиболее умеренною по направлению и по нравственным тенденциям, была секта Вальденсов или Лионских нищих, основанная в XII веке богатым Лионским гражданином Вальдом. Главными началами этой секты были: стремление к восстановлению общественной нравственности, забота о возвышении религиозного образования в народе (Вальденсы переводили для народа места из Библии на народный язык), распространение благотворительности. Вальденсы первоначально думали служить избранным им целям, не отделяясь от церкви. Но католическая церковь отнеслась недоверчиво и неприязненно к их стремлениям и тем образовала против себя из мирного благочестивого общества опасную неприязненную секту. Все помянутые секты, обращавшиеся с своею проповедью к простому народу, оставляемому западною иерархией почти без всякого религиозного образования, нередко находившие себе последователей и в среде людей знатных, богатых и ученых, имели большой успех. Папство, конечно, всеми мерами старалось подавить враждебное ему направление. Против сектантов, поднимаемы были страшные инквизиционные преследования. Особенно сильно было в XII и XIII веках преследование сектантов, живших в южной Франции, в округе города Амби (Альбигойцы). Папы подняли против них крестовый поход и целые двадцать лет, эта самая богатая и цветущая в то время страна подвергалась жестоким и кровавым опустошениям, при которых вместе с сектантами истребляемы были и целые тысячи верных сынов католической церкви. При всем том папству не удалось подавить оппозиционного направления. Сектанты от гонений переходили из одной страны

в другую, действовали скрытно и искусно, всюду распространяли и поддерживали тайную оппозицию против папства, которая потом обнаружилась и открыто отпадением от католической церкви целых стран и народов. Идеи средневековых западных сектантов имели большое влияние на образование позднейших протестантских мнений.

²² - На первых же порах после переселения пап в Авиньон, эта зависимость выказалась в уничтожении Климентом VII, рыцарского ордена Тамплиеров огромнейшие богатства и сила которых давно возбуждала зависть Филиппа Красивого. В угождение ему Тамплиеры были подвергнуты тяжким обвинениям и пыткам, потом большею частью казнены; орден их уничтожен, и именами его большею частью завладел Филипп.

²³ - Сожжение Гусса не обошлось для западной церкви даром. В Чехии, как скоро сделалось известным о несправедливой казни Гусса, поднялось сильнейшее народное восстание против римской церкви и вместе с тем против угнетавшей чехов немецкой национальности. Причащение под обоими видами (*sub utraque*) чаша евхаристическая – сделалась соединительным национальным символом для чехов. Под предводительством неустрашимых полководцев Яна Жижки, Прокопа большого и Прокопа малого, Гусситы производили страшные опустошения: разрушали укрепленные замки, целые города, и с особенною свирепостью католические монастыри, беспощадно истребляли своих врагов, ругались над католической святыней, и навели повсюду такой ужас, что название «Гуссит» на несколько веков сделалось самым ненавистным и страшным именем для немцев католиков. Они имели на первых порах большой успех и почти совершенно успели завоевать себе религиозную и политическую самостоятельность. Папы проповедовали против Гусситов крестовые походы, немецкие князья соединенными силами всячески старались истребить их, но ничего не могли им сделать, пока Гусситы держались в союзе между собою. Но скоро началось между ними разделение: партия умеренных Гусситов, каликстины или утравквисты, стремившиеся главным

образом к религиозной реформе, и крайняя гусситская партия – табориты, желавшие произвести не религиозную только, но и социальную реформу на самых широких основаниях, стали враждовать между собою. Пользуясь их междоусобиями, Римская Церковь значительную часть каликстинов успела опять привлечь на свою сторону на Базельском Соборе, обещав сделать им некоторые уступки – дозволить проповедь слова Божия на народном языке и употребление чаши в причащении мирян. Знаменитый полководец и умный правитель Георг Подебрад (Гуссит) успел на некоторое время соединить Чешские партии и создать в Богемии сильное государство. Но по смерти его (1471 г.) вражда между партиями, еще более усилилась. Кроме собственно гусситских партий, в Чехии поднялось множество других мелких сект, издавна гнездившихся в этой стране от преследований католической инквизиции: катары, валденсы, лолларды, пикардн, адамиты своими нелепыми и дикими учениями волновали народ, и, смешиваясь с настоящими гусситами, утверждали в общественном мнении темное понятие о самом гусситстве. Уже в конце XV века, гусситство обессиленное внутренними раздорами и истребительными войнами, стало ослабевать. В XVI веке, когда в Германия началось сильное протестантское движение, многие гусситы пристали к нему; но другим протестантское учение, казалось несоответствующим строгости истинно-христианских воззрений. В XVII столетии в Богемии воздвигнуто было жесточайшее гонение на протестантов, и еще более на гусситов. Католицизм хитростью езуитов и усилиями австрийского правительства сделался преобладающим исповеданием в Чехии. С тех пор остатки гусситов лишь малыми партиями держались в Богемии, Моравии, Польше под именем моравских и богемских братьев. В начале XVIII столетия особенная отрасль их при содействии богатого графа Циндендорфа, пожертвовавшего все свое состояние в пользу общества, утвердила свой центр в местечке Гернгут (в Лузации), и отсюда распространилась в разные стороны под именем Гернгутеров (в России есть колония их в Саратовской губернии). Впрочем в учении нынешних гернгутеров и моравских братьев

нельзя видеть точного выражения идей Гусса; оно много раз изменялось под различными влияниями. В учении нынешних моравских братьев много следов протестанства (в учении о пресуществлении они сходятся с кальвинистами); впрочем они и значительно отличаются от всех сект протестантских, преимущественно строгою, правильною организациею своих общин, устроенных по подражанию христианским общинам первых веков, и строгостью своих нравственных воззрений.

²⁴ - После Энне Сильвее, сделавшегося папою под именем Пия II, человека весьма умного и ученого, но запятнавшего себя отступничеством от своих убеждений, который был когда-то горячим ревнителем реформы, а сделавшись папою сам стал упорнейшим защитником папского всевластия и произвола, – на престоле римском являются: Павел II, Сокст IV, Иннокентий VIII, все три открыто производившие развратную жизнь. Из них второй открыл папству новый источник доходов с публичных домов разврата в Риме, а последний, за свое нежное попечение об обогащении своих незаконных шестнадцати сыновей и дочерей прозван был римлянами в насмешку «отцом отечества». Далее следовали Александр VI из фамилии Борджиа – замечательный политический интриган и чудовище безнравственности, запятнавший себя самыми тяжкими злодеяниями кровосмешения, тайных и явных убийств, – умер от яда, приготовленного его сыном Цезарем Борджиа для отравления богатых кардиналов, которых имения нужно было взять в папскую казну. Юлий II все время управления своего провел в интригах и войнах, расточал, когда оказывалось нужным, страшные анафемы против своих политических противников; все признавали в нем более способности и призвания к предводительствованию войсками, нежели к управлению церковью. Наконец Лев X, при котором началась реформация, изящнейший, самый аристократический папа из известной фамилии Медицисов покровитель наук и искусств, только едва ли имевший какие-нибудь твердые религиозные убеждения, называвший историю Христа прибыльною для духовенства сказкою, расточавший церковные деньги без счета и всяких границ, и в следствие этого доведший симонию до

таких чрезвычайных размеров каких наконец не могли вынести подчиненные папству христианские народы.

²⁵ - Лютер знаменитый западный богослов в первый раз взял библию в руки на 20 году жизни, а его товарищ по профессорству и реформе Карлштадт на 30; и это не было исключением, а многие богословы и высшие сановники церкви совсем никогда не читали библию. Один немецкий князь епископ, которому случайно на глаза попалась библия, почитавши несколько, выразился о ней так: «я не знаю, что это за книга, только в ней слишком много противного нам». Народу же – мирянам было совсем запрещено читать библию папскими буллами; папы и западные богословы не смущались называть библию еретическою книгою и источником всевозможных ересей.

²⁶ - Славнейшими представителями германской науки были в то время Эразм роттердамский и Рейхлин. Оба они много сделали для серьезного изучения богословия главным образом тем, что возбудили внимание богословов к изучению подлинного греческого и еврейского текста священного писания, но оба же много и вредили церкви – первый своими едкими и открытыми нападками на схоластику, монашество и духовенство западное; а последний своим соблазнительным спором с монахами и богословами кельнскими из за гонения против еврейских книг, спором, оскандализировавшим кельнских богословов – пред всею Германиею.

²⁷ - Замечательнейшими из подобных произведений были сатиры ученого Эразма и рыцаря революционера Гуттева, так называемые «письма темных людей (*epistolae obscurorum virorum*)», неизвестно кем составленные во время спора Рейхлинова с кельнскими богословами, «Дурацкий корабль» Себастьяна Брандта и др. Все эти сочинения переводились на разные языки и распространялись во множестве экземпляров: много также растлевалось религиозное чувство разными католически-религиозными представлениями в роде праздника дураков, праздника ослов, святочных представлений и т. п., разрешаемыми и поощряемыми католическою церковью.

²⁸ - Сочинения поименованных нами мистических писателей до ныне пользуются большою славой на западе, как самые назидательные народные книги; они имели множество изданий. Особенно известна книга Фомы Кемпийского «о подражании Христу», переведенная на все европейские и некоторые не европейские языки, имевшая до настоящего времени 3000 изданий (после библии, говорят, самая распространенная книга в свете). Она много раз переводима была и на русский язык.

²⁹ - Этот папа особенно замечателен своею ревностью к распространению Римского влияния на востоке и введением нового, так называемого Григорианского Календаря. Впрочем, этот календарь был принят только в католических странах. Протестантские народы стали принимать его уже в XVIII столетии, а православные восточные доселе не принимают.

³⁰ - Для большего успеха в распространении римско-католической веры между язычниками, и также между христианами других исповеданий (особенно Восточными) было основано в Риме (1622 г.) папою Григорием XV особенное учреждение *congregatio propagandae fidei*, в котором изучались все известные языки, и множество молодых людей готовилось к миссионерским подвигам.

³¹ - В реакцию этой теории умеренного Галликанского католицизма, развитой Боссюэтом и другими французскими богословами, стала развиваться в римской церкви другая крайне-строгая и ревностная к интересам папства католическая теория, имевшая своим главным представителем иезуита богослова кардинала Беллярмина. Так как эта теория находила себе приверженцев преимущественно между заальпийскими итальянскими епископами, то приверженцы ее и названы ультрамонтанами (зогорцами). Партия ультрамонтанская самая не популярная в католицизме – слепо фанатическая, и до ныне, не смотря на все неблагоприятные для папства обстоятельства времени, продолжает поддерживать то высокое понятие о папской власти и те непомерные притязания папства, какие могли иметь значение, только во времена Григория VII и Иннокентия III.

³² - Иезуиты слишком легко смотрели на нравственность; они напр. учили, что всякое безнравственное дело только тогда может быть вменяемо человеку в грех, когда совершается с полным сознанием и решительным намерением, – что человек может давать ложную клятву, имея при этом на уме какую-нибудь оговорку относительно того, в чем клянется: (мысленная оговорка), что в случае какого-нибудь затруднительного и сложного нравственного вопроса всякий может избирать себе такое решение его, какое ему покажется приблизительно верным (пробабилилизм). Наконец иезуиты в теории и на практике проводили безнравственное начало, что добрая цель оправдывает и освящает всякие недобрые средства. Поэтому, согласно с смыслом их учения, самые тяжкие преступления, – ложь, обман, грабительство, тайное убийство, заговор, возмущения, цареубийство – могли считаться невинными, если совершились на пользу церкви – для славы Божией (*ad maiorem Dei gloriam*).

³³ - В древности папы носили простую епископскую митру. Папа Александр III в XII веке приказал приделать к ней царскую корону, Бонифаций VIII в начале XIV века другую корону, а один из его преемников третью; папы впрочем надевают тиару только в особенно торжественных случаях.

³⁴ - Сравни деяния Апостол, гл. XXIII ст. 11 гл. XXVIII ст. 22–81; Рим. 1 гл. 5, в, 13, 15 ст. 2Тим. 4 гл. 21 ст. Думают, что Церковь основана в Риме первоначально сотрудниками апостола Павла: потом утверждена апостолом Павлом, который поставил в ней первых епископов Лина и Анаклета; апостолу же Петру предание, и то не совсем достоверное, приписывает только поставление третьяго римского епископа Климента. Апостол Петр прибыл в Рим вероятно уже в последние годы своей жизни, никак не прежде апостола Павла, которого в первый раз, привезли туда в 61 году по Р. Хр.

³⁵ - В антиохийской церкви также в древности было предание, будто апостол Петр епископствовал там 25 лет с 38 до 63 года по Р. Хр.

³⁶ - Еще один подобный факт особенного внимания государственной власти к папам встречается в истории гораздо

ранее – в эпоху языческих императоров. В 272 году римский император Аврелиан, овладевши царством Зиновии Пальмирской, услышал, что в Антиохии между христианами происходят смуты из-за того, что бывший там епископ Павел Самосатский, за ересь и безнравственную жизнь осужденный церковным собором еще в 269 г., и после низложения церковного, пользуясь покровительством прежней царицы, не оставлял епископского места. Аврелиан, узнавши об этом, приказал это дело решить так, как присудят римский и италийские епископы, – после чего Павел Самосатский и был изгнан из епископского дома. И этот факт некоторыми римско-католическими писателями приводится в подтверждение того, что суд папы в древней церкви считался верховным. Весьма характерично для римского богословия утверждать свой основной догмат о главенстве папе на определении языческого императора. Что касается до смысла этого определения, то при беспристрастном обсуждении дела представляется весьма естественным, если Аврелиан император – язычник, конечно не знавший хорошо внутренних порядков, прав и законов христианской Церкви, определил решить возникшее между христианами на дальнем востоке дело так, как присудят представители наиболее известного правительству и ближайшего к нему христианского общества – римский и италийские епископы (не один римский, а вместе с другими италийскими епископами). Но отсюда ни сколько не следует того, будто в самой Церкви в то время суд папский признавался верховным судом, и сам папа каким-либо главою.

³⁷ - Некоторые из новых римско-католических ученых (Мелер, Ньюман, кардинал Виземан, аббат Пассалья, из самых новейших Пихлер, известный автор «Истории разделения Церквей» сознаются, что в древней христианской церкви (первых восьми веков) не было ясно выработанного признания царской идеи, – что идее папского главенства, как всякая историческая идея, имела свое постепенное развитие; в первые века христианства высказывалась она незаметно, затем до 9-го века более и более росла и развивалась, наконец в средние века в западной Церкви явилась в полном своем развитии.

Самое возникновение такого взгляда между римско-католическими учеными свидетельствует, что идее папства в самом католицизме значительно колеблется. Этот взгляд есть уже отступление от строгого католического воззрения. Для нас со стороны католических ученых важно признание, что идее папства есть только историческая, а не догматическая (в собственном смысле этого слова) идее. Она развилась вследствие известных исторических обстоятельств и следовательно вследствие других новых исторических обстоятельств может ослабеть и совершенно пасть. Эту мысль и мы признаем совершенно справедливою; только в применении даем ей гораздо более широкий смысл, нежели новейшие либеральные римско-католические ученые. Но с признанием исторического развития идеи папства, по нашему мнению, должно отрицаться догматическое значение этой идеи. Догматы веры – божественные истины, данные человечеству чрез откровение и составляющие основные начала христианства, не подчиняются условиям исторического развития в том смысле, в каком подлежат ему всякие другие идеи человеческого происхождения. Различные условия исторического развития в известной степени могут отражаться на их внешней форме, в различных способах их научного определения, раскрытия, уяснения, доказывания. Но самое содержание их остается неизменно равным себе, – при всех различных условиях исторического развития, остается таким же, каким это содержание первоначально дано божественным откровением. Догматы о Троичности Лиц в Боге или о воплощении Христовом и до ныне остаются в своей сущности таковы же, каковы они были, начиная с первых времен христианства во все века в православном мире. Ни провозглашение веры христианской господствующею при Константине Великом, ни падение западной римской империи, ни нашествие варваров на Европу, ни падение Византии, ни другие важнейшие исторические события ничего не прибавили, не убавили в содержании и смысле этих догматов. Между тем развитие папской идеи именно находилось в зависимости от таких обстоятельств, как падение западной римской империи, утверждение в Европе

новых племен и государств, возвышение Карловингской монархии, ослабление христианского востока, крестовые походы, – и от многих других обстоятельств, еще более частных, внешних и случайных. Следовательно идее папства есть действительно идее историческая т. е. человеческая, временная, переходящая, а не догматическая – Божественная, вечная, неизменяемая. Далее, относительно самого процесса развития папской идеи мы должны заметить, что в воззрениях на этот процесс мы во многом не можем согласиться даже и с такими нестрогими католическими учеными, каков напр. Пихлер. Во-первых несправедливо, что развитие папства всегда совершалось будто бы само собою, как законный исторический процесс самой церковной жизни, естественно и последовательно, без особенных усилий со стороны самого папства. Папство развивалось и укреплялось, часто опираясь на внешнюю силу, на политическое влияние, иногда при посредстве насилий, обманов, каковы лжеисидоровские декреталии, гильдебрандовские реформы, усиленная пропаганда папской идеи монашествующими и рыцарскими орденами, действия инквизиции и т. под. Далее – несправедливо то, что развитие папской идеи с первых веков христианства до 9-го века шло постоянно и постепенно, и потом с такою же постепенностью продолжалось в западной Церкви после 9-го века. В первые восемь веков, если и сказывались некоторые – так сказать – первые обнаружения папской идеи (т. е. папских стремлений к господству над церковью), то именно не постепенно, а отрывочно, временами, когда на папском престоле появлялись честолюбивые личности, или папский престол находился в каких-либо особенных, благоприятных обстоятельствах; притом подобные стремления и идеи высказывались преимущественно относительно западной Церкви, в которой издавна римская Церковь пользовалась особым уважением. С 9-го же века, а преимущественно со времени Гильдебранда, стремление к господству не над западною одною только церковью, но над всем христианским миром, сделалось постоянным преданием (потом и догматическим верованием) в римской Церкви, и стало

осуществляться на практике не только более и более прогрессивно и усиленно, но и насильственно.

³⁸ - Некоторые предполагают, что папа Григорий Великий потому только так сильно восставал против наименования вселенский, что наименование это в его время было усвоено константинопольской, а не римской кафедре; порицая в другом стремление к преобладанию в Церкви, он сам, говорят, стремился к нему, называл себя преемником апостола Петра, как первого из апостолов, и более, чем другой кто-либо из пап, сделал для возвышения римской кафедры. Последнее справедливо; едва ли кто из пап своими нравственными достоинствами и своею деятельностью способствовал столько возвышению римской кафедры, как Григорий Великий. Но чтобы он намеренно направлял свою деятельность к приобретению преобладания во всей Церкви, это едва ли можно сказать. Истинное величие возвышается само собою, когда и несколько не заботится о своем возвышении. Из писем Григория Великого к патриархам восточным – Анастасию антиохийскому и Евлогию александрийскому видно, что он и себе не желал усвоить того, что порицал в других. Когда антиохийский патриарх в письме своем назвал его вселенским папою, и употребил выражение: как вы приказали; св. Григорий в ответ на это писал: «Прошу вас удалить от моего слуха это слово: приказание. Я знаю, кто я, и кто вы; по месту вы мне братья, а по добродетели отцы... Подобных слов вы не должны писать ни мне, ни кому-либо другому... Вы называете меня вселенским папою. Прошу вас более этого не делать: ибо у вас самих отнимается то, что дается другому сверх надлежащего. Я ищу славы не в наименованиях, а в добродетелях, и не почитаю честью то, что лишает чести моих братьев. Честь для меня то, что служит честью для церкви вселенской. Честь моя непоколебимая сила моих братьев. Я тогда истинно почтен, когда каждому воздается должная честь. Когда ваша святость называет меня папою вселенским, то отнимает у себя это достоинство. Да не будет сего! Да удалятся слова, надмевающие тщеславие и оскорбляющие любовь». Григорий Великий считал для себя великою честью именоваться преемником кафедры св.

апостола Петра, но в такой же степени приписывал эту честь и патриархам: александрийскому и антиохийскому. Три кафедры – римскую, александрийскую и антиохийскую, основанные апостолом Петром, он признавал как бы за одну кафедру, и всем трем усвоял равную честь. Это ясно выражал он в письме к Евлогию, александрийскому патриарху. Такие рассуждения совершенно противоречат римско-католическому воззрению, будто папа есть исключительно преемник апостола Петра, и на этом основании, глава вселенской Церкви.

³⁹ - В доказательство того, что в восточных Церквях, без высшего средоточия церковной власти, не крепко будто бы держится единство Церкви, католические писатели нередко указывают на то, что на востоке иногда Церкви, прежде соединенные не только в догматическом веровании, но и в иерархическом управлении, потом отделялись одна от другой, из одной самостоятельной церкви образовывалось несколько самостоятельных по управлению церквей. Так например Церкви сербская и болгарская в продолжение своей истории, то находились в зависимости от константинопольской Церкви, то отделялись от нее по управлению и имели своих самостоятельных патриархов, то опять подчинялись константинопольскому патриарху. Так Церковь русская сначала находилась в зависимости от константинопольских патриархов, потом получила своих самостоятельных патриархов, наконец стала управляться святейшим синодом. Так в Церкви королевства Ново-Греческого недавно образовался свой самостоятельный Синод и т. д. Но что же из этого? Разве открытие новых патриаршеских кафедр, притом с согласия от других патриархов (в Киеве, Теряеве, Москве), или образование самостоятельных Синодов в Петербурге и Афинах можно назвать распадением единства церковного – расколом церковным, (как не редко называют на западе по неумению, или не желанию правильно понять идею единства церковного)? В русской, сербской и болгарской Церкви как во время их иерархической зависимости от константинопольского патриарха, так и во время их самостоятельного управления – содержались и содержатся одни и те же догматы веры, св. таинства, начала

нравственной жизни и управления церковного, и поддерживается нравственная братская связь с константинопольскою церковью... При начале христианства, после сошествия Св. Духа, весь христианский мир сосредоточивался в одной иерусалимской церкви. Потом открылись новые самостоятельные церкви, антиохийская, ефесская, коринфская, александрийская, римские и множество других. Разве же открытие новой церкви, образование новой самостоятельной кафедры патриаршей или епископской – было всегда распадением единства церковного – расколом в церкви?... Единство церкви состоит не в единообразии внешнего административного порядка, не в неизменности одних и тех же форм и центров управления церковного (такое единство было бы рабством и подавлением жизни, как оно и есть в римско-католической церкви), – но в единении духа – в единстве жизненных начал, в единстве благодати Божией, соединяющей всю Церковь, при самых разнообразных формах и изменениях ее внешнего иерархического строя, необходимо обусловливаемых движением исторической жизни... Что же касается до недостатка внешних способов к выражению внутреннего единства, до недостатка сношений между православными церквами находящимися в русских, турецких и австрийских владениях, об этом конечно нельзя не скорбеть; нельзя не желать, чтобы в церквах, сохраняющих внутреннее единение духа, было всегда больше и внешних связей. Но нельзя вместе с тем и не возблагодарить Бога за то, что Он дает нам сохранить наше внутреннее единство, даже и тогда, когда мы сами, по внешним обстоятельствам независимым от нас, или по собственному нашему нерадению мало поддерживаем внешнее общение с братьями нашими православными христианами других стран.

⁴⁰ - К сожалению, этот взгляд значительно распространен в нашем русском образованном обществе, и поддерживается нередко такими людьми, которые, кажется, могли бы сами иметь и другим внушать более правильные понятия о деле. Жалко и обидно бывает читать, как иные из наших самых первостепенных самостоятельных, и в тоже время самых

благонамеренных, искренно преданных интересу родной страны и церкви, литературных деятелей позволяют себе печатно употреблять выражения такого рода, что церковь русская в последние века находится в полной зависимости от государства, что церковь русская, в ее настоящем состоянии, есть государственное (или даже иногда выражаются полицейское) учреждение, – что церковь стала функцией государственной жизни, что правительство в церкви русской может сделать все, что угодно и т. под... Конечно подобные выражения употребляются только для усиления речи, им не придается строгого и точного смысла; они выходят иногда из ревности о независимости церковной, из желания видеть церковь более свободною, из негодований против всяких стеснений церковной самостоятельности.... Но зачем неточные слова, усиленные фразы, фальшивые представления дела в таком вопросе, который требует самой точной и строгой постановки? Ложное представление о деле, из каких бы благородных побуждений ни проистекало, всегда более повредит делу, а не направит его на истинный путь. Не странно ли из ревности о чести и благе русской церкви и русского народа способствовать распространению таких мнений, которые унижают честь русской церкви и русского народа, которые смущают совесть многих искренних православных русских людей, которые могут радовать самых злонамеренных врагов наших, служа как-бы с нашей же стороны подтверждением их давних клевет на русский народ, на русскую церковь, на русское правительство. Если есть что либо ненормальное, во внешнем положении Церкви и отношениях ее к государству, если что либо стеснительное и несправедливое в государственных узаконениях о церкви, лучше прямо и определенно указывать это без страсти и преувеличения; такие указания, без лишнего раздражения, несомненно принесут пользы делу гораздо более всяких преувеличенных и несправедливых, хоть бы и самых горячих и искренних, общих фраз. Церковь православная никогда не была, и по милости Божией, никогда не может быть полицейским учреждением, или функцией государственной жизни.

⁴¹ - Многие западные государи, как напр. Карл Великий, Оттон I, Оттон III, Генрих III, обращались с папами не менее властительно и произвольно, как и византийские иерархи с своими патриархами. Конечно, счастье папам было в том, что не все государи западные были, и, по особенным условиям западной политической жизни, могли быть таковы. Иначе, может быть, папы были бы еще в большей зависимости от государственной власти, чем византийские патриархи.

⁴² - До какой степени представители и поборники папской идеи способны извращать и перетолковывать в смысле своих незаконных притязаний самые высокие истины и факты евангелия, образцом этому может служить одна из речей папы Пия IX, недавно опубликованная в газетах, – именно та, которую он сказал главнокомандующему своей армии в ответ на принесенное от нее поздравление с новым годом. Вот отрывок из этой замечательной, в своем роде, речи: «Я с удовольствием принимаю поздравления моей маленькой армии. Я счастлив, видя ваше усердие в служении великому делу, на защиту которого явилось столько благородных и мужественных юношей со всех концов света. Говорят, что Господь Наш Иисус Христос и св. Петр не были властелинами мира и не имели армии, а вследствие этого и нам отказывают в наименовании монархами и в праве иметь армию. Но мы знаем из Священного Писания, что когда Спаситель находился в саду Гефсиманском, пред ним явилась толпа Гарибальдийцев того времени, спрашивая о Иисусе Назарянине. Он отвечал: «Аз есмь!» и все они пали ниц. Этим он хотел показать, что обладает силою Божественною, а ученикам, прибежавшим и нему на помощь, Он велел остановиться, потому, что Отец Его, если б только Он захотел, ниспослал бы ему легионы ангелов. Как бы то ни было Иисус Христос объявил Себя царем пред иудеями, которые (?) потому и написали об этом на трех языках на кресте... Что касается до св. Петра, преемника Иисуса Христа, он был рыбарем и не имел войска, но за то он обладал даром чудодействия, и одним словом поражал людей, подобных Анании и Сапфире... Но так как я пользуюсь только титулом монарха, не обладая даром чудотворения, то мне необходима армия, маленькая армия, для

защиты этого престола, столь же маленького самого по себе, но великого по своему громадному влиянию, и по богатству истины, которой он служит источником... Трудно представить себе более дерзкое и кощунственное применение великих фактов священной истории в устах самого последнего христианина, а не то, что в устах почтенного престарелого епископа, которого миллионы христиан считают Главою Церкви, и которого сотни богословов и епископов желали бы, в настоящее время, догматически провозгласить непогрешимым!..

⁴³ - Были еще попытки оправдать в папах соединение духовной и светской власти примерами ветхозаветной церкви; вот эти примеры, как сказано в предшествовавшей главе, не могут иметь значения в христианском мире. Наконец некоторые из католических писателей не смущались в пользу папы указывать даже на то, что и в древнем языческом мире бывали примеры соединения высшей религиозной власти с государственною. Но эти примеры конечно также мало оправдывают светскую власть пап, как и тиранства древних римских императоров, средневековую католическую инквизицию. Эти примеры указывают только на источник, из которого возникло в римской церкви стремление к мирскому преобладанию, и показывают, какой дух живет в этой церкви..

⁴⁴ - По древним правилам Церковным всякое пролитие крови, всякое насилие, совершенное служителем Церкви, подвергает его лишению сана. И в этом есть глубокий смысл. Ибо хотя Церковь не может сразу искоренить насилий, убийств, войн, кровопролитий во всем мире, но она по крайней мере не должна подтверждать и освящать их примером своих непосредственных служителей.